

М. ВЕЛЛЕР

ВЕРИТОФОБИЯ

Annotation

Название новой книги Михаила ВЕЛЛЕРА «ВЕРИТОФОБИЯ» поясняется в первых ее строках: «Ужас правды, неумение видеть правду, нежелание знать ее». Она о том, как с детства нам ловко и радостно мешают видеть мир собственными глазами и иметь собственные мысли. Это и судьба нынешнего поколения, и секреты Советского Союза, и скандальные страницы русской культуры. Автор разоблачает ложь гомосексуализма, громит политкорректность и предупреждает об апокалипсисе завтрашнего дня. Книга содержит нецензурную брань.

- [Михаил Веллер](#)
 -
 -
 - [Шо це таке](#)
 - [Структура момента: Айн момент, моменто мори!](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Лозунг детства](#)
 - [Опергруппа](#)
 - [Кубанские казаки](#)
 - [Рычаги](#)
 - [Партизаны и женщины](#)
 - [Бухарские палачи](#)
 - [Мудрец](#)
 - [Олень и мясокомбинат](#)
 - [Суворов](#)
 - [Гений и толпа](#)
 - [Ленин и мумия](#)
 - [Предварительные итоги](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Пушкин в системе ценностей](#)
 - [Куль личности](#)
 - [Магический стиль Достоевского](#)
 - [В чаще истин](#)
 - [Борьба с образом](#)
 - [Медийный образ](#)
 - [Берия](#)

- [Сталин и Троцкий — имидж](#)
- [Трафарет](#)
- [Часть третья](#)
 - [Попытка к бегству](#)
 - [Болезнь](#)
 - [Внушение: колдун и смерть](#)
 - [Надежда и авось](#)
 - [Сам кривое зеркало](#)
 - [Обратная связь](#)
 - [Шок: спастись бегством](#)
 - [Стокгольмский синдром](#)
 - [Религия как самообман](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Инстинкт и разум: желание и оценка](#)
 - [Социопсихологический аспект разума](#)
 - [Конформизм](#)
 - [Желание есть право \(правда?\)](#)
 - [Упрямство и чувство противоречия](#)
 - [Ложь как добро и правда как зло](#)
 - [Клеймо](#)
 - [Социальная адаптация и биологическая норма](#)
 - [Окно Овертона](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Правда как объясняющая сила](#)
 - [Об истине](#)
 - [Спор и смыслы](#)
 - [Демагогия](#)
 - [Философия как неопределенность](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Отступление о глупости](#)
 - [Дурак и школа](#)
 - [Бездарный нарцисс](#)
 - [Гении и сволочи](#)
 - [Честь и позор](#)
 - [Дуэль](#)
 - [Совращение](#)
 - [Толпа и правда](#)
- [Часть седьмая](#)
 - [Частная ложь и общая правда](#)

- [Идеология](#)
 - [Замполит](#)
 - [Борьба с космополитизмом](#)
 - [Госполитистория](#)
 - [Русская справедливость](#)
 - [Правда для счастья народа](#)
 - [Часть восьмая](#)
 - [Индукция и дедукция](#)
 - [Информационный кокон](#)
 - [Информация как ложь](#)
 - [Но как нужна ложь!](#)
 - [К вопросу об аспектах обмана](#)
 - [Часть девятая](#)
 - [Правда как эстетическая оценка](#)
 - [Эволюция эстетики](#)
 - [И об искусстве](#)
 - [Часть десятая](#)
 - [Карл Поппер как основатель идеологии постмодерна](#)
 - [Европейские ценности](#)
 - [Политкорректность как сакральная ложь](#)
 - [Цвета равенства](#)
 - [Женский бунт](#)
 - [Гомосексуализм](#)
 - [Исламский парадокс](#)
 - [Коллективная ответственность](#)
 - [Фашизм](#)
 - [Вера либералов](#)
 - [Свобода творить историю](#)
 - [Часть одиннадцатая](#)
 - [Почему гибнет наша цивилизация](#)
 - [Выбор будущего](#)
 - [Будущее](#)
 - [И пара штрихов к светлому завтра](#)
 - [Отречение](#)
 - [Заключение](#)
 - [Несколько простых вопросов читателю о неразделенной любви к себе и к правде](#)
-

Михаил Веллер

Веритофобия

© М. Веллер, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

«Правда — это то, что полагаю я».

Нерон

«Узнать правду и сохранить рассудок — высшее испытание для смертных».

Софокл

«Люди слишком трусливы и эгоистичны, чтобы всерьез желать знать правду».

Люк де Клапье Вовенарг

veritas — истина (лат.)

fobos — страх (греч.)

veritofobia — так можно назвать упорное нежелание и неспособность воспринимать правду, достигающее силы иррационального и полного ее отрицания и боязни.

Шо це таке

Не в том дело, что все врут. И даже не в том, что часто верят в собственную ложь. А — бегут от правды, как черт от ладана. Кричат нервно и гонят пророков на костер.

Есть боязнь темноты и высоты, замкнутых пространств и людских сборищ, инфекций и воды. Бесчисленные фобии лечат, изучают и описывают. Не лечится только глупость: во что веришь и чего сильно хочешь — то тебе и правда. И бах мордой об стену! Плачет и недоумевает.

Категорическое нежелание знать правду, искренняя неспособность понять ее, раздраженное ее отрицание — о, это история отдельная. И каждый из нас сталкивается с этой прелестью постоянно.

Как я люблю научный стиль! Веритофобия — это психологический и социопсихологический феномен. В таковом качестве он имеет огромное политическое значение — какое имел всегда, но сегодня (2017), в эпоху господства и диктата политкорректности, веритофобия крайне нуждается в выделении, углубленном внимании к себе и всестороннем изучении. Высоконравственному лицемерию Запада сегодня симметричны тоталитарная демагогия России, национальный конформизм Востока и фанатичное единомыслие Ислама.

Боязнь правды, искреннее отрицание правды, невосприимчивость к правде, глухота и слепота перед неотразимыми аргументами правды — не как фигура сознательной лжи, но как особенность сознания и подсознания — давно заслуживает осмысления.

Правда всегда имела ограничения в межчеловеческих отношениях — как императивы и табу ритуала, вежливости, традиций. Ограничения в правде всегда были необходимы в социальной иерархии стаи — где подчиненные самцы и самки выказывали вожаку и высокоранговым самцам не только знаки подчинения, но и демонстрировали преданность и любовь.

Веритофобия всегда входила в любое социальное построение — начиная от первобытной родовой стаи и кончая современным государством. Ты не смеешь говорить в лицо вышестоящим ту правду, которая повлечет за собой суровые репрессии против тебя и всей твоей семьи.

А далее вступает в ход вся корпоративная психология: ценности группы искренне становятся твоими ценностями, а истина группы — это уже и твоя истина тоже. И ты искренне отрицаешь любую информацию,

которая противоречит корпоративному мировоззрению и работает ему в ущерб.

Истина и польза, сознательный умysel и подсознательное убеждение оказываются единым целым, переходя и перерастая одно в другое совершенно неощутимо и незаметно для человека — носителя определенной информации и противника информации противоположной.

Ты не смеешь противоречить Императивам и Табу: Закон покарает, Мораль осудит, Совесть сгрызет. Ты не сам по себе, милый: ты часть своей группы.

Характерная особенность веритофобии: разум как потребность понимания отключается — и остается разум как стремление защитить свое устоявшееся мировоззрение любыми информационными спекуляциями и подтасовками. Истина выступает не как адекватная информационная модель реального объекта — но как информационная модель желания и веры, структурированных в виртуальный объект.

То есть: рациональное познание отвергается на уровне психики. Истина — это то, что мне нравится и во что я верю. В конфликте рации и эмоций гармоничного равноправия и согласия быть не может — только преобладание одного над другим: одно доминирует, другое подчиняется и следует за ним, приспосабливаясь.

Веритофобия — это разум защищает веру и гонит прочь разум, доказывающий истину. Это первичность желания и вторичность рассудка. Это победа субъекта над объектом.

Спасибо, я слышу: из задних рядов уже кричат, не могу ли я выражаться проще, без выпендрежа. Мы любим и уважаем задние ряды, мы подчеркнуто бережны к ним, ведь к концу столетия их уже не будет. Так что — да здравствует простота! (Мне такая простота нипочем бы не далась, сказала Флэннери О'Коннор.)

Структура момента: Айн момент, моментомори!

Страх и трепет, Серен Кьеркегор, экзистенциализм, вцепились на краю пропасти в вечность, мы понимаем, интеллигенты чай; а як же ж иначе. Хотя страх как беспричинное тревожное состояние есть психопатология и требует психоневропатолога и психиатра с курсом лечения, но кто есть врач против философа? клизма для оказания услуг, а мы сплошь мыслители и страдалцы. Где трусу страх — там авантюристу кайф, возбуждение к приключению, борьбе и победе.

Чудное же выражение «Праздновать труса», поддаться страху то есть. Поддался — и сразу легче! лучше! Причем без всяких усилий, без затрат. Введение всенародного Праздника труса очень сплотило бы массы на базе облегченного взаимоуважения.

Страх вообще — это тяга к стабильности. Ярчайшее проявление консерватизма. На тебя что-то лезет — а ты его отталкиваешь. Тебя куда-то тащит — а ты упираешься. Пусть все сохраняется как есть. Изменения чреватые бедой. Ну ее на фиг. Не хочу изменения, оно страшное!! Вот сейчас жить можно — а нечто как грянет, костей не соберешь. Или вариант: если я не достигну вот этой цели — конец: позор, падение, смерть.

В информационном смысле — это реакция на информацию. Негативный стресс как реакция на негативную информацию.

Из этого следует — что? Что не желая события, которое человек не может отменить или преодолеть — он предпочитает отвергнуть информацию об этом событии. Грозит крупная неприятность, где ты не в силах что-то изменить — так лучше положиться на бога и судьбу и вообще не думать и не знать о возможном. Иначе депрессия тебя разрушит, и толку не будет, и жить невозможно и уже не хочется... эх, так лучше жить спокойно, весело и продуктивно сколько уж суждено, может все еще и обойдется. Чего, такова наша психология.

Страус не сует голову в песок — это метафорический автопортрет человечества. Борьба с эсхатологией.

...Вот обычный страх — пойти к врачу как возможность узнать об опасной болезни. Ну, желание отсрочить, избежать, гнать плохие мысли, надеяться на лучшее. То есть стремиться к хорошему душевному состоянию покоя и уверенности в лучшем; все обойдется, ничего нет,

плохое не обязательно, судьбы все равно не избежать, а, проскочим, фигня, не надо думать. В принципе — стремление к позитивному эмоциональному балансу без тревог и трудов, вера в лучшее. Своего рода психогигиеническая реакция.

Страх творческого провала — и из-за этого человек с творческими наклонностями вообще никому не показывает свои творения, или даже не начинает их делать, или не выставляет на конкурсы, не желая в них проиграть. Чем плохо — так уж лучше никак.

Страх подойти к объекту любви — а вдруг он/она отвергнет, проявит равнодушие или, тем более, надсмеется.

Страх выступить перед публикой — а так ли я хорош, или интересен, не провалюсь ли, не будет ли смеха, позора, презрения, равнодушия — да соответствую ли я той роли, которую на себя беру?..

Страх подурнеть и состариться (обычно у женщин).

И так далее...

Но! Это все страх личности. Есть же страх общественный, социальный, групповой!

Страх перед сильным врагом-соседом-народом. Страх перед атомной войной. Вообще страх конца света — как в ожидании 1000 года у христиан. Страх чумы или холеры в Средние века.

Групповой страх являет себя, естественно, как сумма-система индивидуальных, солидарных, одинаково ориентированных страхов отдельных личностей. Так сказать, страх системный, проявляющийся в страхе каждой монады, но у всех монад вместе — увеличивающийся, легитимизированный, приобретающий характер объективного отношения к действительности — раз он у всех такой есть.

Так вот. Есть групповой страх перед правдой. Коллективная боязнь правды. Все общество отвергает правду, отталкивает, не хочет видеть и признать. Дискомфортна ему такая правда, очень нежелательна.

Скажем — стихийное бедствие неизбежно, спастись все равно нельзя: так лучше думать, что все обойдется, не в первый раз, гарантий беды нет.

Назовем такой страх перед правдой, боязнь правды — **ВЕРИТОФОБИЯ**.

Особенно явна веритофобия, когда у группы-общества возникает когнитивный диссонанс — то есть явная правда-скверна не соответствует убеждениям группы о правильном, хорошем, желаемом положении вещей, в котором она живет.

Вот так в Советском Союзе хрущевской эпохи люди отвергали мысль о том, что коммунизм порождает зло, а капитализм — гуманнее,

производительнее, лучше. Большинство людей верили советской пропаганде — ибо хотели ей верить. Иначе их труд, их лишения, их условия жизни лишались смысла и были обманом и несчастьем. А эта мысль человеку несносна, она ведет к депрессии, болезням, неработоспособности, ранней смерти и вообще это конец счастливой жизни.

А человек устроен в общем и среднем так: если он не может создать себе жизнь, которую полагает счастливой — то он начинает полагать счастливой ту жизнь, которую имеет. Причем искренне полагает, что счастлив — а раз полагает, то так и есть.

На биохимическом уровне счастье человека — это электрохимическая реакция нейронных групп центральной нервной системы на химические соединения, вырабатываемые гормональной системой. Субъективно воспринимается как сильная позитивная эмоция. Объем этих эмоций в течение жизни более или менее определенный, генетически заданный. Поводы к счастью условны. Лишь бы тяжких лишений и страданий не было — в негативном стрессе биохимия, естественно, меняется. А если основные потребности удовлетворены — безопасность, еда, укрытие, половой партнер, достаточный диапазон впечатлений — то счастье дворника от счастья миллиардера внутренне не отличается. Род занятий и количество миллионов не принципиальны.

Человеку необходимо счастье — чтоб работать, жить нормально, хотеть разного. И если тягость условий не убивает, не превращает вовсе в животное, а все-таки дает возможность жить и что-то делать, иметь какие-то надежды и растить детей — человек может быть счастлив и иметь психологическую мотивацию к жизни и действию, что и есть его суть.

Таким образом. Группа должна верить, что она выживет и будет успешна и счастлива. Если может что-то сделать для этого — то будет пытаться делать. Если не может — навеет себе сон золотой.

Но. И вот подошли мы к главному. В истории случаются переломные периоды.

В эти периоды группа, общество, народ, страна, цивилизация — уверовала в необходимость, правильность и благость каких-то действий, мер и взглядов. Искренне полагает, что только так будет правильно и хорошо.

А как группа верит, с чего? А лидеры, основываясь на идеях интеллектуалов, внедряют эти идеи в массы. Как реакцию на вызовы времени, на социальные катаклизмы. Как способ преодолеть несчастья и отказаться от взглядов пагубных, трагических, губительных.

Вот так после Второй Мировой войны созрел и расцвел буйным цветом современный западный гуманизм и представление о правах человека. О равенстве всех народов и групп, рас и меньшинств. Чтобы не было фашизма и расизма с их ужасами и несправедливостями.

Далее вступает логика развития социальных систем. Каковыми конкретно правят разрастающиеся бюрократические системы. Методом увеличения правил и законов, разветвлением подробностей законов и механизмов их применения. Бюрократия растет, законы и правила множатся и захватывают новые социальные пространства.

Раньше или позже начинается идеологическая дегенерация и деградация. Таков путь всех социальных систем на определенной стадии развития. Вообще любая система во Вселенной проходит все фазы цикла своего существования, впадая после пика и плато в дегенерацию, а затем в саморазрушение.

И вот уже правила и законы, правоприменение в действиях, начинают явно работать во вред системе. Явно разрушает ее.

Но! Великое «но»! Бюрократическая система уже создала и воспроизводит себя на этой именно идеологической платформе. И массы в течение десятилетий усвоили, впитали в кровь, прониклись до мозга костей этими благими идеями — гуманными и справедливыми.

И тогда рождается социальная, групповая ВЕРИТОФОБИЯ.

Общество в полном составе впадает в когнитивный диссонанс. То есть — видит одно, а понимает другое. Видит, что его действия разрушают его и ведут к гибели — но имеют в мировоззрении и потому понимают, что надо продолжать жить именно так.

Правда отвергается коллективным сознанием — и сознаниями индивидуальными. Логика против практических следствий мировоззрения, логика и элементарный здравый смысл кричат, что идем к гибели! Да, гибнуть страшно.

Но мировоззрение, система всех убеждений, суммарное представление о должном говорят коллективу и личности — нет, ерунда, мы справимся, продолжаем действовать как надо! Посмотрим на хорошие стороны и не будем акцентировать плохие.

Чем очевиднее губительная реальность — тем сильнее сложная и стройная логика социального сознания отвергает ее, вплоть до иррационального несогласия и страха признать ужасное!

И тогда правда объявляется не просто ложной, не просто вредной, но преступной! Тогда государственная машина скрывает происходящие несчастья и объясняет их чем угодно, но только не гибельностью пути.

Тогда ученые и их труды объявляются аморальными, антиобщественными, вредными. Тогда идеология начинает командовать и законом, и справедливостью, и наукой, и искусством.

Начинается тоталитарное идеологическое правление господствующей власти. Ибо социум гонит прочь от себя правду всеми способами — иначе надо признаться в том, что его жизнь, карьеры и труды не имели смысла, а это психике человеческой невыносимо.

...Вот что имеем сегодня мы на Западе. Вот что такое ВЕРИТОФОБИЯ либерал-социалистической интеллигенции. Она не в состоянии — искренне не в состоянии!! — принять ошибочность и вредоносность своей деятельности, признать свою неумность, несмотря на образование — и свою вредоносность, несмотря на благие намерения.

ВЕРИТОФОБИЯ разъедает западное общество, уничтожает культуру, губит надежды на справедливость, ведет к исчезновению народов и их культуру, оставляет коренное население стран без родины и без будущего. Ибо элита общества отрицает правду — как было всегда перед гибелью цивилизаций.

Сумеют ли честные люди заставить власть и элиту видеть правду и действовать в соответствии с правдой, а не иллюзиями и умственными конструкциями — покажут немногие предстоящие годы. Мы живем в решительное время. Самое решительное для Европы за полторы тысячи лет.

...Как-кая фигня! Мы живем вообще в самый решающий, поистине судьбоносный, лучезарный и трагический миг человеческой истории. Мы на переломе к глобальному общежитию, где будет все меньше людей и все больше машин.

Поэтому каждый, кто портит нам краткотечные и неповторимые дни нашей счастливой жизни — должен быть повешен! О, нет-нет, в хорошем смысле слова.

И поэтому вспомним о наивных днях и простых вещах, с которых все начиналось...

Часть первая

*Наши мамы склонялись над нами,
Дождаясь, чтоб мы уснули,
И морочили нас колдунами.
Обманули!..*

Лозунг детства

Я помню эту мерзлую песчаную улицу. Была ранняя весна, март, наверное. Яркое солнце уже грело в морозном воздухе. Я шел из школы домой. Ветер нес песок, и глаза секло. Улица, центральная в райцентре, называлась Лазо-Борзинская. Мы жили на станции Борзя Читинской области, в Забайкалье.

На фасаде ДОСА — ДOME офицеров Советской Армии — алел плакат. Или транспарант, я понятия не имел. В степной, одноэтажной, деревянной и земляночной Борзе было два каменных двухэтажных здания — ДОСА и Штаб армии. 6-й Гвардейской танковой армии. А я учился в первом классе. И умел читать.

На красном полотнище белыми квадратными буквами было написано: «Советская избирательная система — самая демократическая в мире».

Я понятия не имел, что такое избирательная система. Система — когда тебе пишут в дневник, что ты систематически опаздываешь на занятия. Что такое демократическая, я вообще ни сном ни духом.

Но я слышал, слышал, по радио прорывалось сквозь мальчишеские мысли и заботы: «Нерушимый блок коммунистов и беспартийных...», «избирательный участок...», «всенародное голосование...».

Что Советский Союз был лучшей, самой могучей и счастливой страной в мире, мы знали отлично. Ну и, очевидно, все советское было лучшее в мире.

Войну мы рисовали так: много красивых зеленых танков с красными звездами — и между ними горит один черный, кривой, со свастикой. А наверху — много голубых самолетов с красными звездами, и между ними — дымит один черный, кривой, со свастикой.

...Я не знал ничего, и знать не мог, об избирательных системах в других странах. Да и не задумывался — до крамольных университетских лет разочарования в советских лозунгах и идеалах. Но! Раньше, чем я получил представление о выборах и демократии — я твердо узнал, что советская избирательная система — самая демократическая в мире! Ты еще не знаешь, почему так, не знаешь, каковы другие системы, не знаешь их достоинств и недостатков, ты еще вообще ничего не знаешь! Но твердый стержень уже всажен, он вознесся и торчит несущей конструкцией в глубине твоего мировоззрения — вот так! Наша, не чья-то! Избирательная! Система, бля! Самая! Демократическая, на хрен! В мире, чтоб вы сдохли!

Мы росли и взрослели, узнавали больше — а понимали столько же. От нас ничего не зависело, мы это знали — но как-то не понимали. Частности и конкретности перед нашими глазами могли не совпадать с картиной, нарисованной мировоззрением. То есть страна самая богатая, а люди могут быть нищими — и одно другому не противоречит!.. Детали могут противоречить общей картине — но бесспорность общей картине счастья, достатка и справедливости неколебима!

О-па! Убеждение первично — знание вторично! Идеология первична — реальность вторична!

(День Выборов — отмечен в календаре, всенародное торжество, единство и счастье. А живопись соцреализма: передовые рабочие в галстуках, старики-колхозники с промытыми бородами, трудовая интеллигенция в очках и шляпах, румяные девушки — да кудри, да гармошка, да нараспашку, на избирательные участки!

А сосед-алкоголик на кухне спозаранок, с важностью и грохотом: «Сейчас выпью маленькую, пойду проголосую!..» Уб-бил бы гада.

А девушка в дверях, слезно: «Ну пожалуйста, пока вы не проголосуете, меня там домой не отпустят, ну сходите, чего вам стоит...»

Но не будем забегать вперед.)

...Лет пятнадцать я прожил, взрослея, со знанием и убеждением, что советская избирательная система — самая демократическая в мире. Ничего не знал, ничего не понимал, ничего не пытался осмыслить — но мнение имел! И убежден был до самой глубины души.

На всю жизнь я запомнил этот первый осознанный, зафиксированный сознанием случай внушения идеологии. Вкладывания идеологемы в неокрепшие мозги. Мозги твердеют, засыхают, деревенеют и каменеют, теряют пластичность и делаются неспособны к восприятию чего-либо нового. А имплантированная установка живет внутри них и формирует вокруг себя картину понятий о мире.

Мозги большинства твердеют, не созрев. В массе люди нуждаются в готовых унифицированных установках. Это социальный инстинкт. Чтобы жить в ладу с окружающими и делать общее дело, вести общий образ жизни, верить в свою правоту.

Почему я возвращаюсь к этому невинному массовому лозунгу моего детства? Потому что это был первый явный случай несовпадения лозунга и жизни. Ибо избирательная система была — наглая ложь, стопроцентная фальсификация, отсутствие какого-либо выбора: стадо под конвоем исполняло лицемерный ритуал. Диктатура Партии коммунистов, а точнее — диктатура высшей партийной бюрократии, узкой группы внутри

Политбюро ЦК КПСС. Крепостные крестьяне-колхозники, нищие работяги и интеллигенты, тонкий слой интеллигентской и рабочей аристократии — шахтеры, профессора, знаменитые и лояльные режиму писатели. Госплан на все — от выпуска презервативов до фасона рубашек на пятилетку. И ничего от тебя не зависит, ничего не можешь изменить, а за инициативу бьют. И опускаешь бюллетень с единственной фамилией, вставленной единой и диктаторствующей Партией.

Но ритуал превращен пропагандой в праздник, музыка, дефицитное пиво на избирательных участках, а ты — хозяин, а ты — веришь! Вопреки глазам, мозгам, знакомым и жизненному опыту.

Веришь вопреки уму и глазам. Это важно. Это — сила вбитой идеологии.

Опергруппа

А вот студент Ленинградского Университета в возрасте максимально высокого мнения о своем уме и образованности. Правда, в данном случае ум и образование излишни — едем в стройотряд, на Мангышлак, работать исключительно руками и жариться в пустыне.

Студенческий эшелон. Двадцать плацкартных вагонов по шестьдесят человек и один купейный — штабной, в середине. Кондиционеров еще нет, но окна открываются, вращение ручки поднимает верхнюю часть стекла в паз стенки, и ветра шумят по вагонам. Колеса стучат, мазут пахнет, степь несется назад — все как положено.

Мы — едем в купе штабного вагона. Хотя это наша первая стройка, и никаких должностей у нас нет. Мы — это два филолога и два историка, все после первого курса, девятнадцать лет. За стенкой — командир и комиссар эшелона, районный врач, областной мастер, все или старики (курс пятый), или освобожденные (профессиональные комсомольские работники).

Мы — опергруппа. На рукаве серой формяги типа африканского корпуса Роммеля — красные повязки. Собрали по принципу «кто под руку подвернулся и вид имел». В наши обязанности входит поддержание порядка в эшелоне и доведение приказов руководства до личного состава.

Раз в час мы смотрим на часы — «Пора!» — и, разбившись на две пары, обходим эшелон в нос и хвост. Тамбурные двери хлопают, переходные мостики гремят. Размяклый полуголый народ смотрит неприязненно и в спину иногда называют псами. Это звучит признанием, почти комплиментом.

Мы наблюдаем строго и ответственно.

Изредка видим след выпивки: бутылок нет, но прочий антураж налицо и глаза с красных рож блестят характерно. И наше карательное выражение дает им понять, что можем уличить и покарать. В стройотрядах сухой закон, за нарушение отчисляют, а это может повлечь за собой (пугали нас) и академические неприятности.

И вот мы возвращаемся в свой штабной и закуриваем в коридоре у окна. Проходит командир эшелона — лет тридцати, небольшой и жилистый блондин с манерами бывшего хулигана. Убедительный командир.

И этот убедительный командир спрашивает:

— А куда это, ребята, — спрашивает, — вы все время ходите?

Мы объясняем, что ходим следить за порядком в эшелоне.

А это как? Это — за чем следить?

За соблюдением сухого закона. Ну, чтоб драка не возникла. И чтоб не сидели на ступеньках в открытых дверях тамбуров — это запрещено.

Часто проходите?

Каждый час.

А это кто вам распоряжение дал — чтобы раз и в час?

Мы сами. Установили. Для распорядка.

Много нарушений выявили, пресекли?

Ну, пока не одного. Отвечаем ему с достоинством и ждем сдержанной похвалы за инициативу и примерное исполнение обязанностей.

А командир хмыкнул, хэкнул, подбородком дернул, —

— Сидите, — говорит, — на месте. Не дергайтесь.

Мы говорим: так а делать чего?

А чего делать вам скажут, когда нужно будет.

И пошел.

Мы, натурально, задумались. С одной стороны, мы хотели как лучше. С другой стороны, вроде неудобно ехать в комфортном купе при штабе на правах аристократии и ни хрена не делать: надо же как-то свою должность оправдать! С третьей стороны, груз с плеч свалился — нам это барражирование осточертело — можно отдыхать спокойно.

Да, кстати — на обратном пути мы, уже в общем вагоне с народом, внаглую таранили пузыри прямо из станционного буфета и пускали по кругу — и ничего! И отлично себя чувствовали! А если мимо шло начальство — убирали бутыль за спину и смотрели радостно, а начальство делало строгие глазки и ухмылялось. Ну, выпьет студент — так это ж закон природы.

...И вот прошло полвека, а я помню, как жестко указывал буховатому студизусу, что имею право снять его с эшелона, а он виновато оправдывался, а я был суров в честном сознании своего долга и права. Вы понимаете? Я над ним не глумился — я был убежден в правильности и необходимости своих действий, иначе нельзя, а как же, есть порядок, правила, приказ, и я должен соблюдать и следить!

Я был — член опергруппы, и моя правда была — правда опергруппы. А другая правда была неправдой. И все тут.

...Но мало того — мало того! Через полгода разразилось факультетское собрание стройкома, голосовали вопрос: после первого курса на дальнюю стройку не направлять, а только на ближнюю. А на дальнюю — уже после первой стройки, заслужив право на героическую романтику. И мы — второкурсники с рельсой на лацканах за Студенческую

транспортную стройку на далеком Мангышлаке — дружно поддерживали! Да! Не фиг сразу на дальнюю! Ишь захотели. Пусть сначала в Ленобласти болота поосушают. А уж потом — можно туда, где мы.

То есть: когда сами мы первокурсниками записывались на Мангышлак — слухи об обязательности первой ближней стройки вызывали у нас ярость! Но мы проскочили. И теперь — сами убежденно загоняли первокурсников пригородные болота.

Да — закон трамвая, своя рубашка ближе к телу, сытый голодного не разумеет — но тут все чуть сложнее!.. Мы не были карьеристы, мы не были эгоисты и сволочи, ну, жизнь показала. Наше убеждение, что надо потерпеть ближнюю стройку — чтоб получить право на дальнюю — было абсолютно искренним! И парадоксальным образом даже не собиралось сочетаться с нашим же мнением о нашей ситуации полгода назад. Мысль о **несправедливости** нашего решения искренне не приходила нам в голову, вот в чем фокус!

...Через сорок лет я приду к выводу о корпоративности искреннего мировоззрения. Но мы опять забегаем.

Кубанские казаки

Это ж был фильмец! Мы его берем как ярчайший пример раздваивания реальности.

Председатель колхоза — красавец. Председатель соседнего колхоза — красавица. Они ездят на красивых, резвых, упитанных лошадях. Хорошо одетые колхозники живут в нарядных домах. На ярмарку едут в шелковых сорочках. Ярмарка ломится от изобилия продовольственных и промышленных товаров. Для сельского клуба председатель покупает рояль. Любовь двух председателей украшает колхозную жизнь. Грусть светла, а радость брызжет. На фоне золотых нив и зеленых садов. Эх, хорошо в стране советской жить!.. (была такая песня)

Тут нет ни одного пьяного, ни одного нищего, ни одного инвалида, и ни одного голодного тоже нет. Никто не ругается, особенно матом.

Рукоприкладство отсутствует. Никого ни за что не сажают — а не за что и некому.

Фантаст Ефремов Иван Антонович с его коммунистическими утопиями — скудоумный графоман против социалистического реализма народного режиссера Ивана Пырьева (ни дна ему ни покрывки). Тьфу на вашу «Туманность Андромеды» против фантастического советского счастья.

Фильма сия создавалась великим народным гением в 1948 году. Это — что? Это — когда? Это после великого послевоенного голода 1946–47 годов. Это когда массовая дистрофия крестьян, когда полтора миллиона умерших от голода, случаи каннибализма и безнадежных бунтов против властей.

Но задача искусства — показать действительность с нужной, партийной точки зрения. «Лакировка действительности», «конфликт между хорошим и отличным» — это все формулировки некогда знаменитые, расхожие. Нас интересует другое — примечательное, характерное, удивительное:

Социальная шизофрения удивляет нас. Вернее даже социопсихологическая. То есть: человек одновременно наблюдает два разных изображения одной и той же реальности — и обоим верит! И они никак не конфликтуют в его мозгу, не вытесняют друг друга. Нет психологической сшибки, нет когнитивного диссонанса.

Упрощаю: на клетке со слоном написано буйвол — и зритель этого

зоопарка верит и тому, и другому. Несовпадение надписи содержимому его ничуть не смущает. О как! Он отлично существует в этой двоящейся действительности.

...Итак, советский человек образца 1949 года видел кругом одну реальность, а в кино — другую реальность, и совмещал их простейшим способом. То, что он видит лично вокруг себя — это частность, а в кино — общая типичная картина жизни. Частность может быть противна, неправильна и нежелательна — но она отнюдь не опровергает общей картины жизни. Сосед пьяница и дебошир — но вообще люди хорошие. На работе бардак — но в киножурнале «Новости дня» показывают многие предприятия — и везде порядок, чистота и производительность труда. Черт возьми, у человека может быть понос с метиоризмом, но вообще он звучит ведь гордо, ведь царь природы, плюс ум и благородство.

Между частным, плохим, очевидным — и хорошим, общим, транслируемым — человек выбирает второе.

Во-первых, кино подкреплено авторитетом умных, образованных, ответственных людей. У них ордена, их показывают в Кремле, о них пишут газеты. Их фильмы показывают по всей стране. Уж наверно они лучше знают, что к чему в жизни.

Во-вторых, это очень хорошо — то, что в кино происходит. И люди красивые, и жизнь хорошая, и страданий нет, нет бедности и болезней. Такая жизнь конечно нравится. Такой жизнью пожить никто бы не отказался. И, тем более, все они работают, трудятся, благосостояние их заслуженное, честное, и ничего ведь там невозможного нет — так ведь все и должно быть, так нам и на политинформации говорят, и начальство, и лекторы.

Желание хорошей жизни. Рождающее веру в возможность хорошей жизни. Да когда тебе показывают эту хорошую жизнь таких же людей, как ты. И твоя вера подкрепляется авторитетами. И бесконечные газеты твердят: так и есть!

Это создает эффект наведенного мировосприятия.

Ты воспринимаешь как главное не свой мир, что сам видишь и касаешься, небольшую сферу, в которой реально живешь — а мир общий, огромный, почти весь далекий и невидимый тебе, потому что такой огромный. Этот огромный мир показывают тебе умные люди, которым все верят и которые многого добились в жизни.

...И свою многотрудную жизнь советский человек воспринимал как частность, кучку отдельных недостатков, нормальные и не смертельные жизненные препятствия. А вот устройство всей страны, жизнь всего народа

— это была зона справедливости, устроенности, совести и ума. Работящести и зажиточности.

И человек клял начальство и безруких работяг, качество товаров и план по валу — но за нашу советскую родину, самую справедливую и гуманную, честную и добрую — готов был грызть глотку и проливать кровь.

Человек совершенно искренне видит одно — а понимает другое. Сталкивается с одним — а верит в другое.

Иллюзия сплошь и рядом важнее очевидности. В своих суждениях и оценках человек чаще руководствуется наведенной иллюзией, нежели очевидной картиной.

...Так что жили в бедности и голоде — но знали, что это только здесь, ну еще в нескольких местах, но вообще, в главном — та счастливая жизнь «Кубанских казаков» важнее, повсеместнее, правильнее — и по большому счету реальнее наших частных страданий.

Рычаги

Простенький рассказ среднего советского прозаика Александра Яшина прославился. Дело в начале хрущевских времен было, эпоха XX Съезда КПСС — разоблачим кровавого Сталина и продолжим строить социализм с человеческим лицом.

Сидят в избе-развалюхе четыре мужика. Председатель, стало быть, колхоза этого, нищего, как все крестьянство страны, животновод, кладовщик и бригадир: местное правление. Надымили сигарками с самосадом и сетуют, что хозяйство организовано плохо, а начальство руководит сверху неумно.

А потом — р-раз: это они начинают партийное собрание! И нормальные адекватные мужики словно переключают внутренний регистр: несут официальную демагогию и всерьез предлагают всякую фигню, чтоб какие-то высосанные из пальца и из воздуха премии, штрафы, социалистические соревнования и прочая муть отразили линию районного руководства. Чтобы их партийные отчеты в райком соответствовали намеченным партией процессам в стране.

И у людей вдруг меняется словарь, выражения лиц, даже тембр и интонации голоса меняются. Хоп! — и люди повернулись другой стороной своей сущности.

Фиговатый рассказ очень силен именно резким сопоставлением двух социальных ролей одного и то же человека: вот он как крестьянин на своей (хоть и советской) земле, работник с человеческими заботами — и вот он как единица Коммунистической Партии, и претворяет в жизнь политику родной партии. Человек как личность — и как винтик бюрократической машины.

Вот такие «Рычаги» написал Яшин, а больше ведь о нем и вспомнить нечего.

Поразительно не то, что в человеке совмещаются две социальные роли — в человеке и больше совмещается. Отец, сын, муж, друг, работник, патриот, болельщик, охотник и бытовой пьяница — прекрасной души человек, знакомьтесь, это ваш новый сосед. И не то удивляет, что две социальные роли противоречат друг другу — страдающий от идиотизма власти крестьянин и верный исполнитель приказов этой власти. Человек — животное политическое, а значит подневольное. Как индивидуум хочет одного — а как член социума делает другое. Об этом социально-

психологическом дуализме мы еще много говорить будем. Вот эсэсовец любит детей — а работает в концлагере. Вот любитель природы — валит лес: на жизнь зарабатывает.

Главное здесь — что как только человек воплощается в одну социальную роль — другая перестает для него существовать. Он не шизофреник, раздвоением личности страдать не способен. Или он заезженный донельзя Советской Властью крестьянин — или он проводник идей Советской Власти и ее функционер. По очереди! Но не одновременно, не в один и тот же миг.

И когда он крестьянин — он осуждает некомпетентного и черствого функционера-начальника, не вникающего в труд и нужды крестьянин. Но когда он сам функционер — он абсолютно чужд смыслу и заботам реальной (его же собственной!!!) крестьянской жизни.

Из этого можно сделать вывод. Важнейший вывод! — и очень просто выглядящий:

Человек одновременно может придерживаться только одной системы взглядов, каковая система взглядов присуща его социальной роли на этот момент.

И интереснейшее следствие из этого вывода:

Человек способен абсолютно искренне менять свои взгляды в зависимости от смены своей социальной роли.

И тут вдруг у меня из-за плеча высовывается коллега — филолог-русист-фольклорист и кричит, тыча обличительным перстом:

— Сытый голодного не разумеет!

И мы должны с ним согласиться: да, народ это всегда знал, не углубляясь в теорию социальной психологии. На своей шкуре веками испытывает.

Вообще русский человек постоянно страдает от произвола чиновников. Об этом много писали, и Пушкин еще писал, а уж Салтыков-Щедрин как припечатывал. Но горе в другом даже, в другом секрет этого горя вечного! А в том, что как только страдающий русский садится в кресло чиновника — он волшебным образом преобразается: жертва дракона превращается в дракона. Вчерашний страдалец начинает тиранить просителей, а они страдают, и ничего в принципе не меняется. И дело здесь не в короткой памяти и не сволочном характере, а в том, что в комедии жизни он сменил амплуа — и характер роли вместе с ним. А комедия в России отличается тем, что на власть управы нет — так чего не куражиться.

Или еще иначе можно сказать:

Бытие определяет сознание.

То есть: кто ты есть — так ты и думаешь. Сменится твоё бытие — сменится и сознание, будь спок.

Правда бесправного просителя и правда все сильного чиновника — это две разные правды. И одна правда отторгает другую — мгновенно, в принципе, это как переход в другое измерение, в другую систему понятий и ценностей. Щелк — и переключилось.

Партизаны и женщины

Пардон за обман. Это не те партизаны, которые по лесам железные дороги подрывают и склады жгут. Эти «партизаны» — офицеры запаса, получившие когда-то звание после военной кафедры своего вполне гражданского вуза. Их раз в несколько лет норовили дернуть на двухмесячные офицерские сборы. Некоторым это нравилось: зарплата сохраняется, от семьи отдохнешь, игра в войну не всерьез, чего не развлечься.

Итак. Карелия. Лес, озеро, гарнизон. Небо, солнце: август. Курилка — бочка вкопана меж трех скамеек. Взвод курит: сорок рыл тридцатилетних ленинградцев. Лейтенанты, вашу мать. Только что автобус привез и выгрузил, только что в формягу переодели, х/б летнее офицерское полевое, и вот курим, анекдоты травим и гогочем подчеркнуто тупо. Вживаемся.

Забор, казарма, плац, дорожка — территория.

И — по этой дорожке идет женщина. Появилась из двери штаба, и мы видим ее сбоку и удаляющуюся со спины. Лет тридцати. Приятно полноватая при всех обводах. И на солнце сарафанчик ее слегка просвечивает — в рамках приличий.

И вдруг взвод, не сговариваясь, поворачивает головы и дружно тянет вслед: «У-у-у-у!..» Как голодные петеушники. Как зэки из тайги. Как голодные зимовщики с острова. Такой хамовато-комплиментарный вой, такая смесь глумления с неприличным намеком.

Слушайте! Еще обед не наступил — сегодня утром все встали с постели со своими законными, временными или случайными подругами. Женатые, приличные, трудящиеся, несудимые. Культурные все по самое не могу, инженеры и научные сотрудники. Сугубо штатские. Чего завыли вслед бабе, как придурки?.. Тридцатилетние папаши.

А — переключились. Сменили социальную роль. Вчерашние солдаты и курсанты. Снова в армии. Х/б, курилка, забор со звездами, отдание чести: сплошь мужской коллектив. А что есть главнейшая ценность гарнизонного воина? Баба! Первая строчка приоритетной шкалы. Водка — уже вторая. Так как же не возбудиться, не приветствовать, не позиционировать себя эдаким половым разгильдеем.

И мы чувствовали себя так, что это даже не невинная шалость — а нормальная реакция, естественное приветствие, одобрили женщину, и что.

Мы выходим за забор — через пятьсот метров Выборг. Там на улице

нам в голову не приходит улюлюкать вслед девушкам. Не говоря о Ленинграде. Дикари-то мы дикари, но в географии разбираемся.

Ну, смена социальной роли — смена точки зрения, смена поведенческого стереотипа, смена шкалы ценностей — это, в общем, понятно. Мы, взрослые мужчины, могли в столовой устроить бенц повару или дежурному по кухне, если нам недодали грошового черствого печенья, переварили макароны, неровно нарезали масло. Поводы для реакций были неразлично мелки с точки зрения свободного человека — но солдаты и зэки нас поймут.

Важнее и характернее другое. Эта средней привлекательности женщина возбудила нас. Неожиданная среди военного гарнизона (хотя вольнонаемных везде хватает). По контрасту среди толпы в форме — особенно женщина, женщина в энной степени: особенная, единственная, не такая как все остальные люди здесь. У нее все женское, больше этого ни у кого здесь нет: это сильно выделяется, контрастирует, подчеркивается — возбуждает.

А вот идет она в Выборге по тротуару — не выделяется и не возбуждает; ну, не больше обычного.

...То есть. Не только мировоззрение. Не только правда как картина жизни и действий в этой жизни. Может меняться в зависимости от обстоятельств субъекта. Но. На биологическом уровне, инстинктивном, на уровне базового из инстинктов — полового — оценка объекта и отношение к объекту может меняться. И здесь не та смена условий, что ты месяц не ел и импотентен, или приговорен к смерти и не до баб. Нет, все куда мягче и проще. Зрение воспринимает эту женщину как единственный возможный объект сексуального влечения в радиусе видимости, и что главнее — в радиусе принципиальной социальной досягаемости. И среди множества людей она — единственный представитель этого пола.

Ты видишь ее в Выборге — и ничего особенного. Видишь в гарнизоне — и аж глазки закатываются.

...Можно, конечно, обмануть и половой инстинкт. Но все-таки его уговорить сменить влечение гораздо труднее. А акт размножения — первейший приоритет организма. И если уж здесь смена обстоятельств способна повлиять на «точку зрения организма» и «мировоззрение полового инстинкта» — так что? Так даже наше чувство регулируется различием условий. Ну, в известной степени регулируется.

Бухарские палачи

Советской литературе эпохи Гражданской войны и следующего десятилетия вообще был свойствен экспрессивный реализм, переходящий в жесткий натурализм. Таким образом, повесть основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни «Бухарские палачи» вполне впечатляла деталями. С подробностями книга.

Поздно вечером, после работы, усталые палачи сидят у костерка: пьют чай и отдыхают. Обычные рабочие люди со своими заботами. О делах говорят, случаи разные обсуждают и высказывают мнения. Работы много, она тяжелая и не слишком приятная, а платят ведь мало. Власть сейчас отправляет на казнь людей больше обычного, и нагрузки возросли. А ведь некоторые виды казни хлопотны, требуют больше времени и труда. Да и людей в общем иногда стоит пожалеть, их можно убивать легче, зачем зря столько мучений. И канавка для стока крови мала, и веревки гниловаты, и на арбах для вывоза экономят, мало их, жди пока обернутся — и снова трупы грузи, майся всю ночь.

И здоровье не очень, и не вознаграждают по заслугам, и куда вообще жизнь идет, нелегка наша доля.

Заметьте — это задолго до концлагерей СС, и уж это ни в коем случае не про расстрельные подвалы ЧК, откуда сотрудников нередко отправляли в психушку лечить нервы.

Айни был неплохой писатель. И палачам его вдруг начинаешь сочувствовать — проникаешься. Усталые работяги, по-своему добрые и неглупые.

Человек при деле — превращается в профессионала и отчуждается от сути и смысла своего дела. Это нормальная часть его человеческой жизни. Он видит свою работу изнутри сферы своего существования, где и работа эта расположена. Ему что дрова колоть, что людей рубить.

...Видите ли. Дело есть важнейшая часть человека. Человек существует для действия, для дела, такова его функция в мире, такова его сущность. И когда он начинает заниматься делом — его пластичное сознание пристраивается к этому делу, прилипает, льнет, формирует себя по всем бугоркам и впадинам этого дела.

Сознание человека едино с функцией этого человека в окружающей среде. Действие кормит тело, в котором генерируется сознание. А сознание планирует оптимальнейший способ действия этого тела.

Поэтому сознание жертвы и охотника — два разных сознания, хотя планируют они весьма близкие способы действий. Но — с двух разных точек зрения, с двух разных жизненных установок планируют. И две особи, два носителя этих сознаний — ненавидят друг друга в антагонистическом противоречии: правда одного не сдохнуть без добычи от голода — и правда другого не сдохнуть на зубах охотника.

А вы говорите: диалектика приро-оды, сытый голодного не разуме-ет, гусь свинье не товарищ.

Волк и заяц живут в двух разных мирах. Им понять друг друга — значит сдохнуть. Ибо правда одного — это смерть для другого. Что и происходит при столкновении их миров.

Поэтому «неудобный» казнимый, слишком живучий или наоборот, слишком слабый и преждевременно умерший — искреннее огорчение и лишние переживания для палача. Который просто старается качественно и с минимальными собственными затратами энергии выполнить свою работу, каковая есть важнейшая часть его собственной жизни, единственной и драгоценной.

...Моя правда, то есть мое мировоззрение, задано моей ролью в мире, моей функцией в мире, моим местом и задачей в сложной социальной конструкции общества.

Я есть то, что я делаю. Из этого следует, что. Я есть то, что я думаю — в заданности интересов, пользы и необходимости моего дела.

Мудрец

Вот поэтому былинный мудрец, мудрец из эпосов и сказаний — удален от всего, что может отвлечь его мысли, повлиять на его мировоззрение. От людей он удален топографически, расстоянием, жить ему предпочтительнее отшельником — в скиту, шалаше, пещере, горной хижине или лесной избушке. От страстей старец удален возрастом, аскетическими потребностями и седой бородой. От дел удален бездельным созерцанием и размышлением. От человеческих привязанностей удален одиночеством, отсутствием семьи.

Собственно, у мудреца нет даже родины. Он не патриот. Он на этой земле — как частица мыслящей природы, он принадлежит всей земле как воздух, вода, листва.

Он — равноудален от всех людей, групп и интересов. Эта равноудаленность — залог свободной объективности его правды, его мировоззрения. Из своего одиночества и незаинтересованности ни в чем — он один может сопоставлять все точки зрения, нужды и интересы объективно, взвешивая их значимость для отдельных людей и людских групп.

Мудрец соотносит все объекты с единой моралью и единой этикой. У него нет личных и групповых предпочтений, его суждение ведет гармония мира, справедливость и добро для всех.

Равноудаленность и отсутствие страстей и интересов рождает объективность — что значит: все объекты анализируются и оцениваются в единой и равной на всем пространстве системе координат. Эта система координат не стягивается гуще к какой-то точке, растягиваясь на периферии, как бывает у заинтересованного человека, который неизбежно тянет истину мира на себя.

Но люди склонны к конфликтам, это качество имманентное — что делать? Тогда мудрец подобен священнику или врачу — понимает всех и сочувствует всем, ибо несовершенен мир и человек несовершенен.

Но. Весы Господа Бога никогда не застывают в равновесии. И мудрец приемлет победу правых и смерть виновных, если таковые определимы из точки всеобщего равновесия.

Ибо Мир есть движение, и жизнь есть движение, и сам мудрец, при всей своей невозмутимости — тоже существует в движении.

Для зоолога может быть справедливость во взаимоотношениях зайцев

и волков — но для зайцев выкладки зоолога не справедливость!..

Мир может быть справедлив в целом — но отношения отдельных групп и индивидуумов в заданных Природой условиях существования — справедливыми не являются. И более того — справедливыми быть не могут! Вот такова доля наша.

Мудрец видит и приемлет все истины — ибо не имеет личного интереса до этой жизни. Он существует в гармонии с пространством и Богом — равно соучаствуя в любой судьбе и приемля ее. Понять все может лишь тот, кто не добивается ничего.

Мудрец — это аналитическая гиперспособность мозга, ибо он заведомо отказался от любого практического вывода, бесконечно анализируя со всех сторон.

Олень и мясокомбинат

Первый и последний раз был я в убойном цеху мясокомбината, когда после многомесячного перегона из Монголии по алтайским горам пришли мы со скотом в Бийск, где и сдали гурт под фактуру по счету и общим весом. И проследив, как с весовой площадки наши сарлыки и бараны пошли по коридору в ворота приемки, кинули им вслед свои кнуты, закурили, и решили для начала отдыха поглядеть, как там выглядит мясокомбинат, конечная точка наших трудов и маяты, изнутри.

Мы были привычны класть барана на бок и отрезать ему голову кухонным ножом, как горбушку от батона. Но тут мы сомлели.

Огромное серо-бетонное пространство, далеко вверху потолок, огромные пыльные окна в разбежавшихся стенах. И — работа.

На конвейере — подвешенной на высоте глаз цепи с зажимами — плыли бесконечной чередой куры, подвешенные вверх ногой. Вместо голов внизу у кур капало с красных обрубков шей.

На другой ленте, потолще, точно так же плыли вверх ногами бараны, только что живые, уже без голов, отсеченных вот над тем переполненным головами лотком.

А на третьей ленте, высокой и мощной, медленно ехали, тоже свисая еще имеющимися головами вниз, оглушенные током коровы. На помосте внизу перед ними стояли два бойца в грязно-бело-серых окровавленных халатах и с длинными ножами в руках. То и дело окуная ножи в бочку с водой смыть кровь, они вонзали острейшие мясницкие ножи корове глубоко в основание шеи и делали длинный разрез вдоль всего горла до самой челюсти. Из полуметрового раскрывающегося разреза выплескивался водопад черной крови, и конвейер передвигался дальше.

Пол был в потоках крови, она постоянно смывалась водой в решетки. Запах подавлял сознание.

Мы вышли, матерясь скупно и сдавленно.

— Да ну его на хрен такую работу — сказали мы, отдышавшись на воздухе и закулив — Хрен ли, что в городе. Уж лучше в горах, на воле, нормально, без этой хреноты. Ну так что — в палатке поспать. Плохо, что ли? Идешь, на коне едешь, чай варишь, человеческая жизнь. И как они тут пашут?

Так это я только к тому, что мы обсудили еще один нас впечатливший момент. Там за столиком у окна несколько девушек сидело, на птичьем

участке. Молоденькие, веселые, в сравнительно чистых халатах — пили чай и ели бутерброды. И щебетали. На этом месте обсуждения мы пришли в магазин, взяли по полбанки на рыло без закуси (есть никто не хотел) и вынесли свое суждение:

Ко всему, сука, человек привыкает. Поначалу, поди, страшно им было, тошнило, коленки дрожали. А потом привыкли, конечно. А чего — работа, подруги, зарплата, да кругом все такое же делают, а коллектив нормальный, и о семье девкам думать надо, да залетел кто-то обязательно, и одеться хорошо охота — жизнь, в общем. Ко всему привыкнешь. Нам-то поначалу тоже в горах неуютно было. Холодно, мокро, барана долбаного через притор не протолкнешь. А потом втянулись — и ништяк, отлично жили, ребята, ничего трудного. Ну — за то, что хорошо дошли!

И вообще: мясо есть любишь? — а кто в убойном цеху работать будет?

...Через пять лет я работал на промысловой охоте в тундре. А летом полярным коротким идет сезонный отстрел дикого северного оленя — тогда его на Таймыре много было. Говорили, что оленина по высоким ценам идет на экспорт во Францию — диетическое мясо, экологически чистое и нежирное.

Набитых оленей бригада должна сразу освежевать и туши повесить под навес, а ливер отдельно в ящики; шкуры пересыпать солью и сложить в стопки; все подготовить к вывозу вертолетом. Иначе испортится.

Голова отдельно, рога у быков вырубить отдельно, языки вырезать и сложить отдельно, брюхо взрезать и вынутые кишки выбросить в вырытую яму, камус с ног снять, шкуру ободрать и так далее — ну, процесс. Для головы — топор, на остальное — небольшой нож.

И когда в первый раз ты это делаешь — подавляешь тошноту и внутреннюю дрожь. Страшновато, жутковато, противно и не хочется. А куда денешься? Назвался груздем — полезай в кузов. Рядом бригада, и никто удовольствия от этого занятия не испытывает. А молотят! Олень пошел — лови день!

Через две недели — эмоций ноль. Тяжелая работа. Лимфа разъедает малейшую царапину на руках. Поясница болит — внагиб работаешь потный на ветру. И сноровисто так молотишь — раз! раз! раз! следующий.

И вдруг в какой-то момент, когда мы разогнулись перекурить, я поймал себя на страшноватой мысли. Что сейчас, поднаторев и втянувшийся — я мог бы точно так же разделать человека, причем живого. Под шею подложить чурочку, подвинув ее за специально вбитую скобу. Стукнуть по шее топором, голову отложить в сторону. Зажав меж двух пальцев кончик ножа, вскрыть брюхо и выпотрошить. Рассекая лезвием связки, по

локтевым и коленным суставам отделить конечности. И никаких эмоций.

Вдруг я понял работу палача. Топор, плаха, туша, ничего особенного.

Других не спрашивал, не знаю. Такие мысли от себя нормальный человек гонит. И я гоню, а память хранит.

Не думаю, что я особенный. Может, воображение почувствительнее. Работа-то была вполне даже обычная.

После того сезона я завязал с охотой. Любой. Зачем же их убивать. Ты его можешь — а он тебя нет. И жизнь твоя от этого прокорма не зависит.

А еще помню краткую злобу, с которой один из наших ругал мертвого олененка, если нож уже тупился или провел им не там. Он его убил — и он же его ненавидит. Ну, чтобы дело и чувство соответствовали друг другу.

...Вот эти девочки с бутербродами в убойном цеху, ни разу не садистки, вот это чувство палача над разделанным оленем — они как раз иллюстрируют очень наглядно, как не только мировоззрение человека определяется его образом жизни, социальной ролью и корпоративными ценностями — но даже его мироощущение, его эмоциональный комплекс как реакция на внешнюю информацию — зависят от дела, которым человек занимается, от его группы и цели.

Готов повторить: человек есть приложение к его делу. И его мировоззрение — информационное обеспечение психического здоровья, цельности личности, что необходимо для эффективного функционирования при выполнении дела.

Твоя жизненная задача — это и есть ты.

(Р. С. Когда Ханна Арендт в «Банальности зла» описывает будничную деятельность и житейские мотивы функционеров гитлеровской машины уничтожения — она лишь честна и добросовестна: но эта добросовестная честность была воспринята общественностью, полагавшей идеал гуманизма сущностью человека, — была воспринята как философское откровение. Элементарную правду человеческой натуры, если нельзя ее опровергнуть, — можно подать как открытие. Что называется — врать меньше надо себе и другим, не воображая желаемое действительным.)

Суворов

Знаменитый историк и писатель Виктор Суворов, он же профессиональный разведчик Владимир Богданович Резун, совершил поступок масштаба редкого, глобального. Он в одиночку перевернул устоявшееся мировое представление о причинах и начале величайшей из войн человечества — Второй Мировой. Такое деяние обычно именуется научным подвигом.

То есть с 22 июня 1941 года — дня нападения фашистской Германии на Советский Союз — и по сию пору исключительно и именно Германия, ее агрессивная политика и человеконенавистническая идеология, считалась виновником Второй Мировой. С Германией боролись союзники — СССР, США, Франция и все страны Британского Содружества: весь прогрессивный мир. Они повергли фашизм и осудили его Международным трибуналом в Нюрнберге: американцы, русские, англичане и французы. И главных фашистов повесили.

Немцы с 1939 года напали на Польшу, Данию, Голландию, Норвегию, Францию, Югославию, Грецию, и в конце концов на Советский Союз. Неготовый же к войне Советский Союз, первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, войны боялся, пытался избежать, даже заключил с Гитлером мирный договор, который тот нарушил. И поначалу Советский Союз, конечно, терпел поражения в войне и отступал, потому что врагов было больше, техника у них была лучше и ее было больше, и они напали неожиданно.

Вот эти полувековые представления мировой общественности и всех историков Суворов опрокинул и разрушил. Причем исключительно фактами — конкретными и доступными.

Позвольте, сказал он, с 1 сентября 1939 года Германия захватила те-то и те-то страны с совершением таких-то военных действий. А СССР в тот же период, заключив с ней договор, захватил такие-то и такие-то страны с проведением таких-то военных действий: Финская война, аннексия Карелии, Эстонии, Латвии, Литвы, восточной части располовиненной с Германией Польши и Бесарабию с Буковиной у румын прихватила.

Вот сколько сил и техники было на 22 июня у немцев — и сколько у нас: танков и самолетов у нас больше в шесть раз, причем новейших образцов столько, сколько половина всей немецкой техники, где таких образцов вовсе не было. А личного состава столько же, а через неделю —

вдвое больше, чем у немцев.

А вот как росла численность Красной Армии в 1939–1941 гг., а вот сколько новых частей было сформировано и каких.

А вот как передислоцировались наши войска в эти два года, особенно в предвоенные месяцы.

Немцы скрытно сосредоточились на нашей границе — а мы еще раньше скрытно сосредоточились на немецкой границе. Причем так скрытно сосредоточились, что по сей день ни в одном историческом труде нельзя прочесть, где же были дислоцированы советские войска, и какие именно, и сколько их вообще было, и когда они прибыли в места дислокации. А главное — с какой задачей они там расположились? Архивы засекречены. Карты засекречены. Не время еще раскрывать нам те секреты, товарищи.

Суворов в одиночку проделал этот гигантский труд, вылавливая информацию по крупицам из разных статей и многочисленных военных мемуаров. И сложил мега-мозаику — Вооруженные Силы СССР в 1939–1941 гг. Рост численности и вооружений, передвижения, резервы.

Сначала этот подкоп под мировую историю блокировали, как могли. Потом сенсация прорвалась, и раздался вопль негодования профессиональных историков. А эхом — ругань и стон честных обывателей. Так что, мы все идиоты?! Ну, идиоты не идиоты, но как дети или пьяные: что-то видим — а зачем и почему понять не можем.

Однако в начале 90-х военные архивы чуток и ненадолго раскрыли, и выкладки Суворова подтверждались документально.

И теперь существуют две версии начала Второй Мировой войны.

Версия первая — суворовская: СССР готовил освободительный поход на Европу с целью установления социализма. Он приготовил горы оружия и милитаризовал всю страну. А оккупант Европы смутьян Гитлер действовал ему на руку: ослабить Европу и заставить мечтать об освобождении. Но — Гитлер понял подготовку удара ему в спину и ударил первый, чтобы спасти себя. Почти совсем готовая к нападению, но не готовая к обороне Красная Армия терпела сокрушительные поражения 41 года.

Версия вторая — официально-шизофреническая: Советский Союз боялся войны и хотел ее избежать или оттянуть, поэтому он не верил предупреждениям о скором начале войны, но тайно сосредоточил огромные силы на границе, но запретил им поддаваться на любые провокации немцев, но накануне стал снимать колючую проволоку на границе, разминировать самими же заминированные пограничные мосты и начали

отселять местное население из приграничной полосы: войну не ждали — но все чувствовали, что она скоро начнется! Но немцы напали неожиданно! И плана обороны страны у нас не оказалось. Ну как-то не нашли его нигде.

Официальная версия категорически опровергает Суворова в главном: ну допустим даже, вы правильно все написали, кроме одного — не хотели мы нападать первыми, нет, никогда! А почему тогда война стала неожиданной, если Москва уже фронты образовала и полевые командные пункты подготовила? Ну, это они на всякий случай. А проволоку зачем снимали? Это местная глупость. А войска зачем в приграничных лесах спрятали? Ну, чтоб усилить границу на случай нападения. А гигантские склады боеприпасов и ГСМ прямо у границы зачем? А вот это головотяпство, Сталин армию-то обезглавил перед войной.

То есть:

Версия первая: СССР был отлично готов к наступательной войне, и Сталин не верил, что гораздо более слабая Германия нападет на своего союзника-поставщика СССР, ввязавшись в губительную войну на два фронта. Но Гитлер сыграл ва-банк, чтоб не попасть под Сталина, если тот ударит первым — а подготовку СССР к войне вовсе скрыть было невозможно.

Версия вторая: все советское командование во главе со Сталиным были идиоты, ибо с точки зрения обороны их действия выглядят дико. Они провели скрытую мобилизацию, подготовили мобилизацию общую, напечатали военные плакаты и написали военные песни. Они перебросили к границе в два эшелона практически всю армию. Но ничего не понимали ни в планах обороны, ни в расположениях войск, ни в строительстве укреплений, ни в боеготовности. Согнали толпы людей и горы техники к границе и запретили обороняться без особого приказа, чтоб не дай бог не рассердить Гитлера. Немцы всех и перемололи. Меньшим числом и меньшей техникой.

...Эти общеизвестные ныне вещи я кратко повторил здесь лишь с одной целью. Суворов, человек к жалобам отнюдь не склонный, биография не та, пару раз в разговорах посетовал мне на непостижимую, непробиваемую глупость ряда читателей вообще и историков в частности.

— Ты понимаешь, ну ведь все уже разложено; ну уже ставишь вопрос элементарно: граждане, послушайте, а если бы Гитлер не напал — мы так бы и были союзником фашистской Германии все десять лет действия Договора? Они бы продолжали завоевывать Англию, оккупировать всю Европу, готовить межконтинентальные ракеты на США, разрабатывать атомную бомбу — а мы поставляли бы им чугун, уголь, нефть, зерно,

редкоземы для брони и бронебойных снарядов и поздравляли с днем рождения товарища Адольфа Гитлера, лучшего друга трудящихся немцев? Молчат!.. «Сталин знал, что Гитлер все равно нападет». Так построй оборону, заройся в землю, доведи до каждого план действий и передай кодовое слово при нападении. У нас была наступательная доктрина первого удара — так что вы крутитесь и изворачиваетесь? А вы что — не видите наступательного характера всей диспозиции? Ударные группы армий в выступлениях!

То есть. Очень ясно и логически мыслящий человек. Доводящий мысль до предельной простоты. Реконструировал по сотням тысяч деталей картину. Бесспорно достоверную. Которую невозможно опровергнуть. Можно уточнять отдельные частности, но именно отдельные частности. И эта картина, эта модель многосложной действительности, обладает абсолютной объясняющей силой. С точки зрения вот такого хода вещей, вот такой теории реконструкции все поступки, перемещения, изменения, приказы — все происходящее в два предвоенные года в СССР становится логичным, объяснимым, правильным, оправданным поставленными целями.

Традиционная официальная версия не объясняет ничего, оправдывая любую несуслазицу глупостью командования и армейским головоуятиством. Это как джокер в картах историка — шлеп из рукава: «А потому что глупость, чего еще объяснять».

И вот масса людей, да и подавляющее большинство историков — отнюдь не только российских — логичную и скрупулезно доказательную точку зрения Суворова не приемлют. Расклад простой: Гитлер сволочь — Сталин дурак. Гитлер агрессор — Сталин жертва. Гитлер-убийца сожжен — Сталин-союзник среди победителей.

Нацизм реабилитации не подлежит. Нюрнбергский трибунал пересмотру не подлежит. А что это значит? Что в любом столкновении нацизма с кем угодно всегда виноват нацизм — и значит другой прав. Нацизм всегда агрессор — и значит другой жертва агрессии. Агрессия — всегда плохо. Жертва — всегда хорошо, в смысле морально, в смысле жертва всегда права, а агрессор всегда неправ.

Уравнять в замыслах Гитлера и Сталина — значит Гитлера отчасти обелить. Как бы оба, если изолированно брать данный конкретный случай, виноваты в равной степени. А если принять ту — геббельсовскую, геббельсовскую! — точку зрения, что Гитлер хотел лишь обезопаситься от советского нападения, а Сталин хотел советизировать всю Европу — так ничего себе! Это что, вообще Сталин хуже Гитлера?!

Внимание.

Происходит когнитивный диссонанс.

Сталкиваются две взаимоисключающие мысли — две разные картины мира:

Картина первая: Советский Союз — жертва агрессии: мы мирные, честные, сильные, но доверчивые и не готовые. Хорошие мы, правильные, достойные! Но нас обманули, коварно перехитрили — и жестоко напали. Ну, а недостатки и просчеты у нас, конечно, были. Правда, значит у нас много идиотов и раздолбаев. Но подлецов нет!

Картина вторая: Советский Союз хотел ударить по Германии и взять под себя Европу. И тогда он действовал логично, правильно, эффективно! И хотел сокрушить фашизм и установить везде коммунизм — чего программно никогда не скрывал. Но в таком случае он коварный, жестокий, скрывает правду, это он начал 2-ю Мировую войну в большей степени, чем Германия, и уж в гораздо большей, чем Англия (которая, собственно, 3 сентября 1939 объявила войну Германии, чем и началась 2-я Мировая).

Резюмируя грубо: СССР был умен, силен и готов уничтожить фашизм — и был он при этом упрежденный агрессор, который спланировал, спровоцировал и фактически запустил самую страшную из войн.

Еще грубее: Советский Союз был либо глупый и хороший — либо умный и плохой. Честный дурак — или умный подлец.

И народы, победившие гитлеровский фашизм, утверждают: среди нас не было подлецов — ни умных, ни глупых! Борьба с германским фашизмом есть добро, и борцы — нравственны!

Групповая самоидентификация не позволяет большинству признать себя народом агрессивным, подлым и жестоким. Это противоречит моральной самооценке! Мы доверчивы, разгильдяисты и даже технически отстали — ладно, это пожалуйста. Но подлы, лживы, коварны и жестоки — да ни за что!

Психологическая и мировоззренческая корпоративная истина — против объективной и нейтральной.

Моральная самооценка — против объективной, ей противоречащей.

И в результате? Человек и народ отвергают очевидную истину — если эта истина снижает его моральную самооценку, разрушает его самоидентификацию и его миропонимание.

Моральная хорошесть человека и народа есть стержень, вокруг которого выстраивается индивидуальное и групповое (народное) мировоззрение и миропонимание.

...Для обычного человека и группы понять — означает оправдать;

понять — адекватно моральному приятию, согласию, добрению. Для обычного человека и толпы существует только то объяснение событий, которое служит к его чести — его оправданию, одобрению, моральному согласию, нравственному утверждению. Все действия СССР в связи со 2-й Мировой должны быть морально оправданы — ибо СССР сокрушил фашизм. Народное сознание воспринимает только дихотомию: черное — белое. Гитлер плохой? — значит СССР хороший! Все. Оттенков и полутонов человек толпы не понимает.

...Человеку говорят: твоя мать — шлюха, вот неопровержимые факты. Нормальный человек отвечает: ты мерзавец и лжец, моя мать добрая и честная женщина, заботящаяся обо мне, а тебе я заткну твою подлую глотку.

И если истина противоречит групповой самоидентификации — которая всегда позитивна! — то истина отвергается ради сохранения самоидентификации. (Каковая позитивная самоидентификация необходима социальной системе для существования, функционирования и выполнения объективной задачи.)

Поэтому пророк не должен удивляться ни побиванию камнями, ни костру, ни глумливой рецензии на книгу. Больно, конечно, обидно, досадно. Но логично.

Очевидность и неопровержимость истины отнюдь не гарантируют ни понимания, ни согласия с ней.

Интеллектуальный консерватизм есть отражение инстинкта морального самосохранения. Сохранить свой мир, дабы сохранить свою личность — свое функционирование в этом мире в согласии со своим пониманием и оценкой этого мира.

Любая интеллектуальная новация задевает внутреннее равновесие личностей, кто соприкасаются с этой новой, измененной информацией. А личности стремятся сохранить себя — свое внутреннее равновесие, свой мир и себя в нем!

Светает; страшно перечесть; кому порукой ваша честь?.. Если ты объявил хорошее плохим — и тогда с гениальной ясностью открылась картина мира, прежде запутанная, непонятная и туманная — аплодисментов не будет. Скандал — да, страшный. А оваций — не дождешься.

Кстати, Дарвина многие мечтали сжечь. Ничего, Ламарк просто умер забытый в нищете.

Человек и толпа ненавидят и отвергают истину, которая ломает их картину мира. А особенно если она рушит их мировоззрение и лишает

смысла их убеждения и саму жизнь.

Это не только ко Второй мировой относится. Вообще ко всему. Но сразу трудно принять это.

Гений и толпа

в смысле согласия-несогласия информации

Социум по факту должен иметь единообразные точки зрения по основным предметам. Это единое мнение уже не есть вопрос рационального подхода — но символ веры, знак единства, причастности к социуму.

Мнение, соответствующее принятому — это маркер системы распознавания «свой — чужой». А когда свой вдруг оказывается при выяснении мнений чужим — это явный гад и предатель.

Явление это носит объективный характер. Значимость объединяющего факта может быть абсолютно условна. Наилучший пример — футбольные фанаты. Какая команда в какую игру — не один ли хрен?! Но — отыскать достоинства у своего и недостатки у чужого.

Единство объединяющего мнения — это информационный уровень самоструктуризации социума из аморфной массы в ориентированный коллектив. Это момент самоусложнения социума — а самоусложнение носит характер природный, естественный, вселенский.

Итак. Вот есть некое принятое в стране и народе мнение. Как правило — насчет исторических событий. Как правило — к славе данного народа и в некоторое посрамление народа-врага-партнера.

Завышенная коллективная (групповая) самооценка и косметическая ложь в истории — это нормально. Но сейчас мы о другом. О степени устойчивости устоявшейся оценки.

Самый общий пример — образ матери. Самый родной, первейший, начальный человек, воплощение любви, заботы и самоотверженности. Это воспринимается инстинктивно в первые же дни, недели, месяцы жизни. Далее мать может оказаться плохим человеком — но базовое отношение первично, остается. Если же мать порочат со стороны, уличают другие в дурных поступках — это чужое мнение не только отвергается, но оскорбительно. Плохо отзываться о твоей матери — оскорбить тебя и показать себя в твоих глазах дерьмом и врагом; если это правда — то еще хуже: тем большее оскорбление, тем непримиримее неприязнь.

Спор футбольных фанатов — тут предмет объективно безразличен, ибо суть — в приверженности корпоративной ценности и более того — корпоративной истине.

Внимание! —

Корпоративная ценность имеет свойство укореняться и принимать качество корпоративной истины. О-па?

Итак.

Когда речь идет об истории народа — ее славе и достижениях — мы имеем дело с корпоративными ценностями. Высокая групповая самооценка поднимает нас в собственных глазах. Дает основания гордиться собой, быть довольным, удовлетворенным, уважать себя. Мы убеждаемся в высокой степени своей групповой самореализации.

Кроме того.

Есть набор качеств, которые всегда ценятся и которые каждый (если судьба позволяет) народ хотел бы иметь:

Сила. Благородство. Ум. Стойкость. Честность. Верность. Выносливость. Трудолюбие. Храбрость. Мужество. Бесстрашие. Великодушие. Бескорыстие. Щедрость. Талантливость. Изобретательность. Красота, кстати. Доброта.

А есть качества вроде бы мешающие народу, но простительные, проистекающие из продолжения его благородных достоинств:

Наивность. Доверчивость. Простота. Терпение. Верность договору даже вопреки собственным интересам.

А есть недостатки, которые народы склонны себе прощать:

Лень. Безалаберность. Мотовство. Легкомыслие.

Теперь — немного о прошлом: II Мировая война и СССР.

Удивительно, казалось бы:

Уже смирились с тем узанным, что был Красный Террор, что уничтожили интеллигенцию, дворянство и духовенство. Что раскулачили и выморили всех трудолюбивых и умелых крестьян в коллективизацию. Что уничтожили перед войной всю армейскую верхушку. Что расстреляли в 1937–1938 гг. 800 000 человек, уничтожили всю старую партию Ленина, сгноили несколько (сколько?..) миллионов людей в лагерях. Что был страшный Голодомор. Но!!! Признать, что расстреляли 20 000 польских офицеров — трудно! Не может быть! Вот уж это — клевета! Разум отказывается верить.

Почему?... А потому что информация новая — это раз. И потому что со зверствами внутренней политики народ смирился — «репрессии были неизбежны при индустриализации». А вот зверства во внешней политике — мы не приемлем! Ибо в целом мы — наследники СССР — хорошие! Честные! Благородные! Гуманные! Не смейте клеветать.

Что мы делали сами с собой — это наше внутреннее дело. И мы признали ошибки и преступления. А вот обвинения со стороны, от других,

от чужих, что мы над ними преступления совершали — это совсем другое дело. Это как бы возлагают на нас на всех коллективную ответственность: русские против поляков или русские против финнов. Это вызывает у нас моральное отторжение. Это нам очень неприятно от вас слышать, что-то очень поганое есть в ваших обвинениях, марающее нашу национальную честь и гордость.

Обвинение извне наносит ущерб нашей групповой — и через то индивидуальной — идентичности. Типа: хоть лично ты и хороший парень — но вообще вы, русские, сволочи.

Вроде как у Пушкина: ругаю свое отечество, но от иностранца слышать такое досадно. А потому что Пушкин сам был часть отечества. И когда он ругает — он себя от дряней отделяет. А когда иностранец ругает — он говорит: «Вы. У вас. У русских». И Пушкин причастен. А он не дрянь! И вот эта семантическая разница употребления личных местоимений первого и второго лица «мы — вы» — она болезненно задевает: ты с близкими тоже попадаешь под раздачу.

За ГУЛАГ отвечает проклятое НКВД. А вот за расстрелы поляков или зверства в Германии отвечает вроде как весь народ или вся армия. А вот тут мы не согласны. Хотя не успеваем разобраться в психологических причинах своего отношения.

Системная правильность и оправданность своего социума по сравнению с другими и при столкновении с другими — это важнейший и глубочайший архетип человеческого сознания. Я бы даже рискнул сказать — коллективного бессознательного.

Поэтому. Когда Суворов говорит, что СССР хотел напасть на Германию. То. Вопреки логике. Вопреки тому, что фашизм был наш враг, а союз с ним был дипломатическим маневром. Вопреки тому, что неизбежность войны была понятна всем, и Сталину в первую очередь. Вопреки тому, что предоставлять смертельному врагу инициативу в войне — то есть позволять ему нанести первый удар по нашим войскам и нашей территории — есть преступление перед своей страной и страшная стратегическая ошибка. Вопреки тому, что удар Германии по нашим изготовленным к нападению, но не готовым к обороне войскам — снимает упреки в неумении воевать, в плохом вооружении и необученности войск. Вопреки тому, что такая точка зрения есть спасение нашей чести, нашего умения думать, работать и воевать. Вопреки всему! — Народное сознание против.

Ибо архетип: мы миролюбивы, мы никогда ни на кого не нападали первыми, мы гуманные, мы всегда за мир. А иная точка зрения — пачкает

нас в собственных глазах. Мы не можем быть агрессором! Ни за что!

А ударили по Японии? А она плохая, лелеяла замыслы, а мы во исполнение союзнического долга по договору с нашими союзниками.

А напали на Финляндию? Мы не могли же допустить, чтобы так близко от города Ленина! Предлагали им другую территорию, а они не захотели отдать нам Карелию.

А Прибалтика? А у них произошли революции, их народ сам к нам решил присоединиться. И вообще в начинающейся войне — не мы, так немцы бы их оккупировали.

(И точно так же оправдывали и одобряли бы нападение СССР на Германию: мощная государственная пропаганда создала бы миф о праведности и необходимости этого шага, и народ верил и гордился собой и своей мудрой, сильной, правой страной!!!)

Моя страна — всегда права, хорошая и миролюбивая.

И никакими аргументами ты не перешибешь социальный инстинкт. А социальный инстинкт повелевает защищать свой социум и ставить его выше прочих. А на вербальном уровне информационного аспекта — социальный инстинкт проявляется в отрицании всего, что не соответствует положительному образу своего социума в глазах личности. Все! Это — инстинкт. А убеждения — это оформление инстинкта на уровне логики, и только.

В определенном смысле социальный инстинкт можно назвать консервативным. Все за одно — и все сохраняют то, что уже есть, победило ранее врагов, препятствия, иные мнения, причем неоднократно. И вот — придерживаясь наших истин и наших ценностей, мы тут живем, и неплохо живем. И наша неплохая жизнь — наилучшее доказательство истинности наших взглядов.

Консерватизм обеспечивает устойчивость системы.

Но. Все течет, все изменяется. Появляются новые вызовы, надо приспособливаться к новым условиям существования. Зреет готовность к социальной мутации. К эволюционному изменению социума.

Мутанты — это кто? Инакомыслящие. Те, кто хотят странного. Блаженные, психи, чудики, люди с вывихнутым мозгом. Почти все их прожекты — бред, ерунда, фигня, плоды ошибок и психических сдвигов. Ан светит малый процент здравых суждений! В этом безумстве есть, однако, своя логика и расчет.

И когда социальная система близится к неустойчивому состоянию, и трещит каркас мировоззрения, и жутковатый лик Непонятого высовывается из обломков вчерашнего благополучия — вот тут вперед

выходит укротитель, фокусник, объяснитель и созидатель, и возглавляет очередную Перестройку цивилизации: науки, политики, культуры. Еще вчера он был незаметен — а если замечен, то осмеян и оплеван. Но История делает поворот — и он оказывается впереди.

Строго говоря, это и есть гений. Гений — это человек, для которого истина социума, большинства, консервативная и корпоративная истина — не более чем информация к сведению и размышлению. Но отнюдь не указатель на дороге, и не поляна, обвешенная запретными красными флажками.

Гений — это самостоятельность, наглость, скептицизм, неудовлетворенность. И принципиальное отрицание запретного и невозможного.

Гений — это принципиально новое решение проблемы.

Нонконформисты, нигилисты, скандалисты и фантазеры — это грядка, где с кучей навоза перемешаны жемчужины. Как зерна истины, они дают всходы будущего.

Пророк — это тот, кто видит истину, заслоненную от толпы стеной, построенной вчера и не дающей идти дальше.

Короче и проще: социуму необходимо меньшинство, которое адекватно воспринимает информацию и транслирует ее большинству. Чаще всего большинство уничтожает дестабилизирующее меньшинство — из инстинкта самосохранения. Но социум всегда продолжает генерировать из своих недр это меньшинство! Потому что обратная связь со средой системы (социальной) также необходима. Иначе косный социум не сумеет разглядеть изменения, не приспособится к ним и погибнет.

Так что с корпоративной, социальной точки зрения, гений — это информационный урод. Он не так видит и не тому учит.

Хула и травля — знак качества для пророка.

Травля — это налог на гениальность. Гений всегда перечит толпе. А пуще всего толпа мстит тому, кому вчера поклонялась. Так сказать, чувство меняет знак, сохраняя силу.

Дуализм, понимаешь. Диалектика, опять же. Единство и борьбе противоположностей. В том числе — двух противоположных истин, которые равно необходимы.

...Гераклит из Эфеса, сын царя и потомок основателя города, отказался от власти, сбросил багряный плащ, швырял грязью в неразумных сограждан, удалился в горы, и никто не знает, велел ли он похоронить себя по зороастрийскому обряду, или обмазался перед смертью навозом как средством от водянки.

Ленин и мумия

Сидели мы вечером на кухне тесной и теплой компанией недавних выпускников университета. Ныне — сторублевых учителей и мэнээсов. Середина семидесятых за окном стояла, самое что ни на есть брежневское время — тихо, глухо и стабильно, как мухе в тесте.

И говорили о том, что так дальше жить нельзя. Тотальная ложь, любая инициатива давится, границы в мир закрыты, цензура обезумела, КГБ ловит ведъм, перспективой не пахнет. Но вспыхивали и встречные патриотические голоса: бесплатное образование, гарантированная сторублевая работа хоть где, бандитизма у нас нет, а человек человеку брат.

Углубились в истоки, помянули родной Ленинград как «люльку трех революций», и черт меня дернул за язык насчет того, что почитать святыней державы мумию вождя в мини-пирамиде посреди столицы — это вообще-то диковато, если вдуматься: архаика египетская!

Акустическое пространство разделилось на краткое ржание меньшинства и глубокое молчание большинства. Затем одна наша девочка, уже мать двух детей и член партии, отреагировала с внутренней дрожью в голосе, что она никогда не воспринимала Ленина в Мавзолее как мумию. И звучало внутри того голоса, женского, материнского, что я ей друг, но чужого сдала бы куда надо с такими мыслями и мировоззрением враждебным нам и чуждым.

И тут муж ее, также коммунист и перспективный молодой офицер, крикнул, закурил и пробурчал в мою защиту: но ведь действительно мумия, а что ж это еще такое. И в воздухе сгустился семейный конфликт на ровном месте.

Девочка-жена-коммунист чуть не заплакала. И сказала, что оно, может, и так, но все-таки не так. И для миллионов людей, и сотен миллионов во всем мире, это не мумия, хотя физически, материально, может и так — но духовно совсем не так! А это гений, который освободил народы и указал путь к равенству и счастью всех, кто трудится, а об этом люди тысячи лет мечтали, а Ленин своим великим гением это сделал, и мы все ему обязаны, живя в стране, которую он создал и его ученики.

Тогда все вспомнили бессмертный тост разведчика «За нашу победу!», чокнулись и выпили, и проехали скорей подальше это политическое место. Ну, чтобы одни не выглядели дураками, а вторые предателями, потому что все мы друг друга любили.

Из этого следует мораль первая. Главное — дать происходящему нужное название. А там — хоть ковер из мечети выноси, как говорят наши башибузукистые друзья турки.

Мораль вторая. Любой предмет можно по-разному назвать и соответственно рассматривать и расценивать его с разных сторон.

Мораль третья. Мы рассматриваем и расцениваем объект с точки зрения собственного мировоззрения и в своем информационном поле приводим его в системное соответствие, в системное единство со всей своей картиной мира. Мы находим такой угол зрения, такую перспективу, чтобы объект гармонично вписался в общую картину нашего мира.

И если объект вдруг подадут нам неожиданной стороной, окрашенным не в те слова, получившим непривычный смысл — он не лезет в нашу картину мира, не соответствует, не гармонирует с окружающими конструкциями! И мы выбрасываем его вон, как не подошедший камушек мозаики, не того размера стекло витража, не встающую на место деталь Лего.

При столкновении и несоответствии частного с общим — человек, естественно, стремится прежде всего сохранить общее. И если частное его нарушает — самое простое решение выкинуть это частное вон. Чтоб не мешало. Не рушило конструкцию мира.

Назвать Ленина в Мавзолее мумией — означает покуситься на все мировоззрение советского коммуниста-ленинца. Качнуть все устои, усомниться во всех истинах. Посягнуть на его убеждения и весь его мир. Это все равно что в косвенной форме назвать его дураком с ложными убеждениями и ошибочным мировоззрением, и работает он на неправильное и ненужное дело, и жизнь его бессмысленна получается и даже вредна тогда.

За это муж-офицер лет на сорок пораньше меня бы расстрелял лично. Но тут Хрущев с 20-м Съездом и Брежнев с либерализмом уже расслабили народ, отравили скептицизмом...

Мне что представляется интересным и примечательным в том мелком случае? Наготу простейшего противопоставления. Да — Ленин мумия. Но нет — он не мумия!

Человек не хочет принимать слово, которое стилистически противоречит его картине мира. Он согласен с этим словом, с его семантическим наполнением — со смыслом то бишь, со значением его. Он согласен, что это так! Но он не согласен! Нельзя этим словом характеризовать объект — эта характеристика неприемлема! Хотя верна. Но не верна! Потому что стилистический оборот слова разрушает картину

мира этого человека.

В результате?

Человек не может воспринять информацию об объекте, если эта информация противоречит его мировоззрению.

Искренне не может! Такова психология личности и такова социальная психология. Так устроено наше сознание и подсознание.

Предварительные итоги

Информационное пространство, в котором мысленно (и эмоционально, это очень важно) пребывает человек, не является единым, цельным и полностью взаимосогласованным. Нет.

Оно не цельно, разломлено на два или более измерения, отчасти фрагментарно. Его измерения, плоскости, аспекты — кое в чем не согласованы, более того — противоречат друг другу; более того — автономны.

Человек живет в нескольких информационных мирах, пребывает в нескольких разных информационных сферах.

Мир первый — личный опыт. Видит своими глазами, слышит своими ушами, чувствует на собственной шкуре. Это его семья, его родители и его класс в школе, его квартира и его двор, его друзья и знакомые. Позднее — его дети и сослуживцы, начальники и подчиненные, продавщицы и официанты, партнеры и защитники. Правит им в этом мире его личный прикладной интерес, семейный инстинкт, тяга к комфорту, эгоизм, но и чувство справедливости. Этот мир человек знает конкретно, и в своих знаниях уверен. Свою конкретную выгоду и невыгоду понимает ясно, а правду от лжи отличает легко. Это мир эмпирической информации, познаваемой непосредственно чувствами субъекта и анализируемой его собственным разумом.

Мир второй, более общий — мир групповых представлений и отношений. А эти групповые представления и отношения базируются на групповых интересах, связаны с групповыми интересами, с существованием и утверждением своей группы. Самый простой пример самого элементарного уровня — в споре двух семей жена всегда на стороне мужа. Каждая из двух семей видит спорный объект (процесс) с точки зрения собственной аргументации — а аргументация определяется интересом (хотя и корректируется представлением о справедливости). А уж спор двух бригад — это кого лучше обеспечили и кто получил легче задание. Мир второй — это мир корпоративных истин: здесь мои друзья, коллеги, партнеры, мы одна команда, я их знаю и верю им, они хорошие проверенные ребята — а другая команда мне мало известна, от них всякого ожидать можно, во все их нюансы и аргументы я вникнуть не в состоянии. Конечно, я верю своим, а не чужим. Со своими все понятно — а чужие мало ли чего захотят и заявят. Социальный инстинкт заставляет человека

принимать корпоративную истину в случае конфликта представлений между группами.

Мир третий — это мир мой и моей команды в общем смысле, на уровне Большой Группы — страны, народа, религии. Я не знаком с моим президентом и министрами, депутатами парламента и генералами, но мы с ними в одной большой команде, в одном большом мире, вместе проходили войны и стройки — пусть на разном уровне, но одной страной и в одно время — и в общем я им верю. Как же не верить. Они умные и сильные, раз так высоко пробились и рулят. У нас общие враги, общие интересы и цели — одна страна ведь! Мне говорят о них хорошее — и я верю, ведь мы вместе идем к цели и так далее. В этом третьем мире представлений работают уже социально-центростремительные силы. Человек инстинктивно стремится быть частицей общего могущества. А для того необходимо и представления иметь общие. Ибо в основе представлений — «это моя родина, моя страна, мой народ, мы — свои, и хотим мы всего хорошего и справедливого, для того и начальники».

Мир четвертый — это уже мир полностью внушенной информации, наведенной, сообщенной, принятой на веру, потому что лично ты и твоя малая группа проверить это опытом никак не могут. Земля вращается вокруг Солнца. Иисус воскрес на третий день. Олег прибил щит к воротам Царьграда. Православная вера истинная. Ленин был самый гуманный из людей. Советский Союз последовательно проводил миролюбивую политику, пока не подвергся коварному и неспровоцированному нападению Германии. Это как? Это лекции, книги, учебники, пропагандисты, кино и газеты, авторитетные люди сказали и повторили много раз — и сложили тебе общую картину мира. А в Германии говорили: арийцы выше всех, все зло от евреев, славянских унтерменшей надо рассортировать как слуг, а Советский Союз готов коварно напасть и нас уничтожить. А радикальный ислам учит: растленный Запад надо стереть и создать всемирный халифат. А либералы говорят: любое насилие недопустимо, а люди все равны.

Повторим — сферы информационных миров человека:

мир личностный

мир групповой

мир большой группы

мир общий, научный, идеологический, абстрактный.

Вот в единстве и противоречии этих информационных миров человек не просто существует, но определяет свое мнение по каждому поводу. И что характерно — все четыре мира, четыре информационных измерения — должны гармонически совмещаться в его сознании. Ну, если столкнутся.

Вот если случится повод столкнуться двум или более информационным измерениям — сознание человека должно их примирить и в данной точке совместить воедино. Иначе будет когнитивный диссонанс, то есть несовпадение одновременных представлений о предмете, то есть раздвоение сознания, то есть шизофрения просто. А этого вот нельзя!!

Сознание человека устроено так, чтобы он мог действовать максимально эффективно. А для этого по любому вопросу должно быть принято верное решение — то есть самое эффективное решение. А самое эффективное — есть единственно правильное. Потому что в инстинкте прежде всего — выжить и победить! Любое отступление от этой линии поведения — ошибка! Даешь единственное решение — оно же спасительное, верное, победное!

И все варианты решений, мнений, возможностей и вообще картин мира человек сводит к двум: верная — и не верная. Одна — верная, все остальные — не верные.

Если человек, советский крестьянин, скажем, колхозник, осознает, что его жизнь в принципе беспросветна, рабская она и нищенская, и иной быть не может — он или удавится, или сопьется, или уйдет в бродяги, или бунт поднимет от отчаянья. Но в любом случае государство, которое обеспечило ему такую жизнь, возненавидит лютой ненавистью. И уничтожит при первой возможности.

Но если фильм «Кубанские казаки» и лектор райкома партии объяснят, что вообще в колхозах жизнь прекрасная, а вы вот здесь плохо работаете, и поэтому плоховато пока живете — у человека наступит мир в душе. Раб поверит в близкое счастье, которое уже настало у других. И миф ему будет дорог! Ибо обеспечивает душевное здоровье, спасает от сумасшествия и депрессии безысходной: ведь не рыпнешься...

Наведенный лживый мир может быть предпочтен правдивому личному — если обеспечивает душевный комфорт и положительные эмоции. Если ты не можешь изменить свое ужасное положение — ты должен поверить, что оно не так ужасно, выход есть и близок, жизнь прекрасна и справедлива, вот только еще немного потерпеть и получше поработать!..

Человеку не нужна правда, от которой ему хуже живется и он впадает в депрессию, потеряв смысл жизни. Он ее ненавидит! Он воображает правдой ложь, если ему так приятнее живется. Короче — да! давно знают! человек верит в то, во что хочет верить! А хочет он верить в то, от чего ему лучше, приятнее, комфортнее, веселее. Чтоб уважать себя и жить хорошо.

...Парадокс в том, что собственный опыт, личную информацию, человек ставит в результате конфликтов ниже всего. Групповую — над ней.

А самую абстрактную научно-идеологическую информацию — выше всех.

И тогда строится четкая вертикальная линия: мои труды и страдания — в числе групповых, им подчинены и так имеют смысл, а групповые труды и страдания — в общем объеме самых общих и абстрактных, идеологических и научных.

Тогда — что? Тогда, меняя что-то в самых общих информационных конструкциях — ты вертикальный луч оттуда сверху и до моего низу смещаешь с фокуса, и я уже не попадаю под генеральную линию этого луча, мои труды и тяготы, мечты и победы были мимо главного хода дел, что ли?!

Я отрицаю правду, которая отрицает мой мир и смысл моей жизни.
Но мы продолжим.

Часть вторая
Иллюзии истории

Пушкин в системе ценностей

Отношение к Пушкину для русского человека — отнюдь не вопрос литературного вкуса или даже общей образованности. Поклонение Пушкину — это символ веры. В русской культуре это святыня.

Любовь к Пушкину для русского — это так же, как любовь к Родине, родителям, березкам и славным подвигам предков. Пункт обязательного списка. Характеристика моральной пригодности.

Любовь к Пушкину означает духовную причастность ценностям своего народа. Сигнал опознавательной системы «свой — чужой».

Однажды в Петербурге, сев к бомбиле, я сказал ехать на Стрелку, к Пушкинскому Дому. Водитель, экспансивный кавказец, уразумев разъяснения адреса, в знак своей компетентности возгласил с шумным акцентом: «Вот Пушкин был, да? Сколько лет написал — все знают! Молодец, да?» Вряд ли он читал Пушкина даже в школе — если он ходил в школу. Но Пушкин как знак величия русских ему был известен.

Очень мало кто читал сегодня «Записки русского путешественника» Карамзина или баллады Жуковского, не говоря об «Иване Выжигине» Булгарина или «Русских в 1812 году» Загоскина. А ведь были книги знаменитые, куда выше почитаемые современниками, нежели «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка». В те времена любить Пушкина было совсем не обязательно, номером первым русской словесности он отнюдь не был, а отношение критики случалось весьма прохладно; да и тиражи сильно уступали тогдашним бестселлерам.

В результате длительной и сложной культурной эволюции — эволюции социальной, политической, идеологической, а также эстетической и пропагандистской — на литературной доске ретроспективно произошла масса перемещений. Критики, литературоведы и политики-пропагандисты мяли общественное мнение, как скульптор глину. И всякий диспетчер общественного мнения руководствовался собственными вкусами и интересами — субъективно или объективно, прямо или косвенно менял картину литературы прошлого.

Фиксируя и анализируя историю — мы всегда корректируем ее согласно собственным представлениям о сущем и должном. Историк не просто пристрастен — он соучаствует в сотворении истории. Толпа историков всегда имеет претензию подменить собой Божью Рать.

Никто и никогда не обвинял Пушкина в бездарности — но ни один

талант не может достичь высот мифа о себе. А великий миф сложился эффектно и эффективно из вех биографии — ссылка, дуэли, красавица-жена, близость к царю, трагическая смерть — и далее использование политиками! Юношеские стихи о свободе цитировали оппозиционеры и революционеры всех мастей, поэта изображали жертвой душителя-царя, а советская власть и вовсе создала образ Пушкина — борца с царизмом и его жертвы. (Несчастный Николай! Богато содержал придворного поэта, уплатил по смерти полтораста тыщ золотых рублей карточных и иных долгов, ввел в придворный круг — а взамен только иногда написать нужные государству стихи. Потомки таки неблагодарны.)

Табель о рангах литературного (да и любой корпорации) пантеона — это один из архетипов социокультурного пространства. Структура литературного пантеона такова, что в середине эдакого полусферического пространства, эдакой пещеры в толще времени, стоит высокий постамент-колонна для Номера Первого. Вокруг кольцом колонны пониже, штук шесть. Это для Номеров Вторых — тоже гениев, но не такого масштаба. А по периферии дюжина постаментов-пеньков для Номеров Третьих — большие таланты, но уже не гении.

Яркий свет сфокусирован на Номере Первом, хорошо освещены и Вторые Номера, а уж по краю полумрака теснятся у стен таланты и одаренности, которым ни постаментов, ни пьедесталов не досталось. Но если порыться в литературном хламе — мы и их отыщем и вспомним.

Что произойдет, если Номер Первый на центральном высоком пьедестале — вдруг исчезнет? аннигилирует? бесследно изымется из истории? — Произойдет мгновенная рокировка, и один из Номеров Вторых окажется на пьедестале Номера Первого. То есть. Номер Первый есть всегда! Как есть первый в любом забеге и любом соревновании. Сколько бы ты ни убирал самых быстрых — все равно один будет быстрее прочих.

Исчезнет Пушкин — Номером Первым мгновенно воплотится Лермонтов. Исчезнет Лермонтов — пьедестал Первого займет Гоголь. Свято место пусто не бывает. Точно?

Не всегда почитался Номером Первым в английской литературе Шекспир. Не всегда расценивался как гений Бах. И вообще современники уморили Сократа. А Маяковский стал «лучшим поэтом советской современности» после реакции товарища Сталина на письмо Лили Брик, посмертно.

И вот здесь отношение к Пушкину в школьном учебнике и отношение к Пастернаку или Бродскому в гуманитарно-свободомыслящей российской среде — ничем принципиально не отличаются. Поклонение — знак

причастности к своей касте. Не-поклонение, тем паче критика, а уж вообще недопустима не-любовь — знак глупости, невежества, плебейства и душевного хамства. Это уже не вопрос литературного вкуса!

Есть грань, за которой вопрос разума переходит в вопрос веры. Рациональное перевоплощается в моральное. Правильно и неправильно превращаются в хорошо и плохо.

Если ты не признаешь наших оценок первых гениев — то ты не разделяешь наше мировоззрение. Ты неправильно видишь нашу пещеру — или стоишь не там, или зашел не туда. Значит ты чужой. А живешь среди нас. Жрешь наш хлеб и дышишь нашим воздухом. А нас считаешь дураками — ниже себя то есть. Кто ты после этого? Гадина ты после этого! Предатель, пятая колонна, низкопоклонник перед границей, у тебя вообще ничего святого нет.

Опровергая эстетическую оценку человека — мы косвенно называем его жлобом. Это обидно. Вероятно, он не согласится. А может обозвать. И вообще такие споры портят отношения.

Опровергая интеллектуальную оценку человека — мы тем самым называем его дураком. Если он академик — он может и поспорить с тобой. А если личность незатейливых умственных возможностей? Да он пошлет тебя подальше и прибавит, что всем прекрасно известно, как все обстоит на самом деле, а ты просто невежественное чмо без образования, но с претензиями.

Если ты докажешь человеку то, во что он не хочет верить — он тебя возненавидит.

Но не будем излишне обобщать раньше времени.

Я чего говорю?

Я говорю, что если малообразованному русскому (не национальность, а культурная самоидентификация) указать на недостатки Пушкина и покритиковать — его реакция будет негативной. Для него это неожиданная информация, нештатная ситуация. Ему плевать на Пушкина как поэта и личность. Но ему важен Пушкин как знак национально-культурной самоидентификации. Пушкин как знак занимает свое место в его картине мира. А покушение на свой мир он не приветствует. Все знают, что Пушкин гений, величайший русский поэт, наша гордость. Вот! Наша гордость! А ты кого мараешь, гад?

Нежелание изменять свою картину мира — это естественный инстинкт психического самосохранения личности. Это стремление к душевному равновесию — то есть покою, то есть отсутствию стресса.

Психика человека диктует ему избегать стресса, разрешать стрессовые

ситуации. Если поступающая информация сигнализирует об опасности — врубается инстинкт «дерись или беги». А если поступающая информация является излишней — она отсортировывается и отбрасывается как избыточная, мешающая, отвлекающая.

По большому счету человеку на Пушкина плевать. За пределами России весь мир отлично обходится без Пушкина. Но. Пушкин для русского — это устойчивый элемент групповой (национальной) самоидентификации. А вот коррекция самоидентификации — страшно неудобная, нежелательная, болезненная вещь. Коррекция самоидентификации — это стресс. И в данном случае — стресс совершенно не нужный!

Коррекция самоидентификации — это своего рода личностная, психологическая операция на уровне смены пола. Психологическая пластическая хирургия. Человек вдруг узнает, что у него другая мать; или отец. Или он не немец, а еврей — а он мечтал о карьере в СС. Или в тяжелый час родственник вернул ему долг и спас — а на самом деле эти деньги прислал ему враг, потому что враг-то знал, что ты ему брат. Или твоя честная работа в НКВД оказывается преступной.

Или — мы народ самой лучшей, самой глубоко духовной литературы в мире. И вдруг оказывается, что мы народ десятой литературы в мире, потому что раньше нас, мощнее и богаче — литературы французская, немецкая, английская, итальянская, испанская и испаноязычная; так ведь и американская не слаба. А самые справедливые герои — англичанин Робин Гуд и немец Карл Моор, а самый благородный — француз Квазимодо, самый привлекательный и замечательный — француз д'Артаньян, а символы мужества и стойкости — герои американцев Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя. Ке мала фортуна!

Да что ж меня все заносит-то наперед батьки в пекло... Мы ж о Пушкине. «Кушкин, Кушкин! А ты, мальчик, не кизди, иди себе.»

Почему, если завести чисто литературоведческий — а хоть и читательский — разговор о Пушкине, непредвзятый и объективный — реакцией будет недоумение в лучшем случае и враждебная ругань в худшем? Причем недоумение быстро перетечет в обвинения и поучения, а ругань перерастет в серьезную ссору? Рядовой Иванов, мне не нужен чистый плац, мне нужно, чтоб ты мучился! Мне не нужно несовершенство Пушкина — мне нужно, чтоб ты признал: наш король самый могучий! наши воины самые отважные! моя дама самая прекрасная! наш великий поэт самый великий!

Ты говоришь, что пролог к «Медному всаднику» — блестящие стихи,

что «Повести Белкина» — гениальная проза, что «Евгений Онегин» написан удивительно, беспрецедентно для эпохи простым, чистым, абсолютно живым и легким русским языком. О'кей, парень, все с тобой согласны. Тогда ты добавляешь, что многие пушкинские стихи не шедевры, что-то в альбом, что-то к случаю, а что-то и примитивно, ну рифмы-то возьмите: правил — заставил, занемог — не мог, ты — красоты, вновь — любовь. Сюжет «Онегина» банален, и «Дубровский» банален и страшно затянут в месте судебного документа, и все это абсолютно вторично по отношению к немецкой и французской литературе. И давным-давно Пушкина никто для себя не читает, и залили его патокой и засюсюкали по самое не могу.

И вот тут ты единомышленника встретишь редко. Как это!?

Раскрываешь книгу — доказываешь.

Получаешь ответ — и ничего плохого, а есть и вообще гениальные строки, а вот Белинский писал, а Бонди, а целая библиотека написана! Академики! Исследовали! Ученые! Доказали! Лицей! Гармоничный! Пока свободой горим! Чудное мгновенье! Я от тебя такого не ожидала...

...Когда я написал «Памятник Дантесу» — радио с телевизором меня просто достали массовой подготовкой к двухсотлетию: «До дня рождения Алекса-андра Сергеевича осталось семьдесят два-а дня! сю-сю-сю!..» Так молодежь восприняла рассказ на ура и спорила, правда там или я придумал — сам свидетель. Но это еще неокрепшие умы, сопротивляющиеся школьной тоталитарной заразе. Потом умы крепнут, и скептическая неприязнь к школе сменяется ностальгией и возрастным примирением. Изучать было противно и скучно, но школьные имплантированные взгляды со временем стали собственными! Скучно — но правильно!

Знак Пушкина — внутри них, а изучение их не волнует; а твоя истина — снаружи и мешается, как соринка в глазу.

Им не нужна правда о Пушкине — им нужно величие своей культуры. Много вас таких Зоилов пытается плюнуть на нашего Гомера.

Культ личности

Образ гения и героя — будь то Пушкин, Ленин или маршал Жуков — создаются по одному закону. Есть бесспорная и яркая доминанта. Великий и гениальный поэт, политик, военачальник. Величие этой доминанты задает масштаб и стилистику образа.

То есть. Доминирующая черта героя определяет яркость, величие, положительность его образа. Ибо его роль для нас, для народа и истории — огромна и благотворна.

А коли образ величественный и светлый — так и состоит он из величественных и светлых черт и качеств. Они гармонично соответствуют друг другу.

Мы, поклонники и потомки, идем в познании образа не от частных мелочей к общему — но наоборот: от генеральной черты мы реконструируем подходящие, соответствующие, гармонично с ней соседствующие черты и свойства мелкие, частные, разные. И у нас всегда получается икона! Ибо главную идею, главное достоинство героя — нельзя мельчить и марать грязными мелочами!

Образ героя строится как корабль: закладывается киль, он определяет размер и тип — к нему подбираются соответствующие шпангоуты, и уже к набранному каркасу крепится и раскрашивается обшивка.

Биография героя создается не по законам документального расследования — но по законам романтической литературы. Величие образа первично — подтверждающие его детали вторичны, служебны, их отбор определен задачей.

Мы любим и уважаем героя за главное — и прочие его черты представляем себе в соответствии со своей любовью. А любовь — не то, чтобы слепа... Но видит то, что ей нужно, и толкует факты так, как ей хочется.

Если народ любит и ценит своего гения и героя — как он может дать ему объективную характеристику? Глупо ожидать. Только превосходная степень всех качеств.

Образ героя необходимо идеализирован и комплиментарен, являясь персонификацией народного величия и таланта.

...Культ личности как архетип виден в русской культуре прежде всего как образ Пушкина. Пушкин свят и неприкасаем. Он — наше все. Все его черты прекрасны, все поступки безупречны. Инакомыслие в этом вопросе

есть подлость. Все факты, которые возможно истолковать к его пользе — читаются только комплиментарно. А которые явно неблагоприятны — обязаны замалчиваться. Через пять лет после восстания декабристов свободолюбец воспевал подавление Польского восстания — на деньги царя и во славу великодержавности: и молодец, патриот. Болезни Венеры — ах, это пылкость в любви. Раз за разом отказывали в сватовстве — детали. И так далее по длинному списку. Не в том дело, что ложь как умолчание и идеализация канонизирована. А в том, что попытка сказать правду, и вполне известную, вызывает только ненависть. Вот этот психологический феномен и примечателен.

Культ личности — это персонификация групповой славы и величия. Народ — это фанаты героя, его слава осеняет их, его гений их возвеличивает. Не в силах предъявить величие собственное — они обретают его в преданности кумиру, в объединении вокруг его божественного блеска. Они — члены группы великого вождя — а только великий народ может породить великого вождя. Величие вождя и народа — едины!

Культовый герой — это наше общее достояние, как земля или история. Он — наше создание, мы делегировали ему свою силу и волю, ум и власть.

Короче. Кумиры есть и будут — потому что у народа есть в них потребность. Кумир — это элемент структуризации аморфной людской массы в социум с единой системой ценностей и взглядов.

Когда мальчик в концлагере кричит перед входом газовой камеры: «Сталин отомстит!» — он не имеет в виду рябого грузина Джугашвили, он кричит о могучей державе с несокрушимой армией, которая уничтожит всех убийц, и Сталин здесь — как знамя над общей силой. И понимание имени как символа — не должно мешать пониманию всей правды в истинном свете.

Культ всегда лжив. И вечен. По необходимости. По факту. Это персонификация потребного народу качества в превосходной, идеальной степени. Иванов, мне не нужна правда, мне нужен герой. Образ для поклонения, подражания и общественного самоуважения.

А когда развенчивают тиранов — толпа делает кумирами ученых, священников или эстрадных певцов, в зависимости от эпохи.

...Да, кстати — злодеев назначают примерно так же. Образ злодея — это как бы мусоросборник эпохи. Его злодейство тоже гипертрофировано как доминанта — и все прочие черты гармонично ему соответствуют. В печатную машину заправляется черная краска — и разница только в ее густоте и оттенках. В российской традиции так любят изображать

Наполеона и Чингиз-хана, не говоря о Гитлере и всем его окружении. При Советской Власти так подавались белые генералы; кстати и Солженицын, а Фаддей Булгарин до сих пор исполняет в мартирологе роль злодея русской литературы — будучи крупнейшей в ней и заслуженной фигурой.

Что надо сказать? Что массовому сознанию и историческому мышлению по их устройству потребны архетипы социальных фигур как носителей идеальных качеств. То есть: потребна ложь. И эта ложь защищается искренне и ревниво. Величие нужнее правды.

Магический стиль Достоевского

В школе меня от Достоевского не то чтобы тошнило... Но это было вроде обеда, на первый взгляд полезно-невкусного, а на второй он оказывался вылеплен из сухого репейника с касторкой. Это чтение вводило в депрессию и вызывало активный протест. Каждому студенту по топору! Понятный герой был Рогожин: истерика от такой жизни, зарезать всех к черту и уйти в каторгу.

А потом на Ленинградском филфаке спецкурс по Достоевскому читал Бялый! Из года в год процесс повторялся — из аудитории на двадцать мест переезжали на семьдесят, и к зиме ленинградский бомонд сидел в первых рядах актового зала филфака: так было же что послушать.

И вот что тут можно объяснить людям мудрым и тонким? «Ну не люблю я его!..» Но поскольку место Достоевского в пантеоне было незыблемо и бесспорно, мне в удел оставалось казниться собственной ограниченностью и неспособностью насладиться шедеврами. Вот золотился отборный виноград в литературных чертогах, который я никак не мог укусить. А если кусал — во рту оставалась дрянь какая-то вследствие моих дефективных культуропереваривательных ферментов.

Я сначала-то прочитал у Хемингуэя — он был кумиром и знаком эпохи — про то, как он читал Достоевского: «Я никак не мог понять, как человек может писать так плохо, так безнадежно плохо, и при этом производить такое сильнейшее впечатление». Много позже я узнал, что Хемингуэй не знал, как плохо писал Достоевский: он читал его в переводах на английский Констанс Гарнет. А это изрядная адаптация к съедобному английскому начала XX века.

И тогда же, в школе, наткнулся в «Золотой розе» Паустовского (или у Олеси?..) на чудеснейшее воспоминание. Элегически и назидательно изложенное к сведению прежде всего молодых литераторов и иже с ними. Как молодой Костя, еще не Константин Георгиевич, работал в одной редакции. И читал поток рукописей графоманов. И вдруг в сером тексте попала удивительная и прекрасная страница, она словно мерцала сиреневым свечением и благоухала. И он никак не мог понять — что же это такое, как же это?.. И продолжал вчитываться, и вдруг увидел: Настасья Филипповна! Это же Достоевский! Бессмертный «Идиот»!

Я бросил Олешу (или Паустовского?..), схватил с полки «Идиота» и ну читать, пока не позовут к ужину. И сцену у камина с бросанием денег, и

воспитание юной наложницы, и как с князем, и с купцом — ищу страницу, которая сиренево светится. А она как «Джоконда» у Раневской: так знаменита, что сама выбирает, кому будет светиться, а кому нет. Мне — фигу.

Уже в университете я прочитал у Бунина вполне известное: что как прекрасно бы ужасно написанные романы Достоевского переписать хорошим, чистым, подходящим языком. И понял, что нас как минимум двое. Бунин мне вообще всегда нравился. И про язык он понимал явно лучше Достоевского. Не говоря о женщинах.

...После тридцати лет я перестал стыдиться перед самим собою своей нелюбви к Достоевскому. Нельзя любить всех. Это уже не любовь, а помесь свального греха с национальным конформизмом. Лучше иметь собственное мнение, чем чужое мнение будет иметь тебя.

Я успокоился в понимании, как мне казалось, гениальности психологических многослойных раскопок Достоевского. Как геолог бьет шурфы через слои пород или бурит скважину и достает керн с послойным образцом залегаемых на глубине минералов — так он дает послойные срезы человеческой психики до глубоких глубин.

При этом можно не соглашаться с его мировоззрением, можно не считать глубокой философией «Легенду о Великом инквизиторе», можно вообще отрицать христианскую картину мира — но послойный срез психологии человека в глубину отрицать, похоже, все-таки нельзя.

Можно воспринимать Достоевского как писателя депрессивного, видящего жизнь в весьма тягостном, мрачном свете. Разбойник и блудница войдут в Царствие Небесное — Раскольников и Соня — это гениальное перерождение детективного намерения в переосмысление и осовременивание Евангелия. Но к счастливой и продуктивной жизни ни хрена не вдохновляет. А что-то остается от желания мрачно напиться и забыться.

...Так возвращаясь к стилю Достоевского — при вдумчивом анализе соотношения вербального и семантического слоев видно, что автор повторяет одно и то же по несколько раз, иногда по многу, с незначительными отклонениями — повторяет многословно, неряшливо, коряво, приблизительно — но в результате этих неуклюжих и неудобочитаемых повторов он передает в конце концов абсолютно точно и исчерпывающе — мысль, ощущение, мимолетный нюанс отношений. Как плохо пишет! — но как точно доносит до читателя свою мысль, чувство, картину!

И лишь много позднее я узнал тоже известное — что все свои поздние

романы Достоевский не писал, а надиктовывал. Надиктовывал иногда десятками страниц за ночь — и чаще ничего потом не правил. Опять же, нередко в спешке работать приходилось, сроки сдачи рукописи поджимали. Ну так о каком стиле, о какой работе над словом может здесь идти речь. Это вам не «Повести Белкина» и не пять редакций «Войны и мира».

Светится, говорите? Вот в глаз тебе засветить — и любая страница засветится! Хоть Ивана Шевцова, хоть Чарлза Буковски. Особенно инструкции по гражданской обороне.

...Какое отношение к теме нашей скромной попытки исследования имеет это развлекательное паралитературоведение? (Ну зачем уж я о себе так-то, подумал Мольер.) А такое, что сегодня всех читателей Достоевского можно разделить на несколько нехитрых разрядов.

Первые. Не слышали и не узнают.

Вторые. Слышали, но не читали и не прочтут. Вот эти вторые, в свою очередь, делятся на: а). В гробу мы видали эту ископаемую скуку, в которой ничего интересного и вообще нужного сегодня нет. б). О да, это великий и гениальный русский классик, известный во всем мире.

Третьи. Читали в школе по обязанности. Отношение — совершенно аналогично вторым.

Четвертые. Читающие, культурные люди, уважающие культуру. Отношение — аналогично разряду три и два пункт б).

Пятое. Филологи-русисты. Значимость классиков вне обсуждения, их величие — это наш мир, внутри которого мы. Но в принципе — отношение то же, что выше — пункт б).

И вот у гения — гениально должно быть все, в том числе стиль. И качеством стиль Достоевского от Лермонтова не отличается — просто особенности разные.

Литературная игра «Сделай сам»: возьмите одного литературоведа, один роман Достоевского, раскройте его два раза на любом развороте, прочтите оба разворота вслух, затем повозите по ним лицом литературоведа и велите показать достоинства стиля.

Глубокий и изощренный психолог, соединявший глубины психологии с высотами философии и тем гениальный в литературе — был омерзительный стилист. Бездарный стилист. Без чувства слова и фразы, без языкового слуха. А он вообще по жизни не слышал людей, он жил внутри себя и разговаривал всерьез внутри себя. Он разговаривал с собеседником — не как вдвоем играют в теннис, а как один играет в сквош — стенка отражает твой мяч, и ты делаешь следующий удар, играя сам с собой и воспринимая только отражение собственных слов.

Ничего особенного и ничего унижительного. Гений не обязан быть гением во всем. И бездарность гения в одном не умаляет его гениальности в другом.

(А вы возьмите любую монографию специалиста по русскому языку. Ее же читать невозможно. Спотыкач. Языкового слуха нет, владения словом нет! А изучает! Иногда дело пишет и даже открытия делает. И вообще мало ли блестящих ученых были никудышными лекторами. Ну, если честно — то мало. Но бывали.)

Ей-богу — ну поставьте еще опыт. Попробуйте отредактировать, хоть мысленно, любую «Повесть Белкина». Или любой абзац «Героя нашего времени». Любую страницу «Войны и мира». Или рассказ позднего Чехова, или Бунина 1916 года. Здесь пахнет совершенством.

А теперь возьмите любые десять страниц Достоевского, и представьте себе, что редактор дал вам задание сократить текст вдвое, сохранив всю суть и придав удобочитаемость. Не десять — хоть три. Попробуйте. Вам будет интересно.

Итого.

Читают Достоевского очень мало, даже в России. Читавшие и не читавшие знают, что он гений. Гениальная книга — это какая? — умная, глубокая, хорошо изображает жизнь и характеры, душу людей и мотивы их поступков, и написана хорошим языком с соблюдением законов и пропорций: композиция, сюжет и так далее.

В представлении масс стиль гения и классика не может быть плох. Вера в авторитет сильнее и важнее собственного понимания. И если какая-либо информация противоречит мировоззренческой установке — тем хуже для информации.

В школьника пихают Достоевского, как касторку в больного. Языковое чутье и общее мировоззрение школьника решительно отвергает Достоевского. Он согласится воспринять краткий вразумительный пересказ, адаптацию с выделением основных мыслей и идей. Это профанация? В общем да.

Но. Влияние, которое классики оказывают своим искусством на эстетические и идейные воззрения общества — это как правило косвенное влияние. Через массовое искусство, высказывания авторитетов культуры и тому подобное. Адаптация несъедобной для масс классики — скорее благо. Ибо вопрос не стоит: читать оригинал или адаптацию. Вопрос стоит: читать адаптацию или вообще ничего.

Оригинал Достоевского в наше время — для любителей и избранных, но отнюдь не для всех; что мы и так наблюдаем.

Отвергая элементарную истину — гениальный психолог и провидец Достоевский был неряшливый, примитивный и омерзительный стилист — люди просто не хотят правды, не нуждаются в ней, отвергают ее и клеймят носителей такой правды.

Почему? Потому что это нарушает цельность и гармонию их комфортного слаженного мира. И порочит кумира. И снижает индивидуальную и групповую самооценку. Их мир от этого не делается лучше, приятнее, продуктивнее, понятнее! То есть такая правда противоречит базовому подсознательному и психологическому стремлению человека: чтобы все было хорошо, полезно, приятно, утверждающе, цельно, просто, удобно, вдохновляло и способствовало.

В чаще истин

В старом французском фильме «Супружеская жизнь» история одной любви и развода дана с двух точек зрения. Вот первая серия — версия мужа: как все было — и виновата во всем скверная жена. А вот серия вторая — версия жены: все было совсем иначе — и виноват неверный и ревнивый муж.

И две картины одной жизни — не совмещаются! Не совпадают! Супруги видят разные детали, слышат разные слова, замечают разную ложь и помнят разное время событий. И оба совершенно честны.

Эта избирательность памяти основана на субъективности отношения. Объективно они жили одной жизнью, в одном доме, в одно время. Субъективно они жили в двух параллельных реальностях.

Любовь каждого, его ревность, усталость и обида, неудовлетворенность и подозрения, обманутые мечты и жажда быть понятым — привели к полному непониманию другого. К несовместимости. К невозможности достигнуть согласия. Ибо. Правда одного — ложь для другого. Взаимно.

При этом — мучатся, и хотят понимания, и еще любят!.. И каждый клянется правдой и уличает другого во лжи...

То есть. Избирательность нашей памяти. И нашего внимания. Может решительно зависеть от нашего индивидуального отношения к происходящему. Восприятие реальности зависит от нашего эмоционального настроения. (Вообще фильм с французской гривуазностью работал на постмодернистскую французскую философию своего времени — просто иллюстрируя релятивистскую концепцию истины.)

...Если бы, конечно, был третейский судья. Объективный, справедливый и мудрый. Бог! Так ведь и ему не поверили бы — вздыхали о тяжести Высшей кары.

...А вот вариант интереснее, и иррациональная мудрость Востока заполняет весь объем миропонимания, как облако перед объемным взрывом. Это гениальный и знаменитый рассказ Акутагавы Рюноскэ «В чаще». Так кто же убил самурая — разбойник, жена, или он сам покончил с собой? Ах, в тексте рассказа есть прямой отсыл к «Балладе Рэдингской тюрьмы» Уайльда: «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал: один жестокостью, другой — отравой похвал... кто властью золота душил, кто похотью слепой... но ведь не каждый принял смерть за то, что он убил!»

Приговоренный разбойник Тадземару говорит: «...вы убиваете властью, деньгами, а иногда просто льстивыми словами...»

Жизнь убила. Мир людских отношений...

«В чаще» — это рассказ о непознаваемости и неоднозначности истины, да. Но еще, и важнее — это рассказ о человеческом благородстве, о стоицизме, и о том, что каждый человек воспринимает жизнь в соответствии со своим мировоззрением. И одновременно, одновременно!! О том, что ты можешь думать о реальности что угодно, не соглашаясь с другими, — но реальный результат всегда будет один и тот же! Независимо от ваших мыслей и споров о мотивах и обстоятельствах.

Короче. Жизненная позиция человека диктует ему образ правды. Что бы ты ни видел — это твоя собственная проекция на мир реальности.

А вот чудный пример из литературы уже иного жанра — «Искусство приобретать друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги. Эта книга пользовалась бешеным успехом: миллионы людей учились по ней корректировать свою жизнь. Да, так толпы полиции штурмуют квартиру в Нью-Йорке, где отстреливается гангстер Френсис «Два ствола» Кроули. Он перестрелял кучу народу, причем без необходимости убийств ни по ходу грабежей, ни для ухода от погони — а вот к случаю пришлось, типа подвинуть в сторону. И этот убийца, пятная своей кровью бумагу, пишет, когда кончились патроны: «Под моим пиджаком бьется усталое, но доброе сердце, которое никому не хотело зла». Готовясь к казни в тюрьме Синг-Синг, он с горечью произнес: «Вот что я получаю за то, что защищал людей».

Человек искренне видит одно — а окружающие получают от него вовсе даже другое из двух 9-миллиметровых пистолетов. Однако на пороге смерти не лгут — Кроули видел себя несчастной жертвой.

Борьба с образом

Информационные войны идут на уровне борьбы одних стереотипов с другими. Одна информационная модель, в той или иной мере искусственная, вымышленная — противопоставляется другой информационной модели.

Трафарет правды борется с трафаретом лжи — как борец представляет себе ситуацию.

Политическая, идеологическая, социальная, культурная война в обществе или между обществами, или с отдельными личностями — обычно ведется не на уровне адекватной информации, но на уровне искаженных информационных образов.

Вот есть человек, или его книга, или теория. Шаг первый к созданию негативного информационного трафарета: объект неадекватно истолкован, его мотивы и действия искажены, детали перевернаны, доказательства подтасованы. Цель заранее задана: создать негатив.

А вот критик-толкователь. Он имеет собственный взгляд на предмет обсуждения, затронутый кем-то другим. Причем этот взгляд как правило не самостоятелен, но заемный. Он базируется на искусственном, сконструированном мировоззрении — и со своей позиции рассматривает не предмет спора (как вещь-саму-по-себе), но его информационную модель.

Меломан с образованием заочной музыкальной школы критикует пение Карузо, которое Мойша изобразил ему по телефону. Этот древний одесский анекдот удивительно точно отображает суть оценок, выносимых большинством оценщиков.

Связь между рассматриваемым объектом и аналитическим мозговым центром организована по принципу испорченного телефона в придачу к кривым очкам. Тэкэээть, атмосферная рефракция и горное эхо.

Конкретный информационный образ правды борется с образом неправды. Образ правды — чаще всего плод демагогии и корпоративной истины, вложенный в мозг борца. А образ неправды создан тем же лагерем единомышленников и корпорантов, откорректирован тем же мировоззрением приверженцев как им враждебный. Точки зрения сшибаются со звоном и пролетают друг мимо друга, предьявляя победный звук.

И что важно в борьбе образов: часть критикуемой информации умалчивается, часть искажается, часть трактуется заведомо

недобросовестно, в своих интересах. А собственная информация по мере нужды освобождается от конкретики и переводится на уровень демагогии — то есть формально верных утверждений, относящихся к некоей абстрактной действительности без прямой конкретной связи с темой борьбы.

Игнорируя ряд принципиальных фактов и достоверных источников, борец обрушивается на выводы оппонента, оставшиеся без доказательств и вне связи с контекстом. То есть: он обрушивается на информационную модель оппонента, которую сам же создал, резко исказив первоисточник.

То есть: сначала ставится себе задача — еще раз подтвердить, что я прав, по жизни вообще и здесь конкретно. Это даже не задача, это дежурная позиция, на том стоим и стоять будем. Затем образ оппонента рассматривается избирательно: все сильные аргументы против нас мы утопим, затеним, уменьшим, проигнорируем — зато слабые места и ошибки раздуем, раскрасим и выставим на всеобщее обозрение.

Ложь дискуссии рождается из изначально ошибочной, недобросовестной информации. Из сознательного нежелания или психологической невозможности адекватно оценить исходную информацию. Из вольного или невольного непонимания исходного материала — то есть исходная информация не приведена во взаимообусловленное единство на своем месте с общим корпусом информации всего культурного пространства.

То есть: дискуссии на гуманитарные темы не научны в том смысле, что не воспроизводят изначально условия корректного опыта. Они умственно недобросовестны. Их предмет как правило не оговорен корректно.

Какая может быть дискуссия о свободе, если сначала не оговорено для данной дискуссии понимание свободы, границы и смысл термина? Какой спор о хорошем или плохом человеке, если нет объективного рассмотрения личности и жизни этого человека на всем протяжении и в перспективе — причем не «вообще», а конкретно с точки зрения добра или зла в парадигме морали, или достижения политической цели, или адаптации в группе и т. д.

Любой дискуссии как правило предшествует искажение реальности.

Нежелание анализировать исходную реальность объясняется стремлением утвердить собственную истину — индивидуальную, групповую, корпоративную.

Необъективность в дискуссии объясняется стремлением к победе и самоутверждению. Где разум как способность к анализу информации всегда играет подчиненную роль.

Работая с образами — мы не стремимся к объективности. Мы

стремимся к достижению своей цели. И информационный образ объекта неизбежно и необходимо корректируется в соответствии с полезностью и нужностью избранной точки зрения.

Коррекция информационного образа объекта подчинена цели рассмотрения этого объекта.

Очень коротко: субъект норовит бессознательно врать про объект для своей пользы.

Медийный образ

«С человеком надо пуд соли съесть», — это, значит, чтобы его как следует узнать. А то простое ежедневное знание по бытовому общению — оно поверхностное, неглубокое. Как себя поведет человек в серьезной ситуации, чем он дышит, каков он на самом деле — это еще разобраться надо. Можно всю жизнь рядом в конторе проработать — и не узнать: а он шпион, или детей на пожаре спас, или тайный маньяк-убийца.

«Подать себя в лучшем свете», «Показать себя с выгодной стороны», — это что значит? Это значит создать о себе хорошее впечатление в чьих-то глазах. То есть? А если на самом деле ты жадный, подлый и трусливый с двумя судимостями по позорным статьям? Но ты изображаешь из себя на встрече джентльмена с безупречными манерами и умным лицом. Одеться грамотно, говорить скупно, шуткам смеяться без ржания и в скатерть не сморкаться.

Ты создал образ для употребления возможными партнерами. Вообще ты задумал их обобрать, ты профессиональный мошенник. И в твои профессиональные умения входит создавать образ честнейшего бизнесмена, вызывающего полное доверие и дружескую симпатию.

А потом суд, свидетели заламывают руки, пострадавшие ахают и стонут: такой приличный молодой человек, кто бы мог подумать!..

Это — самый простой пример расхождения между сутью человека и его образом в глазах окружающих.

Между образом человека, создаваемым для внешнего употребления, и сутью человека — всегда ножницы. То есть всегда.

Некоторые вещи «как бы» не входят в образ по умолчанию. Отправление физиологических потребностей, ковыряние в носу, некоторая интимная гигиена и прочее рыгание. Если элементы подобного интима включить в свой публичный образ — скажут о шоке, эпатаже, вульгарности и в лучшем случае художественной оригинальности. Здесь — люфт между публичным образом и лично-интимным — обычный люфт, стандартный, можно сказать.

А вот суровый начальник. Требовательный, неподкупный. Этот образ — для подчиненных. А для его вышестоящих начальников — образ другой: услужлив, понятлив, исполнитель, скромен, шутке подхихикнет в меру. О, а вот и образ для домашнего употребления: молодая стерва-жена вьет из старпера веревки, и он все терпит, и счета оплачивает безропотно, и

любовников в лицо знает, лишь бы не ушла и в постели до тела допустила. Но иногда ездит к проститутке садо-мазо, и за хорошие деньги хлещет ее плетью, кроет матюгами и подвергает ужасным способам, которые даже сексуальными назвать нельзя, но ему в наслаждение: душеньку отведет до оргазма.

Широка, говорите, русская душа? Это вы бросьте, ширина категория геометрическая и национальности не имеет.

...Короче — мы имеем дело не с человеком, а с его образом. Иначе выражаясь — с его информационной моделью. И он никогда не горит желанием выкладывать тебе адекватно всю информацию о себе.

И. Мы составляем мнение о человеке на основании той информации, которой располагаем. Вот вывалился компромат — и человек оказался хуже (его информационный образ стал хуже). И вдруг — опровержение — клевета все! И образ вернулся в первобытное состояние: вон крылья белые за спиной растут.

Но. Поскольку чужая душа потемки. А мнение иметь о человеке надо, чтобы с ним какие-то отношения строить и вообще в картину мира вписать. То мы идентифицируем суть человека с его информационной моделью, которой располагаем.

И вот тут начинаются технологии.

Реклама, хвала, рассказы о подвигах и достоинствах — это создание резко позитивного образа. А суть может остаться прежней, нетронутой, даже и незначительной может остаться: ничтожный мужичонка.

Клевета, очернение, раздувание ошибок — и вот мы имеем отрицательный образ. А человек, может быть, на самом деле хороший. Опустить его решили конкуренты в бизнесе или политике, обычное дело. Ан народ верит!

Чем дальше ты от человека, не знакомого лично — тем легче впарить тебе о нем все, что угодно. От святости и гениальности до детоубийства и паранойи.

Тут — оп! — происходит подмена знания верой. Вот ты черпаешь из телевизора массу информации. В том числе погода, биржевые курсы, передачи о науке и искусстве. Владение этой информацией, имение ее в своей голове ты называешь знанием. Информация эта рациональна, логична, и по всему соответствует действительности. Кроме погоды на завтра, конечно.

Тебе рассказывают биографии звезд, ученых, политиков. И вроде все верно. Даты, награды, встречи. Ты получаешь знание этого.

И вот тебе начинают в авторитетной телепередаче рассказывать, что

такой-то человек — негодяй и лжец. И приводятся примеры, которые ты лично не можешь проверить. И знакомые твои не могут. И вы верите тому, что услышали. Ну, пока не услышите серьезных опровержений.

А если все СМИ задудели в одну дуду? Хана тебе, мальчик. Это и есть правда. Всеобщее мнение. Знание! Раз все знают.

А если это повторить десять тысяч раз? Тогда это бесспорная истина. И сомневаться не в чем! Это — часть нашего мира в нашем представлении.

А называется это не шибко изящным словом «пропаганда». Это компостер для ваших мозгов. Это вкладывание в ваш мозг образа, специально созданного для вас. Чтоб вы вели себя так, как надо заказчику пропаганды.

А для примеров:

ТРОЦКИЙ. Этот образ в России — а в основном в СССР — претерпел самую полную метаморфозу. В революцию 1905 года Троцкий был одним из создателей и председателем первого Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1908 году основал и стал выпускать газету «Правда». В 1917 организовал и возглавил Октябрьский переворот и произнес историческую первую речь на Съезде советов. Как наркоминдел почти полгода оттягивал договор с Германией; слово «нарком» — народный комиссар — придумал и ввел он. Как наркомвоенмор воссоздал систему военкоматов, создал Красную Армию, призвал офицеров больше, чем служило у белых, лично нарисовал и приказал ввести орден Красного Знамени, лично написал текст Присяги, два года в своем поезде мотался по фронтам, командуя и контролируя. Ленин был стратег и глава партии — Троцкий был практик и командующий эпохи революции и Гражданской войны. Это был тандем. Портрет Троцкого висел в каждом Красном уголке каждой армейской части. Он был Номер Два — почти наравне с Номером Один. Его авторитет был колоссален — после Ленина несравним ни с чьим.

Через пять лет после смерти Ленина Троцкий был усилиями сотоварищей смещен со всех постов, исключен из Партии, сослан в Казахстан, а затем выслан из пределов СССР. Все его друзья и выдвиженцы были расстреляны. А сам он был объявлен главным врагом народа, смыт со всех фотографий, замазан на всех картинах, все статьи и книги были изъяты, и упоминался исключительно в отрицательном аспекте: враг народа, враг Ленина, предатель дела революции, оппортунист, ревизионист, и главное — троцкист! — и основатель троцкизма. Что такое «троцкизм» никто толком сказать не мог, но сажали и расстреливали за него исправно. И никто не смел слова сказать иначе! А уж как до хрипоты обличали его на собраниях и требовали расстрела врагам народа — троцкистам!

А следующее поколение, уже не помнившее великой славы и свершений Троцкого, имело это все за чистую правду. А иное мнение — за вражеское и предательское.

Вот вам две информационные модели одного и того же человека. И инакомыслие расценивалось как преступление и акт вражды!

СТАЛИН. Вот прямо сегодня — как две стороны одной медали. Сторонники и поклонники знают и помнят: скромн в быту, один из вождей революции, соратник Ленина, провел индустриализацию страны, при нем расцвели колхозы и задымили заводы, благодаря ему победили в Великой Отечественной войне, его уважали Рузвельт и Черчилль, при нем создали атомную бомбу и социалистическую систему стран. И было равенство, социальные лифты и гарантии, трудолюбие, и не было коррупции. А поносят его сегодня наймиты Запада, казнокрады и развратники, ненавидящие свою страну и свою культуру, которых неплохо бы раскулачить и кое-кого пристрелить.

Антисталинисты заходятся в негодовании и готовы передуть наследников Сталина, но уже фигурально: морально уничтожить и умственно развенчать мерзавцев. Эта посредственность уничтожила цвет русского крестьянства, выморила миллионы людей голодомором и миллионы в ГУЛАГе, сельское хозяйство опущено и подбито навсегда, все заводы строили американские инженеры и выпускалось там только оружие, в войну забросали врага трупами и цифры потерь засекретили, всю верхушку Партии он уничтожил, науку разгромил и поставил под контроль идеологии, все самостоятельное уничтожил, правили серости, и все боялись слово лишнее сказать.

Спор слепого с глухим: осталось пять тысяч книг с пометками этого много читавшего, образованного и умного человека! — нет, он был так коварен и цинично жесток, что пересажал даже жен своих ближайших подручных — Молотова, Кагановича и компании! Он спал на казенном диване, после него остались подшитые сапоги, старая шинель и деньги на партвзносы в ящике стола! — нет, он угробил генетику и кибернетику в СССР, заставил запуганных людей жить в нищете, запретил всем ездить за границу, умертвил литературу и живопись! При нем уничтожалось все талантливое! — неправда, при нем беспризорники становились академиками!

Заметьте — никто из ныне спорящих Сталина живьем и близко не знал. Каждый имеет дело с информационной моделью — и вот эти модели у них разные. Мы сейчас не про то, где тут правда. Мы про то, что правда каждого здесь слеплена из информационных блоков, которые он получил со

стороны в готовом виде.

ГИТЛЕР. Предельно простой вопрос. Воплощения сатанинского зла, фашист и убийца. Развязал страшнейшую и самую кровавую войну в истории. Поголовно уничтожал всех евреев, цыган, гомосексуалистов и коммунистов. Помутил рассудок всех немцев и сделал народ преступниками.

Это не подлежит сомнению. Никакие оправдания недопустимы и невозможны. Всемерное осуждение Гитлера безоговорочно. Чудовище!

А можно ли помянуть, что Адольф Гитлер любил свою мать и переживал ее раннюю смерть? Это ведь правда. Да, это правда. Но говорить любую человеческую правду об этом монстре как-то нехорошо. Что-то в этом неправильное. Хотя это и правда.

А то, что он был патриот Германии и добровольцем записался в армию после начала Первой мировой (хотя был подданным Австрии)? И был храбрый солдат, ранен, травлен газами, награжден? Ну, мы вынуждены признать, что это тоже правда... но это никак не отменяет всех его злодеяний!

Разумеется не отменяет. А еще он был блестящий оратор, приводивший толпы в экстаз. А-а, площадной горлопан, кривляка, истеричный актер, умел толпе лапши на уши навешать. Пусть так — но возбудить и подчинить своим мыслям и чувствам мог, да.

А это ничего, что он в несколько лет уничтожил безработицу и резко поднял жизненный уровень всех немцев? Да — а вы забыли экспроприацию всего имущества евреев, Ночь длинных ножей и Хрустальную ночь, концлагеря и доносы, штурмовиков и СС? Нет, мы помним, и лучше было Гитлера уничтожить в колыбели, никто не спорит... а, в колыбели негуманно? Ладно, тогда в восемнадцать лет, а еще лучше — убить на фронте, прекрасный выход, но — не случилось. Все его зло — заслуживает вечных адских мук. Но безработица кончилась? Уровень поднялся?

Развязывание Второй Мировой войны — эпохальное преступление. Но объединение с Австрией, немцами Судетов и коридор в Данциг — это было законное право немецкого народа? Погодите, погодите: и Ллойд-Джордж, и Ленин, (кому Ллойд-Джордж не нравится) говорили еще в 1919 году после Версальского договора — буквально в голос: «В этом несправедливом и грабительском мире я вижу все основания и зачатки неизбежной и скорой будущей войны». Это когда Германии и обкорнанной Австрии запретили соединиться, чего они обе хотели, отрезали от Германии населенные немцами Судеты в пользу создаваемой Чехословакии (которой не было

никогда раньше) и оттяпали немелкие куски Германии в пользу Польши, которой вернули утерянную полтора века назад государственность. Плюс наложили контрибуцию, которая на пятнадцать лет ввергла немцев в страшную нищету — аккуратную, гордую, сдержанную нищету. Кстати — СССР очень порицал Англию с Францией за это зверство и сочувствовал Германии.

Допустим, я полагаю, что в 1945 году СС следовало расстрелять поголовно — по спискам и по алфавиту. Но. Если устав СС не одобрял спиртного и курения и утверждал как ценность крепкую семью — есть ли это плохо само по себе? С точки зрения плодить больше здоровых эсэсовцев — это, конечно, плохо. А вот с точки зрения придерживаться этих именно взглядов — безусловно хорошо. Нет?

А у вас не появилось сейчас чувство неловкости и протеста: не может быть в СС абсолютно ничего хорошего! Почему? Потому что доминантный информационный вектор, простите за выражение, преобладает над всей прочей информацией, приобретающей под его воздействием общую негативную окраску. То есть: да, было и хорошее, но плохое так велико и ужасно, что говорить о чем бы то ни было хорошем — недопустимо, безнравственно, это равносильно частичному оправданию фашизма. Такова простейшая бытовая логика.

С точки зрения цельной нравственности — в эсэсовцах все ужасно. Как они изображались в советских книгах военного и послевоенного времени: вонючие, уродливые, глупые и подлые.

А почему телешедвр 1970-х — «17 мгновений весны» подал нам умных и обаятельных красавцев в элегантной черной форме СС от Хуго Босс? Это был акт эстетического протеста, крамольно и нагло переходящего в протест политический: всех уже так задолбала тупая советская власть, что даже злейших ее — наших! — врагов хотелось облагородить: для разнообразия и чтоб показать фигу в кармане.

Мы создаем медийный образ в соответствии со своими симпатиями и пожеланиями — и потом сами подпадаем под его воздействие — имея за правду собственное творение, собой же созданную информационную модель.

А вот «маршал Победы» — Жуков Георгий Константинович. Посреди Манежной площади на бронзовом коне. Где Жуков — там победа. Любое слово против Жукова — оскорбляются военные журналисты, военные историки и широкие слои фанатов. Про ветеранов войны сказать уже невозможно — умерли все, тысяча глубоких стариков за девяносто много уже не опишут и не рассудят. Они его знали? Нет — они о нем слышали и

читали. Что слышали? — А то, что им сказали. Если же начать приводить факты и цифры, даты и результаты — выясняется, что все сражения Жуков выигрывал только при несколькократном преимуществе над противником в живой силе и технике, с гораздо большими потерями; а все неудачи и провалы умело перекладывал на других, избегая ответственности во всех рискованных случаях. Зато удачи приписывал себе. За что и был Сталиным после войны снят, понижен и удален.

Но. Поскольку в войне, особенно в страшной и выигранной войне необходим герой-гениальный-полководец, а Сталина Никита в 1956-м развенчал посмертно из вождя-гениального-полководца в кровавого организатора репрессий, проспавшего начало войны и воевавшего по глобусу. То! Освободился пьедестал под обязательный памятник! А кого ставить? Жукова и поставили. Но на всякий случай подождали, пока умрет, а то черт его знает, чего он наворотит с его бонапартизмом. В искусстве и пропаганде 1945–1965 годов Жуков ни разу не великий. Только еще с 1953 по 1957 был велик — это когда Хрущев его поднял и использовал, пока не выкинул вон от греха подальше.

...Таким образом. Журналисты и политехнологи. В кинофильмах и телесериалах, газетах и порталах, книгах и подборках новостей. Создают медийную, виртуальную, параллельную действительность. И в ней — медийные образы, которые лепятся и переделываются по заказу. Так шьют костюм, скрывающий недостатки фигуры, и так шьют дело из материала заказчика. И за неимением гербовой потребитель читает на простой. Проглатывает и усваивает не переваривая. Ибо ему фабрикуют продукт, готовый к усвоению без переваривания. Его уже за тебя и для тебя переварили, ты знай рот разевай.

Ты знаешь то, что тебе предназначили знать. И веришь в то, во что тебя заставили поверить. Тебя играют втемную, дурачок.

И запомни. Чтобы знать правду — необходимо узнать и понять разного-всякого раз в двадцать больше нужного, оно переплетено вокруг этой правды, маленький кусочек которой из всего этого слепленного воедино, сотканного, сросшегося пространства и времени тебе вздумалось узнать и понять. Понятно, что большинство пьет из копытца и с переменным успехом проживает жизнь козленочками.

Отказ от правды, отказ сменить свою точку зрения, пусть глупую и заемную — это еще и лень душевная, слабость мозговая, нежелание разбираться самому, что там кругом всего наверху.

Человек толпы — как птенец с разинутым ртом: так и просит — вложи мне готовое, мне же нужно иметь мнение.

Они тебе вложат. Всю жизнь от геморроя мозга лечиться будешь.

Берия

Вот уж человек, правда и неправда в образе которого менялись местами, как акробат крутит сальто.

Когда Сталин в 1938 году заменил в НКВД Ежова на Берию — Лаврентий Павлович мгновенно стал всенародно знаменитым и любимым верным ленинцем, беззаветно отдающим все силы борьбе с врагами народа. Он стал членом Политбюро ЦК ВКП(б), его портреты висели на стенах между Сталиным и Молотовым, их несли на демонстрациях по Красной площади, его именем назывались пионерские дружины и корабли. Все знали правду, и она состояла в том, что Берия хороший человек, много делает для страны и радеет за народ. Он выпустил на свободу незаконно репрессированных при Ежове, он курирует массу важнейших отраслей промышленности, и вообще он друг пионеров.

После смерти Сталина Берия был утвержден первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР и министром МВД (куда входило и бывшее МГБ, то есть ведомства госбезопасности и внутренних дел). И по реальному весу, будучи главой всех внутренних сил и имея огромное влияние и авторитет в административных кругах, стал номером первым во власти.

Через четыре месяца товарищи по партии его сместили, обвинили в шпионаже и попытке реставрации капитализма плюс моральное разложение, и быстро расстреляли. Ну а когда его маненечко того, тогда узнали мы всю правду про него: чуть коммунизм не завалил, кругом всех девушек растлил, и что не видел дальше носа своего. Из песни слова не выкинешь, да! Всю прежнюю информацию о Берии изъяли и запретили. А взамен довели до всеобщего сведения новый ее вариант. Последний. «Последний» — это идеологический синоним слова «подлинный».

Под куплеты «Берия-Берия, потерял доверие, а товарищ Маленков надавал ему пинков!» ошарашенные сограждане узнали правду. Берия Лаврентий Павлович был чудовищный развратник, его холуи затаскивали в его страшный черный автомобиль красивых несовершеннолетних девочек прямо днем на улицах. Свежие девочки сменяли прежних в его гареме, и больше несчастных никто никогда не видел. Его страшная власть была безгранична, он по макушку в крови невинных жертв, по его приказам расстреляли и посадили миллионы. Его все боялись, он стремился удовлетворять свои самые низменные инстинкты. Не говоря уже о том, что

он сговорился с капиталистами отдать им Социалистическую Восточную Германию и изменил учению Ленина-Сталина, извратив социализм; а также английский шпион. То, что объявила газета «Правда» — и было в СССР правдой. И народ верил! Ну, подавляющее большинство точно верило. А чему еще верить?

М-да — и лишь ничтожная часть старых, битых, умных понимала, что властная группа — Маленков-Молотов-Булганин-Хрущев — просто вешает на Берию все грехи и оправдывает свою борьбу за власть. Для народа это чересчур сложно.

...И проходит пятнадцать лет, и в одном ленинградском доме я, студент в гостях, случайно вижу и слушаю физика-ядерщика, оборонщика, последнего живого из семнадцати человек первого набора Курчатовской группы. Бомбу, стало быть, они делали.

Огромная комната в коммуналке, четырехметровые потолки, свет люстры над длинным столом не доходит до полутемных углов, сохраненный хрусталь и скромное меню с вином и бутылкой водки. Уцелевшая ленинградская интеллигенция.

За столом сидели старики и говорили о своем, давнем. Зашла речь о Берии — время «культпросвета» было. И этот физик крайне высоко отзывается об административных и руководящих качествах Берии. Удивительно быстро, говорит, вникал в вопрос. Трудности понимал, гнал в шею — да, но никого не наказывал. Все требуемое — обеспечивал беспрекословно. Нервы не мотал. И сам себя загонял тоже, мы же видели. Вообще производил впечатление человека отзывчивого и не злого. И умен, этого не отнимешь. Умел нестандартно подойти к вопросу.

Батюшки-светы. Оказывается, Берия курировал советский атомный проект! Вот ка-ак... Важнее в те годы ничего не было. И хорошо курировал, утверждает тот, кто делал бомбу!..

У меня в конце стола рот открывался, и оливье из него вываливалось. Я такого и вообразить не мог. Берия был кровопийца! Развратник! Преступник! И тут такое твою мать. Нет, я, разумеется, не собирался как верный комсомолец поехать на Литейный и просигнализировать в КГБ о враге народа и его подрывных разговорах. Но охречение было сильное. Я, как бы это выразиться, испытывал чувство отчуждения и неприязни к этому человеку из-за его слов. Я находился в компании своего идеологического врага, врага советской власти и нашего образа мыслей. О! — врага наших ценностей! Тогда это слово еще не было в ходу.

Но при этом — я испытывал к нему огромное уважение и общечеловеческую благодарность! Он — физик-теоретик из группы самого

Курчатова, человек-легенда, гений и самосожженец науки, настоящий советский ученый и патриот. Это ему и его коллегам и друзьям мы обязаны миром на Земле, нашим военным могуществом и славой. Да для меня честь находиться с ним в одной комнате!

Оборота «когнитивный диссонанс» тогда тоже не было. Не знали даже выражения «психологическая сшибка». А сшибка была будьте-нате.

...Я долго шел ленинградским поздним вечером к себе, курил и, ясно дело, думал. Пытался думать. Как это так. Высочайшие достоинства этого физика и его честность сомнению не подлежат. Берия — не просто кровавый палач, садист и развратник, это вообще синоним мерзкого изверга, тоже сомнению не подлежит. Как же так?

А наутро я об этом не думал, ехал на лекции, потом мы шли в столовку, потом в библиотеку, потом пить в общагу, и было нам по восемнадцать лет, думать ой сколько было о чем, а чувствовать еще больше, а дел так вообще такую кучу и представить невозможно.

...И вот мне уже за тридцать. Брежневский застой. Пьем и ночь разговариваем с ровесником, писателем из Киева. Образованный человек в истории и политике. И он повествует, как Берия выпустил народ из лагерей в 53-м году. И первым делом прекратил дело врачей-убийц и тоже всех выпустил. И все приготовления к массовой депортации евреев на Дальний Восток с крушением поезда интеллигентской элиты на Байкале тоже отменил. Но дело даже не в этом. А в том, что он хотел провести антибюрократические реформы. Даже — антисоциалистические. Прекратить идиотизм планового хозяйства. Своего рода НЭП вернуть. А это требовало сузить безграничные полномочия Коммунистической Партии, понизить ее роль — чтоб не руководила всем на свете. Чтоб присланный из города секретарь сельского райкома не приказывал колхозникам, когда сеять. Чтоб не пахать в конце месяца-квартала-года, выполняя план — а работать нормально, по уму, и делать не то, что тебе запланировали, а потом выбросят — а то, что нужно людям, что все покупать захотят. Короче, реформа планового социализма в сторону свободного конкурентного капитализма. С прямой материальной заинтересованностью в качестве и нужности своей продукции. Вот за это товарищи по партии его и шлепнули — жуковские офицеры прямо в кремлевском коридоре пристрелили и вынесли в ковре. Какой суд?! — дивизия Дзержинского, чтоб бои в Москве, кому оно все на хрен надо.

И проходит время. И товарищ Берия оказывается ох не простым товарищем. И лучше бы он сам в 53-м холодном году перестрелял Хрущева с Булганиным и Молотова с Маленковым. И пошла бы наша история

другим путем. Куда более разумным, гуманным и благополучным. Прав был мой старый товарищ, давно съехавший в дальние дали.

Да — Берия исполнял приказы, и руководил депортацией народов, и его ведомство следило за людьми, и сажало по разнарядке, поставляя гулаговских рабов на стройки страны, и расстреливали тех, кого сочли политическими врагами — хотя масштаб, конечно, не 37-го года, террора такого уже не было. Но он, уничтожив массу народа на Кавказе и везде, совершил злодеяний столько, сколько подобало фигуре его уровня: он был функционер, член внутренней партии, репрессии — это был необходимый аспект карьеры и вообще делания больших дел по руководящей линии.

При этом. Он не был палачом по своей сущности. По психологии и мировоззрению. Просто — а вот такая работа была. Даже палач может не одобрять какие-то казни — но он уже работник цеха и член команды, он рубит по обязанности, без злобы. Ага.

Он хотел власти — безусловно, как все они. Он был умен — бесспорно; пожалуй, умней остальных. Переоценил себя, недооценил коллег — обычная ошибка, бывает. Но. Он собрался всерьез развернуть страну. Реформировать. Сохраняя власть и контроль партии — перейти, говоря сегодняшним языком, к рыночным отношениям. Но без коррупции и бандитизма — государство будет жестко следить за соблюдением законов, ГБ и менты у него в кулаке. А вот жестокости без необходимости, запугивания народа, репрессий — вот этого нам не надо. Нам надо, чтоб человек работал свободно — потому что иначе мы проигрываем Западу и будем проигрывать. И не будет тогда прочно ни наше государство, ни наша идея. Потому что в другую сторону смотреть люди будут.

А еще — он-то лучше всех знал, что вся документация по атомному проекту украдена у американцев, и фактически мы скопировали «незаконно-лицензионную» бомбу, которую они разработали, создали и испытали. А дальше что? Так и красть всю жизнь?.. А если не удастся?

...Ну, а если у него кроме законной жены была еще одна постоянная любовница-содержанка-гражданская-подруга-молодая, которую он любил, — так это уж дело настолько обычное, что рядить тут не о чем. Это такой же зловещий разврат, как шпионаж на Англию. Они вам сочинят про вашего дедушку-пирата.

Вот вам Берия-хороший — любимый руководитель и верный сподвижник великого Сталина, вот вам Берия-плохой — садист и сексуальный маньяк, убийца и шпион, враг социализма и предатель, а вот вам Берия черно-белый — кровищи понапускал, но придя к власти стал делать добро и планы имел величественные и благотворные, да убили его

соперники.

И выбирай себе правду какую хочешь.

Но! Чем больше информации, чем основательнее ты ее переварил и сопоставил все факты — тем картина, открывшаяся тебе, к правде и ближе.

Правда — это знание. Вместо знания тебе забивают мозг пропагандой. Правду надо искать, и нельзя принимать ее на веру. Правда может шокировать, скандализовать, обрушить тебя в обморок и вообще привести в сумасшедший дом. Не верь, не бойся, не проси!

И когда обалдение и негодование от поступившей к тебе информации схлынет — начинай думать и проверять. Лишь Бог всегда прав.

Сталин и Троцкий — имидж

Вклад Троцкого и Сталина в победу и становление Советской власти, заслуги их перед партией — к моменту смерти Ленина были несоизмеримы.

Троцкий был Номером Вторым — председатель Петросовета, организатор и руководитель Октябрьского переворота, нарком иностранных дел и нарком военно-морских, создатель и руководитель Красной Армии; он ввел орден Красного знамени и написал текст присяги, он был председателем РВС — Революционного Военного Комитета и осуществлял верховное командование всеми военными действиями, приведшими к победе в Гражданской войне. Он был знаменитый теоретик коммунизма и первый оратор страны.

Сталин к тому моменту был не шибко учен, по-русски говорил с еще большим акцентом, чем позднее, должность в 1917 году редактора «Правды» была технической, пост наркома по национальным делам специально для него создали по указанию Ленина, чтоб поддержать повыше верного исполнителя. Членом РВС фронтов его также ставил Ленин: Сталин кусал ненавидимого им Троцкого, которому сильно завидовал, а Ленину нужен был «сдерживатель-враг» популярного и блестящего Троцкого. Чтоб совсем уж не заносился и нервничал. И должность генерального секретаря ЦК РКП(б), на которую в 1922 г. поставили Сталина, была тогда чисто организационно-технической.

Имиджи у них в глазах партии и народа были несопоставимы.

И вот после смерти Ленина Троцкий, в сознании своих заслуг и возможностей, имея за собой преданную Красную Армию, особо даже не заморачивался. Политбюро было органом коллегиальным, все решения принимались голосованием, а аргументация и авторитет Троцкого на обсуждениях всегда были выше. И идеи его были ярче и значительнее.

Ну, вопрос практической внутрипартийной борьбы в верхах Сталин решил аппаратными союзами и интригами. Из зависти и страха товарищи по партии объединялись против Троцкого последовательными блоками — и сожрали друг друга, а Троцкий был первым зарезанным пирогом. Плюс выдвиженцы Сталина голосовали по его указке, заботясь о собственных карьерах. И с армии Троцкого сняли.

Но куда мы денем славу Троцкого огромную, заслуги несравненные, авторитет бескрайний? И Сталин, который уже начал учиться, и учился всю

оставшуюся жизнь очень трудолюбиво, приступил к разрушению имиджа Троцкого.

Сначала он писал свои речи для съездов и пленумов. Где льстил залу и критиковал Троцкого, сомневаясь в его былых заслугах. Потом к этому делу подключили газеты. На политинформациях — а их проводили в каждом цехе и в каждой конторе — лекторы и политинформаторы открывали все новые сведения о Троцком, и чем дальше тем хуже.

И вот уже всем внушалось всеми имеющимися способами, что ничего особенного Троцкий не сделал, с Лениным всегда враждовал, взгляды имел неправильные, и не зря сам наш великий и святой Ильич называл его не иначе как: «Иудушка Троцкий». Все портреты его убрали, на всех фотографиях заретушировали, из всех документов вычеркнули, книги изъяли.

И если в 1924 году великий товарищ Троцкий был Вождь Революции № 2 и создатель Красной Армии — то в 1929 году за связь с ним и вообще «троцкизм» сажали и расстреливали. Потому что негодяй и смертельный враг.

Образ Троцкого в глазах народа претерпел разительное изменение. Прошло еще пятнадцать лет — и практически все, кто его знал и помнил, были уничтожены. А поколение, еще хранящее память прошлых времен, было запугано до ужаса и оболванено до состояния полена. И через четверть века после его свержения со всех высот — он стал воплощением зла и предательства, подлый враг народа, исчадие ада. Информационная модель была создана, отшлифована и вбита в сознание масс.

И! Что характерно! Теперь правда о Троцком — воспринималась пугливым и ошарашенным собеседником как государственное преступление! Покушение на святые устои нашей родной страны! Попытка сказать такую правду расценивалась как поступок безнравственный и враждебный! Это было враждебно нашему патриотизму и любви к родине — а уж это чувства святые!

Одновременно враждебной подлостью и гадской пропагандой воспринимались слова, что Троцкого убил советский агент по приказу Сталина. Мы?! Убийство?! За границей?! Никогда!..

Но. Товарищ Сталин уничтожил образ вождя товарища Троцкого и заменил его образом врага и негодяя без заслуг — не для того, чтобы свято место пустовало. Одновременно он занялся полезнейшим делом создания собственного образа. И преуспел в нем на удивление историков и к восторгу океана фанатов.

Во-первых, еще ранее сокрушения Троцкого, Сталин начал создание

исполинского и божественного образа Всемирного Гения Ленина. Ленин затенял все и всех. Близко никто не стоял по способностям и величию качеств и заслуг. Заоблачный Исполин. А Сталин — сподвижник, младший друг, единственный ученик, приближенный помощник. Наследник Великого Вождя, благословленный им на продолжение дела и осененный во всех свершениях его гением и его наследием.

Во-вторых, ликвидировать и опорочить, предав позору и забвению, всех реальных соратников и друзей Ленина, товарищей по партии и элиту Революции и государства. Бухарин больше не теоретик, с Зиновьевым Ленин в Разливе больше от полиции не скрывался, Каменев больше не идеолог и не функционер элиты, Пятаков — не любимец партии, Рыков и Томский — враги. Все они ренегаты, оппортунисты, предатели, раскольники, скрытые и явные враги народа, извращенцы марксизма-ленинизма, а также троцкисты. Всех — сняли, опозорили, расстреляли и внесли в поучительный мартиролог презренных врагов. Хоп! — и поле чисто, а посередине — Сталин в белом.

В-третьих — тщательный отбор друзей и сторонников, превозносящих гений Сталина. Мгновенно умершие вслед за Лениным Дзержинский (ох много знал!..) и Фрунзе. Тупые и верные Ворошилов и Буденный, быстро понявшие функцию лизания сапога. Тупые исполнительные подручные Молотов и Каганович.

В-четвертых — контроль за тоталитарной пропагандой, в несколько лет слепившей из Сталина образ гениального теоретика, непобедимого практика, которого Ленин посылал в труднейшие места и Сталин с блеском перевыполнял любые задачи. Незаменимый руководитель, любимый вождь!

В-пятых — придать Вождю нужные качества и отполировать образ до блеска. Он скромный и неприхотлив, у него трудная и славная биография, полная опасностей и побед, он работает без отдыха и сна на благо народа и страны, он бескорыстен и отзывчив, добр к своим и беспощаден к нашим врагам, у него добрый юмор и непобедимое обаяние, он такой простой и в то же время такой образованный и мудрый!..

Н-ну — и как тут не застонать от счастья и любви?.. Какой Вождь нам достался! Что бы мы без него делали!

...И все это не имело ну почти вовсе никакого отношения к рябому от оспы, маленькому и сухорукому грузину Джугашвили. Он был хитер, коварен, скрытен и мстителен. Бесконечно честолюбив и властолюбив. Очень завистлив и ревнив. Не верил никому. Был бесконечно терпелив и очень жесток, беспощаден был. Вкусы и манеры имел грубые, юмор

хамский. С годами зауважал себя за волю, ум и победы так, что никого из людей как соперника или равного себе и близко рядом не представлял. К людям относился цинично, потребительски, безжалостно.

И когда сегодня сталинисты и антисталинисты сцепляются — это они пытаются оставить только один из двух образов: великий и человечный вождь-отец — и кровавый тиран заурядного ума. Причем антисталинисты отказывают ему даже в огромной памяти, железной воле, потрясающей работоспособности и страсти к чтению и самообучению — а сталинисты пенноротно отрицают миллионы жертв ГУЛАГа, голодомора, раскулачивания и прочих репрессий.

Противники вообще отказывают ему в уме, внешнеполитическом таланте, да в любых человеческих качествах, и все свершения эпохи объявляют сделанными вопреки Сталину — то есть успехи государства были сделаны народом вопреки государственному руководству; ну не идиоты ли? А фанаты верят, что все «враги народа» и были врагами, что гениальный Генералиссимус и выиграл войну своим полководческим гением, и люди при нем были счастливы, держава велика, а справедливость норма жизни. Тот же кретинизм, профиль с другой стороны.

То есть. Действительность слишком сложна, переплетена и многоцветна, чтобы каждый, человек массы то есть, начинал в ней разбираться и оценивать: кто чего стоит в каких ситуациях вследствие каких качеств. Ему надо проще: хороший или плохой. Для него политтехнологи и рекламщики и создают образ. Образ для массового пользования. Этот образ условен и весьма отличен от оригинала.

Оценивая великих и споря о них — люди имеют дело отнюдь не с реальными людьми. А с их информационными образами. Когда речь о крупных медийных фигурах — рассуждают только о медийных образах. То есть созданных им на потребу.

Толпа не для того, чтобы рассуждать. Толпа для того, чтобы иметь простую и цельную точку зрения. А именно и в крайнем выражении: он плохой или хороший?

Трафарет

Сознанию сложно и излишне воспринимать и помнить мир во множестве всех его нюансов. Сознание есть прежде всего аппарат для прикладного анализа информации: что следует принимать во внимание, чтобы правильно отреагировать на сигнал и оптимальным образом поступить к пользе особи. Таким образом, сознание всегда склонно упрощать картину мира, акцентируя и преувеличивая принципиально важную информацию и пригашая, убирая в сторону не важную, принципиально ничего для действий не меняющую. Это подобно фокусировке биноклярного зрения: охотник хорошо и подробно видит то, что конкретно привлекло его внимание — возможную добычу и препятствия — и практически не замечает цветочки и всякую дребедень по сторонам.

То есть. Сознание стремится привести картину миру к краткой и принципиальной информационной схеме, нужной для достижения своих целей и формирования цельной системы своих взглядов. Мировоззрение человека стремится к конкретности и возможной простоте, допустимо сказать. Информация структурируется наиболее удобным для пользования образом — излишнее отбрасывается, отторгается, не замечается, забывается. А если зря путается в сознании — только раздражает, как помеха.

Сознание свертывает и кодирует информацию до знака, символа информационного сообщения — и уже этим символом оперирует на практике: свой — чужой, полезно — вредно, и далее по обстановке.

Еще раз, чуть иначе:

Рядовому человеку очень трудно держать в сознании множество разноречивых подробностей и аспектов какого-то явления и при этом быть способным его оценивать. Рядовой человек склонен сводить понимание чего бы то ни было к простой дихотомии: хорошо — плохо, нужно — не нужно, друзья — враги, прав — виноват, черное — белое.

На примере «рядового человека» ясно видно, что мышление и когнитивные способности — не сами по себе, но играют обслуживающую роль по отношению к инстинкту выживания, и изначально, на самом глубинном уровне, работают на обеспечение жизненных потребностей, начиная с базовых и важнейших. Вот враг: драться или бежать? Вот чужой человек: друг или враг? Вот животное: опасное или безвредное? Съедобное

или ядовитое? И вообще: отдохнуть или идти? Селиться здесь или там? Бежать от погони налево или направо?

Первейшая функция мышления сводится к решению простой альтернативы: поступить так или эдак. Выбор из двух главных вариантов. В конце концов, любая цепь умозаключений упирается в этот простейший выбор: поступать на этот факультет или на тот? Идти в армию или откосить? Дать взятку или работать честно? Заступиться за слабого или пройти мимо?

Что характерно: и Закон, и Мораль, и Совесть в каждом конкретном конфликтном случае велят делать определенный выбор — одно из двух в конечном итоге: предпочесть правильное неправильному.

Чем ниже уровень мыслительных способностей персоны, тем более прикладной характер носит сам тип его мышления. У простейших животных реакция: на пищу и благоприятную среду приближаться — от опасности и неблагоприятной среды удаляться. На этом уровне базируется и прикладное мышление человека: нужное и приятное мне хорошо и желательно — ненужное и неприятное плохо, нежелательно, опасно.

И свой могучий мозг с его колоссальными возможностями «простой человек» использует как государственную печать для колки орехов: стремится понять, вот это рассматриваемое явление ему нужно или нет? Для него плохо или нет? То есть — оно хорошее или плохое?

И естественно, что всю информацию «простой человек» классифицирует, норовя свести в конце концов к той самой простой дихотомии: так это хорошо или плохо? Правильно или неправильно? Сложные ответы типа: смотря с какой точки зрения, смотря с какой целью, или — оба неправы, но по-разному, или — и в том и в другом есть свое хорошее и свое плохое — такие ответы «простого человека» не удовлетворяют и раздражают.

Он продолжает добиваться: «Так правы были красные или белые?» «Так Советский Союз — это было хорошо или плохо?» «Так есть нужно много или мало?» «Так джаз лучше рока, а Пушкин лучше Толстого?» А вот без подробностей, оттенков и нюансов, вот без этого «с одной стороны, с другой стороны». Особенно бесит его: «Нельзя так сравнивать». Почему нельзя?! Ведь в жизни всегда и по всем поводам: или так — или эдак. Не надо юлить, ты мне прямо скажи: мне донести на брата-убийцу — или же спрятать его? Я человек конкретный, и жизнь — она конкретная.

Что такое трафарет? Это забор с двумя калитками, над ними написано: «Сюда ходи» и «Сюда не ходи». Вот и весь выбор, больше входов нет.

Но когда тыходишь — за калиткой оказывается масса загоронок,

участков, комнат и переходов. А за другой калиткой — там своя такая же разгороженная территория. И между этими двумя половинами пространства натянута сетка — от середины забора до горизонта. Буквой «Т» получается. Что характерно — по лабиринту тоннелей и коридорчиков из одной половины можно попасть в другую.

Пока ты перед забором — ты всего этого не видишь. И в какую бы загородочку, по какому бы адресочку ты ни шел — перед забором необходимо определиться: тебе в левую калитку или в правую. Главное — с пустой проезжей части свернуть куда надо, а там дальше разберемся. Так нам каким путем ближе — тудой или судой? Чтоб там все адреса, среди которых и мой тоже оказался. Да погоди ты мне про водопровод и условия договора, мне надо понять, чтоб комфортно было, а конкретности потом. Отвали со своей этажностью и солнечной стороной, ты мне конкретно скажи — там жильцы довольны? Ну вот и все. Да не колышут меня твои потолки, автостоянки, квартплата и район, мне вообще знать надо — там хорошо? Вот! А ты все мутил.

Переехал. Сука, что ж ты мне не сказал, что там по ночам режут, и вода на восьмой этаж не доходит?! Я-то думал, что раз хорошо, так все и в порядке... А в другом районе — тогда там хорошо, да?

Так ты же смотри: между калитками у забора вкопан столб с большой табличкой: «Область общего понимания». А под ней — другая, ярко-красная: «Пункт принятия генерального решения».

Трафарет, забор с двумя калитками — это простейшее устройство для самоопределения человека в жизненном пространстве. Для ориентирования в сложном и довольно замаскированном мире. Выбор пути для топографических идиотов. Первый шаг. Он же чаще всего и последний.

И таких заборов масса — на все случаи жизни, во всех измерениях. И в каждом заборе — две калиточки, и над каждой калиточкой — надпись: тебе сюда — тебе не сюда, тут хорошо — тут плохо, здесь все правильно — здесь все неправильно.

Ну так человек — не бродячая собака, ему некогда вбегать во все калиточки и там внутри территорий обнюхивать и разглядывать все загончики. Он бежит своим путем по своим делам. Но вдоль пути то и дело попадаются заборы. И он замедляет ненадолго бег и разбирает надпись над калиточкой: как там жизнь по сторонам моей жизни?

Но собаки бегут стаей, и свое собачье «хорошо — плохо» давно определили. Так что в основном альтернативы давно решены.

Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Своя рубашка ближе к телу.

Но каждый хороший человек — патриот.

Враги всегда плохие.

Русские лучше всех (о себе так — американцы, англичане, испанцы, только не немцы).

Твой народ умен, честен, благороден и храбр.

И вообще устойчивые образы:

Лайнер — серебристый.

Фрукт — яблоко.

Стрелой — пронзенный.

Так вот, последнее. «Простой человек» в калиточку не пролезает: у него извилины в мозгу слишком толстые и негибкие. «Простые человеки» разбивают палаточный лагерь под вывеской. Пустырь превращается в трущобное селение. Для умственных трущобцев калиточка — это последняя инстанция. И все, кто сквозь нее прошли и по загончикам разделились — ему единым миром мазаны. Кто в нашу калитку вошел за наш забор — значит наш, точка, вот это я и хотел знать, мне достаточно.

Самое главное, что нужно понимать о трафарете: сквозь забор внутренних построек не видно. Трафарет неопровержим. Наличие трафарета — это качество мышления. Трафарет может быть только заменен другим трафаретом.

Агрессор — плохо. Вероломство — плохо. Нам не сюда. Поэтому наш Советский Союз никогда не мог первый напасть на гитлеровскую Германию. И ни на кого не мог. Ни на Финляндию, ни на Прибалтику, ни на Румынию, ни на Японию. Те первые начали. Или сами согласились. Или не пошли навстречу.

Американцы богатые и расчетливые, немцы аккуратные и точные, японцы вежливые и жестокие, евреи умные, жадные и хитрые, русские добрые, талантливые и храбрые, итальянцы музыкальные и шумные.

Трафарет — это самое простое одношаговое сочетание предметов и качеств, крайне устойчивое по причине общепринятого и многократного подтверждения и абсолютной объясняющей силы.

Трафарет в логике подобен раковой клетке в организме. Она очень живуча по причине своей абсолютной простоты и тем самым устойчивости.

Трафарет крайне устойчив, ибо он есть истина как продукт общественного договора и многократного повторения.

Трафарет чаще всего ложен. И как ложь — отрицает правду.

Ложь как трафарет обладает огромной устойчивостью против правды. Правда — вещь сложная, если начать разбираться. А разбираться человеку

необходимо только в том, что его лично касается и что он в состоянии изменить. Насчет прочего мира человеку достаточно простейшей маркировки — для самого общего мировоззрения.

Трафарет — это упрощенный заменитель истины.

Трафарет — это обобщение проблемы на все случаи жизни.

И вот как обобщение — трафарет отрицает нюансы. То есть:

Как общий случай правды — трафарет отрицает частные случаи правды.

Трафарет — это абстракция. И как абстракция — он отрицает конкретность. Во всех случаях, когда частная мелкая конкретность не совпадает с абстракцией — трафарет ее отрицает.

А поскольку дьявол в мелочах. И любая случайность хоть в каких-то мелочах всегда индивидуальна. То вот что главное для нас в этом сочинении:

Образец трафарета в мебельном производстве — Прокрустово ложе. Оно несло смерть всем живым — не совпадали по размеру.

...Архетип в принципе расплывчат и не сводим к уровню конкретности.

Часть третья

***От вселенской погони не уйти, не уйти
никуда. На небесном погоне оборвалась
звезда***

Попытка к бегству

Иногда человек просто не в состоянии воспринять правду, если она ему ужасна, предельно нежелательна. Его психика не в состоянии адекватно ориентироваться в новой реальности, ей там просто нет места, она не в силах перестроиться, не может адаптироваться к той действительности, с которой столкнулась.

Чаще всего — это трагическая смерть очень близкого человека. Любимого, ребенка. Это разрушает всю человеку жизнь, лишает смысла. Это слишком сильное потрясение.

И тогда он остается в своем мире. Его жизнь оказалась на распутье — пути реальный и беспредельно желаемый разошлись. В реальном мире можно работать, убирать дом, стареть, общаться с людьми. В воображаемом — мать продолжает растить сына, заботиться о нем, кормить, покупать ему вещи, разговаривать. Она держится за этот мир, он бесконечно дорог ей, в мире реальности она не вынесет горя, боль слишком сильна, мир черен, примирение невозможно. Даже самоубийство не поможет — этим ничего не поправишь. Хотя для верующих есть варианты.

Военная психиатрия знает, скольких людей война сводит с ума и перемещает в воображаемый мир.

Если ты не можешь изменить реальность, с которой не в силах примириться — благодатное воображение создает тебе другую реальность, и ты в ней живешь, более или менее счастливо.

И вы будете доказывать такому человеку, что он заблуждается, ненормален? Что на самом деле все не так? Нет. Во-первых, у вас обнаруживаются совесть и сострадание. Во-вторых, он вам не поверит и останется со своей воображаемой правдой.

Если нельзя, но очень хочется — ты или это делаешь, или сходишь с ума. И тогда делаешь это в воображении. Правда может попасть в мозг, как камень в стеклянный дом.

Болезнь

В СССР 1960–70-х годов среди многих правил в медицине действовало и такое: онкологическому больному не сообщали его диагноз. Так предписывала советская медицинская деонтология. Чтобы не нанести непоправимую травму психике больного, как считалось.

Момент первый: правда может сильно повредить здоровью. Так считалось. Больной впадет в депрессию, утерять волю к жизни, и вообще зачем омрачать безнадежностью его сознание. Это негуманно. Пусть верит, что это не рак, и он излечится. Это гуманно.

Момент второй: больной, успокаиваемый врачами, впадал в сильнейшее беспокойство. Он мучительно хотел знать настоящий диагноз. Он не верил врачам — переходя от неверия к вере и обратно. Пытка надеждой расшатывала его психику. Пытка неизвестностью вела к неврозу, нервному истощению и упадку сил сама по себе. Иногда из любви к близким он делал вид, что верит успокоению врачей — а близкие притворялись, что верят, что он верит в утешительный диагноз и не знает правды. В этом мраке и ужасе он близился к мучительной смерти.

Так ведь и с желанием правды не все однозначно. Меж врачей и больных ходила байка: Старик Фрейд упросил друга-доктора все-таки открыть ему истинный диагноз — и услышав, что это рак, мрачно помолчал и сказал: а все-таки ты меня убил. По другой версии слова Фрейда были: кто дал тебе право говорить мне такое? Иногда фигурировал не Фрейд, а Павлов; иногда безымянный больной или знакомый знакомого.

То есть. Официальная советская медицинская наука. Которая отнюдь не была уж вовсе глупой. Искренне полагала, что в таких случаях правду пациенту говорить нельзя. Запрещено! Для его же блага. Вредна ему такая правда и негуманна.

Дальше больные делились на несколько разрядов:

Одни верили и жили свой срок спокойнее и с надеждой, им действительно так лучше оказывалось.

Другие не знали, верить или нет, и сильно страдали от неизвестности, желая узнать правду; им было от такой методы только хуже.

Третьи не знали, верить или нет, но вообще-то правды страшились и предпочитали, чтоб им ее с неотвратимостью приговора не открывали. А пока есть сомнение — есть и надежда, а с надеждой жить легче.

То есть. В одной и той же ситуации. Применительно к разным людям.

Правда бывает полезна, а бывает вредна. И еще: одни хотят ее знать, а другие нет.

Вариант первый. Вот есть сильный, уверенный в себе человек. С оптимистичным мировоззрением. И он предпочтет знать правду. Он не оцепенеет в шоке и не свалится в депрессии. Он построит себе план и сделает все для его выполнения: как выздороветь, используя один шанс из тысячи. А хоть бы и без шансов: не было — так будет! Он победит! И в любом случае — как лучше, счастливее и рациональнее всего прожить оставшееся время.

А вот есть другой сильный уверенный человек. Да плевать он хотел на вашу правду вообще, он занят делами, у него в жизни масса радостей, и ничего он в жизни своей не изменит, разве что темп уплотнит. Беспечный он и веселый, как ребенок, туземец или идиот.

Вот слабый человек, пугливый и неустойчивый. Такие любят, когда ответственность берет кто-то другой. Вот скажет доктор, что он скоро поправится — и он настроен поправиться. Доктор сказал. Любой симптом он исправно толкует в пользу утешительного диагноза. Мысли о зловещей правде он гонит прочь, когда они приходят. Правда начнет подавлять его иммунитет и волю к жизни, сопротивление снизится, он проживет меньше и всех изведет своими ужасами и тоской.

То есть. Человеку охота жить. Для этого его психика должна быть настроена на жизнь и победу — оптимистически. Один, узнав правду, проживет лучше и больше. Как сэр Френсис Чичестер, заболев отправился в одиночную кругосветку на яхте впервые в истории — и дошел, и выздоровел к изумлению врачей, и прожил еще прилично. А другого правда пригнет и загонит в гроб раньше срока — он нуждается в утешительной лжи.

И психике человеческой, инстинкту жизни человеческому это вполне даже известно. И один и тот же симптом сильный толкует к преодолению, выздоровлению и ерунда все это — а другой к безысходности, обреченности и нечего зря дергаться и тешить себя пустыми надеждами.

Сильный хочет правды — и это правильно.

Слабый хочет спасительной лжи — и это правильно.

Средний мечется между желанием узнать и покончить с мучительной неопределенностью — и желанием избежать возможной страшной правды и неизбежности близкого конца.

Подсознание человека может выбрать ложь себе в помощь и спасение — даже на самом простом, буквальном уровне. Не нужна мне правда, от которой мне плохо, страшно, нежеланно.

...Кстати, поэтому в России с ее весьма бездушной, черствой и внегуманной медициной, люди обычно стараются до последнего не обращаться к врачам. Еще к знакомым врачам, с возможностью личного дружеского отношения — ну туда-сюда. А с улицы по общей очереди в больницу — не приведи господь. Нароют они у тебя невесть что, а ты потом доживай жизнь в болезнях и тягостных процедурах. Ну его на хрен! Пока можно — буду считать себя здоровым, оно и веселей: авось проскочу все эти возможные ужасы.

Не хочет российский человек узнавать правду о своем здоровье у российского врача! Касание родной медицины — это уже удар по здоровью.

Иногда элементарный инстинкт самосохранения велит человеку не знать правды. И прыщик не опухоль, и желудок ноет — так от сухомытки, и печень побаливает — так пить меньше надо, особенно дешевую водку. Фигня все, прорвемся.

Пока считаешь себя здоровым и пашешь в нормальном режиме, и планы строишь, и радости испытываешь, — твоя психика в порядке, и твой иммунитет на уровне, и организм сохраняет свое здоровье как может. А узнал о болячках — вздохнул, огорчился, жизненная перспектива потускнела, аппетит пропал, на бабу не смотришь, рюмку не хочешь, — какой тут на хрен иммунитет... Поскрипим пока, но кураж уже не тот.

В плане физического и психического здоровья — веритофобия есть нормальное и полезное свойство человеческой психики. Не всегда. Отнюдь. Но в ряде случаев.

...А кроме того — глядя в общем масштабе: человек создан природой для того, чтобы как можно больше сделать в течение жизни. Само по себе продление индивидуального человеческого существования природе безразлично и даже не нужно. Чего ему без дела небо копить. Пусть лучше перелопачивает мир сколько сможет — а потом уйдет, и если немощный — так и поскорей, место не занимать, ресурсы без толку не переводить.

Внушение: колдун и смерть

Если практика — критерий истины, то что есть истина? Коли на изменчивую практику можно влиять. С этой правдой бывает до отвращения непросто.

Возьмем, условно, Африку старых времен. Хотя кое-где новые и не наступали. И вот член племени совершил преступление. Убил кого, или оружие украл, или скот угнал — не важно. Он явно изобличен в преступлении.

За преступлением следует оно, наказание. А совершается наказание так: колдун племени объявляет приговор. И все! Достаточно.

Колдун приговаривает: «Через четыре дня ты умрешь». Приговоренный сереет от ужаса. Окружающие в священном трепете. И — все! Больше никто ничего не предпринимает.

Приговоренный знает, что он обречен. Финал неотвратим. Избежать его нечего и пытаться. Высшие силы всевластны над тобой. Он впадает в безысходную тоску ожидания, его ничто больше не радует, он со страхом прислушивается к своим ощущениям, теряет аппетит и вообще интерес к жизни, перестает даже двигаться... и на четвертый день здоровый молодой мужчина в состоянии полной апатии и протрации таки умирает! Кожа его холодеет и покрывается потом, глаза заволакиваются, сердце бьется слабее и медленнее, и вот уже он покойник.

Европейца-патологоанатома рядом нет, и посмертный эпикриз с результатом вскрытия отсутствует. Но факт, что умер. Проверено многократно и записано товарищами этнологами, этнографами и прочими этнопсихологами совместно с простыми путешественниками и даже врачами.

То есть. Он твердо знал, что умрет. Умирает. Соответственно испытывал тоску и страх смерти. И запускался лавинообразный отказ функций — что-нибудь в таком роде.

Он принял приговор за правду — и вера сделала его правдой. Вот такое обратное влияние, дабл-экшн. Правда — это то, во что ты веришь.

Вот мы и добрались до страшно модного в либерально-гуманитарных кругах представления конца XX — начала XXI века: истина всегда относительна. А также условна. А абсолютной истины не существует.

Ну, насчет абсолютной это вы бросьте. Дважды два четыре, а Земля круглая. Тэкээть истина факта.

А вот относительность правды (истины) в человеческих представлениях — это безусловно сложнее; в этом и пытаемся разобраться.

Приговорил колдун отсталого негра — тот поверил и умер: правду колдун сказал. Приговорил колдун белого — получил прикладом по голове и умер сам тут же: неправду сказал. М-да-с — против прогресса не попрешь.

То есть.

Внушенная (или самовнушенная) человеку установка может быть правдой — если сила внушения вызовет в человеке предсказанные (приказанные) следствия. То есть даже на чисто физиологическом уровне может быть правдой.

Правда как предсказание, внушение, прогноз имеет силу самореализации. То есть реализации через эмоции, мысли и действия подвергшегося внушению человека.

Ведь что говорил Ибн-Сина, хотя иногда это поучение приписывают средневековой восточной медицине вообще? «Если ты будешь со мной — нас будет двое против твоей болезни, и мы победим. А если ты будешь с ней — вы будете вдвоем против меня одного, и можете победить». Верь во что надо!

Бывали случаи удивительных выздоровлений людей, которые этого очень сильно хотели и в это верили всей силой духа. Бывало, что смертельно раненные летчики сажали самолеты — и умирали сразу после приземления.

А бывало наоборот, как знаменитые эксперименты над приговоренными в американской тюрьме 1950-х: приговоренному к электрическому стулу предлагали безболезненное вскрытие вен, римский вариант спокойного ухода — и, завязав глаза и пристегнув руки, проводили по венам тупой стороной ножа, сливая затем от «порезов» воду температуры тела. Течет по рукам и в жестяной тазик со звуком сливается, капает. Результат: мраморная бледность, синюшность губ, падение давления, двадцать минут — и смерть от гипоксии мозга: ну буквально симптоматика кислородного голодания от критической кровопотери.

Н-ну, если посреди процесса снять повязку и дать жертве посмотреть — процесс умирания, надо думать, прервется.

Еще раз.

На физиологическом уровне: правда — это убеждение, внушенное или самовнушенное. Такое убеждение обладает главным атрибутом правды — оно являет себя в реальных действиях, следствиях, процессах, результатах.

Но. Человек с его умом, волей и силами выступает здесь как

преобразователь информации, реализующий ее в конкретные дела.

Если в результате, действуя по убеждениям и вере, человек однако же пролетит — ну, значит это была неправда. А если все получится как предсказывалось и представлялось — значит, правду он знал насчет этого дела.

...Пока человек в действии не обломался — он держится за то, что считает правдой. Ибо это его информационная система — как достигнуть своего. Правда здесь — как навигационная карта и маяк.

И опровергнуть правду типа «я умру от приговора колдуна» можно, только продемонстрировав: вот я живу с его приговором и поплеываю — а вот я вообще его пришиб, чтоб не гнал туфту. То есть: раз моя правда сильнее — значит твоя правда ерунда.

Надежда и авось

Пытка надеждой действительно существовала, и такой рассказ Вилье де Лиль-Адана о средневековой Сарагоссе не вовсе фантазия. Осужденный раввин накануне казни чудом бежит из темницы, уже выбрался в ночные заросли — и на пороге счастья жизни и свободы его принимают укоризненные объятия инквизитора. Сломать психику человека очень просто: дать ему коснуться вождленного счастья — и вдруг резко отобрать навсегда. Щелчок выключателя с «надежда и вера» в положение «безнадежный конец». Контраст «прекрасно — ужасно». Это примерно то же самое, что «жизнь — смерть».

А на жизнь человек надеется с такой силой, что потеря надежды его убивает. Надежда умирает последней. Мысль о смерти отторгается сознанием. Это естественно. Не потому, что глуп. А потому что жить хочет. Охота жить сильнее здравомыслия. Мертвому здравомыслие ни к чему, тут выкручиваться надо.

Поэтому последняя мысль падающего под колеса или летящего с крыши: «Что, вот так? Так просто? Сейчас? Нет! Не может быть!»

Недаром предсмертный обряд любой религии — это приготовление не к исчезновению, не к Ничто — а к переходу в Иной Мир, Иную Жизнь. Это как-то легче и понятнее. Это сильно успокаивает. Примиряет хоть как-то с происходящим.

Одна форма неприятия мысли о смерти — это уверенность в своих силах, если ситуация рискованная. Канатоходец думает о том, как он перейдет бездну — а не как упадет и погибнет. У вершины Эвереста иссыхают ледяные мощи погибших при восхождении — но альпинисты идут вверх! Моря поглотили поколения моряков — но одиночки пересекают в шлюпке Атлантику! Про Гарри Гудини мы вообще молчим. Если у человека есть один шанс из ста выжить — он верит в него!

Более того: разбойник и пират, полагая, что вероятнее всего погибнут раньше или позже — рассчитывают, что кривая вывезет, Косая промахнется, Дьявол поможет и Бог простит. Верят в удачу, в судьбу и в силу своего оружия. Это другая форма неприятия мысли о смерти, возможной буквально в любой миг.

И более того — пример из войн столь же мужественных, сколь аккуратных немцев: идет к фронту воинский эшелон — а сзади прицеплена платформа с новыми гробами. Для этих солдат. Часть их обязательно

погибнет в сражении, куда едет. Так чтоб хоронить по-человечески и обеспечить матчастью своевременно. И вот это приводит солдат в тоску и злобу. Они знают, что не всем жить придется. А все-таки пока ты жив — ты думаешь о земном, о поспать-пожрать, о пронесет, погода хорошая, можно достать выпить. Напоминание о будущем им несносно. Знать не хотят такого!

В мирное время десантники, спецназ гордятся тем, что они смертники, расходный материал. Говорят об этом с цинизмом матерых профессионалов. На профессии лежит свет бестрепетной самоотверженности: гладиаторы. Среди прочего их учат убивать своих раненых. Но пока живы — мысль о смерти абстрактно-далека, к осознанию она не допускается. Этому тоже учат! Смерть как подробность, на бегу, в бою, не заикливаться на этой мысли.

Врачи знают, как цепляется смертельно больной за малейшую надежду выздоровления. Всем существом, всем сознанием он устремляется в крохотное отверстие, где лучик пробился через черный занавес: уже лучше! сегодня самочувствие приличнее! организм борется, клетки восстанавливаются, процесс явно меняется.

Иногда уверенность несчастного в выздоровлении принимает уже характер явного самовнушения, неадекватного психического состояния. Зато жить легче!

Обратный вариант — ипохондрия: тело здорово — а дух крючится от страха заболеть или вообще умереть от воображенной болезни. Да, это депрессия, это надо лечить психотерапевтически и медикаментозно.

Понимаете, какая штука. Все психиатры и психологи знают, что понятие психической нормы строго не определимо, расплывчато, вариабельно. Психика подвижна. И в этой своей подвижности она может вообще вообразить, что человек — птица. Или рыба. Или мужчина считает себя женщиной. А уж такие мелочи, что смерти в конце падения не будет, или наоборот, сейчас заболеешь проказой и сгниешь за неделю, — это вообще на раз.

Человек может быть полностью адекватен — вот только считать, что в стопроцентно гиблой ситуации уж он-то не пропадет. Это ничуть не мешает его социальной адаптации, он корректно вписан в общество. Не сумасшедший! Но в одной частности — рехнутый.

Смерть — самый нежелательный вариант правды. И чем она ближе — тем ну ее на фиг! Человеку нужна правда жить.

Сам кривое зеркало

Человек все оценивает посредством себя. Собою. Через себя. Типа Протагор. Мера всех вещей. Ну так для начала у него должно быть верное представление о себе самом. То есть если корабль сверяет курс по компасу — то перед началом рейса надо выверить компас: провести девиацию. Но. Компас приводится в соответствие с магнитным полем Земли. А как и с чем ты приведешь в соответствие человека?

Человек думает о себе одно — а окружающие другое. И так буквально с каждым! Мы говорим об адекватной и неадекватной самооценке и оценке.

Каждый человек — сам себе Мюнхгаузен. И сам себя вытаскивает за волосы из болота. Кругом лягушки удивляются.

Начинается с того, что человек слышит свой голос не таким, как он слышится со стороны. На то причины анатомические с физиологическими: ты слышишь свой голос с резонансом внутри черепа — а другие через пространство воздушных колебаний принимают звук снаружи, в основном через ушной проход.

А что делать с дальтониками и более сложными отклонениями в восприятии цветов? Вот нет для него разницы между этими двумя цветами, один это цвет для него — и хоть ты тресни! А у кошки или пчелы цветовая гамма мира вообще другая. А вообще цвет — это длина световой волны, и цветовое ее восприятие достаточно условно. Просто физиологический аппарат для удобства адаптации к среде.

Гениальный Клод Моне после операции на глазах обрел способность видеть в ультрафиолетовом частично диапазоне, и уникальные голубовато-лиловые тона его поздних картин столь же прекрасны и неповторимы, сколь недоступны в жизни для прочих смертных с нормальным зрением.

Про слепых и глухих мы вообще не говорим.

Если человек неадекватно воспринимает объективную информацию внешней среды (звук и цвет) — можем ли мы вообще говорить о том, что истина постижима? И более того — что она вообще существует? Я думаю — можем, после паузы сказал товарищ Сталин и утверждающе прочертил согнутым указательным пальцем.

Откуда дальтоник знает, что он не различает красное и зеленое? Ему сказали. Он поверил. А так — не знал бы. Откуда глухой знает о звуках? Ему объяснили. (Истина — как мнение авторитета или большинства, оформленная в знание.)

Мне неоднократно приходилось слышать от процветающих высокопоставленных воров, юридически неуязвимых, в разных дискуссиях: «Вы просто завидуете», в смысле моему или чьему-то богатству и положению. Люди меряют по себе: всем должно хотеться денег и власти, а мораль — для дурачков и слабых, просто оправдание неумех. Вор во власти не считает себя вором — он убежден в законности и естественности своих действий. Все бы пристраивались богатеть, если б смогли. Приверженность честности и презрение к воровскому богатству ему искренне непонятны.

Аналогично дурак не признает себя дураком. Для себя-то он самый умный — потому что единственный. А другого признает еще умнее — если этот другой подсказал ему, как достичь цели: хоть должность занять, хоть миллион украсть, хоть бабу уговорить. Тогда — да, тогда — друг умнее: если подсказал мне, как понятными и доступными мне средствами добиться того, чего я хочу и в принципе могу. Для дурака умный — это человек, думающий как такой же дурак, но умеющий достичь того, что дурак хочет. То есть совпадение ценностное, ментальное, методологическое. Умный — это дурак, у которого бывает просветление в голове, как луч к цели.

Нарцисс искренне восхищен своей красотой, хотя окружающие могут посмеиваться над его самомнением. А иная милочка считает себя дурнушкой, страдая комплексом неполноценности как последствием детской психологической травмы.

Подлец не считает себя подлецом. Во-первых, все люди подлы. Во-вторых, что же делать, если сильно хочется. В-третьих, главное — чтоб никто не узнал. В-четвертых — так вам, сукам, и надо.

Бедный графоман ужасно любит писать — и искренне не видит, чем же его сочинения хуже Пушкина или Толстого. Слова, предложения, мысли, характеры — все ведь есть!

Я хочу сказать только хорошее о мудром, щедром, веселом и добром грузинском народе. Что сейчас почти все российские воры в законе грузины, мы углубляться не будем. Но мне неоднократно приходилось сталкиваться с одной характерной и ярко выраженной чертой именно у грузин почему-то. Он никогда не признает, если был не прав! И никогда не сознается, что чего-то не знает. Будет извиваться и разбиваться в лепешку — но он знает, и он был прав. Хоть тресни! Возможно, незнание или неправота унижают его мужское самолюбие, противоречат этике поведения и мужской гордости — я точно не знаю. Но иметь грузина партнером в деле — очень сложно. Он в гробу видал любую правду — честь дороже. Он сам — эталон истины, а истина может выкручиваться как хочет.

Мерзавцы и идиоты всех мастей корректируют свою самооценку в сторону согласия психики с самой собой. Жить-то надо. Разлад ведет к болезни и поражению.

Искаженная самооценка неизбежно влияет на оценку окружающей реальности — ибо оценивается она посредством себя, с точки зрения себя. Вы говорите о правде?..

А есть инстинкт самореализации, и как его проявление — стремление к самоутверждению социальному, а отсюда потребность уничтожить конкурента либо своим превосходством, либо его устранением. И возникает зависть, рождая ненависть, и гаду приписываются все пороки, и вот уже ни о какой объективной оценке речь идти не может. Ты плох потому, что я хочу занять место твое и над тобой!

Что такое правда для стукача, палача, предателя, ничтожества? Негативный фактор, требующий снять его. А есть две формы отрицания правды: умолчание и подмена фактов. И они подменяют, будьте спокойны! Потому что самооценка требует проведения психологической санации. Все факты должны быть рассмотрены и оценены с позитивной точки зрения. Я исполнял приказ. Это было необходимо для страны. Тогда все были евреи, внучек, время было такое.

Подобно большинству смертных, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе.

Так что у человека есть масса оснований строить иллюзии на свой счет. И он достиг в этом занятии огромных успехов. Иллюзии насчет окружающей реальности — следствие, рефракция внутреннего зрения.

Обратная связь

Любой факт, который допускает неоднозначное истолкование, человек стремится истолковать в свою пользу — к пользе того аспекта в себе, тех качество и оценок, того мировоззрения, которые он считает необходимыми для себя, самыми полезными и нужными. Истолкование факта должно соответствовать его представлениям о мире, в котором он уже устроен и неплохо.

В человеке стоят своего рода блоки, фильтры, не позволяющие иногда устанавливаться адекватной и полноценной обратной связи с окружающей средой, воспринимать и адекватно реагировать на идущую от нее информацию. С учетом или отрицанием любой информации человек однако придерживается тех взглядов, мнений и оценок, которые позволяют ему оставаться полноценным членом социума. Включенный в систему социальных связей, он выживает и поднимается вверх в социальной пирамиде — независимо от ошибочности взглядов социума.

Реакция на оценку поступающей извне информации — это плод компромисса и равновесия между адекватно считываемой личностью информацией — и той информационной сетью, которая объединяет аморфную массу индивидуумов в структурированный социум.

Нарушение обратной связи у индивидуума, когда он руководствуется общепринятым групповым мнением — социально необходимый момент. Отрицание индивидами адекватной информации — одно из проявлений инстинкта самосохранения социума. Своего рода психогигиена. Информационная пограничная стража. Изгнание всего чужеродного, что может нарушить идеологическое единство социума — и тем самым его прочность и эффективность.

Человек отвергает правду, потому что она противоречит его интересам, представлениям и желаниям.

Это могут быть сугубо личные желания и интересы:

- быть здоровым и не верить в болезнь;
 - иметь достойных родителей, а не мать-шлюху и отца-вора;
 - полагать себя умнее, а не глупее;
 - иметь способности достичь успеха, а не быть обреченным неудаче;
 - быть скорее симпатичным, чем уродливым;
 - верить в победу, а не в поражение;
- то есть завышать самооценку, уровень притязаний и возможность

успеха.

А могут причины отрицания правды быть и сугубо социального происхождения:

- мой народ хороший и умный;
- моя страна сильная и справедливая;
- авторитеты лучше меня знают, что правильно, а что нет;
- наши лидеры о нас заботятся;
- мы преодолеем трудности и будем жить лучше;
- враг слабее и трусливее нас;
- мы правы, а враги нет;
- нам плохо не потому, что мы плохие, а потому что враги мешают;
- наши люди талантливее.

Стремление прервать обратную связь — это проявление консервативного начала, стремления социума и индивидуума к информационно-мировоззренческому самосохранению: мы покуда живы, преуспеваем, поднялись до нынешнего состояния? — ну так подите вы все подальше с вашими завиральными идеями!

В сознании-подсознании человека есть информационный фильтр и есть колесико настройки картинки. Фильтр просто не пропускает в сознание явно и резко не желательную информацию. А настройка вертит изображение с разных сторон, одни его части приближает и увеличивает, другие отдаляет и уменьшает, красок дать поярче или потусклее — и пропускает в сознание информационную модель объекта, откорректированную до комфортного уровня: чтоб вписалась в общее информационное поле мира, существующее уже в мозгу.

И если орущий младенец для матери — прекрасное чудо, то для нервного соседа — гадкое чудовище.

Следует учесть:

Задача обратной связи — не просто дать адекватную информацию об объекте. Задача обратной связи — дать такую информацию об объекте, которая принесет субъекту максимум пользы. Спасет от опасности, накормит, повысит статус.

То есть:

Оптимальная реакция субъекта на раздражитель не всегда требует восприятия адекватной информации о раздражителе.

Неотвратимость смертельной угрозы может парализовать и сделать беспомощным. Недооценка опасности бывает полезна — человек отчаянно борется, полагая, что есть шанс победить — и порой действительно побеждает! Вообще недооценка опасности и переоценка своих сил не

всегда вредна — иногда бывает и благотворна: не знаешь, что это невозможно — и сдуру по незнанию добиваешься успеха там, где все предрекали провал.

Вера в себя — бодрит! вдохновляет! зовет на подвиги — и они иногда таки получаются!

Искреннее и самовольное нарушение обратной связи сплошь и рядом имеет место — потому, что человек хочет иметь за правду то, что ему больше нравится.

И девушка награждает всеми добродетелями мерзавца, которого любит. И находит оправдание любым его подлостям.

Вообще человек всегда сумеет разглядеть добрые намерения и благородные черты в любой пакости, совершенной истинно дорогим человеком. А суд его за те же милые шалости в прежние времена вешал.

Одни и те же симптомы самочувствия ипохондрик и оптимист трактуют совершенно по-разному, и выводы делают разные. Ипохондрик убеждается, что болен неизлечимо, и к врачу зря ходить незачем, и пора переписать завещание... а эти близкие — такие бесчувственные сволочи, ни грамма сочувствия к несчастному обреченному человеку, который ночами трясется от ужаса и обмирает от тоски. Оптимист — машет рукой, запивает грамм аспирина стаканом водки и бежит по делам: он твердо знает, что ему все по фиг, и любую болячку организм поборет, и вообще все нормально.

И. Чаше оптимист живет долго, а ипохондрик, изведя всех, умирает раньше. Но! Бывает вовсе наоборот: беспечный и самоуверенный оптимист скапсуется от скоротечной заразы — а ноющий ипохондрик переживет всех родных и справит девяностолетие.

Если ты скажешь гаду, что он гад — он огорчится, а вообще тебе не поверит. Ему такое знание на фиг не нужно. Противно и вредно для здоровья. А если поверит? Его же совесть заест, вся постройка его жизненных отношений рухнет! В гробу он видал такую обратную связь с тобой вместе.

...Так что проблема неверия в правду и отвержения правды — это проблема неоднозначности, сложности, целевой изошренности и непрямого действия обратной связи. А обратная связь в своей конечной заданности — это не вопрос «Как?» — это вопрос «Зачем?». Она существует не для ума большого, а для выживания успешного.

Шок: спастись бегством

От сильнейшего страха человек нередко впадает в ступор. Особенно если грозит смертельная опасность. Причем неожиданно, застав жертву врасплох. А он не успел мобилизоваться, собраться с духом, подготовиться. Неожиданность — сильнейший испуг — полная растерянность и прострация — оцепенение и совершенно беспомощное состояние.

Что это значит? Почему нервная система так устроена? В чем здесь целесообразность? Какую пользу такое поведение может принести?

Ведь несравненно рациональнее было бы всячески сопротивляться! Во-первых, испробовать все возможное, чтоб спастись. Во-вторых, даже если нападающий значительно сильнее — он может задуматься, стоит ли идти на риск увечий и даже случайной смерти ради такой победы (добычи). В-третьих, вдруг на шум борьбы подоспеет неожиданная помощь. В-четвертых, хотя бы на следующую жертву враг может не напасть, крепко усомнившись в необходимости таких хлопот. Ярость или бегство — вот что нам нужно!

Кроме того, парализующий страх — фактор отрицательного селекционного давления. Такие особи должны гибнуть, не оставляя потомства, с гораздо большей вероятностью, чем отчаянно сражающиеся до конца.

Вот крыса. Очень умная, обучающаяся и отлично приспособливающаяся. Загнана в угол в полном смысле слова — сильный хищник ее живой не выпустит. Она будет драться до конца, вложив в борьбу все силы! И нанесет врагу максимальный ущерб. Поэтому не всякий рискнет с ней связываться. Ты задушишь и съешь одну — но еще пяток таких побед тебя доконает, здоровья не хватит. Все равно погибая — крыса борется за выживание всего крысиного рода.

Почему так не поступают мышь или кролик перед змеей? Потому что змея реагирует только на движущийся предмет: они спасаются, потому что в броске змея быстрее их.

Но умный человек — он почему бывает покорной жертвой?

...А вот взглянем на потерю сознания от болевого шока. Смысл? Боль — сигнал повреждения организма, необходимости принять меры. Совсем сильная боль — функция перестаралась, прагматическая реакция перешла меру, и вместо экстренного принуждения к лечению уже просто вырубил сознание. И особь (пусть человек) вообще утерять способность действовать,

противостоять опасности, и впал в беспомощное состояние. Результат достигнут обратный: ешь его спокойно.

Но. Смысл обнаруживается.

Во-первых, в бессознательном состоянии центральная нервная система сосредотачивается на устранении повреждений. Все прочие надобности отключаются: только жить и приводить в порядок травмированный участок. Кстати, недаром падение с высоты в бессознательном состоянии дает лишние шансы выжить: организм расслаблен, как мешок. Уже польза.

Во-вторых, если все равно выжить невозможно — так зачем зря мучиться, лучше терять сознание сразу. (Помнится, у Брэма в одном месте: человек схвачен тигром, тот зубами сжал его плечо и тащит в заросли, человек кричит и бьется в ужасе — тогда тигр сильно встряхивает его, и жертву охватывает равнодушие, слабость и покой. То есть тигр знает толк в приготовлении обеда, а жертве облегчен этот процесс. Рывок — шок — протрация — никаких мучений. Хорошо, что отбили.)

Шок и паралич как облегчение участи. Ты не бойся, мусорок, мы тебя не больно зарежем.

Шок как ложь. Жизнь есть то, что ты о ней думаешь — ну так если нельзя изменить реальность, можно изменить отношение к ней. Умирать? — ну и хрен с ним. Не больно и не страшно. Жизнь-то налаживается! Тем более что мы есть — смерти еще нет, а смерть пришла — нас уже нет. Так чего огорчаться понапрасну.

Шок, оцепенение, равнодушие — как обман инстинкта жизни. На минуточку так. Да-да: если к правде святой не сумеет — честь безумцу, который навевает сон золотой. Поэт сердцем чует! Выпей и покури перед гильотиной. Так налейте полней и травы забейте толсто.

То есть. Происходит резкая перестройка сознания. Границы «возможное-невозможное» смещаются, небеса смяты, как фантик, дорожка жизни кончается у этого забора.

Ну, если казнь неизбежно гарантирована — остается только хранить достоинство. Предъявить врагам свою человеческую гордость и храбрость. Стать выше их, показав презрение к ним и смерти. Сохранить свою значимую и уважаемую человеческую личность до конца.

То есть. Борьба за жизнь заведомо проиграна. Сохранить жизнь своей физической сущности невозможно. И тогда в центральной нервной системе происходит перенос смысловой нагрузки. С сохранения физической, материальной базы личности, с жизни тела — на максимально полную и мощную жизнь личности, то есть активность ментальную, эмоциональную, интеллектуальную.

Инстинкт самореализации, обретая форму существования в сфере чувств, проявляет себя в стремлении к самоутверждению личности таким образом, что человек предъявляет свою максимальную значимость как победитель на ристалище духа, храбрости, самообладания, уверенности в своих силах. Бестрепетный казнимый — выше палача, по своим личностным качествам значительнее.

...Но — здесь нет паралича, а есть высшая степень самообладания, и смысл ее понятен.

То есть. Страх смерти — вещь серьезная. Аспект инстинкта жизни: борись за жизнь всеми силами, даже безрассудным отчаяньем вопреки расчету. И с точки зрения голого животного инстинкта — прав будешь! А с точки зрения человека сознательного — бессмысленные мучения, тяжкая участь. И можно заменить ее на более легкую. Легче приемлемую.

Чисто физически — это обман, ложь. Отход от правды: умереть страшно, ну так будет не страшно.

А паралич — то же самое: самое простое сбежать от страха смерти — это оцепенеть, шок, потеря сознания. Ложь как уход, убежание психики от правдивой ситуации.

Реакция на правду — убежание. Страус сует голову в песок — за неимением страусиной головы обходимся собственной. Это напоминает детский способ борьбы со страшным существом: накрыться с головой одеялом, сжаться в комочек и зажмурить глаза. Жучок умер! Что — жучок это я? Майн Гот, какой атавизм!..

Страх делает белое черным, а умного глупым.

А что значит — «парализован внезапным испугом»? А неожиданное внешнее воздействие есть — а понять его, проанализировать ситуацию, выдать адекватную реакцию — не успеть, невозможно! А неожиданное нечто — чревато чем угодно, и как защититься, и можно ли защититься вообще — неясно. Бежать, драться, проявлять покорность, застыть — вдруг это не к тебе относится? Систему принятия решений клинит. Принять неверное — смерть возможна, а исправлять будет некогда.

Вот если у профессионального бойца поставлены рефлексy — он выбросит руку и издаст вопль. А интеллигент сожмется и заткнется: может, договоримся, пронесет.

Но для нас сейчас главное. Что сознание почти любого человека. В подобной ситуации. Завешивается, блокируется от ситуации, как бы знать ее не желая. (Армейские разведчики и летчики-испытатели не в счет — они подготовлены.)

То есть. Человек устроен так. Что в определенной ситуации. Его

сознание. Категорически и принципиально не желает. Адекватно воспринимать действительность. Чтобы спасительно реагировать на нее. Но включает систему блокировки. Чтобы не травмировать себя, сознание, ужасным положением. Выход из которого все равно представляется невозможным. А все самое ужасное представляется очень даже возможным. Ну так остается ничего не делать. Лучше всего просто попытаться переждать. Вдруг само рассосется. А то сгоряча дернешься неизвестно куда — и ситуация станет непоправимой, еще хуже будет. Положимся на судьбу, удачу, случай. Прикинемся шлангом. И переждем. Авось пронесет. А если нет — не фиг дергаться.

Такова непосредственная реакция организма как биосистемы на неожиданную вводную, нечитаемую — но потенциально чреватую экстремальной опасностью.

Это — вариант реакции на истину, он же — вариант лжи по жизни.

Что характерно — к социальным системам это тоже относится.

Но поскольку социальные системы инертны и многосложны, а их монады сами являются системами не только биологическими, но и социальными — подсистемами-человеками — то и проявления всех реакций у социосистем очень мощные и медленные.

Не верили, что культурные немцы Третьего Рейха могут расстреливать толпы мирных людей во рвах. Не верили, что машина НКВД уничтожит миллионы своих граждан. Не верили, что железная кучка малограмотных большевиков удержит власть и согнет страну. Не верили, что монголы возьмут Киев.

Не верил Великий Рим, что придет время — и его снесут немые варвары из неведомых степей за пределами мира.

...Вот и мы в шоке не верим сегодня своему разуму, глазам, логике, арифметике — что конец нашей великой цивилизации уже идет полным ходом. Мы продолжаем хлопотать о прическе и меню, когда повозка наша громыхает по камням к той площади, где силуэт треугольника меж двух стоек уже виден на помосте.

Стокгольмский синдром

Почему заложники вдруг проникаются любовью к своим жертвам? И начинают не просто пытаться помогать им, понимать и сочувствовать — но искренне разделяют их взгляды, и вот уже готовы принять одну судьбу? Выступают единомышленниками? Сознательно, по собственному желанию, уже готовы рисковать ради них своей жизнью?

А потому что прежде всего — инстинкт жизни. Спасти себя любой ценой! Заложник ведь не несет ответственность за какую-либо надличностную ценность — типа может отдать жизнь за идею, родину или детей. При наличии конфликта надличностных ценностей между захватчиками и пленными, оккупантами и патриотами — никакого стокгольмского синдрома не наблюдается. Соппротивление опирается на идею. Есть свои и чужие. Можно притворяться смирным и даже другом. Но искренняя симпатия к врагу — это предательство. Даже без услужения врагу — это предательство внутреннее, предательство себя и своих идеалов. Отречение от самой идеи борьбы с врагом. От ненависти к нему и любви к свободе. Да?

Так ведь и предательство существует. Сохранилось много воспоминаний: попав в плен, люди ловили себя и окружающих на лживости и подхалимаже в отношении охраны; вдруг — смешком, готовностью к согласному мнению, угодливой реакцией в мелочном жесте — плыли к моральному соглашательству. То есть: обозначали моральное отмежевание от своего и попытку продемонстрировать понимание и близость к чужой, но — силе и власти!

Заметьте: им еще не предлагали ни денег, ни жратвы, ни жизни — впереди была неизвестность, и пока еще не ужасная, не смертельная неизвестность, еще смерти не ждали. Но они уже чувствовали позыв прислониться к силе. (Не все, не всегда — но многие и часто!)

А еще обычнее вариант — подхалимаж по службе, к начальству. Ну, когда льстишь и ненавидишь — это самый поверхностный вариант. А вот когда злой и несправедливый начальник тебя изводил — да потом вдруг обернулся доброй-ласковой стороной, человечным и дружественным себя показал: о, вот она вспыхнула огнем негасимым, любовь холопа к доброму барину! Верен теперь ему будет, все поймет и одобрит. Потому что он сам теперь к барству приблизился. Через доброе отношение барин делегировал ему часть своего барства — ну, пусть второй свежести, так сказать.

Подхалим откровенный и циничный повышает свой социальный статус — это ясно. Но комплексом униженности он разъедаем, как ржавчиной: это ведь не он какой есть поднялся, а самосозданный образ его, расписанный гримом защитный скафандр. И сидишь, как патриот-разведчик среди фашистов: пьешь с ними и смеешься, а всех бы сейчас гранатой взорвал!

Эта психологическая сшибка, эта раздвоенность эмоциональная и рациональная, эта мимикрия, переходящая в шизофрению, человеческому сознанию очень тяжела (а подсознанию еще больше). Это вымощенный золотом путь в дурдом.

И — что? И маска прирастает к лицу. И образ становится сущностью. А сущность растворяется в пространстве и времени, улыбнувшись на прощание улыбкой сказочного и послушного кота.

А если выразить иным языком, в иной парадигме, так сказать, что произошло? А произошло, товарищи, восприятие корпоративных ценностей. В более общем смысле — корпоративной истины. И вот ты уже стал как все вокруг. Так же думаешь и чувствуешь.

Особенно ясно это на примере полицаев всех мастей, стран и эпох. Что ж ты, сука, своих винтишь и мордуешь ни за что, да с хэканьем, да со злобой зверской и улыбочкой властной? За зарплату и форму это невозможно. Для этого надобно сознанием и чувством проникнуться! Ну так и проникся. Пошел служить за зарплату, а там пообвыкся. С кем поведешься — от того и наберешься.

...Но — в Стокгольм! Машинист — гони, я сказал: следующая станция — Стокгольм! 1973 год. Заложники. А это у них там что? Где, вот там? Это синдром.

Мы отрешимся конкретно от евро-уголовников Олссона и Олофссона с их банком, тремя женщинами и одним мужчиной, и обобщим ситуацию. Что произошло со взятыми заложниками?

Они присоединились к господствующей корпорации. И восприняли ее ценности и ее истину. Тем самым максимально усилили свой социальный статус. Одновременно с чем — свои возможности и предполагаемые права.

Только не надо думать, что это сознательный выбор и рациональное решение: поступлю-ка я вот так, буду теперь чувствовать вот это, и тогда мне будет лучше. Все быстрее, проще, жестче. На базовом уровне.

Срабатывает инстинкт. Инстинкт жизни и самозащиты, спасения.

Инстинкт повелевает жить! А как?.. Сопротивляться невозможно! Мирные люди, безоружны, все неожиданно, боевых навыков нет...

И мозг пускает в ход последнее средство — смена личности.

Служебная мимикрия центральной нервной системы. На самом глубоком и истинном уровне.

Опознавательная система человека «свой-чужой» перестраивается и шлет отчаянный сигнал врагу и убийце: «свой! свой я!».

Я люблю тебя! Это значит — я полезен. Я нужен. Я не враг. Я твой сторонник. Ты можешь на меня рассчитывать. Я все для тебя сделаю. Ты мой любимый человек! Я пожертвую ради тебя жизнью добровольно!

И — что характерно!!! — готов пожертвовать!!! Потому что не притворяется — а правда любит. Шок производит подмену глубинного аспекта личности — человек словно сходит с ума. Он — перебежчик. Изменник. Но перебегает не телом — на сумрачном дне психической структуры, стронув калейдоскоп эмоциональных узоров как маршрут движения в жизни, перебегает его «Я». Личность и сознание перебегает, легко неся рюкзак чувств и мыслей! Определив остров спасения — бежит на него!

Ибо инстинкт жизни хочет прежде всего — сохранить жизнь, организм, существование, гены.

Личность — это продукт приспособления к среде и достижения жизненных целей. И вот ради этого же — личность быстро меняет свой аспект! Чтобы сохранить своего основного, главного, носителя — человека, физическое тело со всеми его возможностями, потенциями и перспективами.

Да. Личность выступает как продукт культурной эволюции — стать таким, чтобы выжить и победить.

Вот как человек может лгать — вплоть до полного изменения личности. Мгновенная и глубинная метаморфоза. Честный обыватель — мгновенно любит и разделяет взгляды террориста. И лжет себе — что его любит — и тут же правда любит.

Это верх лжи. Человек отрекается от правды — от себя самого — настолько, что перестает быть собой в смысле данного вопроса, важнейшего для него — он любит убийцу. Раз не может его победить иначе.

Не можешь стать победителем — так психически идентифицируй себя с ним. То есть — субъективно — стань им! Одним из них.

Не можешь убить убийцу — так стань напарником, тенью, alter ego убийцы.

Ибо здесь победа — это спасти себя. А значит — любой ценой. Не можешь убить — люби.

Как вам такое решение проблемы правды и бегства от нее? И построения другой правды из противоестественной, якобы, ошибки и лжи?

И это не временная реакция. Остаточная деформация, выражаясь языком сопромата, велика. Оставшуюся жизнь женщины любят своих захватчиков, ходят на свидания в тюрьму и выходят потом за них замуж. Более того: такая заложница может, восприняв взгляды террористов, уйти в террор сама. Были случаи. Отнюдь не все, нет. Чаще и захватчики звери, и жертвы нервы лечат. Но как типичная реакция — есть и такая. Особенно если захватчики сносно обращаются с заложниками, выступают как жертвы несправедливости и борцы за идею.

Ну, а на уровне психического механизма это — сильнейшая эмоция на грани плюса и минуса меняет знак и остается сильнейшей, но иначе оформленной, уже положительной. Убийственная эмоция превращается в спасительную.

Если нельзя спасти тело физическими действиями — надо спасти тело психическим действием. Пожертвовать личностью. Пусть погибнет личность — но спасется весь человек. Тем более если личность лишь трансформируется — ну, гибнет частично.

Человек первичен — личность вторична, служебна. Был бы человек — а личность ему жизнь новую соорудит.

Вот.

Религия как самообман

В основе религиозной веры лежит решительное нежелание смириться с правдой.

Из опыта люди всегда знали, что все смертны. При том, что смерть труднопостижима, если начать задумываться о собственной.

Никто не хотел умирать. А иногда пуще того не хотел, чтобы умирал любимый и близкий. Родители и супруги, но прежде всего — дети.

Горе и боль вечной разлуки так сильны, что трудно смириться. Нет!!! Я не хочу!!!

А одновременно — все загадки Природы, которая и есть одна большая загадка. Почему восход и закат, дождь и ветер, изобилие и неурожай. Инстинкт познания, он же имманентная потребность в сборе информации, упирается в невозможность понять. А объяснить надо! То есть построить непротиворечивую картину Мироздания.

Так начинаются мифология и религия, еще единое представление о Большом Мире. Появляется представление о Высших Силах, и они персонифицируются. Возникает и передается в поколениях модель Горнего Мира. Она усложняется и детализируется.

И в ней конечно же находится место человеческим душам. И дело им находится, и жизнь их продолжается, и о живых они заботятся, а могут и наказать за скверный поступок!..

Там торжествует справедливость: сильные и храбрые живут хорошо, трусливые и подлые плохо. Там нет голода и болезней, горя и опасностей. Они есть только для плохих душ — как разновидности Ада.

И. Потребность в познании и объяснении мира — естественно совмещается с категорическим нежеланием признать исчезновение человека, признать смерть, уход в ничто, в черную пустоту, где ничего нет и никогда не будет.

Интереснейший и принципиальный психологический, мировоззренческий ход: познать и объяснить смерть — тем самым отрицая и не признавая ее. Человек — крупнейший специалист по созданию информационных моделей, которые обеспечат ему психологический комфорт.

Главный посыл к учению о вечной душе — категорическое нежелание примириться с несправедливой и страшной болью разлуки.

Если мифологическая картина Мира следует из попытки познать и

объяснить — то отрицание абсолютности смерти следует из несогласия с такой правдой и отрицания ее очевидности. Я так сильно не хочу этого — что эта правда перестает быть правдой!!! Я так сильно хочу этого — что моя ложь становится Высшей Правдой. Эта Высшая Правда не видна смертным в нашем Дольнем Море — но там, за облаками, продолжается вечная и счастливая жизнь.

Да — вера как утешение и самоутешение. Или бегство от правды.

Вера — это несмирение.

То есть. Ты смиряешься с реальным событием в нашем Море, повторяя: «Такова воля Божья». Ибо ты бессилен. Но твоё несмирение создает Тот Мир, где умерший устроен справедливо и счастливо, и тут уже никто не в силах помешать его вечному счастью.

И вера как несмирение создает виртуальный мир — где справедливости больше, чем в нашем. Ибо Тот Мир одухотворен нашим духом и устроен разумно нашим разумом — нашими над-природными, человеческими представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Природа, Бог, Абсолют — создали этот мир и нас в этом мире: он таков, каков есть, и не все мы можем постичь в обители трудов и печали. А уже мы создаем свой собственный Тот Мир — где творец на самом деле Человек, а не Бог.

В Боге мы живем — он есть Вселенная и Бытие, он — Абсолют.

А загробный мир любой религии — это мир, где Человек — это Демиург, Творец, Вседержитель.

И там бессмертна душа каждого, и счастливы в Вечности души святых и героев, младенцев и невинных жертв. Там всегда справедливость, и воздаяние за поступки, и отдых, и блаженство. Все то, чего нам в жизни недостает.

Вера — это желание, которое сильнее знания. И вот она уже устоит в любых испытаниях словом и делом.

Часть четвертая

Спящие чудовища атакуют разум

Инстинкт и разум: желание и оценка

Разум со всеми его анализами, суждениями и оценками — это что и работает как?

Можно ли говорить о разуме животных, когда они поступают крайне рационально в сложных ситуациях, где нужно оценить сложную обстановку и из многих возможных решений выбрать оптимальное — соответственно своим возможностям и потребностям?

А если растение с предельной рациональностью обеспечивает свои потребности в солнечной энергии и воде и веществах почвы? — распускает листву весной, цветет на подъеме солнечной активности и плодоносит на спаде, стремясь размножиться, сбрасывает листву и замирает на зиму — оно умное? Человек, будучи ограничен формой и возможностями «мыслящего дерева», смог бы действовать рациональнее, выбирать время цветения лучше, применять другую тактику для самосохранения зимой? Получается что — дерево умное в пределах своих физических возможностей?

Что такое вообще ум? — Ум — это способность выдавать максимум заключения из минимума информации, в минимум времени при прочих равных условиях.

А вот далее, далее, далее! Нам интересен путь от восприятия внешней информации — до реакции организма на эту информацию. Поднимается и пригревает солнце — распускаются почки и цветы. Сыплется в аквариум корм — и рыбки плывут питаться. Кошка видит собаку — и взлетает на дерево или вздыбливает шерсть, яростно шипя: драться за жизнь насмерть, но лучше отпугнуть. Реакции рациональны. Но путь от восприятия информации до рациональной реакции не облечен в слова. Прям. Рефлексивен.

Рефлекс — это первая, низшая, простейшая форма разума. Простейшая связь между информацией и реакцией на нее: действием.

Этот рефлекс призван, чтобы чего? Чтобы отреагировать на поступившую извне информацию максимально полезным для организма образом. Это механизм адекватной реакции объекта на раздражитель.

Простейшая центральная нервная система — лишь отчасти может быть названа центральной. Вот у примитивного организма есть нервные клетки. Они обеспечивают отдергивание от огня, движение к пище, замедление обменных процессов при холоде. Эти нервные клетки вроде и

периферические, а вроде они сближаются в одном месте внутри организма, образуя некий мини-пучок нервных окончаний. Между волокнами этого мини-пучка иногда проскакивают электрические импульсы. Вот это — начальная, простейшая, примитивная форма мозга. Здесь обрабатывается поступившая информация и дается команда на действие.

Росляк, приманивающая, ловящая и переваривающая насекомое — действует в пределах своих возможностей разумно до предела.

Что обеспечивает мозг волка, зачем нужен? Сбиться в стаю, охотиться и питаться, найти партнера и размножиться, вырастить детенышей. Голод — инстинкт, размножение — инстинкт, возникающие желания потребно удовлетворить. Высокоразвитый мозг строит весьма сложные варианты многоступенчатых действий — охота, поиск и устройство логова, прокорм и защита детей, их обучение.

А если волк сыт и в безопасной комфортной обстановке уже отдохнул? Он играет, имитируя охоту, погоню, схватку. То-есть? Поведенческие программы уже отделились от прямого диктата инстинкта, от прямого удовлетворения желания. Мозг волка способен произвольно, без «производственной необходимости», подавать команды на имитацию действий в разных ситуациях.

То есть. «Разум» что росляки, что волка направлен на то, чтобы наиболее рациональным способом удовлетворить желания. Желания удовлетворить потребности инстинкта.

Инстинктивные потребности первичны — разум вторичен.

Разум — система информационного обеспечения необходимых действий.

Разум — способность создавать план сложных действий, обеспечивая цепь действий от желания до его практического удовлетворения.

Разум — это способность создавать информационную модель поведения субъекта от возникшего желания (инстинктивного позыва) до его практического удовлетворения как реального действия.

Разум — это программа выживания в окружающей среде.

Вот изначально — примерно так. Точно так.

А чем объемнее программа, чем больше вариантов действия она допускает — тем легче выжить. Тем больше у субъекта вариантов спасительных действий на все случаи жизни.

Человек — это биология, пошедшая по пути экономии материально-энергетических ресурсов (как всегда), направив максимум энергии в развитие диспетчерской программы, командного пункта, центра сбора и анализа информации. У субъекта нет когтей и клыков, рогов и копыт,

шерсти и крыльев тоже нет — но есть исключительная изобретательность. Он строит убежища и ловушки, употребляет палки и огонь, создает одежду и топор. И он выживает во враждебном окружении и властвует.

И любой объект рассматривается прежде всего по принципу: враждебен, полезен, нейтрален. Спасти, использовать, пренебречь.

А применяя умиле огромный — можно со временем враждебное перевести в разряд нейтрального или полезного, полезное использовать еще эффективнее, а нейтральное, опять же, приспособить почаще к делу и получить с него хоть какой толк.

Обслуживание инстинкта выживания как базовая функция ума — обуславливает процесс отбора и оценки информации как аналитическую функцию ума — таким образом, что анализ информации об объекте оценивается как истинный или не истинный в зависимости от того, способствует оценка выживанию или нет. Если оценили объект/явление так, что это помогло нам выжить — оценка истинна. Если оценили так, что оценка повредила выживанию — она ошибочна.

Суждения, несущие пользу — правда. Суждения, несущие вред — ложь.

Ну как тут не вспомнить еще раз Протагора с его «Человек есть мера всех вещей»...

То есть:

Разум обслуживает инстинкты — как лучше выполнить желания. Главнейший инстинкт — выживание. А для выживания необходима структуризация индивидуумов в социум. Это тоже сформировалось как инстинкт — собираться в группу и распределять в ней разные роли, добиваясь максимальной эффективности создавшейся социальной системы. Социальный инстинкт — это потребность собраться в группу: так вернее и лучше выживешь и передашь гены.

А для эффективной деятельности группы она должна быть спаяна единством — единством взглядов, обычаев, привычек, верований, оценок.

И. Стремление к единству взглядов — это стремление к выживанию и победоносности группы в целом, и значит в частности, в каждом члене группы, также.

Итого. Человеку свойственна групповая самоидентификация — я как член моей группы. И свойственна позитивная групповая самооценка — причем всегда завышенная; это надо, это объяснимо и естественно, это вера в силы и возможности своего коллектива.

То есть:

Мы сильные, мы хорошие, мы правильно себя ведем, мы правильно

видим мир, мы один за всех и все за одного. Вот это — социальный инстинкт как производный от инстинкта выживания.

Не согласный с нашей самооценкой — чужой. Он лишний или враг. Он отвергается и осуждается.

Не согласный с нашими взглядами и обычаями, оценками и привычками — чужой, неправильный, лишний, вредный. Он угрожает нашему существованию на уровне угрозы нашему единству взглядов и оценок.

То есть. Он наш враг на информационном уровне. На уровне информационной модели нашего группового мира в прошлом, настоящем — и, значит, будущем.

Враг должен быть уничтожен. Враг на уровне информационном — может быть уничтожен на уровне информационном, на уровне материально-энергетическом уже не обязательно.

И разум здесь служит — для создания информационной контр-модели, уничтожающей информационного врага-диверсанта.

Первейшая цель разума отнюдь не есть получение любой адекватной информации. Первейшая цель разума — получение информации, способствующей успешному выживанию. Физическая безопасность, питание и размножение. А также — в социуме — занять как можно более высокую ступень в иерархии. Вот на поиск и усвоение такой информации разум направлен прежде всего.

Если же от характера поступающей информации успешность выживания не зависит — то разуму требуется такая информация, которая каким-то образом, пусть косвенно, но все-таки на эту успешность будет влиять. Как? Уверенностью в своих силах, в своей правоте, своем уме. Этот психологический настрой повышает шансы на успешное решение задач.

А также. Разуму индивидуума потребна информация, повышающая его преданность группе, уверенность в силе и коллективном разуме группы. А также — в моральной правоте группы.

Моральная правота — это очень важно. Мораль — это свод представлений и правил, направленный на такое структурирование группы и ее отношений с другими группами, которое дает максимум шансов на успех в жизни максимуму членов группы. Мораль означает: следуй этим установлениям — и в общем всем будет лучше, тебе в том числе; а если кто и погибнет — то ради выживания остальных и надежного будущего всей группы. А это что? А это — инстинкт группового выживания, производная сумма от инстинкта жизни отдельных особей.

Таким образом. При прочих равных условиях для выживания. Разум

особи предпочитает такую информацию. Которая поспособствует ее успешному выживанию. Индивидуальному или групповому, прямо или косвенно.

И при поступлении нейтральной для непосредственного выживания информации. Типа исторической. Эта информация считывается и трактуется так, чтобы улучшить психологическое, в том числе моральное, самоощущение личности. Повысить ее групповую самооценку в том числе.

Поэтому история любого народа, написанная им самим — комплиментарна. Разум вертит правду всеми возможными способами, придает ей все возможные положения — чтобы групповая самооценка была повыше.

На самом деле — это не разум, а глубоко утопленный инстинкт выживания направляет разум в нужном направлении. Чтоб уважать себя и быть в себе уверенным.

Разум может перешибить подсознание и инстинкт только у вдумчивых отщепенцев, интеллектуальных маргиналов. А социум всегда структурируется на конформистское консервативное большинство — и нонконформистское новаторское меньшинство. Большинство сохраняет все достигнутое социумом. Меньшинство обеспечивает обратную связь с меняющимся миром. Адекватно поставляя меняющуюся внешнюю информацию.

...Так что если некая абстрактная информация в принципе не нравится человеку — лично или как члену группы — его разум ее отторгает честно. Как вредную. А следовательно — неверную, ошибочную.

Но, не в силах разобраться в своих инстинктах и подсознаниях, несогласный человек наворачивает горы аргументов, часто нелепых и невозможных — пытаясь придать своему нежеланию рациональную и аргументированную форму.

...Резюмируем кратко: человек, стремясь к самореализации, самоутверждению, завышению самооценки индивидуальной и групповой — честно и искренне выбирает из двух информационных блоков не тот, который объективнее отражает истину — но тот, восприятие которого дает ему чувство и сознание более высокой самооценки и самоутверждения — личностного и группового.

Поэтому любая здоровая самооценка комплиментарна.

История народа, написанная им самим — это групповая самооценка. Любые попытки завысить ее народом приветствуются. Любые попытки занижить — отвергаются с негодованием как враждебные диверсии.

Какие же качества народ почитает наилучшими, самыми ценными,

характеризующими его с желаемой стороны? Какова их шкала, что доминанты?

Доброта. Сила. Храбрость. Честность. Благородство. Трудолюбие. Справедливость. Ум. Воинственность. Щедрость. Героизм. Бескорыстие. Некоторая наивность, доверчивость и беспечность — как продолжение доброты, честности, щедрости и благородства.

А что порицается? Лживость. Коварство. Аморальность. Жадность. Эгоизм. Жестокость. Хитрость. Трусость. Слабость. Предательство.

И коллективное бессознательное стремится к первой самооценке и отвергает вторую. Проявляя себя через индивидуальное сознательное к сведению собственному и оппонентов.

Людям не нужна правда, которая портит им настроение и порочит. Людям нужна правда, которая вдохновляет и укрепляет. Правдолюбие народа носит весьма избирательный характер.

В конце концов, система отбирает для себя ту информацию, которая наилучше способствует ее выживанию! Какие у вас к ней претензии?..

И только маленький уголок мозга, секретный отдел штаба, принимает, анализирует и складировует неприятную информацию, которая сугубо логически является объективной. Для того, чтобы учесть ее и сделать выводы на будущее, принять верное решение в следующий раз. Ибо вовсе без этой обратной связи система обречена на верное и скорое поражение и гибель. Но рабочим органам и периферийной нервной системе этого знать не нужно. Пусть пока себе работает в прежнем, установленном режиме. А то только в стресс впадет, и хуже будет.

Социопсихологический аспект разума

Для правильного понимания (или вообще понимания) целого ряда психологических, социопсихологических и социальных парадоксов необходимо учитывать одну принципиальную вещь.

Разум не есть орудие и средство познания Мира самого по себе, познания Истины вообще, стремление познать Вещь-Саму-по-Себе. Разум есть орудие и средство познания мира прежде и главнее всего под одним определенным углом — с точки зрения приспособления к нему, успешного выживания в нем, использования как можно большего количества его частностей и закономерностей для собственных целей.

А цели: выжить, пропитаться, размножиться. Для этого организовать в социум и занять как можно более высокое место в социальной пирамиде. А по мере набора и роста культуры — в полную меру реализовать все свои жизненные возможности наилучшими средствами в рамках все более богатой и изощренной социальной жизни.

(Разум исходно направлен. То есть. Никакая информация не анализируется им «вообще». Любая информация отсеивается, оценивается и анализируется в аспекте проблематики субъекта. Проблематики общей и конкретной, с которой данная информация связана прямо или опосредованно — через общую шкалу ценностей и критериев.)

То есть. Разум прежде всего — это информационно-прогностическое обслуживание пользы. Прежде всего и острее всего он реагирует на опасность, обслуживая инстинкт самосохранения: как спастись? Затем на инстинкт пропитания (энергоснабжения): как поесть? Затем на инстинкт размножения: как продлить род? Одновременно и параллельно с этими тремя базовыми потребностями работает социальный инстинкт: как организовать в социум и разделиться на подгруппы самым рациональным с системной точки зрения образом: вождь обеспечивает единство в борьбе за жизнь, пищу и территорию. Перворанговые самцы обеспечивают максимальный успех в охоте и войне, от них зависит жизнь всех, они едят в первую очередь — но и жизнью рискуют первые. И так далее.

На растения обращается внимание с точки зрения: питательные, ядовитые, годящиеся как оружие, как строительный материал или инструмент.

На животных: пища, опасная пища, трудная пища, материал для одежд и укрытий, просто опасность и вовсе нейтральные.

Ландшафт и климат: полезно для выживания или вредно, как пользоваться и как укрываться от нежелательного.

Отношения с людьми просты: секс и размножение, дружба, вражда, сотрудничество, конкуренция, доминирование или подчиненность. Чужой — всегда враг, конкурент.

И для всего этого надо думать! И надо знать! Читать следы, различать запахи, строить хижину, добывать огонь, обтесывать дубину и задабривать сильного.

И мозг, этот мощнейший орган для создания информационных моделей как прогнозов, как возможных вариантов будущего — чтобы выбрать наивыгоднейший вариант действий — этот мозг иногда уже недогружен. Человек сыт, в безопасности, выспался, врагов нет, кругом свои, самка рядом, огонь горит, и можно сутки ничего не делать — мамонт недоеден. Мозг начинает искать, чем ему заняться — и покрывает дубину резьбой, или рисует картинку на стене пещеры, или пересказывает историю давней великой охоты. Искусство, то есть, начинается. Но прежде всего дубина должна быть надежной и удобной, история про охоту — с хорошим настроением, а образ вождя в ней — хвalebный, а то в рог даст.

Вся жизнь человека — изначально была жестко детерминирована. И разум твердо знал причины и следствия на уровне одноходовых связей. Убьешь кабана — выживешь с пищей, а попадешь на клыки кабана — заперет. Не послушаешься вождя — изобьет, а послужишь — может позволить лишний кусок. Все идут на охоту — и ты тоже, иначе невозможно. Облачко над той горой — к ливню вечером.

Но идеи демократии и равенства дикарь отвергнет снисходительно, как взрослый отнесется к неразумному дитя. Пароход из тяжелого железа, он плавать не может — так и племя, где женщина равна мужчине, а слабый воин сильному, не выживет и погибнет, да и не может быть такого племени.

Социальный инстинкт собирает людей в социумы и велит занять более высокое место в их структуре. Выжить можно только группой. В единстве сила. Вместе выживем охотой и собирательством, взаимопомощью и общей победой над врагом и природой.

И вот уже мозг человека цивилизованного решает всем нам знакомую до боли задачу: не как выжить на лоне природы — но как выжить в обществе. Среди собратьев-волков. Где надо ладить с сильными, не уступить кусок равным, защитить свое место у огня и прогнать конкурента от своей самки.

Социальный инстинкт усложняется, ветвится, становится изощренным в деталях. И разум напрягается и растет, обслуживая социальные

потребности человека. Сложнейшие межчеловеческие отношения требуют адаптации к ним. Короче — все время думать же надо, как себя вести!

Но. Правила и кодекс поведения в социуме. А проще — Закон Стаи. Базируется все на том же социальном инстинкте: один за всех — все за одного! И разум направлен прежде всего — а вернее сказать, глубинней всего — на адаптацию к единству стаи. К единству действий — а для того единству взглядов.

Оправдать существующий порядок! Поддержать сильных, не потакать слабым! Вождь велик, шаман мудр, воины сильны, женщины плодovitы! Все, что работает на поддержание такого миропонимания — верно, необходимо, полезно и спасительно.

Мы всегда правы! На том стоим. И готовы доказать.

А я? Кто есть я? Я как все. Как все мы. Один из нас. Силен общей силой, велик общим величием. Да: вот объяснения, доказательства, подтверждения.

Вот пацаны, юнцы, отроки, молодые самцы — они всегда сбиваются в стаи. И там надо показать себя! Что ты как все, и достоин быть среди нас. Сделай-ка как все! Так ведь он еще из кожи вон лезет, чтоб доказать свою корпоративную лихость!

И разум работает на поддержание стабильности социума. И одновременно, отчасти, — на его развитие, эволюцию.

...Так появляются подхалимы и хамы, аристократы и быдло, элита и толпа. А жизнеобслуживающая функция разума остается та же самая, меняется лишь ее формальное направление, социальное наполнение меняется. Раньше надо было думать, как загнать и убить кабана, не попав на его клыки — сейчас надо думать, как выполнить распоряжение начальника и не дать подчиненным сесть себе на шею.

Однако неизменным осталась необходимость быть членом группы — хоть рода Мамонтобоя Волосатого, хоть слесарем сборочного цеха авиазаводы. Чтоб не дали по шее, не прогнали — но напротив, повысили по службе и дали большой кусок.....

<здесь рукопись обрывается>

Конформизм

Повторяю и прошу запомнить:

Главный предмет социальной психологии и парадокс этики заключается в имманентном внутреннем противоречии человека между инстинктами индивидуального и группового самосохранения и самореализации.

Человек как особь, организм, индивидуум и личность руководствуется инстинктом индивидуального самосохранения и продолжения рода. Отсюда все разновидности эгоизма: трусость, жадность, стремление иметь максимум благ при минимуме риска и затрат — короче, сладкий кус и теплое место, все лучшее для себя, а все трудное, неприятное и опасное предоставить другим.

Но как существо в то же время сугубо социальное, человек в противовес эгоизму альтруистичен: ему свойственно не просто поступаться частью личных интересов ради блага соплеменников, но и жертвовать жизнью, если это необходимо для защиты своего потомства, семьи, очага, группы, племени — своего социума. Ибо только в составе единого социума он может противостоять врагам и опасностям, добывать пищу и оставаться в живых.

Человек двуедин в своем индивидуальном и социальном качествах. Без своего социума он не только незащищен — у него нет языка, нет никаких приобретенных навыков, он не воспринял наработанную социумом культуру: он даже не человек, но лишь человекоподобное животное.

И. Социальный инстинкт похвально доминирует над индивидуальным. Этика велит индивидууму подсократиться в присвоении благ, блюдя интересы всей группы. Более того: инстинкт индивидуального самосохранения велит человеку бежать и прятаться — а социальный велит идти навстречу опасности, драться и даже гибнуть, чтобы племя победило и выжило. И в конфликте индивидуального и социального — закон и мораль, мнение людское всегда утверждали и славил торжество общего над личным, социального над индивидуальным.

Социальный инстинкт при конфликте с индивидуальным главнее. Таков закон выжившего человечества.

А для выживания первобытной группы, и ближе вдоль истории — для выживания народа — необходимо единство в действиях: в сражении, охоте, поиске убежища и спасении женщин с детьми. Социум — это не аморфная

толпа, а система. У нее своя структура, где каждому свое место, и каждый готов выполнить свои обязанности. Имея соответственно свои права.

Такая социальная система, собранная из отдельных человек, несравненно сильнее и производительнее толпы в труде и бою.

И каждому человеку этой системы присущ социальный инстинкт. Он заставляет людей собираться в группы, выяснять, кто сильнее и слабее, кто на что лучше пригоден — и создавать социальную иерархию. Проще всего понятна суть иерархии на примере воинской части: стрелки, пулеметчики, артиллеристы, танкисты, водители, санитары, повара. Аспект специализации — и аспект соподчинения: сержанты, лейтенанты, майоры, полковник.

Из двери высовывается Суворов Александр Васильевич, трясет седым хохолком и кричит петушиным голосом: «Каждый солдат должен знать свой маневр!» То есть: каждый член социума должен знать, что он должен делать.

Он и знает.

В первобытной стае, а хоть и в племени дикарей, все просто: охота — все мужчины на охоту, собирать корешки — все бабы в поле, убили кабана — все жрут вокруг костра, переходим на новое стойбище — все собрались и пошли за вождем. Единообразие. И всеобщее согласие. Делай как все. А не захочешь — вождь мигом вломит и подчинит, остальные добавят, а потом еще и худший кусок тебе достанется.

Когда-то в СССР, мечтая свалить за бугор и посмотреть свободный мир, мы не представляли, каким тяжким наказанием было изгнание. Это изгнание Солженицына и Растроповича воспринималось как возможность жить в лучшей части цивилизованного мира. Но изгнание из древнегреческого полиса обрекало на бесправие: ты нигде больше не имел прав гражданства, ты был в обществе никто, не имел друзей и сторонников, прилюдный ты был, а если еще и нищий — вообще жрать нечего, иди в услужение. Но в первобытном племени изгнание равнялось смерти. Тебе было не защититься от врагов — убьют и съедят. И вообще трудно прокормиться.

Итак. Единство. Оно начинается — где? В головах. Единство племени начиналось на уровне единства представлений о том, как жить и действовать. Установившийся давно порядок мыслился единственно правильным и возможным. Вот координация и единство действий пчел, собирающих нектар или прогоняющих агрессора от улья — это проявление простого инстинкта. Координация волков, поделившихся для охоты на загонщиков и засаду — более сложное единство действий. А

согласованность дикарей, сделавших дубины и копья, соорудивших яму с кольями и загнавших туда быка — это еще сложнее.

Короче. Члены племени имеют одинаковое мнение по всем вопросам: как охотиться, воевать и жить. Вначале могут посовещаться, бывает. А дальше — решение вождя и альфа-самцов обсуждению не подлежат. Мы с ними до сих пор выжили — значит, они правы. Они знают. И мы тоже знаем — все вместе.

А если ты один прав — а они все не правы? Но у тебя низкий ранг, и тебя не слушают? Подчиняйся и верь. Со всеми — ты можешь выжить, если даже решение их не верно. Но один — ты точно в поле не воин, не выживешь, конец тебе. Лучше поддерживай их изо всех сил. Тогда вероятнее будет успех.

То есть. Специфика социального инстинкта такова. Что лучше ошибиться вместе со всеми, чем быть правым одному. Придерживаться общего мнения — с точки зрения выживания и успеха вместе с группой — в конце концов, на уровне больших числе, всегда выгоднее. То есть правильное.

Мое дело сказать правду, а не заставлять верить в нее.

Жан-Жак Руссо

С правдой надо жить, как при огне: ни сильно приближаться, чтоб не ожег, ни далеко отходить, чтоб не замерзнуть.

Диоген

Подобно большинству смертных, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе.

Сабатини

Я говорю правду постольку, поскольку я осмеливаюсь ее говорить; чем старше я становлюсь, тем реже осмеливаюсь это делать.

Мишель Монтень

Если ложь на краткий срок и может быть полезна, то по мере времени она неизбежно оказывается вредна. Напротив, правда со временем всегда оказывается полезной, хотя прямо сейчас, возможно, она принесет вред.

Дени Дидро

Вот что стоит за инстинктивным представлением: «Как все делают — так и правильно».

Вот так элементарное рассуждение от печки приводит нас к пониманию проблемы конформизма.

Но понимание сущности и механики конформизма требует еще одну вещь разобрать:

Изначальный вождь — это оптимальное сочетание силы и ума. И чем на более примитивной стадии — тем больше нужно силы, а ума можно и не больше, чем у всех. Потому что сила необходима для подчинения: держать всех в кулаке и тем сохранять единство группы в любой ситуации. А часто единство — единственное спасение. Ума же для первобытной жизни много не надо, кроме того — всегда можно держать рядом умного советника. Ну, или считаться с мнением верхушки альфа-самцов, чтоб сообща не загрызли.

При этом. Глупых всегда большинство. Умен не мировой гений, а тот, кто на этой поляне умнее других. (Все относительно, панимашь.) И это глупое большинство, постоянно убеждаясь, что умное меньшинство понимает что надо быстрее и правильнее — они даже перестают особо думать сами. Они сразу вопросительно смотрят на начальство: как там оно дела обстоят, что делать?

И правильно делают. Потому что толпа по природе своей и функции думать не способна. Или способна на уровне самых глупых — чтоб принять решение попроще. Толпа нуждается в вожаке-мозговике. И права!

Потому что даже не самый умный, но уж точно один из самых умных и при этом проверенный в делах — он дело скажет. Его надо выслушать, понять и подчиниться. А если ты не понимаешь — дурак, значит. Это лучше скрывать. Молчи — сойдешь за умного. И делай что все.

Умный в одиночку быстрее сообразит. И никто его не будет сбивать. И все его мысли логично друг с другом увязаны. И мы его уважаем поэтому. И давно, и не мы одни. Так что пошли за ним.

Вот сейчас мы на пальцах изложили две разновидности конформизма.

Первая — делать как все — это «стадный инстинкт». Он сформулирован и описан английским хирургом на Первой мировой войне Уильямом Троттером. Хотя люди это всегда знали. Ибо всегда имели представление о толпе и о массовой панике. От лесного пожара и все звери рядом бегут.

Вторая — это «доверие к авторитету». Что люди тоже всегда знали.

Что касается первой разновидности, конформизма группового, то в 1951 году в США Соломон Аш поставил свой знаменитый опыт с последовательным показом двух карточек: на первой начерчены три линии весьма разной длины, а на второй — одна, равная средней из трех. Семь «подговоренных испытуемых» давали одинаковый неверный ответ — и восьмой, реальный испытуемый, от 25 % до 75 % попыток верил не собственным глазам, а мнению группы. Когда же он давал ответ верный, но отличный от остальных — испытывал сильный дискомфорт.

Этот хрестоматийный опыт красиво подтвердил давно известное. Но о сути давно известного интерпретаторы не говорили. О том, что такой конформизм нормален, органичен, социально не просто обусловлен, но необходим. Ибо инстинкт социального соподчинения — для подавляющего большинства людей действительно важнее, чем индивидуальная информация о реальном объекте, пусть даже адекватная. Человек верит совокупным чувствам своей группы больше, чем индивидуальным собственным. Ибо инстинкт хорошо знает: ты можешь ошибаться, причем во столько раз вероятней других, во сколько раз этих видящих по-другому больше тебя.

Иначе думают два меньшинства: сильно умные и лидеры. Лидер уверен в себе и в гробу видал прочих: пусть подчиняются. Умный больше доверяет своему уму, чем всем прочим вместе взятым. Эти меньшинства необходимы! Но именно как меньшинства. Для объединения группы лидером — и для адекватной обратной связи группы через умного с внешней средой.

Но большинство — обязаны быть конформистами! Обязаны иметь

единообразное со всей группой мнение. Это качество обеспечивает социуму устойчивость, спасительный консерватизм, управляемость без потери единства, способность скоординированно, сообща отвечать на вызовы, а не распадаться кто в лес кто по дрова.

И следование мнению авторитета — аналогично. Социально необходимо.

В 1963 году ученик Аша Стэнли Милгрэм поставил в Йеле не менее знаменитый эксперимент. По приказу «преподавателя» испытуемый «бил током» все большей силы «исследуемого» (актера) — для его же блага, чтоб лучше слова запоминал. И под давлением преподавательского авторитета испытуемый, нормальный студент, буквально превращался в истязателя, даже сам страдая и пытаясь противиться приказу, но — подчинялся. А без приказа — да прекращал после самых слабых «разрядов», не зверь же он, жалко, не мог, он гуманист вообще.

И с выводами этого хрестоматийного эксперимента тоже не шибко глубоко. Да, есть давление авторитета и подчинение ему вопреки собственным убеждениям и даже чувствам. А дальше? Что надо быть осторожнее с приказами и подчинением?..

Милые. Что есть авторитет? Точка координации мнений и/или усилий. Любой авторитет — это род власти — юридической, физической, интеллектуальной или духовной. А что есть власть?

Власть есть форма (способ) координации людей для соблюдения правил общежития, производства совместных действий — и наличия для этого необходимых знаний и взглядов. Чтобы вместе и скоординированно делали что надо, и не под кнутом только, а из сознания, что так делать правильно и нужно.

И человек — формально или неформально, сознательно или бессознательно — делегирует власти свои полномочия на такую координацию. А если (в обществе не демократическом) не делегирует ей полномочий — власть сама их присваивает, и настаивает на них, и внушает, что у нее законные полномочия на координацию людских действий и мнений.

И большинство — верит и принимает такое положение вещей! А не согласны только сильно умные и люди с сильными лидерскими качествами. Первые существуют для ради новаторских попыток, прогресса и обратной связи общества с окружающей действительностью; — а вторые есть материал для властной пирамиды и конкурентной замены лидерского состава на случай его выбывания с мест.

Так что без авторитетов — обществу никуда! Откуда знать рядовому

человеку, что в жизни правильно и как надо поступать? Он ведь и насчет Земли, что это она вращается вокруг Солнца — не знает, со стороны не смотрел, и в математике он не очень. Он верит, что Коперник и Галилей — это авторитеты, они же сказали — и все кругом это знают. И для этого знания ему уже Кеплер лишний.

...Сформулировать истину — это как вбить гвоздь: один удар — и он там. Но вот подтащить доску, обрезать по мерке, приставить на место, а молоток еще найти надо, а гвозди заранее не куплены — подготовка все силы съедает. Самостоятельное рассуждение непосильно, а узнал от авторитета: стук — и там. В голове.

Подавляющее большинство людей искренне полагают истиной любую ложь, если так полагает подавляющее большинство окружающих и те, кто для них авторитеты.

Подавляющее большинство не могут иметь самостоятельную точку зрения. Мир и человечество устроены так, что большинство обязаны иметь единообразные точки зрения по всем важным вопросам. Как камень обязан падать на землю, а день сменяться ночью. Ну разве что блюда из меню можно предпочитать разные. А вот великие художники уже обязаны быть одни для всех.

Так что если. Девяносто девять процентов населения. И столько же авторитетов. Утверждают нечто. Это еще не значит, что они утверждают истину.

Истина никогда не устанавливается методом голосования.

Но.

Мнение большинства и мнение авторитетов — часто рычаг, которым некая группа пытается поставить истину с ног на голову. Это мнение — удобнейший прием лжецов, чтобы впарить тебе ложь. И главное оправдание идиотов, которые отстаивают ложь — ибо так сказала большинство и авторитеты.

Верить можно только уму, фактам, логике.

И когда фанатик и дурак с пеной у рта доказывает, что раз большинство и авторитеты решили так, то это истина — плюй и не верь. Защищая заблуждения большинства — дурак и фанатик не знает, что им руководит инстинкт. Социальный инстинкт, повелевающий отвергать правду и верить группе, ибо это спасительно.

Искренне защищая ложь большинства — дурак и фанатик отстаивает устойчивость своей группы: народа, страны, мироустройства.

...М-да, еще конформизмом мы называем соглашение с общей ложью из страха неприятностей и для жизненного удобства: думай что хочешь, но

не возражай вслух. А то уволят, или запредзирают, или поссоришься. Но это уже приспособление сознательное, ложь отчетливая, здесь «общественное мнение» работает просто как запугиватель, цензор, диктатор.

Но иногда желание искренне поверить в общую оценку и стремление просто не высовываться из робости — трудно разделить. Потому что если тебе удобнее, спокойнее, легче поверить, чем спорить по факту несогласия — ты склонен поверить в то, что тебе удобнее и комфортнее.

А вот когда тебя гнут внаглую: говори как мы — или проклянем и выгоним отовсюду, вот тогда конформизм превращается в жестокую диктатуру большинства, пусть оно и безмозгло. Подчинись! И плевать нам, что ты думаешь на самом деле. И Галилей отрекается. Но психологически это самый ясный и примитивный вариант.

Общественное мнение заинтересованных и глупцов — это самый тупой и непреклонный диктатор.

Вот поэтому пророков побивали камнями и сжигали на кострах. Это социальный инстинкт — инстинкт сохранения социума.

Но!!! Когда существование цивилизации — культурной, научно-технической, социальной системы — прошло фазы своего развития и приблизилось к концу — тот же социальный инстинкт ведет дело к саморазрушению. Так погибла великая Античная Греция с ее правами гражданских групп, погрязнув в междоусобицах и покоренная царем полуварварской Македонии. Так погиб великий Рим со своими правами римского гражданина и сверхтолерантностью ко всем верам и порокам.

Так гибнет сейчас и наша Христианская цивилизация, и это уже всем явно.

Но социальный инстинкт велит прятать голову в песок, под крыло, в корзину с отрубями — но отрицать очевидное! И не видеть огненных слов на стене роскошного дворца, и не прекращать пир накануне гибели.

И бедное большинство, как куры на птицефабрике, как бараны по пути на бойню, отказываются видеть правду, повторяя: «Но ведь все знают, что это не так! Но ведь авторитеты сказали и наука доказала, что это не так!»

Большинство — это движущая сила истории. Не мозг и не руль. Но именно движущая сила. Эта же движущая сила на поворотных пунктах истории превращается в удобрение.

Мнение большинства и авторитетов — всегда повод усомниться в нем. Они назовут тебе длинное коротким, а короткое длинным, палача учителем, а учителя палачом.

Ложь интересуется именно большинством. Большинство предпочитает именно ложь.

Желание есть право (правда?)

Желанное дело — правое дело.

Человек видит и понимает не то, что он объективно должен был бы видеть и понимать. Человек хочет видеть то, что отвечает его желаниям и представлениям. И имеет те мнения, которые хочет иметь для своего удобства, покоя, самоутверждения и пользы. То есть. Человек всегда корректирует для себя картину мира — в сторону своих чувств, желаний, намерений и трафаретов.

Первично — что? Первичен инстинкт жизни — через самореализацию: реализацию максимума своих сил и возможностей.

Самореализация осуществляется через появление и наличие желаний — и реализацию этих желаний. На уровне умственном — через определение и постановку целей, формулирование задач по их достижению: составляются план достижения целей — и реализуются через поступки.

И вот, чтобы достичь цели, человек должен реально и адекватно видеть окружающую обстановку — чтобы оценить препятствия, рассчитать силы и найти верные возможности.

При этом. Если он переоценит трудности — добыча слишком быстронога или путь слишком далек — круг его жизненных возможностей сузится, не все, что мог бы, он совершит. А если недооценит — зря израсходует силы, не добившись успеха, а может погибнуть и сразу.

И человек определяет себе окно возможностей, коридор. Нужна здоровая природная наглость. Нужно переть к цели насколько возможно, полагая свой успех — но при серьезных препятствиях следует отступить.

То есть. Для начала мы свои силы немного переоценим, а трудности недооценим. Это необходимо, чтобы попробовать урвать у жизни максимум возможного. Взять зубами за край и подергать посильнее — вдруг оторвется. Но если не отрывается и сильно кусает тебя самого — отбеги на безопасную дистанцию. И оттуда начинай снова искать себе добычу по зубам.

Здесь речь пока шла об индивидуальной охоте — борьбе за свой жизненный успех. Но человек — животное стайное, стайей добьешься большего и лучше прокормится каждый.

А стае требуется групповая оценка окружающей среды. Групповая постановка целей. Групповое их достижение. Структурирование аморфной

массы особей в стаю — это введение межличностных отношений. Кто главнее, а кто подчиняется. Кому брать какой кусок. Что можно делать, а что нельзя. Межличностные отношения в стае формируются в зачатки регуляторной триады: закон — мораль — совесть. И каждый индивид соотносит свои поступки с законом, моралью и совестью. Через эту триаду выражает себя справедливость — максимум возможностей жизненного успеха для максимального числа членов стаи. От каждого по возможностям работать на стаю — и соответственно каждому по заслугам, и также по возможностям защитить свой кусок, а также подкормить в принципе необходимых членов стаи — женщин и детей.

И теперь уже человек стайный, планируя свои действия, соотносится не только с личными возможностями и препятствиями. Он соотносится с законами и моралью стаи и со своей совестью — внутренним отражением этих законов и морали. То есть — он соотносится с представлением о справедливости стаи.

Это очень важно! Иначе стая его опустит, изгонит, убьет.

Прекрасно иллюстрирует справедливость в группе Конрад Лоренц. Хомячок хочет расширить свою территорию и заходит на участок соседа. Тот сильнее, и гонит пришельца вон. Гонимый бывший агрессор бежит, но уже на бывшей своей территории пытается оказывать сопротивление — преодолеваемое сильным врагом. Однако чем глубже гонимый уходит к себе, близясь к условному центру собственного участка — тем яростнее его сопротивление, и тем нерешительнее гонитель. И в конце концов устанавливаются новые границы владений — где сильному принадлежит больше, но и слабый имеет пространство для кормления и создания семьи.

Вот — справедливость в действии. И она является действенной физической силой, где психика и политика с экономикой явлены воедино.

И. Поскольку человек все-таки личность, индивидуум, организм, субъект. Первична остается его личная тяга к самореализации, к удовлетворению собственных желаний и достижению личных целей. Охота жить — и по максимуму.

Начинается неразрывное противоречие. Потребность удовлетворить личное желание — должна сочетаться с потребностью оставаться в рамках справедливости. Жить надо по максимуму — но все-таки возможному максимуму, ненаказуемому. Не слишком наказуемому.

Итак. Представление о справедливости мы подкорректировать можем. А вот голод коррекции не поддается. Сначала жрать надо! Инстинкт не обманешь! А представления о справедливости? Гм. Она — категория социально-психологическая, с ней можно поработать.

И. Вариант первый — человек от голода крадет хлеб, но знает, что поступил нехорошо: у него мораль и совесть честного члена социума. Вариант второй: вор крадет хлеб, мясо, пальто, часы и машину. И гордится своей удалью и фартом. У него уже другая мораль — антисоциальная, воровская. А вообще оба человека росли в одном доме и учились в одной школе.

Но. Воровская мораль не произрастает из ничего на пустом месте. Любой человек предпочтет взять себе чего-нибудь получше, если это разрешено законом и моралью и никого не ущемит. Ну, или если приз достанется победителю — таковы условия соревнования.

Вся жизнь — это соревнование, и первый приз получает победитель. Но чтоб он не захапал все — есть закон. Даже последнему неудачнику забега — хоть что-то на жизнь надо дать. Это мораль очень даже одобряет.

И происходит что? И согласно устройству психологии — появляются два способа получить лучший приз. Один: прибежать первым и тогда получить. Второй: схватить приз и доказать, что он тебе причитается по праву. А вот такие сегодня правила. А вот надо давать по очереди. А вот в прошлый раз тебя обошли несправедливо. А вот тебе намеренно не дали времени на подготовку. И так далее.

То есть. Справедливость — это социальный инстинкт. А голод и размножение — индивидуальный. Для личности вообще-то индивидуальное вперед социального. Обычно.

Наконец, молвим. Личности свойственно свои представления о справедливости подгонять под свои личные потребности. Дуализм: надо и с законом стаи считаться — и себя куском получше обеспечить.

Компромисс между личным куском и общим законом весьма подвижен. Вариабельный такой компромисс, изменчивый. Но в основе этого компромисса и этого противоречия — дуалистическая сущность человека: индивида — но существующего только как члена общества.

Редкий человек никогда не нарушит предписания морали в свою пользу. Это исключение. Занять должность получше, зная, что рядом есть парень способнее тебя. Солгать для выгоды, утопить конкурента, перехватить выгодный контракт. И вообще стать банкиром и разорить заемщика: закон-то позволяет, а мораль людская осуждает. Но собственная совесть спокойна!

Проще говоря: человек всегда обеляет себя в собственных глазах. Ему потребно считать себя самого хорошим. Все, что можно, он трактует в свою пользу.

Разум, понукаемый желанием, доказывает, что человек поступает

очень даже справедливо. И сооружает пирамиды доказательств! Что дело вора справедливое: а не фиг копить помногу, и вообще слабый есть овца, а сильный и храбрый рискует жизнью и свободой, сидит по тюрьмам — и на свободе имеет право грабить этих овец, которые так жестоко его сажают за решетку.

...А теперь мы делаем шаг — и поднимаемся на уровень межгрупповых отношений. Где можем наблюдать обнаженный стержень межгрупповой морали — «зулусскую мораль»: когда мы крадем скот у соседей — это хорошо. Когда соседи крадут скот у нас — это плохо. Природный мир конкуренции: жри кого можешь и не давай сожрать себя. Ты жрешь? — хорошо! Тебя жрут? — плохо!..

Оп! Подстегиваем сюда старую фразу, сказанную мудрым и циничным Франклином Рузвельтом: «Он сукин сын! Но это наш сукин сын».

Таким образом. Не только каждый человек. Но и каждый народ. Хочет оправдывать себя. Обелять. Не просто выставлять себя правым — но искренне чувствовать себя правым в любых конфликтах с другими.

Это аспект социального инстинкта. Ибо желание и действие должно опираться на справедливость. Ты должен быть уверен, что действуешь на общее благо, но отнюдь не вопреки ему. Что твой поступок не будет осужден — но наоборот, будет вознагражден. Что ты поступил так, как должно.

Сознание справедливости — великая сила. Мощнейшая и необходимая психологическая установка. «Справедливость» означает: это благо всей моей группы, в которой мои гены и без которой мне все равно не выжить. И это истина, а только опираясь на истину можно правильно видеть мир и выживать в нем, побеждая.

Потребность в осознании своей справедливости — это аспект инстинкта жизни. Помощь в личной и групповой победе.

Так что — мы имеем то, что ухватили — но всегда стремимся толковать это как справедливое.

Упрямство и чувство противоречия

Из этих чувств иногда настаивают на своей точке зрения, не желая даже слушать правду от другого. Это один из видов механизма психологической самозащиты — сохранить свой мир.

Но еще — сохранить свое лидерство, утвердить себя как носителя истины и человека более умного и информированного. Стремление сохранить свое превосходство, невзирая на попытки аргументированно свергнуть тебя с пьедестала номера первого.

Почему упрям ребенок? Он, ощущая и сознавая свою малость, слабость, зависимость от взрослых — в то же время сознает свою ценность и свои возможности в какой-то мере манипулировать родителями, а особенно бабушкой-дедушкой. И он — утверждает свою значимость и пробует расширить границы своих возможностей. Он пытается поднять свой социальный статус, утвердить свою личность, усилить свое влияние на окружающий мир. Доступными ему средствами — он старается прогнуть этот мир под себя.

Девочки покладистее, а мальчики упрямее. Девочки скорее стараются вписаться в этот мир — мальчики скорее пытаются приспособить этот мир к себе. Будущие умиротворительницы и агрессоры.

Вот переговоры двух бизнесменов — двух бывших криминальных авторитетов, двух волков в волчьем мире. Их не интересует правда как справедливость. Их интересует прежде всего каждого — подать себя номером первым, более крутым, победителем, альфа-самцом: то есть утвердить свое жизненное право на лучший кусок. Кто сильнее — у того и прав больше. За мной сотня стволов, сотня лимонов и губернаторская крыша. У тебя меньше? — значит, я возьму больший кус.

И — подобное отношение распространяется на все виды информации во всех аспектах жизни. Спорщик утверждает свою значимость в глазах подчиненных, женщины, соперника, любого окружения. Крутой бандюк со сдвигом крыши потребует от профессора физики признать в публичном разговоре, что он, бандюк, то самое и имел в виду, что профессор утверждает, просто короче сказал это простым мужским языком.

Ну так политик от бандюка тут принципиально не отличается. Сморозит начальник за столом глупость, и этикет требует ему гласно не возражать, не срамить, не позорить его частную глупость, а как-нибудь смолчать, проехать, смягчить возможную неловкость — то есть всячески

способствовать поддержанию реноме. А возразишь — он свой конфуз тебе припомнит, потом сожрет и сплюнет. А президенту возразить?! Хана твоей карьере, свиной пасти будешь.

Правота есть признание статуса. Правота в споре — это признание твоего превосходства, в данном случае — не просто на информационном уровне, а на уровне социального и личностного доминирования. Потому что знание — сила, кто прав — тот и силен.

Хотя по жизни вечно наоборот: кто силен — тот и прав! И признать свою неправоту — означает признать свою слабость. Значит, ты некомпетентен. Значит, все твои решения и приказы — не самые умные и правильные. Значит, кто-то более умный мог бы тебе указать, что надо делать. А вот это уже нестерпимо!

Ни за что не бьется стайное животное, самец, так, как за статус вожака. А главное, что требуется от вожака стаи — обеспечение координации действий. Ибо в единстве сила. Иначе не выжить. И вожак — не только самый сообразительный лидер и самый умелый охотник. Он еще и самый сильный — телом и духом, способный подчинить себе любого. Эти два качества — сила и ум — в вожаке обязательно совмещаются. Причем: для успеха в охоте и выживании нужнее ум — а вот чтобы держать стаю в единстве и подчинении, тем самым обеспечивая выживание стаи через единство и координацию — тут необходима сила.

Причем. Самый умный, но не самый сильный — вожаком не станет, борьбы не вытянет. А самый сильный, но не самый умный — станет! Потому что подчинит себе всех. И решения его не всегда будут лучшими. Но он всегда обеспечит единство через подчинение — а это важнее, если уж выбирать одно из двух. Потому что идеал встречается редко. А было бы единство — решение уж будет принято не самое кретинское.

Самоутверждение — инстинкт. Самоутверждение лидера — предполагает безоговорочное подчинение подчиненных по любому поводу, если вожак свое мнение обозначил.

Таким образом. Поскольку самолюбие в человеке всегда наличествует, ну хоть насколько. То спор всегда приобретает оттенок борьбы самолюбий. И вот тут чем более ярится спорщик, чем ярче в нем выражены лидерские качества — тем меньше ему дела до истины. Доводя рассмотрение до логического завершения — нетерпимый лидер приставит тебе нож к горлу и под страхом смерти заставит признать его правоту: черное — это белое, а белое — черное.

Правда есть для лидера не корректный анализ информации и не адекватное отражение истины — а момент утверждения собственной

значимости. И аргументы его будут направлены именно в этом направлении. Самые нелепые доказательства — но только в свою пользу. И абсолютная глухота к контрдоводам. Элементарно, Ватсон.

Но если копать глубже: не может человек допустить, что он не прав, потому что правота — его жизненный принцип! А поскольку лидер в человеческом обществе не только силен, но еще прежде всего умен — силен духом, а не телом, а умен именно умом! — то он свой ум уважает. То есть знаний ему может не хватать — но жизнь он знает и понимает правильно. Людей понимает. Логика у него точная, выверенная. Насквозь все видит. То. Он доверяет себе больше, чем кому бы то ни было. Ибо жизнь неоднократно доказала его правоту в спорах. Правильность решений. И действенность его методов. Раз он всегда побеждал.

...Так товарищ Сталин не верил, что немцы могут в июне 41-го напасть. Ибо знал: он умнее всех, и логика его точнее. Он таких матерых врагов переиграл, таких прожженных интриганов к стенке отправил, таких оппонентов задавил своими умениями — что никого кругом умнее его нет. И быть уже не может — все зачищено. СССР гораздо сильнее, не смеют немцы напасть. И войну себе на два фронта устраивать. И правильно он все думал! Только не верил, что Гитлер его планы понимал и использовал максимальный шанс вырваться из ловушки, в которую попал; и неспособности запуганного своего командования не полагал, и организационного полного превосходства немцев при их первом ударе в расчет не ставил. И расстрелял НачЗапФронта Павлова, назначив виновным за разгром.

Обычный ход: лидер перекладывает свою вину на другого и наказывает за грехи, которые сам и совершил. Обычное в веках дело. Главное — император всегда прав, ибо божественная его природа! Китайцы это всегда знали.

Власть есть правда и правота. А спор с ней — ошибка и глупость.

Демократия с оппозициями и прессой многое изменили, из власти норовят подкладку рвать в клочья. Но суть та же, вектор прежний: каждая партия, клан, движение — утверждают правду как правильность своих программ.

Ложь как добро и правда как зло

Здесь вот какое простое дело.

Вот группа людей занимает какую-то политическую, социальную и экономическую позицию. Она добивается своих целей. Она стремится создать свою модель будущего. И предположим, что они плоховато прогнозируют будущее. Многого не учитывают. Выдают желаемое за действительное. Например, большевики верят, что своими террористическими методами построят общество всеобщего счастья.

И есть вторая группа. Которая придерживается другой точки зрения. Что нельзя вводить террор и строить тоталитарное государство, потому что так никакого счастья не выйдет.

Эти две группы становятся врагами — идейными, политическими, моральными. Каждая группа объявляет мысли и действия другой группы — злом. И ложью.

Большевики гвоздят: враги не понимают! А почему? А потому что это противоречит их интересам! Буржуи хотят по-прежнему эксплуатировать пролетариат! Поэтому лгут ему. И творят зло.

А их оппоненты утверждают: это кровавые коммунистические фанатики творят зло, губя людей и страну ради своих прожектов. Но они ошибаются: их мысли неверны, прогнозы несбыточны, а средства — зверские! Они насаждают зло. А их пропаганда — ложь!

Вот здесь — внимание! Вот здесь — важнейший пункт! Точка сборки мировоззрения!

Группа людей полагает свою модель будущего истинной. И свои средства, ведущие к ее созданию — благими и верными. Верными! И благими! То есть: хорошими и правильными. То есть: добром и истиной.

Правда и добро становятся синонимами. Вернее — адекватными понятиями. Еще вернее: совпадают, как накладывающиеся картинки.

Правда — это цель, в которую я верю. К которой стремлюсь. За которую борюсь. А ложь — это противление моей цели, помеха моему стремлению.

Есть сопротивление абстрактное — на уровне учения, мыслей, идей. Есть сопротивление конкретное, когда идеи персонифицируются в людях. И вот эти люди — враги другой группы. Олицетворение зла и лжи. И все, что бы они ни делали — воспринимается как зло и ложь. Любой их поступок трактуется только с этой точки зрения.

Нетерпимость к инакомыслию рождает органическое отторжение правды. Дает патологический настрой на негативное восприятие любой информации со стороны инакомыслящего. Мысль спит, когда рулит ненависть и борьба за свои интересы.

Это зеркальная симметрия: ложь оппонента и моя правда взаимно отрицают друг друга. Если одно — зло, то противоположное — добро.

Поскольку практика таки да оказывается критерием истины — оценочной истины, истины анализа и целеполагания. То по мере времени и действия результат показывает, кто из оппонентов был прав.

И тогда — с точки зрения ошибшихся: упорство оппонентов в их лжи было добром (оказалось правдой). А наше упорство в нашей правде оказалось злом: сколько дров наломали, а ничего не вышло. (Хоть коммунизм в политике, хоть споры новаторов с консерваторами в науке.)

Учитывая активность людей в достижении цели и преобразовании мира — получается так:

Победа есть правда и добро, поражение — ложь и зло. А в процессе борьбы они часто меняются местами. Такова природа-с...

Клеймо

Можно бороться с общественными взглядами и представлениями о разных явлениях, которые представляются ошибочными или вредными, а также аморальными. Это относится как отдельным людям, так и к большинству народа. Такова была, например, борьба с религией в Советском Союзе, особенно в первое десятилетие его существования. Религиозность обличалась как невежество и отсталость, клеймилась как классово чуждое мировоззрение эксплуататоров и эксплуатируемых, наказывалась исключением из партии или комсомола с последующим увольнением с должности или исключением из института, высмеивалась как глупость и называлась. Дети и родственники священников ограничивались в карьере, лишались права на высшее образование. Самих же священников массово репрессировали, а во время Гражданской войны чаще расстреливали как классово враждебный эксплуататорский элемент.

А религия клеймилась в газетах и речах как «поповщина», «религиозный дурман», «сказки» и «опиум для народа». Потому что религия — это плохо: она против науки, препятствует образованию, мешает построению светлого будущего, лжет про устройство мира и заставляет человека подчиняться кровососам-эксплуататорам.

Если узнавали, что человек молился в церкви, или крестил ребенка, или носит нательный крестик — такого «прорабатывали»: публично критиковали на общем собрании, уличая в чуждом мировоззрении, требовали самокритики и отречения, и определяли: изгнать из коллектива или дать испытательный срок для проверки, как он сменит свои взгляды на правильные, коммунистические, атеистические то есть.

Слово «верующий» было синонимом для: «отсталый», «темный», «малограмотный», «не наш». И граничило с понятиями: «идеологический враг», «морально чуждый», «диверсия». Короче — это плохой человек, быть таким стыдно и не надо. Исправляйся, пока не поздно. Вот такой смысл в слово вложили.

То есть на низовом и конкретном уровне вся борьба с нежелательным явлением сводится к конкретному порицающему слову, выражающему порочность нежелательного взгляда: «поповщина». Это обвинение в лицо врагу. За ним следует наказание.

Но борьба с религией в СССР велась кучкой малограмотных агитаторов, зато поддерживалась револьвером системы «наган» и

пистолетом системы «маузер». Это было очень эффективно — но грубо, конечно.

Борьба же за политкорректность на Западе велась массами кандидатов в интеллектуалы во главе с квалифицированной профессурой. Там были философы, там были социологи, там были юристы, поднаторевшие в защите прав кого угодно на что угодно; а еще там были психологи, понимавшие человеческую психологию, и филологи, знавшие много человеческих и даже доселе нечеловеческих слов.

И они провели работу — кладезь наслаждений для любителей семантики и семиотики. Они стали вербально и семантически оформлять явления. Для их обозначения они изобретали и вводили в употребление новые слова, придавая им нужные, заданные коннотации. Это был революционный прорыв в области социальной лингвистики.

Скажем. В любом школьном классе новичка встречают несколько настороженно. Кто он, каков? Задира или тихоня, сильный или слабый, умный или так себе, спокойно войдет в сложившиеся отношения или начнет выступать и показывать себя? И класс незаметно и неощутимо напрягается, готовый поддержать своих и сложившийся порядок на случай какого-либо конфликта, какой-либо попытки новичка изменить то, что есть.

Это нормальная реакция любой социальной системы на введение нового члена. Реакция самосохранения. Консервативная. И каждый дорожит своим местом. Любые перемены чреваты возможными ухудшениями и сложностями, борьбой за свои интересы. Конечно тут напряжешься.

А если твоему батальону придают ударную роту? И ее гордые воины смотрят свысока на твоих бойцов, и возникают стычки самолюбивых двадцатилетних солдат, отстаивающих свою иерархию авторитетов? Любому командиру это известно.

Как встречают новых соседей, въехавших в коммуналку? Нового зека в камере? Новую семью в деревне? Неизвестного матроса в сработанном экипаже? Настороженно встречают. Присматриваются. Пробуют на зуб. Составляют постепенно мнение. И не о каждом это мнение будет положительным. Иногда и сука какая въедет, упаси боже, не зарадуешься.

Все это должно быть очевидно любому социопсихологу. Банально. Групповой консерватизм. Нормально.

А если новичков группа, и у них свои обычаи, и они все делают вместе? И не торопятся перенимать все ваши обычаи и привычки? И готовы к агрессивной реакции, если им что не нравится? Да ну их на фиг. Лучше не надо. Лучше мы без них.

А медики подтвердят: у старожилов скачет давление, часто возникает беспокойство, рассеянное внимание, понизилась работоспособность. В стрессе они, короче. И с точки зрения медицины им такое соседство не рекомендуется.

Но чернокожие мусульмане из Судана, приплывшие в Италию и перебравшиеся во Францию, замусоривают города и громко негодуют, что им дают мало всего хорошего, устраивая массовые акции недовольства. Ну, кто-то иногда кого-то изнасилует, ну, кто-то приторговывает наркотиками, ну, кто-то пописал на улице. Но многие коренные жители этой страны — ну, из того народа, который ее когда-то отвоевывал, потом строил, благоустраивал, проливал кровь и пот, хоронил предков, веками создавал ее культуру и гордится ею — да, так эти жители говорят: на хрен нам здесь эти мигранты нужны? Если они, которых мы кормим и содержим, вместо того, чтобы благодарно молчать в тряпочку, еще хамят и мешают? Им дома плохо? Так пусть сделают себе хорошо! Или живут здесь, поджав хвост, тихо!

Тут выходит вперед Политкорректность, негодуяще постукивает пальцем по трибуне, и брызги изо рта летят в микрофон. Это ксенофобия, обличает Политкорректность.

А ксенофобия — это плохо. Стыдно, позорно, предосудительно, отстало, безнравственно! Это животный атавизм, недопустимый в цивилизованных людях! Это первобытный страх перед чужими. Это закрытость для нового, для открытого мира, для развития на началах всеобщего мира и сотрудничества. Ксенофобия свойственна фашизму! Разве вы фашисты?.. Ну так идите по домам и работайте над собой, чтоб больше так не говорить. Людей надо любить! Несчастливым надо помогать! А не гнать тех, кому плохо.

То есть. Социальную и социопсихологическую природу ксенофобии официальная наука пускает по ведомству биологии: это атавистический инстинкт отторжения чужого вида. С ним надо бороться. Потому что все люди — вполне одного биологического вида, они могут давать совместное потомство, это главное доказательство. Биологическое отторжение (спасибо что хоть его признают) они абсолютизируют и распространяют на чисто социальные отношения.

Биологическая ксенофобия никак не дает себя знать, если человек рядом с тобой в одной среде, на одних правах, так же работает и так же живет, ничем не отличаясь от тебя по жизни, кроме цвета кожи, или черт лица и тому подобное. Вскоре эти отличия — не более чем его индивидуальные особенности, как веснушки, лысина или кривые ноги,

скажем.

А социальное отторжение — это неприятие группы по жизненно, социально значимым признакам: агрессивность, вороватость, лживость, наглость, неряшливость, лень, нетерпимость. Скажем, восприятие чеченцев — это трафарет агрессивной наглости и жестокости, трафарет цыган — неопрятное жуликоватое попрошайничество и воровство. И биология здесь ни при чем, они бывают очень красивы и обаятельны. Дружить и любить с такими — за милую душу. Вот только не надо, чтоб вас здесь было много, мы хотим жить у себя дома. А хочешь жить у нас — стань одним из нас, таким же, как мы, и отлично. Мы согласны, чтоб ты, классный парень, влился в наш народ. Мы не согласны, чтобы ваш народ жил вместо нашего на части нашей земли, по вашим обычаям. Мы не согласны заменяться вами на нашей земле, понимаете?

А вот это и есть атавизм, гремит Политкорректность. Это и есть ксенофобия. Это фашизм. Все страны — для всех людей!

Ну что ж, получите ваши изнасилования и взрывы, грабежи и издевки, и вечером страшно выйти на улицу. И не суйся в их кварталы.

Ксенофобия — отличный синоним клейма «фашист-расист-националист». Это для людей, которые против всех мигрантских прелестей, против скорого исчезновения своей культуры, страны и народа. Не надо спорить. Есть клеймо, смысл которого закачан в мозги многократным повторением на соответствующем эмоциональном уровне. Ксенофоб!

Это клеймо лжи. Одно из большого набора.

Гомофоб. А вот и он. Это сегодня любой, кто смеет усомниться в абсолютном природном и социальном равенстве однополых отношений с теми, что раньше почитались единственно естественными. И кто смеет неодобрительно отнестись к любой пропаганде гомосексуализма. К тому, что нужно всячески помогать человеку выявить свою возможную гомосексуальную сущность, только тогда он реализует свое право на счастье. (А всегда все возможно, пока толком не проверил: так ты проверь, попробуй.) Гомофоб — это фашист. Потому что фашисты уничтожали гомосексуалистов. И потому что он против равенства всех людей в их различиях, он за угнетение меньшинств. Тоталитарное мышление. Так конечно фашист. У, гомофоб!

Сексист. Он смотрит на женщин только как на средство сексуального удовлетворения своей мужской шовинистской свинской похоти! Это означает: не скрыл, что ему нравятся привлекательные женщины, отношение к ним не чуждо сексуальной симпатии — и только, никаких пошлостей. Вот в этом и виноват, гад.

Расист. Негры лучше играют в баскетбол и на саксофоне. Это правильно. Но белые сильнее в физике и математике, и у них голова в среднем на полтора размера больше. А вот это уже расизм, вкапался, подлюка!

Гендерный шовинист. Считает, что женщина слабее мужчины в точных науках, мельче и слабее физически, ей не стоит поднимать стапятидесятикилограммовую штангу и бить другую женщину кулаками по лицу и животу на ринге. И у нее мало гормона агрессии тестостерона, чтобы служить в спецназе. И ты считаешь, что женщины должны быть ограничены в правах по сравнению с мужчинами?! Подлец и гендерный шовинист. Он считает, что женщине место на кухне и в роддоме, и высшее образование им без толку! Вообще-то дать лет двадцать тюрьмы, и лучше кастрировать самца.

Исламофоб. Этот негодяй говорит, что весь криминал Берлина — исламские мигранты. Все насильники Швеции — мусульмане Африки и Востока. Шариат отрицает главенство законов любого государства над Законом, данным Аллахом. И позволяет иметь четыре жены. И чтоб они ходили в черной одежде до пола и молчали при мужчинах. И что в мусульманских кварталах Европы царят свои нравы, правит криминал и полиция туда не суется. И что Европа станет мусульманской, и тогда здесь все изменится. Да, это так. Но мы не хотим этого знать и об этом думать! Исламофоб!

...Смысл ругательства, осуждения и обвинения можно придать многим рядам слов. Дети, хулиганы и националисты знают это лучше других.

Длинный. Рыжий. Жирный.

Дебил. Кретин. Идиот. Даун. Умственно неполноценный.

Черный. Желтый. Белый. Узкоглазый. Длинноносый.

Пигмей. Еврей. Негр. Чукча.

Вообще любое слово, будучи включенным в жаргон, может изменять свое значение как угодно. Как в блатной фене:

Петух. Наседка. Угол. Тормоза. Козел. Крыса. Кум. Метла. Что соответственно означает: пассивный гомосексуалист, тайный информатор, чемодан, дверь камеры, и так далее.

Обвинительные понятия политкорректности — это свой жаргон. Содержание каждого термина из этого набора не имеет прямого соответствия со своей формой. Прием здесь следующий:

Сугубо негативная форма призвана обеспечить резко отрицательную эмоциональную окраску у адресата. При этом она содержит явный отсыл к явлению.

Но. Формально-условное содержание термина, которое раскрывается из его формы — не соответствует реальному содержанию явления, которое этот термин собою обозначает.

Политкорректность — это идеология, претендующая быть наукой и в любом случае выступать критерием научности везде, где сочтет свои интересы затронутыми. Таким образом. Она обозначает явление термином, как на предмет набрасывают платок. Под платком происходит замена предмета. И когда платок сдергивают — взорам открывается уже другой предмет. А на платке предъявлена его надпись. И вскоре никто уже не сомневается, что предмет под платком — тот самый, который надписью обозначен. А после многих повторений платок уже и сдергивать не надо. Под ним лежит то, что написано — как товар в упаковке. Можно не проверять, все и так знают.

Термины политкорректности — толерантность, ксенофобия, гомофобия, расизм, сексизм, гендерный шовинизм — это все шулерские платки, которые набрасывают на то, что политкорректность в данном случае сочтет нужным. Эти ярлыки, эти политические обвинения, эта негодующая брань благородных борцов за все хорошее, эти презрительные плевки невежественных лакеев господствующего мнения — это все ложь ловкого наглого шулера. И его тупых рьяных подручных.

Это классический, для учебника, случай демагогии: аргументация заменяется условным словом, в которое накачан абстрактный негатив. Это цензурная замена нецензурной брани — модель словоупотребления аналогична. Современный вариант римского Закона об оскорблении императора.

Это просто наукообразные синонимы злого крика: «Гадина, сука, падла, не смей так говорить! Почему?! А вот потому что я так приказал, как считаю правильным, и обсуждать мое мнение не позволю!»

Прокурорский словарь Политкорректности — это безграмотная левацкая ложь фанатиков, это пароль умственно ленивых в опознавательной система «свой-чужой» для входа в истеблишмент. Это глокая куздра, которую объявили Господином Драконом.

Не позволяйте каравану сворачивать и останавливаться, даже если лают все собаки.

Социальная адаптация и биологическая норма

Является ли неспособность создать двуполоую семью с рождением своих детей — несущественной с точки зрения социальной адаптации?

В древнем обществе этот номер не прошел бы. Если ты член социального института вроде жрецов или евнухов в Античности — у тебя своя ниша и роль. Но как в древнейший период для всех, так и для общества в целом в Античности — без детей тебя некому будет кормить в старости, а также тебе некому доверять и не на кого опереться. Ты не можешь занимать многие должности, если не женат. Социальную роль семьи никто, вроде, и не отрицает.

Аналогично со всеми инвалидами. Он не может сражаться, охотиться и возделывать землю. За ним могут ухаживать из милости — если условия жизни позволяют. Но при голоде и опасности — увы, бросают. Он, будучи неполноценен физически, неполноценен и социально. Редкий умник и умелец с увечьями может быть полезен народу и племени.

Но. По мере роста производительности труда. И накоплении добавочного продукта. Социум может позволить себе содержать все больше людей, не занимающихся полезной производительной деятельностью. Монахи и всех родов грамотей-ученые. А одновременно — можно найти кусок хлеба и место под кровом для инвалидов. И люди одинокие и бездетные тоже как-то пристраиваются к разным ролям в социуме даже в старости: кто в нищие попрошайки, кто в советники, кто в богачи.

Развитие торговли и ремесел делает человека все независимее от семьи и детей. Профессиональное войско освобождает от необходимости быть воинами всем.

...На уровне изобилия XXI века возможности человека неумелого, человека немыслящего, человека непродуцирующего — расширились до ужаса. Производительность механизированного труда такова, что уже 90 % населения могут бить баклуши. Социум их прокормит! Бездетных и увечных, ленивых и глупых.

То есть. Критерий социальной адаптации практически исчез. В процветающем государстве даже имбецилам можно создать сносные условия существования.

И!!! Возможность социальной адаптации — стали решительно путать с психической и вообще биологической нормой! Если развитый социум

может сносно удовлетворять все твои потребности — значит, ты нормален психически и физически! Психическую и биологическую норму — подменили возможностью социальной адаптации в социализированном государстве, способном обеспечить благами всех — и нахлебников, и извращенцев, и особей в разных смыслах неполноценных.

И стали категорически заявлять, что все — норма, и все — нормальные, просто «особенные» — раз могут с помощью процветающего государства жить и получать удовольствия.

Тем самым понятия социальной, биологической и психической нормы оказались в обществе изобилия стерты и отменены. И уже требуют от медицины как науки, не говоря о всех изводах социологии, признать всеобщее равенство!

Политкорректное равенство — это равная возможность выжить и удовлетворить свои потребности для всех. Потому что слабых и глупых мы подвинем вперед, а деньги для них отберем у работающих и умных. И не смейте говорить, что одни глупее или слабее других! Это фашизм!

...Вот поэтому социалистическими идеологами отвергается понятие нормы и патологии разных групп. На том лишь основании, что они тоже могут жить сейчас.

Связь нормы биологической и социальной распалась — вот в чем фокус.

Но. Стала ли от этого биологическая патология нормой? ЛГБТ и инвалиды? Нет. Но левые демагоги утверждают — да.

Если есть способы помочь человеку жить как можно более полноценной жизнью и быть счастливым — это дело святое. Обделенному судьбой — сочувствие и поддержка. Только лицемерить не надо.

Окно Овертона

Стало быть. В диапазоне мировоззрений, моральных норм и любых общественно-оценочных категорий есть установки предписанные и недопустимые. То есть: все тот же свод императивов и табу. Это — можно, должно, хорошо, похвально, обязательно — а вот это, напротив, не следует, не надо, нельзя, наказуемо, карается, строго запрещено.

Это что? Это структуризация хаотичных аморфных отношений внутри социума, когда каждый эгоистично пытался делать что хочет — в стройную систему законов, правил морали и совести, благодаря чему социум регулирует внутренние отношения, живет в мире и действует сообща.

А теперь помянем Джозефа Овертона и построим вертикальную таблицу типа книжного стеллажа — полка, допустим, одиннадцать. На верхнюю полку поставим вывеску «полная свобода», на нижнюю — «полная несвобода», а на среднюю — «стандартная норма». И на этой средней полке стоят книги, они же идеи, или научные теории, или моральные предписания, или публичные высказывания, или дресс-коды, или способы устройства государства, или курсы истории разных стран и периодов.

А от средней полки вверх и вниз идут еще по четыре полки, и там таблички — от средней и к краям: «стандартно», «разумно», «приемлемо», «радикально» и «немыслимо».

Сэр Джозеф, создавая свою нехитрую модель, имел в виду только политические высказывания. Полагая публично допустимыми только в диапазоне от «приемлемо»-верх до «приемлемо»-низ. А уже обе крайности радикальные и немыслимые — это чересчур, скандал для политика, рискованно, эпатажно, можно погореть и тому подобное. Ну, грубо говоря, нельзя приказывать всем стать гомосексуалистами или предоставить гомосексуалистам все социальные преимущества во всем — но и вешать их по факту сексуальной принадлежности тоже нельзя. А вот равенство в правах — это сегодня норма.

То есть. По две полки сверху и снизу как бы закрыты для публичного обсуждения. В публичном поле они как бы и не присутствуют. А наличествуют для общества только семь центральных. Вот этот прямоугольник — семь полок из одиннадцати — и названо «окном Овертона», да?

Но! Больше окон — больше света. Зачем нам ограничиваться

публичными высказываниями, как полагал изначально автор. Высказывание — это лишь вербальное оформление мысли, идеи, установки, закона и так далее.

Так вот, пусть на первом стеллаже у нас будут стоять публичные высказывания, а на втором — политические идеи, а на третьем — научные теории, на четвертом — правила половой морали, на пятом — правила морали трудовой, на шестом — отношения национальных и расовых меньшинств, на седьмом — футурология во всем богатстве вариантов; а по мере надобности мы себя в количестве мебели ограничивать не будем.

А слово — это знак мысли. И вот эти допустимые и недопустимые высказывания — означают допустимые и недопустимые для приличных людей мысли. Никак иначе. Представления о мире в разных его аспектах правильные и неправильные. Истинные и ошибочные. Рекомендуемые и запрещенные.

Потому что если чего-то публично нельзя — то это нехорошо. Неправильно. Порицать будут, или смеяться, или презирать. К походу в туалет это, конечно, не относится. Но и тут все меняется. В викторианскую эпоху даме и щиколотку нельзя было показать — а сейчас нудистские пляжи и клубы свингеров функционируют. Бытовые традиции тоже меняются, это во многом вопрос договоренности.

Но мы отвлеклись. Я что хочу заметить. Что не только дело порождает слово. Но и слово порождает к наведению у адресата образа мыслей. Если полвека назад сильному общественному порицанию подвергался гомосексуалист, и люди искренне к ним так относились и так о них думали, скверно и брезгливо то есть думали — то сейчас, в эпоху политкорректности, в развитых странах можно сесть в тюрьму по статье «гомофобия» и «пропаганда ненависти к меньшинствам» за неодобрительные слова об однополых отношениях. А коли это официально заявляется как норма — то масса людей искренне считает, что это норма. Вот что официально провозглашено — то и правда.

Вот политкорректность запрещает сегодня говорить, что от наплыва мигрантов-мусульман необходимо закрыть границы и восстановить иммиграционные квоты. А за нарушение закона о границе — сажать и высылать. А здоровых двадцатилетних парней беженцами не считать. Беженцы — это дети, женщины, больные и старики. А здоровые молодые мужики пусть воюют и строят хорошую жизнь на родине. И не хрен плодить халяву для дикарей, которые бьют твою полицию, жгут твои автомобили и обещают тебе построить халифат на твоей земле.

Но. Если такие слова газеты и политики называют фашизмом. А

фашистом никому быть неохота. То в население внедряется мысль: думать так — это плохо, порочно, ошибочно, недопустимо, бесчеловечно.

И что? И то, что это становится для масс правдой. А сто лет назад хама бы избили на улице, насильника линчевали и повесили на месте преступления, в ответ на избиение полицейских разгромили весь вонючий квартал, а в ответ на взрыв стадиона — вышвырнули бы вон всех единоверцев, которые молились бы в счастье, что живы остались. А уж перерезать горло старику-священнику в алтаре его церкви — это вызвало бы погромы мусульман по всей стране. А ныне — молчок.

Нормальное со временем может стать невыносимым, а невыносимое — стандартным. Недопустимое — поощряемым. Похвальное — запрещенным. Вот это все — ползание окна Овертона по шкале возможное-невозможное то вверх, то вниз: одно окно открывается, другое тем самым закрывается, а соотношение можно-нельзя остается тем же.

Но для нас сейчас что главное? Что «можно-нельзя» означает «правильно-неправильно». Оно же: «истина-ложь».

Под влиянием политкорректности, идеологии, любых политических изгибов и экономических надобностей, эстетических эскапад и самоутверждения хамов — правда постепенно переползает в загон с надписью «ложь», а ложь вылезает из своей норы и угрожается на пьедестале с чеканной надписью «правда». Вот что находится в глубине за окном Овертона, который хотел было разглядеть только переползание запретов и норм публичных высказываний.

Даже пустое, поверхностное, лживое слово — при настойчивом употреблении имеет следствием мысль, суждение, оценку явления.

...А теперь положите этот книжный стеллаж плашмя и представьте его в виде ксилофона, а лучше — веревочной лестницы. С одиннадцатью перекладинами. И положите эту лестницу на круглый стол — в растянутом состоянии. Вся она на столе не поместится — только семь перекладин. А четыре будут свисать по два за края стола. Не поместятся.

Эти семь — то, что мы воспринимаем как правду. Что хорошо, допустимо, нравственно, похвально — то и правильно, то и надо, то и правда. А свисающие четыре — это неправда. Что плохо, глупо, ложно, антинаучно, аморально, агрессивно, осуждаемо — это ложь, любому ясно.

Что для нас важно в окне Овертона, которое мы покрутили, размножили и повидоизменяли? Что правде и лжи одного одеяла на двоих мало. И по мере того, как одно становится правдой — другое становится ложью.

И какую бы благоглупостную чушь нам не впаривали о

недопустимости идеологии. Идеология по факту существует всегда и везде, где есть структурированный социум. Идеология — это общий свод представлений народа о том, как надо правильно понимать мир и страну, чтобы жить всем вместе благополучно и по возможности хорошо. Меняется мир — меняются взгляды, меняется и идеология. В зависимости от нее меняются представления массы о правде и лжи.

Представьте себе огромный темный пустырь. Он состоит из нагроможденных идей, представлений, теорий. По темной его равнине движется пятно света — яркого и резкого в центре, размытого по краям. Что в центре — то правда. Что мутно по краю — то сомнительно, но возможно. А все остальное, что в темноте — то или просто неизвестность, она впереди, или ложь — она вышла из пятна света и осталась позади, удаляясь во тьме. Площадь светового пятна — почти постоянна и ограничена, очень медленно увеличивается. Площадь темного пустыря границ не имеет.

Это знание, движущееся среди огромности незнания. Правда, ползущая среди мрака лжи. И вчерашняя правда, оставаясь позади, становится ложью. Лишь крупницы ее прилипают к свету, очень медленно расширяя его круг.

Окно Овертона постоянно — но чуть-чуть расширяется. Доколе будет расширяться? Пока однажды не лопнет, и начнется новая цивилизация. Но это уже философия истории, мы же сейчас не об этом.

Мы о том, что новая правда отрицает и заменяет старую, и слово становится мировоззрением.

Переизбыток правды заставляет часть правды исполнять функцию лжи.

Ну, и последнее. Будь то в морали, науке, истории или предсказании будущего. Если человек придерживается как правды некоего взгляда, явно ошибочного и глупого по мнению компетентного специалиста, то пересмотреть свою точку зрения человеку очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем кажется оппоненту. Потому что ошибающемуся бедолаге необходимо перетащить по всей шкале представлений все свое окно Овертона. Перетащить вдоль крышки стола на какое-то расстояние всю веревочную лестницу со всеми ее перекладинами, чтобы одна легла на плоскость допустимого. Ибо лестница связана воедино, а площадь крышки стола ограничена.

То, что он считает правдой, твердо подперто сверху и снизу, слева и справа тем, что утверждено как более или менее правда, возможная правда, вероятная правда, а также правда дополнительная, вспомогательная и

малоизвестная.

Когда ложь становится правдой — правда оказывается ложью. И меняется весь информационный пейзаж. Сбивается фокус. И резкость наводят уже с новой точки. И мы обнаруживаем себя в другом мире.

А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно — как жилы отворить.

Часть пятая

***Всё превозможет правда, кроме глупости и
стадного страха***

Правда как объясняющая сила

Вопросы «как», «зачем» и «почему» — это веревочки, которыми человек хочет связать воедино окружающие явления, чтобы жить не среди обломков пейзажа, а видеть единую панораму окружающей жизни. Как зрение стремится составить цельную картину окружающего — мало ли там чего опасного или полезного таится — так ум, анализируя всю поступающую информацию, стремится постичь ее суть, сложить выводы в цельный механизм окружающего бытия. Тронешь камень — сойдет лавина. Поиграешь с медвежонком — убьет прибежавшая медведица. Увидел след оленя — иди по направлению — добудь пищу. Сломанная ветка — здесь прошел враг.

Способность выжить — это способность адекватно прогнозировать варианты будущего, создавая из имеющихся реальных деталей желаемый вариант. Достижение желаемого через возможное. Через косвенные детали человек старается определить и направить будущее — вроде как паук тклет паутину, а после следит за подергиванием нити и бежит прямо в нужное место своего хитрого и обширного узора: там пища!

Системная сила даже простейшего мышления огромна. Направление и сила ветра, рельеф местности и высота-цвет растений, запах и звук, скорость бега твоя и желаемой добычи — эти данные и многие другие суммируются в мозгу хищника в единую систему, и задача может решаться только с учетом воедино всех данных. А на дереве поет поганая птица и выдает твое присутствие, а за холмом гиены — отберут пойманную еду мигом, а не наступить бы в беге на змею в траве — и все это необходимо знать, и все опасности классифицировать по определенной шкале от больших к меньшим.

Какой бы малостью ты ни занимался — ты имеешь дело не с частностью, а с целым миром в его данном конкретном проявлении.

И человек с его мощнейшим мозгом, созданный эволюцией для действий в этом мире, инстинктивно стремится познать мир — не только на уровне сбора информации, но и на уровне сочетания всей информации в единую систему причинно-следственных связей.

...То есть. Каждый человек имеет для себя цельную картину мира. Хоть он плоский стоит на черепахе, хоть круглый летит в пустоте. У любого человека есть некая теоретическая модель мироздания и человечества. Мудрецы додумались сами, все прочие приняли на веру. А

чего? — все складно.

Вот это и есть правда. Логичное системное объяснение. Все так.

А если пробелы, разрывы в знании и тем более в понимании? Тогда нужно построить такую логическую систему объяснений, чтобы все стало логично и понятно. Не глупо, не противоречиво — а объяснимо с точки зрения известных законов природы и человеческой психологии.

И тогда скажут: во правду объяснил! Правда — как теория, в которую укладываются не объясненные ранее факты. И в которой выглядят логично и естественно не объясненные ранее процессы: типа почему при замерзании воды в лед расширяется.

Классическая механика Ньютона и квантовая механика Фейнмана — это правда. Но это наука, естественная.

А на уровне общественном, социальном, политическом? Правдой объявляется та теория, которая сегодня большинству специалистов представляется наиболее правдоподобной. И зная эту правду, мы можем предсказать революцию, упадок государства, демографический подъем или спад. А можем страшно пролететь. Но сегодня — это правда! Ибо увязывает в систему всю грудку специфики!

Чем глупее человек — тем проще его система мира. А раз меньше элементов в системе — они крепче соединены, менее подвержены люфту, и практически незаменимы. Глупый человек категорически нетерпим к инакомыслию.

Инакомыслие — это ложь. Потому что правда только одна — это картина мира.

И если появляется новая теория, которая объясняет все прежде непонятное в своей области. Но она, конечно, противоречит прежней картине. То сначала ее должны объявить ложью. Потому что старая теория худо-бедно держится и все объясняет. А потом новое, как водится, побеждает.

Правда — это победа. В смысле: что в конечном счете победило — то и правда. А пока не победило — для победителя другая точка зрения есть ложь.

Об истине

На вопрос Сократа «Что общего между красивой девушкой, красивой амфорой и красивой задачей?» — необходимо сначала заметить, что. Словарь бывает слишком беден для точного обозначения предметов и понятий, употребляя одно и то же слово для понятий смежных, близких, однако имеющих принципиальные различия. Рассматривая сократовский вопрос, следует признать, что красота девушки, вазы и задачи — категории весьма различные. Объединяет их чувство удовольствия от восприятия информации об объекте.

То есть.

Девушку мы видим, она красива — в принципе может принадлежать мужчине-наблюдателю-оценщику, ее красота может иметь утилитарное значение как маркировка высокого качества для продолжения рода и сексуального наслаждения. Красота человека противоположного пола — это отдельный комплексный вопрос. Здесь и фигура, и черты лица, и кожа, волосы, глаза, форма носа, грация движений. Причем! У разных рас в разных культурах и в разные эпохи представления о женской красоте несколько варьируются.

Красивая амфора (ваза) — это линии, объемы, гармония формы плюс цвет.

А красивая задача? А! Это ощущения, удовлетворение, удовольствие от информации, полученной не через органы чувств, а через интеллект, через сигнальную систему знаков, опосредованно. Абстрактный, нематериальный объект способен принести удовольствие — через неожиданный ход мысли. Здесь радио первично — эмоция вторична.

А вообще красота девушки, предмета и математики должны бы иметь для обозначения три разные слова — откровенно-то говоря. А общего то, что доставляет это все положительные эмоции без утилитарного потребления объекта и вне процесса действия объекта, где раскрывалась бы его сущность и назначение. Информации о форме наличествующего объекта уже достаточно.

Отметив условность и частность восприятия красоты в старом сократовском вопросе — перейдем к истине, вопрос о которой схож своей ускользающей относительностью и склонностью к утилитаризму.

Истиной можно считать восприятие адекватной информации об объекте, когда сознание познающего субъекта адекватно представляет себе

объект.

Истина — это адекватная информационная модель познаваемого объекта в нашем сознании.

Однако. Если держать во внимании кантовскую «вещь-саму-по-себе», то ни один объект — ни один предмет — не может быть постигнут адекватно и до конца, поскольку сознание субъекта субъективно как данность. В процессе познания познающее сознание неизбежно трансформирует информацию об объекте субъективным образом. Ну так это необходимо учитывать и корректировать информационную модель, внося поправки на субъективность восприятия. То есть как минимум рассматривать объект под разными углами зрения, совмещая варианты и аспекты изображения.

Ну — типа того:

Вот стол. Как насчет истины о столе? Он деревянный. Он квадратный. Он размером метр на метр и семьдесят шесть сантиметров в высоту. Он желтоватого цвета, то есть длина отраженной его поверхностью волны солнечного света, воспринимаемой нашим глазом, имеет определенную длину. Он весит семь с половиной килограммов. Его удельная плотность — ноль девяносто три сотых от плотности воды, он плавает. Его древесина состоит из волокон, а волокна из клеток, а клетки из молекул, а молекулы из атомов, а атомы из элементарных частиц — и каждый уровень имеет свои характеристики.

Итого, господин покупатель, вас какой уровень истины об этом прекрасном столе интересует?

То есть. Разговор об абстрактной «Истине вообще» — пустая болтовня умничающих бездельников. Всегда необходимо оговорить: истина на каком уровне вас сейчас интересует — атомарном, макроуровне, целевом назначении, архетипе объекта как класса предметов и так далее?

Истина в областях — морали, политики, экономики, эстетики, энергетики и так далее — это разные классы и виды истины, и каждый класс и вид имеет разные уровни рассмотрения и определения.

Объективность истины безусловно существует — ибо без единой системы организации материи и энергии Вселенной по единым законам мир в принципе не может существовать.

А вот если истину конкретизировать — то во многих случаях она зависит от позиции наблюдателя-аналитика-оценщика, от поставленной им себе задачи. Его интересует чугунный шар как весовая гиря, или летящее пушечное ядро, или маятник часов, или ржавеющий корабельный балласт, или образец металла, или совокупность атомов в молекулярных

структурах?

Человек — это звучит гордо, или куча мяса и костей, или сложнейшая биосистема, или переделыватель Вселенной, божье подобие или гражданин? Вы на дверь какую вывеску заказывали, товарищ?

Говоря же об оценочных категориях — понятно, что истина всегда относительна и определяется корпоративными (или даже личными) интересами. Это зависит от политических убеждений, классовой или национальной принадлежности, способности к адекватной самооценке (увы, редкой...) и тому подобное. Апологет расовой теории убежден в необходимости концлагеря, а революционер — в истреблении буржуев. У предпринимателя нерадивые работники (задолбали!), а у наемных работников — жадный неблагодарный хозяин (сука он, точно!).

Поиск системы единой отсчета, в которой можно все варианты истины и все подходы к ней рассматривать с единой — базовой — точки зрения — это великое дело.

Энергоэволюционизм предлагает такую единую систему отсчета, единый уровень рассмотрения всех проблем. Желающие могут ознакомиться с теорией.

Ну, а уж то, что наука расширяет горизонты познания, и невозможное вчера оказывается возможным сегодня, и вчерашние представления о мире сменяются другими, сегодняшними — это именно меняется точка зрения, это мы поднимаемся на очередной более высокий уровень познания. И предлагаются новые объяснения разных сторон мироздания. Истина остается в общем та же — меняются ее детали, все подробнее выясняется механизм, и старое представление об истине из абсолютного делается относительным, частным — как с теорией Коперника: с точки зрения земного жителя Солнце движется вокруг Земли, хотя на деле наоборот, и все знают.

А вопли релятивистов о том, что объективной истины вообще не существует — это издержки эпохи политкорректности, когда некоторые разделы правды запрещены по идеологическим причинам. Мыслящий человек не должен всерьез воспринимать указы Инквизиции.

Есть истина, есть, и вполне даже объективная — и разные ее конкретные случаи; и релятивистские варианты тоже есть, но ими вопрос отнюдь не исчерпывается.

Я что хочу сказать сугубо от себя:

Истина — это постигнутый человеческим сознанием объем информационной составляющей объекта.

А по большому счету:

Истина — это информационный уровень Бытия.

И тогда:

Абсолютная Истина — это в полном объеме информационный аспект Универсума. — Что означает принципиальную ограниченность Знания и Познания. И это представляется принципиально невозможным, ошибочным.

И тогда мы можем с полным правом заявить:

Абсолютная Истина есть Бог.

Если хотите, можно иначе:

Абсолютная истина не существует в силу принципиального отсутствия границ. То есть как информация она объективно есть — но она непостижима в том смысле, что нельзя достичь ее пределов и познать ее полностью. И предметно говорить мы можем об истине только в пределах сегодняшнего знания.

Здесь, на мой взгляд, естественно сочетаются онтологический подход Платона и феноменология Гуссерля с гносеологической трактовкой Спинозы и Гегеля.

Но сейчас нам это не надо. Разве что для широты кругозора, общего понимания проблемы. А вот частные понятия, необходимые нам, философия давно выделила.

Авторитарная теория истины. Истина базируется на авторитетном источнике. Авторитет как гарант истины. Самое что ни на есть для толпы любимое дело. Все равно ни хрена не разберешься — так ведь знающие люди зря не скажут, они же ого-го, мыслители.

Конвенциональная теория истины. В общем, мы так договорились, что вот это будем считать истиной. Во-первых, мы друг с другом согласны, уважаем друг друга, доверяем. И у нас все правильно выходит, если вот это считать истинным. Все равно до глубин не докопаясь — ну так давайте просто условимся. Истина как продукт общественного договора.

Прагматическая концепция истины. Это нам особенно близко. Если вот такое понимание проблемы способствует ее решению, если такой взгляд на средства привел к достижению цели — значит, и понимание истинное, и средства истинные. Практика как критерий истины. Попал в цель — истинно хороший стрелок. Укусила больно — истинно злая собака. Истина есть такая информационная модель объекта в нашем сознании, что, оперируя этой моделью, мы достигаем запланированных результатов.

Релятивистская теория истины. Отчасти смыкается с конвенциональной: о чем договоримся — то и истина. А другие о другом договорятся — ну что ж, они имеют право на собственную истину. Но еще

истина зависит от уровня и открытий сегодняшней науки, а это величины переменные — так что с ростом объема знаний происходит и их качественное изменение, то есть истина-то меняется в зависимости от твоих знаний о мире... А мораль, не совсем одинаковая у разных народов разных эпох? Значит, у них истина насчет добра и зла, скажем, будет меняться, представление о правильном и неправильном будет меняться. «Что русскому здорово, то немцу смерть» — прекрасный пример поговорки об относительности истины. Так что истина относительна...

А еще некоторые выделяют экзистенциальную разновидность, так сказать, истины. Здесь главное — психологическое состояние человека. И вот что человек осознает и ощущает важным, болезненным и счастливым, хорошим и плохим — то и истинно. Применительно к нему истинно. Человек есть то, что он переживает и чувствует, и его истину можно оценить только по его собственным законам. (Только не спрашивайте, в чем отличие от субъективного идеализма и где грань психической адекватности.)

Некоторые же, как ряд постмодернистов, полагают, что истина плюралистична. Если она относительна, то вообще-то ложь и правда могут меняться местами — в зависимости от условий и обстоятельств. Вот и Ницше им в помощь. Так что — все может оказаться истиной...

Это необыкновенное богатство и разнообразие взглядов на истину — неотъемлемой обратной стороной имеют равное многообразие взглядов на ложь. Как на оборотную сторону правды.

Что главное необходимо учесть? Нет на свете такой лжи, которую при случае не считали бы правдой. И нет такой правды, которую при случае не обернули бы ложью. Чтобы впарить вам.

Но поскольку, черт побери, в нашей жизни человеческой правда и ложь все-таки не одно и то же, кто бы какие благоглупости ни нес, то различать их приходится. Чтоб не остаться в дураках.

Спор и смыслы

Благородное искусство спора как состязания интеллектов за обладание истиной — давно в прошлом. Там же, где древние греки, гребные триремы и умение изящно драпироваться в пеплос. Ныне спор подобен скорее умению показать оппоненту зад, не выходя из рамок этики. Рамки раздвигаются весьма широко.

Логика спора приобрела блатной оттенок логики скандала. Прием не важен — ценится умение отспорить свое.

Мы не будем сейчас поминать долго эристику, ее отличие от софистики, Аристотеля и известное сочинение Шопенгауэра. Любой желающий может ознакомиться с ними в любой момент. Мы говорим лишь о том, что спор на серьезную тему опирается сегодня не на частную систему доказательств — но на утверждение идеологической базы оппонентом. Нас не интересует спор о преимуществах марок автомобилей. Серьезные вещи имеются в виду.

Искусство рекламы как раз описано в мельчайших подробностях. Прелесть рекламы в том, что это спор злокозненного расчета со здравым смыслом, спор жулика с трудягой. Цель жулика — выманить деньги трудяги и заставить его работать на себя. Цель же трудяги — не поддаваться на уловки рекламы — сводится на нет весьма примечательно.

Реклама в конечном счете не доказывает, что трудяга не может жить без выпрямителя лобковых волос последней модели. Реклама делает вираж и заходит сбоку: ты не должен быть беднее, глупее, отсталее и неуважаемое других, ты не позволишь другим смотреть на тебя свысока — и как знак своего социального уровня, своей значимости — ты приобретешь эту хрень и всем покажешь кузькину мать. Тебя цепляют на самолюбие, самоутверждение и социальный инстинкт. Происходит подмена понятий «быть кем-то» и «иметь что-то». Личность не как сумма поступков и качеств, но как сумма атрибутов.

С этой системой обмана мы живем бок о бок. Она неистребима. Навязать потребление излишнего — аспект социальной сущности человечества. Ибо вся цивилизация есть эволюция избыточных ценностей. Без которых можно было выжить.

То есть. Обман рекламы базируется на созидательном инстинкте человечества. А чем дальше — тем больше логика и практика рекламы переходят в абсурд. Как и все на свете, переходя меру. Но! Мировая

экономика продолжает расти! Спроси их: а на хрена? Они ответят, что без роста вся система экономики завалится. Так а на хрена такая экономика, чтобы покупать ненужные вещи, выкидывая хорошие? А это закон развития. Так он ведет к перегреву и обрушению цивилизации, ставшей ненужной самой себе? И человек лишь придаток к машине, работа которой стала первичной целью? О, вы не понимаете законов... Я-то как раз понимаю законы! Однако это не экономическое сочинение.

Здесь нас интересует только реклама как опровержение правды. Ну так с ней все просто. В споре молота с наковальней молот раньше или позже победит. Главное в борьбе с правдой — последовательность.

Реклама побеждает — потому что продвигает общую идеологию хорошей жизни, комфорта и успеха. А виды товара — это частности. Если ввязаться в спор о конкретном качестве конкретного товара — мужской сорочки, скажем, — то льняное полотно или тем паче шелк вне конкуренции, а вот форма уголков воротничка никакого значения не имеет.

Но. Важно. Поскольку на определенном этапе и определенном уровне. Под-система позиционирует себя на своем уровне как система и начинает действовать в собственных интересах, которые отчасти входят неизбежно в противоречие с материнской над-системой. То есть средства становятся целью. То. Человек свято убежден не только в нужности своей работы — кем бы он ни работал. Но более того. Убежден в том, что цель его работы необходима! И это для него становится чистой правдой.

И корпоративная истина распрямляется во весь свой гордый рост.

И начинает утверждать себя.

И в помощь ей подставляют плечи и локти истина конвенциональная, экзистенциальная, релятивистская, и еще без нашивок болтаются рядом.

И задача ставится просто: мы правы, и если не получается утвердить свою правоту логически — мы пойдем другим путем.

И тогда реклама наносит апперкот правой. Мода! И все замечания о качестве сняты. Дискуссия переведена в другую плоскость. Ваше качество больше не канает. Результат достигнут.

Это уже важно:

Не можешь опровергнуть правду — так создай другую систему для доказательства.

...Софисты упражнялись в доказательствах точки зрения произвольной либо заведомо неверной; они ценили рассуждение. Никто не вменял в вину Зенону веру в стояние летящей стрелы на месте.

Ныне иное. Нас интересуют люди и движения, идеологии, которые искренне верят в то, что дважды два полет шмеля. И считают своим

человеческим и политическим долгом доказать это! А если доказать невозможно — надо придумать способ.

Но сначала. Мы живем в небывало комфортную эпоху — ну, «золотой миллиард», Европа-США и окрестности. Чудеса науки и техники. Высочайшая производительность труда. И массе людей уже нечего делать — им государство придумывает работу типа макароны продуть. Излишние клерки, смотрители, подметалы, не пришей кобыле хвост. А большинство реально работающих — заняты в сфере обслуживания. Официанты, туроператоры, продавцы всего на свете, дизайнеры любых профилей, а также визажисты, косметологи, консультанты по всем нюансам реальности и бреда, парикмахеры и собачьи парикмахеры. И всем им нужен смысл жизни!

О смысле жизни я сказал в других книгах. И заключается он в том, чтобы осознавать и чувствовать свою необходимость и причастность к общему, большому, благому и нужному делу, которое больше тебя самого и значение которого выходит за пределы твоих личностных интересов. И тогда ты живешь больше, чем для себя одного, и жизнь твоя значит больше себя самой.

Смысл жизни — в надличностной ценности личности.

Но. Поскольку количество и диапазон занятий на свете ограничены. И человек не волен выбирать для себя любое дело — но только сообразуясь со своими возможностями и числом мест на рынке жизни. То он заходит с другого конца: придает смысл тому делу, которое имеет. Это получается у него с переменным успехом. Но получается.

И в споре человек исходит не из стремления впарить оппоненту свою песню, плащ или идеологию. Но из того, что он защищает и реализует смысл своей жизни — свое дело. А точнее — свое дело как часть и продукт своего мировоззрения и миропорядка. Потому что в другом миропорядке его дело может изменить свой смысл до противоположного: врачу лучше бы не лечить убийцу, а отравить, умирающего от обжорства нельзя благотворительно кормить, а надо беспощадно заставить голодать, и так далее.

А цивилизация всегда развивается. И польза от многих занятий постепенно переходит во вред от их модифицированного развития. Вот вредный для здоровья фастфуд. Вредные рафинированные продукты. Вредное для развития волевых качеств бесконфликтное воспитание детей, оберегаемых от всех трудностей. Вредная для воспитания ответственной зрелой личности вседозволенность любых удовольствий. Вредное для общества разрушение многих моральных норм. Вредное для окружающей

среды перерабатывание естественной материи планеты как сырья для излишних изделий. И вредное для экономики и психики людей агрессивное движение «зеленых», призывающих де-факто к регрессу в обезьян или вымиранию в статус-кво.

Задача их всех — утвердить свою правоту и ошибочность всех оппонентов. Взбужает и возбуждает традиционный философский масштаб: в начале палач отказывается казнить — в конце буддист отказывается наступить на муравья. Смертную казнь запрещают, буддизм входит в моду.

И гуманисты свято убеждены в своей абсолютной, высшей правоте и нравственности! А что в результате людей убивают, культуру уничтожают, а народ исчезает — про это не надо думать!!!

Про демагогию тут недалеко есть отдельная глава. Рекламу как форму цинизма мы сейчас тоже не имеем в виду. Мы говорим об искренних спорах, когда человек защищает и утверждает дикую фигню.

Любой искренний спор — это спор двух смыслов, спор ценностей из двух разных мировоззрений. И чтобы понять правду — смотреть надо не на детали, не на конкретику только. Необходимо мысленно подняться к вершине купола, свода небесного, покрывающего поле спора так, что видны края всех сторон. И с этой высоты, с этой центральной точки обзора, окинуть все поле одновременным взглядом, объять происходящее в движении всех частей от краев до центра.

Мировоззрение будет подобно материку прихотливых очертаний, с бухтами и мысами, с озерами и островами. И вот все то, что связано в единую поверхность суши — то правда, система взглядов. А отдельные острова близ берегов либо в пустоте озер — это заявления ни пришей-пристегни, они прямой связи с общей картиной мира не имеют. Это острова в смысловых разрывах.

И когда человек неправ в целом — он спорит, нагромождая горы частных. Но — из ста голов лягушек не получится одна голова семги.

Человек находит свою нишу и свое дело в самых неожиданных местах — в туалетах для трансгендеров, в снижении сложности тестов для меньшинств, в одиночном плавании вокруг света и чемпионате по поеданию сосисок. В помощи переселению народов, службе женщин в спецназе, отмене школьных оценок и государственному сексуальному обслуживанию инвалидов-хроников.

Но. Если проследить связи его взглядов с общим устройством цивилизации. И попытаться определить границы его намерений. И предложить ему посмотреть, что происходит с общей картиной нашего мира по мере реализации его начинаний:

Толпы бездельников, пропаганда безграничного секса, требование дать всем все, агитация за уничтожение твоей культуры вообще, каждый живет по своим правилам — кто будет работать завтра, чтобы кормить собачек, да еще кто заплатит, чтобы ты их стриг?

Он спорит не за истину — за самоутверждение. Вытащи его из социальной клеточки — и поставь посреди поля, да отнюдь не чиста поля, а захлавленной и подгнившей свалки нашей запутавшейся жизни. Пусть оттуда спорит. Из кучи огрызков средь океана народа.

Вот тогда высунется лик Правды. И не всех обрадует.

Демагогия

Демагогия — это доказательство или система доказательств, аргумент или система аргументации, фраза или набор фраз — которые являются логичными, непротиворечивыми и истинными внутри себя, сами по себе, применительно к общим, абстрактным ситуациям. Или к ситуациям, формально уподобленным той, что рассматривается. Но. Они являются ложью применительно к ситуации конкретной.

Демагогия есть намеренное нарушение логической системы аргументации и посылов, когда каждая часть утверждения (предложение, фраза, период, оборот, понятие) может быть верна сама по себе — но воедино они собираются с нарушением логики конкретного случая и разбирательства. Демагогия всегда есть логическая (и семантическая) ошибка, когда верные составные части неверно собираются в ложную систему псевдопосылов на основе абстрактной формальной логики.

Ложь демагогии применительно к конкретной ситуации заключается в том. Что:

Применительно к конкретной ситуации или высказыванию — демагогия есть неполная истина, искаженная истина, истина, относящаяся к другому положению верно — но именно к данной ситуации неверно.

Например:

«Америка создана иммигрантами». Да!

Но.

Не всеми и не любыми.

Америка создана мигрантами из: Голландии, Англии, Испании, Франции, Германии, Ирландии, Швеции, Польши, Италии. А также евреями, русскими, датчанами, норвежцами, литовцами. То есть:

Америка создана европейцами, христианами (не считая мелкого вкрапления ассимилировавших в европейской культуре евреев), людьми из стран, которые создали высокоразвитые и передовые цивилизации и имели опыт борьбы за демократию и права человека.

То есть — элементарная логическая ошибка малого аргумента — причем не ошибка. Но подтасовка намеренная! —

Всякий, кто создал Америку — мигрант или потомок мигрантов, но не всякий мигрант — создатель Америки.

А точнее — мусульмане НИЧЕГО не внесли в создание Америки, ее культуры, политической системы, науки и искусства. И более того.

Мусульмане — представители культуры, которой чужды понятия прав человека, равенства мужчины и женщины, свободы мысли и слова, свободы вероисповедания, толерантности. Чужды весьма или абсолютно.

То есть. Прямо и жестко говоря. Идеология ислама противоречит духу американских ценностей.

(Создание афроамериканцами, ренегатами христианства, организации и течений «Нации Ислама» — это борьба за права группы внутри страны и культуры, направленная на изменение порядков — но не на вклад в созидание страны.)

А теперь — все дружно аплодируем американским (и европейским! европейским!) евреям, выступающим за неограниченный въезд мусульман в западные страны — при том, что нет ни одной — НИ ОДНОЙ! — исламской страны, где сохранилась бы сколько-то значимая еврейская община, откуда в последние полвека евреи не были бы изгнаны, выдвинуты, вырезаны, вынуждены были в подавляющем большинстве уехать. И ни одна — НИ ОДНА! — мусульманская страна не декларирует терпимое отношение к евреям — хотя бы сколько-то терпимое. От пропаганды поголовного уничтожения — как Иран или Палестина — до молчаливой терпимости, как Египет.

И вот граждане именно этих стран приветствуются недорезанными евреями Европы и США.

Милости просим!

Антисемитов приглашают занять первые ряды и запастись попкорном.

.....

Демагогия есть форма высококвалифицированной лжи, когда правда оппонента подменяется намеренно искаженным абстрактным образом этой правды — и затем этот самосозданный ложный образ опровергается на том же абстрактном уровне вне связи с конкретикой.

Демагогия — это правдивые общие фразы в ложном контексте. Подмена контекста производится методом его абстрагирования и искажения этой абстрактной модели.

Демагогия — это слом контекста многозначным абстрактным тезисом, от какового тезиса, как с поворотом шарнира, демагог уходит в любую семантически сцепляющуюся плоскость рассуждений, в том числе и противоположную первоначальной. Абстрактно-бесспорные тезисы демагога играют такую же роль в системе его рассуждений, как джокер в картах: от него можно строить любую удобную тебе комбинацию.

Простейший пример: Трамп говорит — построим стену от Мексики,

не будет нелегалов и наркотиков. А Папа Римский говорит: надо строить мосты, а не стены; а либералы говорят: нельзя разгораживать человечество стенами! Оба аргумента верны, прекрасны и абстрактны. Они апеллируют к общечеловеческим ценностям и обличают их врагов. Но — не имеют никакого отношения к проблемам нелегалов и наркотиков. Контекст сломан: им про жесткую конкретику — они про абстрактные ценности «вообще». Демагогия как благородная форма пустословия.

Демагогия — это метод спора и утверждения, когда реальная информация в своих конкретных деталях подменяется абстрактными словесными конструкциями, имеющими логическое и грамматическое сходство с предметом спора — на намеренно оторванные от конкретного текста, конкретного информационного поля.

Приемы демагогии малочисленные и несложны.

Первый. Перевод разговора из конкретной плоскости в абстрактную. В ответ на защиту тезиса о праве народа на оружие для самообороны — заявить типа: слишком простые решения соблазнительны, но неверны, кровь порождает кровь и насилие порождает насилие, следует усилить и улучшить работу полиции, воспитывать гуманизм в населении, иначе безответственные люди перестреляют друг друга. Статистика, показывающая, что вооруженность населения заметно снижает преступность, а смертность от несчастных случаев с оружием на два порядка перекрывается спасением жизни с его помощью, и смертность эта на три порядка меньше автодорожной и алкогольной — эта конкретная статистика игнорируется. Апеллируется к желанию мирного человека вообще избегать опасных ситуаций, а ответственность перекладывать на полицию.

Прием второй — обобщение. Защитник девушки избил напавшего хулигана. Возражение демагога: а если все начнут избивать любого, кто попадется под руку, на том основании, что ему не понравилось его поведение?!

Прием третий. *Argumentum ad hominem*. Оппонент преступник, женолюб, пьяница, картежник, без высшего образования — все его слова не могут ничего стоить.

Прием четвертый. Гиперболизация. Детоубийц следует казнить. — Так вы что полагаете, что все конфликты в обществе следует решать смертной казнью?!

О софистике как системе именно умышленных логических доказательств чего угодно мы говорить не будем. Мы сейчас имеем в виду искреннее убеждение от правды.

Настоящая ложь начинается со лжи себе самому. Когда человек убегает от правды, изворачиваясь, как акробат под палкой.

Демагогия — это искусство фокусника делать ложь убедительнее правды прямо у вас на глазах.

Самый знаменитый и простой пример — это апории Зенона. О том, что Ахиллес никогда не догонит черепаху, а летящая стрела не движется. Античная Греция — о да, сокровищница мысли. Лучше всего подобную хитроумную логику опроверг Аркесилай в философском споре, где оппонент доказывал отсутствие разницы между меньшим и большим: «И задним входом ты не чувствуешь разницы между членом в шесть пальцев и десять пальцев?». Поскольку вы знаете, что Ахиллес черепаху обгонит, а стрела летит — не ведитесь на логику подвоха. Вам все время меняют масштаб рассмотрения процесса, меняют единицы длины и времени — а вот это огромная и принципиальная ошибка, уничтожающая основанные на ней доказательства.

...Самый жуткий пример демагогии из всех, о чем я слышал, читал — это описание расстрела в 1942 году. Шел дождь, пригнанные люди жались на краю рва, и полицей из бывших советских активистов взывал: «Граждане, нужно проявить сознательность! Нужно раздеться, спуститься и лечь». Апофеоз советской демагогии применительно к родственной фашистской практике.

Демагогия — прекрасное средство для оправдания преступных приказов и преступных законов. Специально оплачиваемые специалисты объяснят, что иначе было нельзя, что это меньшее из зол, что это вынужденные меры, иначе было бы еще хуже, а думали о благе большинства, и так далее. Как вы смеете сравнивать коммунизм и фашизм?! По количеству жертв могу сравнивать, по миллионам жертв. Коммунизм убил больше. А-а-а-а, как вы смеете!! По существу возразите, пожалуйста.

Настоящая демагогия — это заговаривание зубной боли в сердце.

Так я хотел сказать — плюй на словесные выкрутасы и сохраняй масштаб. Если результатом дел является дерьмо — то его высоконравственное обоснование явно ложно.

Если судить по делам — то отлично видна цена слов.

Философия как неопределенность

Если возмущенный посетитель не может различить поданный чай от кофе — то официант справедливо возражает, какая ему тогда разница?

Классический подход к разделению философии на материалистическую и идеалистическую — сильно упрощенный трафарет. Схематизация. Желание классифицировать теорию от альфы до омеги. И вывести некое самое общее, предельно общее основание.

Это стремление граничит с упорной попыткой свести бесчисленное многообразие форм реальности к единой абстрактной сущности.

И здесь истинность извечного дуализма явила себя во всем неотразимом блеске. Или материализм — или идеализм: что первично? Атомы в пустоте, сказал Демокрит. Идеи всех вещей, сказал Платон. И оба гении.

И, построенная на базе этой первичности, философия должна быть определена как материалистическая либо идеалистическая. В поддержку обоих подходов приведено великое количество доказательств.

Но. Современный подход не только к философии. Но к физической, энергоматериальной реальности. Утверждает, что наличие исследователя-наблюдателя с его субъективным взглядом — влияет на объективную сущность предмета наблюдения: на уровне микромира, в квантовой механике. (Точка зрения не всеобщая, но авторитетная и широко принятая.)

Что идеализм может быть объективным и субъективным, постановили давно. А материализм, как понятно, всегда объективен. Нет? Но творческий физико-философский синтез материализма и субъективного идеализма — это уже плод смелых умов нового времени.

Что необходимо признать, не углубляясь в бесплодную схоластику. Что поскольку мы имеем дело с нашими представлениями об объектах — серьезная философия может быть только идеалистической (да, еще Шопенгауэр и некоторые до него). Но поскольку объекты Вселенной благополучно обходятся без нас (пока), чему есть опять же бесчисленно доказательств, и наука является в комплексе первейшим из них. То мы живем в объективном мире. А софисты могут доказывать, что мир — сладкая либо горькая иллюзия, на что миру глубоко плевать.

И в философии, каковая есть прежде всего понимание жизни, объяснение жизни и генеральная логия для плавания по жизни — совершенно естественно и гармонично сочетаются элементы материализма

и идеализма. Или, что в нашем случае одно и то же — объективизма и субъективизма.

А посему. Любая истина в некотором приближении, в некотором масштабе, ограниченная неким временным и пространственным отрезком — всегда будет объективной, то бишь подтверждаемой законами материального мира.

Но. Она же, с учетом человеческого к ней отношения, неизбежно субъективного ее понимания конкретным субъектом, с учетом ограниченности своего не бесконечного радиуса истинности, с учетом всех естественных особенностей психики человека социального — эта истина всегда будет отчасти субъективна и тем самым неверна. Не абсолютна. Не в любых случаях применима.

Объективное носит единый характер, базирующийся на материальном единстве Мира. Субъективное носит сугубо индивидуальный, личностный характер, вытекающий из уникальности познающего субъекта, индивидуума.

Это неизбежное расхождение между единым материалистическим объективным — и многими равноправными идеалистическими субъективными — и есть исходная и неизбежная причина любого спора.

В смешанном материально-идеальном мире — субъективные истины идеального Бытия неизбежно не совпадают меж собой — и бегут от реального Бытия, дифференцируются от материальных сущностей объекта — причем каждый раз это разъединение, расхождение происходит немного иным путем.

Создать достоверную картину объекта путем его многостороннего и объемного рассмотрения, тем приблизившись к познанию Мира насколько можно ближе — и противопоставить эту истину картине менее точной и адекватной в силу ее более субъективного, индивидуального перекоса во взгляде на Мир — в сведении этих двух точек зрения и состоит выяснение правды.

Движение к правде противопоставлено овладению ее тенью.

Уничтожить познающего субъекта как фактор, свести его воздействие на отраженный объект познания к нулю — и увидеть Бытие беспристрастно, равновесно, равнодушно в конце концов — вот задача, стоящая перед любым искателем истины.

...Мы не пытаемся сейчас выяснить, возможно ли наличие Информации без любых носителей, вне сущностей Энергии, Материи и Пространства. При том, что сущности без Информации принципиально отсутствуют. И допустимо ли говорить об Информации без каких-либо

проявлений ее наличия, каковыми сущности и являются. Что само по себе есть доказательство единства Информации и Сущностей — то есть двуединства материально-идеального Мира.

Мы говорим о другом. О вторичности информации, как отражении объекта сознанием субъекта. Насколько субъект личность — настолько информационные модели познаваемого объекта несут черты субъективности индивидуального сознания.

Сколько людей — столько и мнений. Сколько людей — столько картин мира. Сколько людей — столько интерпретаций одного и того же явления.

Спор истин — кажется каждой честной, умственно добросовестной стороне спором правды и лжи.

Отбросить все субъективное, как индивидуальное и групповое, отбросить всю идеологию, все личные симпатии и антипатии, все пристрастия. Только так можно что-то понять.

Это что — мы пришли к античной банальности «В споре рождается истина»? Ну, рассуждая логически, так оно и есть. А практически — в споре истина пытается выжить, что ей не всегда удается. А в частности — мы хотели еще раз обосновать, что спор лжи с правдой — естественный аспект бытия человеческого. Житие мое... Аки паки! Аз есмь.

Часть шестая

***Дурак в себя влюблён, а умный от себя без
ума***

Отступление о глупости

И, говоря о причинах отторжения правды, непонимания и нежелания ее знать — все-таки следует упомянуть о глупости, хотя бы в двух словах.

Что такое глупость? Это неадекватная обработка информации.

Первое. Важнейшее и принципиальное может не приниматься во внимание — а не важное и не обязательное во внимание принимается и служит базой для последующих размышлений.

Второе. Анализ неверен — причины и следствия путаются местами, логика хромает и страдает демагогией, причинно-следственные связи определяются поверхностно и искажаются наивно.

Третье и генеральное. Из максимума информации делается минимум заключения — при том, что если заключение неверно, то адекватная информация на выходе отсутствует вообще.

Практический итог: субъект неадекватно реагирует на поступающую информацию и тем самым снижает КПД всей своей деятельности, вплоть до самоубийственных действий.

То есть. Эрудит и дурак — понятия не взаимоисключающие. Взаимосвязь между объемом информации и интеллектом бесспорна — чем больше знаешь, тем больше хоть каких-то мыслей по поводу багажа знаний у тебя имеется. Но. Знать и понимать — вещи разные.

Понимание — это сочетание известных фактов в единую информационную систему, адекватную реальности, где все факты взаимоувязаны и взаимообусловлены, и одно вытекает из другого. Понимание — это способность увязать разрозненные факты в единую детерминированную систему. Факт закономерен и обусловлен наличием других фактов и процессов, являясь следствием одних — и в то же время причиной других.

Трудность здесь в том, что провалы, отсутствующие звенья между разными фактами необходимо заполнить уже известными ранее, привлекая их из кладовой памяти для складывания мозаики. Но. Имея массу фактов на складе — необходимо ставить их в нужные места картины происходящего.

Глупость — это маломощность оперативной системы интеллекта, малый объем активной памяти, малый объем создаваемых информационных комбинаций. Это неспособность выбрать нужные из множества деталей «Лего» и собрать из них фигуру.

Современный истребитель способен обнаружить и вести до двух десятков целей одновременно, оценивая их по дальности, скорости, опасности для себя и возможности сбить. С учетом всего и принимая оптимальное решение: как вести бой, сваливать и вообще что вслед за чем делать. А старый истребитель мог преследовать одновременно только одного врага, при этом хвост ему прикрывал напарник, чтоб другой враг не сбил. Примерно такова разница между операционной системой понимания умного и дурака.

Таким образом, дурак искренне не в силах понять многие вещи, которые для умного очевидны. Дурак не в силах держать в уме целый набор фактов одновременно, комбинируя из них стройную конструкцию. Большинство фактов проваливаются в сито дырявого внимания дурака. Он способен держать в уме только один факт одновременно, полагая его не только основным, но и единственным, заслуживающим внимания и развития — то есть бесспорно доминирующим и принципиальным. Выделив такой факт, дурак перестает обращать внимание на остальные. И к этому факту, взятому за доминанту и вытеснившему из внимания все прочие, он прицепляет следующий факт — либо вывод.

Глупость — это неспособность к системному мышлению. Сочетание фактов есть система, обладающая качествами, которых не имел ни один факт по отдельности. Но взять во внимание этот набор фактов как систему и исходить в дальнейшем рассуждении из их единства — выше возможностей дурака.

Дурак способен на простейшую связь отдельных фактов. Ты против какой-то частности социализма — значит ты против социализма вообще. Ты полагаешь современную живопись спадом сравнительно с классической — значит ты ретроград и против развития искусства. Считаешь русскую революцию кровавой — значит против равенства людей. Считаешь Шекспира гением — низкопоклонник перед Западом.

Мировоззрение дурака базируется на простейшей логике и подкреплено авторитетами. Поп сказал — значит все от Бога. Дарвин сказал — значит от эволюции. Дурака нельзя убедить — можно только заставить поверить, наилучше всего ссылкой на тех, кто для него авторитет.

Правда для дурака — это простейшая логическая конструкция, не связанная с мирозданием, но висящая в воздухе, неукорененная. А опорой для нее, отдельной, служит традиция, мнение окружающих и авторитет.

Толпа по факту своего существования состоит из дураков.

Дурак берется только на пропаганду: повторяемость, авторитет, общественное мнение. Правду и ложь он самостоятельно не различает

вообще, кроме элементарных конкретных фактов, типа зарплата меньше или погода лучше. И то уболтать можно.

Дурак и школа

Многознание уму не научает, скептически изрек Гераклит.

Малознание тем более уму не способствует, вздыхает любой учитель.

Так чем многознающий дурак отличается от умного? Тем, что он не понимает того, что знает. Это — как?

По порядку.

Что означает «понять»? Означает встроить понимаемый объект (предмет, процесс, явление, случай) в общую и единую картину причинно-следственных связей окружающего информационного пространства и шире — всего мироздания.

То есть. Чем это явление вызвано, обусловлено, детерминировано? Что на него повлияло? Почему все именно так, а не иначе? Из чего все это следует? Как это увязывается с законами общества и мира? С законами психологии, биологии, социологии, истории, экономики — и вообще эволюции?

И с чем это связано, на что влияет? И что из этого следует, что в конце концов из этого получится?

Может быть звезда — дали тебе в глаз, и искры полетели. А может — наблюдаются и определены ее диаметр, масса, класс яркости, нахождение в галактике и расстояние до нее. И в каком направлении с какой скоростью она от Солнца удаляется. Из чего состоит, когда примерно возникла и когда погаснет, пройдя какие стадии. И все это согласно каким известным законам как обусловлено. В этом подходе разница между влюбленным и астрономом.

Дурак может узнать, запомнить и перечислить. Но не может вывести путем умозаключений одно из другого. Не способен определить неизвестное на основании уже известного. Ну — задачи решать не может. Только однотипные по вызубренному шаблону. А самостоятельно увязать внешне не связанные явления — не может.

Отличие умного от дурака в том, что дурак не может включать логический поиск на широком информационном пространстве. На упрощенном примере шахмат: гроссмейстер просчитывает десяток вариантов на десять ходов вперед — дилетант видит три варианта на один-два хода вперед, предвидеть шире и дальше он не в силах, и дальнобойные комбинации гроссмейстера не понимает. Странные никчемные ходы. Гм... а через десять ходов мат...

...С детских лет не идет у меня из памяти аббат Фариа — который друг Монте-Кристо, узника замка Иф Эдмона Дантеса. Много лет Дантес пытается понять, почему и за что он брошен в темницу и предан забвению. И мудрый старик-аббат, расспросив его о друзьях и тех, с кем он столкнулся перед арестом и заключением — как на ладони объясняет ему, кто хотел его устранить, кто писал донос и кто обеспечил безвестность пожизненно заключенного.

Два часа назад аббат Фариа ничего не знал и этих людей никогда не видел. Но получив информацию — он определил недостающее звено: кто посадил и почему. Почему этого не знал Дантес? Потому что аббат был несравненно более сведущ в человеческой натуре, ее страстях и пороках, в отношениях между людьми и в средствах, которыми люди умеют добиваться цели. Он был мудр.

Из одного и того же объема информации Фариа извлек несравненно больше заключения, нежели Дантес. Ибо? Первое: он имел несравненно более широкий кругозор, то есть располагал значительным объемом сторонней информации. Второе: он имел логическое мышление. Следствие: он рассматривал объекты (друзей и встречных) не самих по себе, не изолированно друг от друга и ситуации ареста. Но с точки зрения общего устройства мира и общества, с точки зрения людской психологии и ценностей, с точки зрения их возможностей творить поступки.

Он рассматривал их возраст, положение, к чему они могут стремиться, возможные черты характера — на фоне денег, места в жизни и приоритетов. И он анализировал ситуацию на фоне огромного трехмерного пространства всей жизни порта, Марселя, Франции с ее моралью и социальными лифтами. Плюс вечная тема любви, ревности и зависти.

И там, где простодушный Дантес все знал — и ничего не понимал, там аббат Фариа узнал от него лишь малое, главное, необходимое — и понял всю ситуацию. Потому что знал много о жизни и о людях, но главное — умел увязывать одно с другим: характер с судьбой, а следствие с причиной.

Ум — это способность к информационной реставрации и реконструкции. На основании малого и частного — восстанавливать большое и целое.

Эрудит может хранить в голове массу информации — но не уметь ею пользоваться. Он именно хранитель — и только. У него вагон кирпичей — но нет понимания, как сложить из них дом. Не спрашивайте у такого объяснений — он может только транслировать готовую информацию, которую набрал в разных местах. Обильно информированный дурак. Такие бывают.

Бывает и почти наоборот: человек знает мало — но рассуждает логично, цепко, объемно, и к выводам приходит правильным. Но. Какой-то исходный объем знаний все-таки необходим. Ну некий минимум. Однако главной остается способность создавать непротиворечивую информационную модель объекта. Вот как человек представляет себе домик — и строит его, а когда кубиков нужных не хватает, он протягивает руку и спрашивает: а вот для этого места есть кубик? а вот сюда тоже есть? То есть он нуждается в дополнительной информации по ходу мысли.

Так что есть дурак? Дурак есть взрослый трезвый человек, подобный в мышлению ребенку или пьяному: он все видит, может назвать и сказать, для чего это (если его спросить), но смысла увиденного не понимает: не понимает, что ключ нужно вставить в замок, открыть дверь и разуться перед падением в кровать, а не рушиться в отчаянье на крыльцо. Видит красный свет светофора и едущие машины, но не связывает это с невозможностью перейти улицу и прет под автобус: ему надо перейти улицу, а подробности значения не имеют, это же не забор.

Дурак считает в шахматы на один ход вперед и полагает гроссмейстера дураком, а его победу — плодом заговора и шарлатанства.

Ребенок задает священные вопросы: А почему? Зачем? Как? А для чего? Эти вопросы и потребность в ответах — это формирование ума. Эти вопросы лежат в основании всех человеческих наук. Отвечая на них, наука идет через барьеры знаний к вечному горизонту незнания. И когда я прочитал, что Ричард Фейнман тоже не понимал, так отчего же горит лампочка, я успокоился на свой счет, а то меня в восьмом классе заклинило.

А вот теперь переходим к выводам и обобщениям.

Плохо ли быть дураком? Вообще да. В течение всей истории — да. Только умом выжили и пробились. А в частности сейчас? В цивилизованном обществе? Э-э, бабушка, бабушка! Цивилизации уже тысячи лет, она меняется. В обществе потребления мы живем, потребления!

В этом обществе полезно, чтоб дураков было подавляющее большинство. Для пользования благами ума много не надо. Производительность труда растет. Роботы и прочая кибернетика-автоматика все больше заменяют человеческий труд. Дипломированных специалистов требуется все меньше. А умные — у них амбиции, неудовлетворенность, невозможность реализовать все свои возможности, недовольство.хлопоты одни.

Дурак легче проголосует за то, что сказано рекламой. Дурака легче подкупить, он более падок на халяву. Дурак не составит конкуренции в

политике и бизнесе, кинь им несколько постов-должностей — остальные и счастливы, что «простые люди» тоже что-то могут. У дурака потребности скромнее — потому что они легко поддаются управлению. А надо — мы ему потребности внушим, раздуют, вобьем, заставим потреблять то, что выгодно бизнесу.

О! Дурак управляет. И тем самым удобен и покладист в политическом обращении. Да и экономически бесконечно терпелив и вынослив. Им хорошо манипулировать. Доверчив, дурашка.

Таким образом. Когда от демократии осталась только оболочка. Когда в управлении государством гражданин участвует только подачей голоса на выборах, а в остальном сильные мира сего делают то, что хотят и им выгоднее. Когда СМИ, промышленно-финансовая элита и политическая верхушка дудят в одну дуду. Когда любое инакомыслие осуждается, обличается, позорится и отвергается. Когда все яснее продолжается разделение на элиту — политическую, промышленно-финансовую, научную, культурно-спортивную — и народ, то есть девяносто процентов небогатых, малообразованных, бесперспективных. То тенденция ясная:

Сильные, умные и талантливые будут наверху или сумеют пробиться наверх — пусть входят, ладно, они нашей породы. А нижние — должны иметь меньше амбиций и меньше возможностей. Пусть радуются пособиям и муниципальным малогабариткам.

Я не сказал, что это сознательная целенаправленная политика. Хотя элементы безусловно присутствуют. Любой человек невольно хочет оградить себя и свою группу от конкуренции.

Но объективный ход событий именно таков. На авансцену истории всегда выходят те группы, которые объективно востребованы. А в зале кто? А в зале как всегда — социальная эволюция. И она как всегда требует продолжения банкета. Эпоха равенства и всеобщих возможностей позади. Сегодня элиты рулят жестко и впаривают свою пропаганду цинично.

А пропаганда имеет два аспекта. Первый — повысить качество оболванивания. Второй — понизить качество оболваненных.

И объективно на это работает все. Кино, сериалы, музыка, литература и живопись — все искусство. Рэп, детские сказки для взрослых, мыльные оперы и мазня под маркой всех видов «постмодернизма». И серьезные исследования этого искусства — для высоколобых!

Но мы о школе.

Что сказал блистательный и эпохальный Жванецкий Михал Михалыч? Первая фраза шедевра — «Еще в школе нас отучают говорить правду!». И зал в восторге рушится из кресел.

В школе учат не тому, что есть, а тому, что надо. Кому надо? Вот кому надо — тому и надо. Путь в будущее — дробной рысью и все строем.

Если конкретно — школу давно захватили леваки. И пошли по линии «гуманизации образования». Не перегружать ребенка количеством и сложностью информации. Не травмировать его плохими отметками. А также не травмировать неравенством — мол, одни хорошо учатся, они способные, а другие плохо, так они неспособные, а вот это уже дискриминация и несправедливость. Все равны.

Дурак не может решить сложную задачу — зато умный может простую. Вот! Снижаем уровень задач так, чтоб решать могли все. А также чернокожие из криминальных кварталов и неблагополучных семей.

Полвека последовательных усилий плюс компьютеризация всей страны — и результат способен обрушить на пол боксера. Они там у себя кончают школы, не зная таблицы умножения. Не ведая в истории Александра и Наполеона. Не различая полезные ископаемые от ископаемых животных. Читая книги? Иногда вообще почти не умея читать. Но с гаджетами управляют исправно. Эти навыки приобретаются с детства. В чем-в чем, но в компьютерном отношении это поколение гениев.

Два плюс три гений считает на калькуляторе.

А школьные учебники делаются все сложнее по форме и глупее по содержанию. Понимаете, ведь Бюффон был прав: кто ясно мыслит — ясно излагает. К написанию учебников пришли уже дети детей 68-го года. Они малообразованны и путаются во всем сами. Стараясь изложить все попроще для школьников — они возводят хрень в кубическую степень.

И поскольку хрень в кубе плохо поддается практическому анализу — учебники переходят на зубрежку.

А вот и ЕГЭ! Привет Болонской системе! Кто бросился под поезд: а) Александр Матросов, б) Анна Каренина, в) Анка-пулеметчица, г) Герасим и Муму. Нужно подчеркнуть.

Как все понимают, всеобщее применение в мире экзаменационной системы тестов-опросников абсолютизирует роль зубрежки. Думать не надо — надо знать. Нечего рассуждать — надо назвать правильный вариант. Все! Хоть литература, хоть физика, хоть медицина.

По современной западной методике врачом может сегодня быть в принципе любой: введи все программы сбора анамнеза, симптомов и лечения в компьютер — считывай вопросы с экрана — и нажимай дальше нужные кнопки диагнозов и методов лечения. Либо любой, кто без всякого обучения вызубрит намертво все вопросы экзаменов. Ответил? Получи диплом.

Мы подошли к появлению киберврача.

Чем отличается зубрежка от обучения? Тем, что дает эрудита (ну, хоть отчасти информированного человека), который взаимосвязи различных блоков информации может абсолютно не представлять. А знает он последовательности действий, нужных для получения конкретного результата. Общая, широкая, взаимосвязанная картина происходящего и его вариантов — ему неведома в принципе. Он даже не знает, что такая общая картина есть! Он вообще не представляет, что в огороде бузина, а в Киеве дядька — это факты единой биосферы планеты на небольшом пространстве единой страны, где земля, овощи, кусты, города и люди — явления взаимосвязанные. И если вырезать палку из бузины, поехать в Киев, убить дядьку и привезти закапывать на огороде — это вполне обычный сюжет.

Зубрежка — это информация, не дающая ответов на главные вопросы: почему? зачем? как? для чего?

Чем отличается воспитанный современной школой, средней и высшей, человек? Тем, что он не в состоянии проверить подлинность одного факта наличием или отсутствием фактов смежных, взаимообусловленных, обязательно стоящих рядом. Он не владеет домом — он владеет кучей кирпичей. И может эти кирпичи рассматривать в любой последовательности и даже любом соседстве.

Но. Поскольку вопросы «почему-зачем-длячего-как» в человеке жив на уровне хотя бы трепыхающегося инстинкта — ему нужны ответы.

А вот ответы дураку-зубриле подходят любые. Ему годится любое объяснение. На один ход вперед. На два он уже не может. Достаточно любой, самой поверхностной связи объяснения с вопросом — и дурак удовлетворен.

Зачем в 1968 году советские танки вошли в Прагу? Чтобы туда через сутки не вошли танки Бундесвера. (Что это означало бы агрессию блока НАТО против Варшавского Договора и автоматическое начало Третьей Мировой войны — дурак уже не думает, он не умеет.)

Почему негры вечно бунтуют? Потому что у них плохие социальные условия и унижения. А китайцы почему работают, преуспевают и не бунтуют? Идите к черту, это уже второй вопрос.

Почему мало женщин в науке? Потому что мужчины их затирают и не хотят пускать. А почему женщины-шахматистки близко не конкуренты мужчинам, а почему у них мозг меньше? Ах вы проклятый сексофашист!

Зачем подписали пакт Молотов-Риббентроп в 1939 году? Чтобы оттянуть на два года войну, к которой СССР был не готов. А почему тогда

за неделю до этого подписания Сталин предлагал Франции и Англии, что СССР готов начать войну против Германии, если Польша предоставит коридоры для советских войск — что, тогда готов был?.. Вы прекратите нести эту западную антисоветскую пропаганду!

Дураку известны готовые ответы-одноходовки. Известны давно, и стали убеждениями. Поэтому второй ответ его бесит, вызывает злобу и ненависть. У него когнитивный диссонанс. Реактивное состояние психики наступает. Он знает, что оппонент неправ — но доказать не может!!!

И он начинает придумывать бессмысленные и мелкие многочисленные опровержения: а вот такой-то сказал то-то, а вот там-то было иначе, а что в виду имели совсем другое, и так далее. Ему надо как-то рационализировать свое несогласие!

И тут же получил пинок в ляжку, означавший: «Браво, Киса, вот что значит школа».

Разницы между серьезным, т. е. взаимосвязанным аргументом в поддержку взгляда, и возражением, которое тут же опровергается следующим фактом — разницы для дурака нет.

Школа зубрил очень способствует ненависти ко всему, что не совпадает с точкой зрения выпускника такой школы. А поскольку сам он анализировать ситуации и выводить заключения не умеет — он имеет взгляды готовые, заемные, массовые. И рьяно их защищает.

...Я всего лишь хотел сказать, что современная школа обучает и воспитывает людей, которым неизвестна и непонятна естественная необходимость: сочетать известные факты в единую систему, нащупывая тем самым еще неизвестные факты и опровергая неверные. Эти люди обладают фактами порознь, приняв их на веру и не проверяя совместимостью в рамках единой системы причинно-следственных связей. Они защищают эти факты, как веру, и абсолютно невосприимчивы к контраргументации, ибо не в силах понять единство системы фактов и взглядов, частью которой предъявляемые им контраргументы являются.

А поскольку они не видят превосходства систематизированных фактов над разрозненными, не в силах воспринять ряд фактов как систему, обладающую общей, системной объясняющей силой — они отвергают чуждые им факты, оставаясь привержены привычным.

И чем мощнее волна контраргументов — тем сильнее их раздражение, ибо объем предъявляемых им фактов лишь суммирует раздражение, ничего не добавляя качественно, но повышая протест количественно.

Против дурака очевидность и логика бессильны. На дурака действуют только: авторитеты, повторяемость и мнение среды. Он не упрям и не зол

— у него качественно иная система мышления. Это мышление человека толпы. И доминанта здесь — придерживаться генеральной точки зрения. Это обеспечивает ему адаптацию в социальной массе.

Мышления, самостоятельное и логичное — удел одиночек, избранных, элиты, мыслителей.

Таково устройство социума. Где разум играет отнюдь не самостоятельную и не генеральную роль. Но выступает лишь как орудие жизнеобеспечения, успешного выживания, развития, — и энергопреобразования окружающей среды во все увеличивающихся масштабах.

Бездарный нарцисс

Ни одна мысль не вызывает у человека такого отторжения, как та, что он дурак. Или бездарь.

С дураком понять легче. Разум не может перепрыгнуть за собственные возможности. Он воспринимает и оценивает мир посредством себя. Но воспринять и оценить самого себя посредством себя же — выше его возможностей. Ибо он — сам себе мера. Разум постигает и расценивает мир относительно себя, в системе «я — мир». Система «я — я» несостоятельна.

То есть. Мы говорим сейчас о самокритичности.

Но. Можно критически воспринимать плоды своей деятельности: я не смог решить эту задачу, моя табуретка вышла кривой, я прибежал к финишу последним. Тут разум имеет объективные критерии для оценки — ну явные, неоспоримые критерии, совершенно объективные.

Можно признать перед самим собой некоторые свои ошибки. Типа: зря я это ему сболтнул, он обратил мои слова против меня. Или: нельзя было назначать его на эту должность, он зазнался и стал злоупотреблять. Или: зря я воспринимал ее слова и согласие принимать подарки так, что я ей нравлюсь — я, оказывается, был у нее не один, она элементарно мною пользовалась. Опять же: для верного вывода есть бесспорные основания. Практика как критерий истины здесь просто сама суется тебе в лицо, не отвернешься.

И однако. Если только появляется возможность списать плод своей несостоятельности на внешние обстоятельства, а удачу объяснить собственными морально-похвальными качествами — человек мгновенно начинает думать о себе лучше. Оценивать свои способности выше. Я доверчив к людям — а они этим пользуются. Я добрый — а они злоупотребляют. А в остальном: я мало занимался математикой, для табуретки мне попало плохое дерево и было мало времени, а в день забега у меня болели ноги и жали кроссовки.

То есть. В моих неудачах виноваты сторонние обстоятельства и помехи. От холодного климата до злокозненных инородцев.

А в отношениях меж людьми? Я терплю неудачи не вследствие низких умственных данных — но по причине высоких моральных качеств! Горе мне от ума! Глупость замещается в сознании хорошестью, которая просто противоречит расчетливому уму.

Стремление к завышенной самооценке сильнее стремления к объективности. Человеческое, слишком человеческое... Стремление к самоутверждению доминирует. А через самоутверждение ты меришь степень своей самореализации.

Это значит — внимание:

Инстинкт жизни в человеке подчиняет себе объективную оценку внешней среды — ибо оценка прежде всего должна способствовать жизненному успеху человека. И уже потом — всему остальному.

И если утверждение себя лучшим, главным, правым — помогает тебе занять более высокое место в иерархии группы и успешнее обеспечивать свою жизнь и передавать гены — так надо утверждать себя правым! А других — виноватыми! Ибо суть не в том, кто метнул копье в глаз кабану — а в том, кто возьмет себе лучший кусок и лучшую самку! Добиться реально успеха или приписать себе успех? Что за дело, главное — присвоить плоды этого успеха, воспользоваться результатом, вот критерий!

Говорит человек правду, ошибается или намеренно врет — важнее всего результат: будет ему от этого лучше или хуже.

Триада Закон — Мораль — Совесть, она строит и регулирует межличностные отношения в группе для максимального суммарного блага группы. Где отдельный индивид может и пострадать, и умереть — чтобы группа, масса, все прочие могли успешнее жить дальше. Групповой инстинкт самосохранения группы доминирует над индивидуальным инстинктом самосохранения личности.

Но основной людской конфликт — это конфликт между групповым и индивидуальным интересами личности. Они неразрывны в своем противоречии, их нет друг без друга — но они не адекватны. Спасти себя или спасти свое потомство — самый обычный и яркий пример такого конфликта.

Когда мы говорим о дураках — мы говорим о личностях. Индивидуальный инстинкт самоутверждения велит личности говорить не правду и не ложь, но то, что сейчас выгодно. Плевать, объективность или иллюзию ты видишь. Ты хочешь видеть себя героем на фоне пейзажа. И уж твое подсознание тебе поможет, будь спокоен.

Там, где критерии успеха зыбки — человек трактует эту зыбь на поверхности коллективного сознательного в свою пользу. Модернистская и постмодернистская живопись: талант есть продукт внушения и самовнушения. Литературная проза — так еще господин Журден всю жизнь говорил прозой. Ни один прозаик не признает, что пишет дерьмово, даже самый плохонький. А что, слова составлены по грамматике, со

смыслом, не хуже, чем у людей. Мысли и образы, опять же.

Я знал нормального инженера под сорок, который по неудержимому внутреннему побуждению решил стать писателем. Это была любовь, и это была страсть. Писания его были безнадежны, как серый носок на шипах розы. Он страдал и мечтал. Услышав критику, обращался к мнению маститого писателя, убеждая друзей: «Если он скажет — бросить, я брошу. В графоманию впадать я не собираюсь». Ему говорили бросить, и он не впадал в графоманию — он из нее уже не выпадал, он укоренился в этой задней части литературного тела и там обустроивался. Его страсть, его желание, его мечта, в сочетании с отсутствием языкового слуха и литературного вкуса — укрепляли его в своей позитивной авторской самооценке.

Правда отторгалась по неспособности отличить ее от лжи. От нежелания заменить ею ложь. От стремления к завышению самооценки. От подозрений в зависти и некомпетентности коллег.

Вообще графоман принципиально отличается от писателя только одним: неспособностью к адекватной самооценке. Он может быть образован, умен и даже способен. На семь страниц бреда может приходиться полстраницы шедевра. Но различить первое от второго он не может. Он слишком погружен в свой внутренний мир. Все свое он видит больше и лучше, все чужое — мельче и хуже. Он наблюдает чужое творчество через перископ, выставленный из мира творчества собственного. А свое — как на подлодке: теплое и сухое, кругом тебя и отлично работает. А лайнер на горизонте — ну, букашка, там тоже жить можно, но у нас-то явно не хуже.

В той или иной мере, хоть крошечной — этот комплекс свойствен всем творцам, всем талантам. Он так увлечен собой, так погружен в свои мысли и чувства, совершает такие потрясающие открытия мира посредством себя, так долго ищет нужное слово, краску и жест, что не может не восхищаться своими достижениями, не быть углубленным в свой единый жизнетворческий процесс, и ждет того же от окружающих естественно и прямо, как ждет похвалы ребенок за то, что доел кашу и завязал шнурки.

Истинный талант все равно оценивает себя выше, чем даже знатоки в этой области. Разве что станет классиком, будет позиционироваться как культовый, и безмозглые фанаты визжат от восторга, не вникая в суть творчества. Но фанат — он удовлетворяет потребность в кумире, в смысле жизни, в причастности к успеху и большому делу; он наизусть знает подробности жизни и творчества кумира, но самостоятельно оценить его не может, он — человек толпы, движения, через то и самоутверждается.

То есть. В глубине души ни один приличный художник не оценивает себя адекватно. Ну масса же творцов искренне считает себя гениями. А воспринимателей и коллег — идиотами, умудряющимися не понимать этого.

Художнику свойственно возвышать себя и принижать коллег. Мэтр Сальвадор Дали эпатировал народ вот этой правдой.

Нарциссизм свойствен красавицам и красавцам, умникам и умницам, талантам и бойцам. Да любой почти человек более высокого мнения о себе, чем окружающие о нем. С завышенной самооценкой все ясно. Но мы сейчас о завышении этой самооценки настолько, что идиот гордится своим умом, бездарь — своим талантом, а трусишка — своим мужеством. И ни за что не хотят верить правде о себе!

Твоя правда его подшибет и испортит жизнь. А его подсознание требует — быть счастливым, удачливым, умным и справедливым. И если он не может изменить положение дел — так он изменит свое представление о положении дел: так, чтоб быть в своих глазах удачником и победителем.

Ты говоришь дураку: ты дурак! Бездари: ты бездарь! А бездарный дурак отвечает: ты мне жизнь не испортишь, вниз по социальной лестнице меня не отправишь, помогать тебе гнобить меня твоей злой оценкой я не собираюсь. Я защищаю свою хорошую жизнь, свой успех и уважение людей — и заявляю тебе ответственно: сам ты дурак, а я талантливый и не хуже других. Теперь ты мне враг. Завистливый, несправедливый и не разбирающийся в искусстве.

Эти прямые не пересекаются в пространстве. Ты ему о качестве его творений — а он тебе о своем праве на счастливую жизнь. Ты подходишь к его работе формально. А для него она — проекция его бессмертной души.

Нарцисс живет не в том мире, где твоя объективная правда является правдой. А в том, где он прекрасен и совершенен, а ты завистлив и грязен.

Не в силах человеческих совмещать самооценку со сторонней оценкой окружающих. А сторонняя оценка практически не может достичь полной объективности — история полна примеров. И Шекспира на полтора года забыли, и Бах современникам не был великим, а уж философов просто с грязью смешивали. А загонят в гроб — поставят памятник; или забудут.

Не путайте разум с самолюбием. Нарцисс бежит правды, как святой — греха. Как дева — дегтя. Как голубь — змеи.

Человек вообще не дитя и не продукт правды. Душа его — средоточие мечты и счастья. А разум душе подчинен. Когда ты воздействуешь на разум — тебе возражает душа. А ее не переспоришь.

Если материалист назовет душу подсознанием, это ничего не меняет.

Гении и сволочи

Гениальные люди редко бывают людьми, что называется, хорошими. Гении возбудимы, раздражительны, вспыльчивы. Эгоистичны и эгоцентричны. Часто они мономаны, одержимы одной идеей и не обращают внимания на все окружающее. Они бывают жадны, хвастливы, тщеславны. И уж как правило ревнивы, завистливы и страшно заботятся о своей гениальной репутации.

Если начать перечислять всех мировых гениев с пороками и недостатками — это будет какой-то безобразный фестиваль очернения человечества. Как там поет Шаов? «Чайковский... ну это ладно, а Мусоргский — бухал!» Они были альфонсами, наставляли рога мужьям, проигрывали в карты и рулетку, топили конкурентов, крали идеи, издевались над людьми и служили тиранам. Что старик Пикассо отбил невесту у собственного сына, сломав ему жизнь, или продавщицы Эстер Лаудер плакали от нищенских зарплат скряги — это мелочи.

Сэр Исаак Ньютон принял пост президента Королевского Общества не ранее, чем Роберт Гук, этого общества секретарь и один из создателей, умер. И первым делом велел уничтожить все портреты и бумаги Гука, гениального ученого и его предшественника в открытии закона всемирного тяготения, заложившего основы классической механики и много еще чего. Жизнь...

Ведь теорию эволюции создал не Дарвин, а Ламарк, но тогда Европа кипела в наполеоновских войнах, и было не до эволюции. И Ламарк умер в нищете, а добросовестнейший Дарвин заменил в механизме эволюции объяснение Ламарка (наследование приобретенных признаков) естественным отбором на базе врожденных признаков. И снискал весь гром славы.

Ведь литературный русский язык создал не Пушкин, а Карамзин в «Письмах русского путешественника», а первый русский роман написал Булгарин, именно он стал первым широко читаемым русским писателем. Но все лавры достались Пушкину — «он наше все».

В общественном сознании гений и вообще великий человек — это персонификация гениальности и величия народа. Его восприятие сугубо позитивно. На эмоциональном уровне гений, великий человек воспринимается позитивно. А величие его свершений эмоционально соответствуют его позитивные моральные качества. То есть: позитивность

фигуры распространяется на все аспекты личности. Величие сил, ума и характера соответствует величие нравственности. Гений — так уж во всем блестящ, хорош, достоин поклонения. Короче: раз велик — так и во всем хорош.

Ан фиг!

У людей-то — стереотип и архетип: гений? — значит великий, значит — и в достоинствах своих велик, величествен в мудрости и добродетели. Происходит эдакий перенос качеств со многих на одного: гению приписываются достоинства и свершения многих и многих безвестных и окружающих. Ткань нашего представления о мире — не ровно натянутое полотно, но как огромный тент, подпертый снизу многими стойками, подобно редким горам в степи. Гению — весь позитив вершины, злодею — весь негатив впадины, а большинство — толпа она толпа и есть.

Гений — персонификация достоинств народа. А реальный человек — внутри этого образа типа вешалка для имиджа и шикарного платья.

Национальный герой (гений, великий чел) — это вроде победителя в конкурсе выдающихся фигур, которому народ делегирует потом все лучшее, что у него есть: благородство, стойкость, бескорыстие, милосердие и так далее. Людям нужен идеал поведения, идеал личности, идеальная ролевая модель — и вот «номер первый» достраивается коллективным сознательным и бессознательным до идеала. Потому что очень надо. Потому что такие люди должны быть. Потому что один из нас — лучший из нас — олицетворяет наши, наши собственные лучшие качества. Мы — члены общности, где есть такой великий и хороший. И его величие и прекраснотуше — простирается над нами тоже, осеняет нас, в каждом из нас его частица. Вот.

И когда ты говоришь, что Мусоргский бухал, Жуков был туповат и дико жесток, а Пушкин изменял жене и рвался пристрелить своего родственника Дантеса — люди обижаются. Потому что ты не гениев пытаешься задеть — ты пытаешься задеть любовь народную. Ты хочешь замарать лучшие чувства, которыми одарили люди своих великих. Ты отрицаешь право людей на чистую искреннюю любовь к этому человеку. Ты их оскорбляешь. Не смей говорить влюбленному, что его избраница шлюха. Его душе нужен ангел, и она — его ангел, его вера, надежда и любовь. А ты — гадина. А про нее лгут и клеветают. И еще неизвестно, что ее заставило совершить что-то предосудительное. Но душой и мыслями она чиста! Она ведь красива? Добра? Она хорошая!!

...А если гений — такой же человек, как ты, так он в общем и не гений даже. Гений — это фигура дистанцированная. Его интеллектуальное

превосходство должно выражать себя также через превосходство географическое, хронологическое, социальное. Он качественно иной. Но гениальности физика и математика обыватель понять не может — только верить авторитетам. А понятно обывателю иное качество не интеллекта, но социальное и прочее. Гений — богат либо картинно нищ, ему поклоняются либо наоборот — травят, его дружбы заискивают сильные мира сего. Он почти не ходит в туалет, не ковыряет в носу и не пукает, не ругается с продавцом и не пересчитывает сдачу, не радуется новой одежде и не обманывает знакомых.

Гений — фигура не приземленная. Не бытовая. Он не может стирать трусы, он пребывает в ином измерении. В конце концов, это уже архетип.

В мире идеалов твой реализм никого не колышет. Подавись своей правдой, дурак.

Честь и позор

Понятие чести забыто настолько, что словари уже затрудняются определить значение этого слова. Пытаются свести его к морально-этическому комплексу. Посочувствуем лингвистам и философам: трудно изучать то, чего уже нет.

1. Честь есть только у свободного человека. Гражданина и полноправного члена общества. У рабов и холопов чести нет.

2. Честь — это понятие сословное. Корпоративное. Честь дворянская, воинская, купеческая, женская, девичья — не одно и то же.

3. Честь означает определенные привилегии и преимущества — политические, социальные, материальные, ментальные.

4. Честь требует соответствующего уважения к ее носителю и признания его прав.

5. Честь — это знак качества своей касты.

6. От носителя чести требуется безоговорочная защита всех прав и привилегий, входящих в сферу, обозначаемую «честью». Это неприкосновенность прав политических, социальных и имущественных, закрепленных за его группой. А также, чаще и прежде всего, защита прав личности на: вежливое обращение соответственно статусу, физическая неприкосновенность, бесспорное признание за личностью соответствия всем высоким требованиям поведения человека чести.

7. Усомниться или обвинить человека чести в нарушении кодекса — то есть в трусости, лжи, воровстве, уклонении от долга, нарушении клятвы и т. п. — есть тягчайшее оскорбление и конфликт, требующий разрешения.

Оскорбление — это обвинение в том, что ты не тот, кто есть — не член корпорации, не человек чести, не имеешь прав на уважение и преимущества. Ты низок, слаб, зависим, порочен, презираем. У тебя пытаются отобрать твою публичную личность. Ты раб, холоп, тобою можно помыкать. Оскорбление — это попытка социального уничтожения.

Решением является поединок; суд или суд чести могут решить вопрос истинности обвинения, но не могут полностью исчерпать конфликт.

Короче: или убей обидчика в честном бою, или покончи с собой, или удались из корпорации и живи в позоре и отверженности, резко снизив свой статус.

Все преимущества и привилегии человека чести обеспечиваются его готовностью умереть, защищая честь. Говоря иначе: корпорация жизнью и

кровью защищает свои права. Честь — ценность надличностная. Ты член братства, оно обеспечит тебе жизненную долю получше — но и ты всегда защищай его.

Этим с древности отличается раб от свободного: у свободного есть идеалы, за которые он может умереть. И такая корпорация всегда неизмеримо сильнее, живучее, перспективнее, нежели толпа работников-потребителей.

А что такое позор? Позор — это нарушение чести. Опозорить себя недопустимым поступком. Куда входит и стерпеть оскорбление.

Если поединок относится только к рыцарской, одно время — воинской, офицерской, дворянской чести, — то у других корпораций другие и правила.

Обесчестивший себя купец автоматически выходит из бизнеса — хотя это жуликоватое сословие было гораздо на уловки. И однако даже в новые времена обанкротившиеся предприниматели кончали с собой — хотя причина была отнюдь не только в чести.

Обещанная женщина лишалась возможности нормальной семейной жизни и деклассировалась. Часто законы чести повелевали ей покончить с собой — от заколовшейся римлянки Лукреции до сжегшей себя юной мусульманки сегодня.

Позор означает: тебе не место среди достойных людей, среди нас; ты плох, скверен, убог, аморален, презираем.

...Так вот я хотел только сказать, что борьба с позором как с правдой — преинтереснейший вариант.

Во-первых, если опозоренный имеет возможность скрыть от всех свой позор — он почти всегда так и поступит. Людям свойственны минуты слабости и заблуждений, и так далее. При случае такую правду он будет отрицать. Здесь все просто.

Во-вторых, наша психика устроена так, что хочет примирить все эмоции между собой. Для чего интерпретирует информацию в целях душевного здоровья, так сказать. Подсознание уговаривает сознание, что ничего такого страшного не случилось. И со временем человек уже искренне уверен: «Да был ли мальчик?..» Мы в немалой мере властны над своим прошлым — а значит, властны над реальностью, как мы ее представляем.

В-третьих, человечество работает над повышением комфортности своей жизни. И вот уже позора нет! И нет проблемы чести. Все можно. Лгать, обворовывать сирот, подкупать судей, грабить бедных, растлять юных. Здесь мы добились крупных успехов.

Свечу спалили с двух концов. Нежелательная правда исчезает в памяти и сознании, потому что она нежелательна. И нежелательная правда исчезает в жизни вообще, потому что честь отменена, ограничения сняты, рамки чести и морали убраны. И ничего плохого мы не делаем! Не ложь, а вариант подачи информации. Не воровство, а юридически корректный бизнес. Не разврат, а реализация прав личности на свободные сексуальные отношения. Не самоуничтожение цивилизации, а прогресс глобализации.

Связанные понятия чести и позора исчезли вместе. Вместе с ними исчезла оценка широкого сектора правды — которая раньше была позорной. Правда осталась — а позор исчез.

...То есть. Для того, чтобы отрицать правду и уничтожить ее. И если нельзя отрицать и убрать факт. Можно изменить его оценку. На противоположную. Не желая жить в позоре и видеть позор — мы стали отрицать его вообще, как понятие, как категорию. Можно лгать, красть, растлять, подкупать суд — и хладнокровно заявить, что только суд решает, кто преступник, а раз нет — значит нет; так чего стыдиться?

Сфера моральной легитимности расширилась до бескрайности, растворив в себе дихотомию чести и позора.

Это конструкция с необыкновенно далеко идущими последствиями. Мы меняем не жизнь, а наше представление о ней. Меняем местами верх и низ, черное и белое, можно и нельзя, хорошо и плохо.

Главное — дать происходящему правильное название, а там — хоть ковер из мечети выноси, как гласит старая турецкая поговорка.

Дуэль

Этот вопрос мучил многих. Подлеца прилюдно называли подлецом. Он вызвал правдолюбца на дуэль — по законам чести. И убил на хрен. Теперь он не только подлец, но еще и убийца. А общество его оправдывает! А тот, честный, лежит в земле.

Ну, и что доказала ваша дуэль? Подлец доказал: зато я сильный и храбрый! И остался подлецом. А тот, кто был честен и прав — не мог отказаться от поединка, и теперь труп. Что же означают эти ваши законы чести?..

По какому критерию они померились?.. А по критерию значительности! Качества умственные, моральные и физические — это аспекты одного и того же общего над-качества, мега-качества личности в группе — это аспекты ее социальной значимости.

А в основе как социальной значимости, так и значимости вообще, лежит что? — да жизнь! Для начала надо быть вообще живым — а уж потом разбираться, кто ты таков есть.

И тогда главное качество, главное ценимое свойство человека — это умение и готовность сохранить и защитить свою жизнь. Что неразрывно связано с умением и готовностью убить врага.

Кто есть враг? Тот, кто покушается на твою жизнь. Все? Нет. Еще тот, кто вообще хочет понизить качество твоей жизни. Человеку свойственно стремиться к лучшему и большему. Любая попытка опустить его — ему враждебна. Ее надо погасить.

Что означает публичное называние подлецом? Что тебя пытаются опустить! Тебя обвиняют в низких моральных качествах. Но тот, кто публично признан морально низким — не может занимать высокое положение в иерархии группы. В социальной пирамиде общества, то бишь.

Такая публичная оценка — это оскорбление. Оскорбление — это заявка на то, что оскорбитель опускает тебя вниз с твоего места на социальной лестнице. А раз он претендует на власть над твоим положением — он тем самым объявляет, что он сильнее тебя, значительнее. Имеет силу тебя опустить.

Оскорбление — это покушение на ранг в иерархии. Дуэль — это борьба за сохранение ранга в иерархии.

И вот — уровень значительности есть та ровная площадка борьбы, где качества моральные, умственные и физическо-бойцовые свободно

сходятся. Я убил тебя? — так я значительнее тебя, гнида! И ты не смеешь тявкать на меня, крысеныш, не по чину тебе это и не по силе.

Честь означает: я носитель таких-то качеств и достоинств. И публичное их отрицание — оскорбляет меня. Меня хотят опустить. Сказать, что я не честен, не храбр, не благороден, не силен, а также не умен и не принадлежу к избранному обществу или хотя бы к приличным уважаемым людям.

Честь — чувство комплексное, и задевая одно ее составляющее — ты тем самым задеваешь и все остальные. И защищая свою честь — ты защищаешь все качества, которые в нее входят. Не только честность. Но и храбрость, силу, благородство, ум. А также — готовность умереть за свои эти ценности — которые являются общими, надличностными ценностями твоей корпорации. И корпорация с презрением выбросит тебя, если ты откажешься драться за ее ценности.

А защитив свою честь — ты защитил ее также комплексно, вот какая штука. Доказав, что ты силен и храбр — ты одновременно доказал, что ты нравственен и умен. Э?

...Скажите, а окружающие — что, дураки, и этого не понимают? Не то чтобы не понимают... Понимают — но понималка выключена. Они смотрят на события как с двух разных вышек.

Вышка первая: он поступил по законам чести, как порядочный человек, и его тут винить не в чем. Вышка вторая: какое полное дерьмо, мало того что подлец, так еще и цинично убил того, кто заведомо слабее.

И. Публично. На практике. По жизни. Человек сохраняет лицо, реноме, репутацию, место в обществе.

Правда — правда публично отрицается. Почему публично «не считается» его подлость и жестокость? Потому что в согласии с законами чести этого сословия — он не совершил ничего предосудительного.

Именно здесь отрицание правды носит наглядный корпоративный характер. Когда правда заменяется кодексом поведения, ритуалом, правилами приличия, корпоративными законами в конце концов.

Если правда противоречит кодексу поведения и правилам приличия — такая правда не имеет прав гражданства. Это частная, низкая, вредная правда — которая противоречит жизни и интересам порядочных людей. За такую правду можно и убить.

И что характерно — члены корпорации искренне так думают! И высказывать противоположные мысли в их обществе считается неправильным, ошибочным, недопустимым, вредным.

Ценное следствие, однако. Если ты собрался говорить правду вслух —

готовься сражаться за нее насмерть с оружием в руках. Тебе нужно быть сильным, храбрым и умелым — не то хана тебе вместе с твоей правдой.

Дуэль — просто самая яркая картинка: ложь защищает себя с оружием в руках, стараясь убить правду — и торжествовать. И это оправдывают, почитая за доблесть! А вы говорите...

Совращение

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Для того и закон — суров, но это закон. Он особенно эффективен, если необходимо надругаться над здравым смыслом.

Итак. Мужчины и женщины безусловно равны в правах. А детство безусловно свято и подлежит охране от всего дурного. Но частности бывают интересные.

Вот двести лет назад пятнадцатилетние юноши служили нередко мичманами на флоте или адъютантами в армии. Имели чин, и вместе с чином право защищать страну и умирать за нее. Девушки, со своей стороны, в таком возрасте могли уже идти замуж; быть хозяйками дома и рожать детей.

Ну, с тех пор физическое созревание происходит раньше — зато юридическое совершеннолетие наступает позже. И вот эти ножницы между зрелостью де-факто и де-юре чекрыжат жизнь неудачнику по самое не могу.

Итак. По законам развитых стран. Солдат имеет право пасть за родину, причем в некоторых условиях это почетное право превращается в долг. Солдат обязан исполнить долг: выполнить приказ. Сражаться. В арьергардном заслоне. Держать позицию любой ценой.

Но! Он обязан умереть трезвым и не курившим. Курить и пить ему до 21 года запрещено. А умирать можно. Но того, кто перед смертью даст ему, или тем более продаст, выпить и закурить, — того строго накажут. По суду.

Безмерная наглость этого ханжества вызывает желание пристреливать законодателей по одному. Пока оставшиеся в живых не вставят в головы мозги, которые спрятаны у них в тайном месте.

Это я к тому, что судьи и законодатели убеждены, что закон правилен, и неправда, что он бредовый. Хотя и сами смотрят на него сквозь пальцы! Грешны...

...Но вот такая ситуация повторяется регулярно и развлекает возбуждение зрителей с читателями. Учительницу судят за сексуальное развращение несовершеннолетнего ученика!

Граждане мужчины! Соберите много камней, чтобы кидать в меня. Но сначала вспомните себя в шестнадцать лет. И в семнадцать. И представьте себе двадцатипятилетнюю, скажем, учительницу. Так себе вполне ничего. Преподает она историю или химию — не важно. А важно то, что она как-то

дала вам понять — взглядом, интонацией, намеком, прикосновением — что пустит вас в свою постель.

Женщина. Взрослая. Молодая. Со всеми женскими своими этими там под одеждой. И вот с этими, и вот с этой, и там вот так... Не может быть. Даст???... Не может быть...

А если вам пятнадцать лет? Тогда надо соблюдать особую осторожность, чтобы не потерять сознание от невозможного счастья и бескрайнего восторга, а неверие в эту сказку просто терзает всеми муками ада.

Мальчик не нуждается в совращении. Мальчик нуждается в позволении.

Все врачи знают, что наивысший уровень тестостерона у мужчин — это период полового созревания и оформления: 14–20 лет. Это период «юношеской гиперсексуальности», которая самим юношам отнюдь не кажется «гипер», а «медицинские рекомендации» 1–2 половых сношений в неделю как средней нормы вызывают презрение к врачам и гордость за себя.

...И вот у мальчика с 14 лет ночные поллюции. И эротические фантазии вспыхивают как кино по многу раз в час. И прямо в школе на уроке у него может ни с того ни с сего случиться эрекция. Поэтому он стесняется встать.

И удовлетворение он получает исключительно в одиночестве, как 95 % всех мальчиков — то есть как 100 % сексуально полноценных мужчин в соответствующем возрасте.

И когда он смотрит на одноклассниц, или девушек на улице, или молодую учительницу у доски — глаза его иногда плывут и закатываются. Потому что он вдруг видит их без одежды, голыми, и представляющее мысленному взору женское тело щедро идеализируется.

И он просто с ума сходит: когда же и как это наконец у него случится.

Это его надо совращать?! Да над ним достаточно сжалиться! И этот неумелый щенок, сходя с ума от пыла, будет целовать своей благодетельнице ноги и млет от умиления, исполняя любые ее прихоти.

Было время — в барских домах к возрасту созревания сыновей специально нанимали чистеньких горничных, полагая это безопасным и полезным для здоровья юношей. Забеременевших, их увольняли с хорошим денежным подарком. Или старшие гимназисты могли ходить к проституткам, что не было особым секретом.

...Слава богу, современная медицина больше не уверяет, что воздержание нисколько не вредно, а часто полезно. А как насчет того, что

постоянное очень сильное желание, не получающее разрешения, есть прямой путь к неврозу и верная его причина? До женской истерии мы еще дойдем.

Юноша бешено вспылыв и агрессивен. А вы чего от него хотели с таким гормональным фоном?

Что характерно: если живет пятнадцатилетняя пара (причем разно- или однополая — сегодня считается не важным) — это нормально и не заслуживает внимания. Частый случай. Оба несовершеннолетние. Пусть себе.

Но если ему семнадцать — а ей двадцать два — хана тебе, девочка! Сядешь. В тюрьму. За растление.

Любовь к науке — это любовь к правде, поэтому честность является основной добродетелью ученого.

Людвиг Фейербах

Если вы скроете правду и зароете ее в землю, она непременно вырастет и приобретет такую силу, что однажды вырвется и сметет все на своем пути.

Эмиль Золя

Есть такая правда, которую все знают, но о которой умалчивают, потому что не всякую правду можно говорить. Есть такая правда, которую все расхваливают, да не от чистого сердца, потому что не всякой правде можно верить. А клятвы влюбленных, материнские угрозы, зарок пьющих, честное слово торговцев, обещания властей?

Пьер-Карон Бомарше

Люди, ненавидящие правду, ненавидят также и тех, кто имеет смелость высказывать ее.

Франсуа Фенелон

А если у него уже было десять партнерш-ровесниц? Не важно!

А если он сам год ее домогался? Все равно не важно. Не имела права.

А если он говорит, что любит ее и соблазнял всеми способами? Не важно.

А если он заставил ее под ножом? О! Тогда ты надолго сядешь за изнасилование и покушение на жизнь.

А если он будет ждать ее из тюрьмы, и они поженятся, и у них будут дети — тогда судья извинится? Закон пересмотрят? Уйдите вы с вашим занудством!!!

Что характерно — масса народа верит, что это справедливо.

Почему? А потому что равенство прав. Гендер не имеет значения, и пол тоже. Если мужчина совратит несовершеннолетнюю девушку — он должен сидеть? Должен! Вот. Мы борцы за справедливость и равноправие. Значит, женщина тоже должна сидеть за развращение юноши. Что? Иначе нас феминистки сожрут! Как за что?! За гендерный шовинизм! Что — «как»?! Если мужчина может совратить девочку и подчинить своей воле для своего удовольствия — значит, и женщина может совратить мальчика и подчинить своей воле для своего удовольствия.

Позвольте. Пик женской сексуальности приходится на 35–40 лет. Сильно выраженное половое влечение у девственниц в 15–17 лет встречается в меньшинстве случаев. И они отнюдь не горят жаждой совокупиться с первым встречным мужчиной. Девушка относится к сексу и партнеру обычно как-то комплекснее, что ли: что за человек, как насчет провести с ним время, на что он вообще годится. У девушки половое чувство избирательнее, она разборчивее.

И законы всех стран во все времена охраняли женскую неприкосновенность. Жена и мать. Ей с кем ни попадя нельзя. Ей гены нужного мужчины передавать предстоит.

Инстинкт женский на это и настроен. Женщина более склонна к постоянству и серьезности отношений. И не фиг сбивать ее с правильного пути.

Кроме того. Женщины склонны поддаваться под влияние. Им легко запудрить мозги. И вообще существует ремесло профессиональных

соблазнитель. Поэтому закон охраняет неприкосновенность девушек. У них мозги развиваются позже половых признаков.

У юношей тоже — позже? Да. Но саночки-то в жизни возят девушки, переставшие быть таковыми. Ему что — встал, отряхнулся и пошел. Поэтому люди собрались вместе и решили, что неразумных юных девушек мы будем охранять. Для их блага. Оговорили законы и выделили людей государству, чтоб следило за соблюдением.

Разница отношений к обстоятельствам жизни юноши и девушки — обусловлена не только социально и психологически, но физиологически и эволюционно.

Когда жажда равенства и справедливости противопоставляется правде и здравому смыслу — там добру и надежде делать нечего. Искреннее отрицание правды как феномен идеологии и стадного инстинкта.

Когда тупой мозг управляет кривыми руками — даже равенство и справедливость могут превратиться в ложь и бред.

Толпа и правда

Толпа не организация для мозгового штурма. С точки зрения социальной структуры — толпа это огромное одноклеточное существо с отсутствием мозга вообще. Роль мозга замещает такой жгутик, служащий для двигательной активности.

Толпа подобна железным опилкам в магнитном поле: они неразличимо равны, мелки и взаимозаменяемы, они никак не связаны между собой и представляют вместе аморфную пыль. Но эта хаотично расположенная пыль организуется в магнитном поле по его силовым линиям. Роль магнита играет единая страсть. Источник страсти — запас физической и психической энергии каждого человека. Причина страсти — появление единого и общего сильного раздражителя.

Простейший пример толпы — звери, бегущие от лесного пожара. Страх и паника как реакция на смертельную угрозу, инстинкт самосохранения доминирует над межвидовой враждой: волкам и зайцам нет дела друг до друга, они мчатся рядом. Не до жратвы сейчас, Петька, сначала от белых удерем. Или толпа в горящем театре: давятся насмерть в дверях, не в силах организовать очередь, цепочками, всем выбежать и спастись.

Условие и признак возникновения толпы — эмоциональный разогрев, канализированный в едином направлении. Общее направление эмоции понятно — агрессия либо паника: выброс адреналина по принципу «бей или беги».

Внимание — принципиальный момент:

Любое раздражение — это та или иная степень агрессии. Агрессия — это стремление силой привести реальную действительность в соответствие своим желаниям и представлениям о необходимом, желательном, должном. Как только что-то нам не нравится — мы хотим это изменить. Пока не изменим — находимся в раздражении. (Враг? Должен быть наказан и повержен.)

Это раздражение — политикой и экономикой государства, например, — может быть упрятано глубоко, как нереализуемое. Но оно живет как подавленный стресс. Портит здоровье. Пытается найти другие выходы, кроме терактов и революции: домашние скандалы, пьянство и военные реконструкции. Но если запахнет реальной возможностью смены власти — такие люди повалят на улицы сметать все!

А революционная толпа не думает. Она ведома страстью. Ей необходимо выплеснуть эмоции. Она знает: вот это — снести, а вот так — теперь сделать. Знание толпы горячо и изменчиво. То есть сломать все ненавистное — это точно. Оставить что-то полезное от старых порядков — может и нужно, но сама мысль вызывает недовольство. Типа старой надоевшей вещи в новом доме. А вот насчет нового, как теперь все надо устроить — на то есть горлопаны-главари, которые встают на ящики и трибуны и кричат в трансляцию призывы и планы.

Призыв и план для толпы должен быть прост, эффектен и радикален. Он должен быть понятен каждому, давать ответ на самые острые, наиболее болезненные вопросы — и выглядеть очень даже исполнимым, причем быстро исполнимым. При этом, гм, он может весьма косвенно соотноситься с реальными возможностями и вообще правдой насчет результатов. Но это ничего! По ходу все уточним и поправим, товарищи! Главное — пора браться за дело!.. И толпа согласно ревет в ответ.

Таков был 1917 год в России. Большевики облапошили народишко, как шулер детский сад. А ведь правы были кадеты, во многом правы были правые эсеры, но их правда требовала для понимания какого-то трехступенчатого понимания: как оно выйдет одно из другого. А большевики уверяли: здесь и сейчас! Власть кухарке! Винтовка мужику! Буржуев к стенке! Ну, дак это же ж дело, это же ж понятно, это же ж душу отвести и свой порядок своей мозолистой рукой сейчас и установить. Концлагеря и голодомор будут потом.

Но революция — это уже глобальный масштаб. А обычно толпа возникает по малосерьезным поводам и ненадолго. Вот как появляется какая-то неординарная информация, что-то задевающее интересы или просто любопытство — опилки располагаются по линиям возникшего магнитного поля. Как насчет летающих тарелок? А жидомасонского заговора, которым и объясняются все несчастия? Президент мудр и здоров — нет, президент больной вор.

Внимание — второй принципиальный момент:

Толпу рождает эмоция. Толпа — не мыслецентрическое, а эмоциоцентрическое образование. И эмоция толпы жаждет получить разрешение. То есть. Ответ на эмоцию толпы должен лежать не в рациональной, а в эмоциональной плоскости. Ответ толпе всегда имеет косвенное отношение к правде (хотя как частный случай может быть и чистой правдой). Толпе не нужна правда. Толпе нужно погасить эмоцию.

Еще раз:

Важнейшая информационная потребность толпы — получить такую

информацию, которая удовлетворит ее эмоционально.

Почему?

Во-первых. Потому что умных всегда мало, а глупых большинство. А доходить должно до всех. Умные среди глупых просто затеряны в толпе.

Во-вторых. Толпа — это субъект действия, а не анализа. Она собирается не чтобы думать. Она собирается воедино общей эмоцией, желанием — что-то совершить, сделать, победить, изменить — здесь и сейчас! Мы собрались здесь, чтобы надрать вам зад, а не вступать в дискуссии! Не хрен объяснять, нам все ясно — розги готовы, спускай штаны! Громи дворец, ребята!

Почему народные волнения сопровождаются погромами? Потому что эмоции требуют разрядки, нервная (а через то и физическая) энергия нуждается в мощном действии. Ну даже при домашних скандалах бьют посуду или ломают что-нибудь из мебели. Агрессия нуждается в деструктивном действии.

А вот повод сравнительно как бы цивилизованный. В сталинском СССР некто написал позорящее письмо против Сталина, и его как-то кто-то опубликовал. И радио с газетами все это рассказали и осудили его поступок. И знатные труженики призвали расстрелять врага народа как бешеную собаку. Что же народ? Старые и умные стараются молчать. А простые и молодые резко до бешенства требуют уничтожать всех таких мразей! Попробуй их просветить — не просто сдадут тебя в НКВД, но набьют морду, а потом в нее плюнут. Потому что ты враг и гад.

То есть. Толпе задана эмоция. Эмоциональная реакция: аллес шиссен!

Социум, говорили мы, скрепляется единством мнений по всем главным вопросам — ментальным, научным, политическим и так далее. Чем отличается толпа от социума? Степенью эмоционального разогрева и ориентированностью на один конкретный вопрос. Будь то однополые браки или вера в инопланетян. И желанием немедленно, здесь и сейчас, этот вопрос разрешить. Браки запретить, инопланетян рассекретить! Нет: браки разрешить, а марсиан не существует!

Легчайший и самый частый тип толпы — это реакция на жизненно нейтральную информацию, которая однако мешает спокойной жизни в равновесии с окружающей средой. Скажем, юные мажоры на элитных тачках, нагло и безнаказанно гоняющие по столице с нарушением всех правил. Большинство того мажора никогда не видело, и узнало-то о нем из сетей или вообще телевизора. Но он их сильно раздражает! Его требуют посадить, лишить прав пожизненно, тачку конфисковать, отца уволить с работы и оштрафовать на гигантскую сумму. Почему? Он нарушает

принцип справедливости в глазах общественности.

А справедливость — это очень, очень важно. И если бы самые рьяные, нищие, обиженные и издерганные добрались до него сами и кучей — линчевали бы! И никакие лекции о психологии естественного отбора в условиях коррумпированного авторитаризма им бы не помешали. И проповеди о правосудии и законном суде они бы грубо осмеяли — жрите сами ваше продажное «правосудие». Но раз линчевать нельзя — они его ненавидят. Как символ своего бесправия.

Социум по определению консервативен и взгляды свои охраняет.

Социум превращается в толпу, когда обнаруживает покушение на свои взгляды. Это рождает в нем сильную негативную эмоцию.

Ну, а толпа решает проблему снятия эмоции простейшим методом — опровержения негативной информации или уничтожением источника.

Именно поэтому толпу не интересует историческая правда — ей потребна историческая слава.

Внимание — важно:

Толпа веритоцентрична. То есть — она сама себе центр вселенной, эталон истины, мировой центр в ее глазу, то, что она считает хорошим или плохим — сомнению не подвергается. Толпа считает что-то правдой — значит, так и есть. Считает ложью — значит, так и есть.

Правда для толпы особенно просто и непосредственно связана с ее желанием и интересом. Пропуская всю плетеную начинку «черного ящика» трансформаций эмоции и рассуждения, кратко сведем вход и выход информационного провода: правда есть то, что я хочу.

Это не ложь и не лицемерие — это искренняя реакция на помеху, то есть на информацию, искажающую прямой и кратчайший путь к цели.

Состоящая из множества точек, но одноклеточная, толпа к оттенкам мнений не способна. Она мыслит в двоичной системе, воспринимает любую информацию только по двухбалльной шкале: так — не так, правильно — неправильно, хорошо — плохо, нужно — не нужно, черное — белое, казнить — помиловать. Ее оценочный диапазон подобен выключателю: вкл. — выкл.

Логика толпу не интересует. Толпа воспринимает только одношаговое объяснение причины и следствия: это оттого, что вон то сделало вот так. Все! Начало и конец рассуждения висят в воздухе.

Мне доводилось в скитаниях и работах по Советскому Союзу слышать от уважающих себя работяг объяснения политики типа: «Почему СССР поссорился с Югославией? Сталин подарил Тито на день рождения серебряную статую коня. А Тито не взял. Вот Сталин и обиделся». На

хрена Тито отказываться от коня — этот вопрос уже не важен: «А вот так он отнесся, кто же сейчас уже точно скажет, почему». А чего же мудрый Сталин поставил личную обиду выше государственных интересов? «Ты что, разве он мог, чтобы унизили, а дальше будто ничего не было?» Это не ребенок и не неграмотный крестьянин царской России — это передовой рабочий, семьянин и специалист, средняя школа и телевизор.

Отношение толпы простое: инакомыслящий — или дурак, или обманщик, или враг. Ибо чем глупее существо, чем менее способно к мышлению — тем оно менее самокритично, тем менее способно к пересмотру своей точки зрения.

Часть седьмая

Ложь по-русски и любовь космополита

Частная ложь и общая правда

Осенью 1968 года нам, комсомольскому активу Ленинградского университета, спецпоказом прогнали документальную хронику Пражской весны: скандирующие толпы, советские танки, крики чехов, Дубчека с коллегами — ну, и армию Бундесвера, и самолеты НАТО. Социализм устоял, агрессия блокирована.

Мы и спросили, а почему это нельзя показать всем. Нам и сказали: вы комсомольцы, среди вас есть и члены партии, вы ведь отдаете себе отчет, что если показать всем — люди могут неправильно это понять. Не все у нас еще идеологически правильно воспитаны. Есть и такие отщепенцы, которые считают нашу помощь братской Чехословакии вмешательством в ее дела. Мы с вами понимаем, что это не так. Но открытый прокат ленты может вызвать ошибочные оценки и настроения.

Через год я пришел ругаться в «Смену», газету Ленинградского обкома ВЛКСМ. Она поддерживала разрушение стройотрядовского движения: принцип личной добровольности студента — бойца стройотряда, который был записан пунктом первым главы первой Устава ССО, власть решила похерить. И загонять народ на летние стройки по списку, курсами.

И я, куртка в значках, орал в отделе студенческой молодежи их редакции на Фонтанке, что они гробят дело, уничтожают веру в коммунизм, плюют на психологический настрой людей, и своей бюрократической принудителкой устроят болото вместо искреннего желания работать.

Тридцатилетний рослый и стройный парень, такой уверенный в себе, такой осанистый, прям не журналист, а молодой парткарьерист, мне снисходительно объяснял, что дело не в нашей правоте, хотя нам спасибо за патриотизм, но смотреть надо шире. Дело в том, чтобы всех! сразу! вывезти на стройки страны! и сделать рывок в экономике! и воспитать трудом даже несознательных! для общей пользы! а мы вот не понимаем... Так что это очень плохо, что вы бузили на комсомольской конференции и возражали представителям партии. Вот с точки зрения своей кочки — вы правы. А с точки зрения общей пользы — не правы.

Это начинался тот самый застой, и парень сориентировался правильно: власть всегда права.

В Советском Союзе всячески скрывались все недостатки. Плохая работа, низкое качество, кретинская организация труда, аварийный быт,

кошмарное снабжение — все это было табу.

Причины назывались две:

Во-первых, это даст материал против нас в руки нашим врагам, они и так раздувают все наши неудачи — нельзя им позволять этого.

Во-вторых, это огорчит людей, может у неустойчивых подорвать веру в наши идеи, в правоту нашего дела, нашего пути, всеобщую победу социализма. Они и работать хуже станут. Так зачем это?

Правда разделялась на две правды: нужная нам, полезная — и ненужная нам, вредная.

Ненужная правда объявлялась ложью. В том смысле, что она как незначительная частность противопоставляла себя общей, большой правде, по которой все в общем и главном у нас хорошо и правильно. И тем частная правда противоречила общей и мешала всему хорошему. Так что она была лживой и вредной.

Типа: у хорошего человека вонючие носки. В частности это правда. Но вообще это ложь. Ибо по вонючим носкам предлагается судить о человеке вообще. А это добрый друг и благородный патриот, труженик. Так что про носки не надо. Надо о главном.

И не смейтесь: именно так маститые советские журналисты писали книги по журналистскому мастерству! Вот президент дружественного африканского государства пошел по пути социализма. Босиком пошел, у них обувь не принята, да и нищие они. Живут в травяных хижинах. У вождя пятнадцать жен — он знатный воин. На десерт мне мушиных личинок предложил. Но перед советским читателем он должен предстать обутым, одетым, моногамным и живущим в нормальном доме. А то социализм и наших друзей компрометирует.

Новочеркасский расстрел — это, в общем, ложь. Вы что хотите сказать: что наши рабочие бунтуют против своей же родной рабочей власти? А власть плохо кормит родной народ? А вы понимаете, что это призыв к бунту и свержению законного строя будет? Так что в Новочеркаске все спокойно. Поняли? Ну и молодец.

Частности должны давать объективную картину общей правды. Вот их главная задача. Согласны? Если правдивые детали так отобраны, что дают в целом неверную картину — это ложь! Значит, их надо разбавить другими деталями, работающими на общую картину. Один недостаток — семь достоинств. Если кто-то кое-где у нас порой.

А если сплошь положительные частности? Тогда можно. Ибо они соответствуют общей картинке. У передового рабочего — модные носки и чистая сорочка. Сегодня мой капитан был трезв. Отлично! В печать.

А если ложь, но работает на правду? Ну, 28 панфиловцев? Очень хорошо и правильно. Это — правда! Потому что общая картина — это стойкость, героизм и самопожертвование.

То есть. Частная ложь, работающая на нашу общую правду — есть в принципе правда. Диалектика! В частности — ложь. А по большому счету — правда.

...Уже шла перестройка, когда в Таллин приехал замзав Идеологического отдела ЦК КПСС товарищ Севрук. Прокурировать редакции. И нам в «Радуге» задвигал именно такие речи — в округлой форме, но однозначного содержания. А сам был такой простецкий, свой, такой вызывающий доверие: костюмчик потертый магазинного вида, галстук старомодный, улыбка дружеская. А слева-справа — два партийных холуя: рослые, крепкие, в глаза не смотрят, морды ящиком, один бумагу ему подает, другой бутылки с водой открывает и в стакан льет — а на ходу охраняя босса народ раздвигают каменными плечами так, что в стенки впечатывают.

Ну оч-чень доходчивая конструкция:

Правда — это то, что нам нужно, работает в пользу наших взглядов, ибо система наших убеждений безусловно верна, вот из этого и необходимо исходить.

Ложь — это то, что работает против нашего мировоззрения и наших целей, а поскольку мировоззрение наше безусловно истинное и цели благие, то вот из этого и нужно исходить.

То есть:

Наше мировоззрение, наши убеждения и наши цели как критерий истинности или ложности частных положений.

...Вот на этих нагих и ясных частностях советского строя виден важнейший принцип коллективного, социального, государственного мировоззрения:

Аналитический аппарат сознания подчинен целеполаганию и обслуживает его.

И технология мировоззрения социального — доходчиво наблюдаемая в громоздкости своих деталей и связей — вполне дает представление о технологии мировоззрения личностного. Об аналогичности личностного устройства. Точно так отдельный человек подчиняет мелкие правдочки одной главной правде своей жизни — той, которая очень ему желанна и важна.

Из всех деталей мира человек отбирает те, из которых строится пирамида его мировоззрения, так или иначе отражающая пирамиду его

интересов. Детали, которые противоречат стройному зданию единого мировоззрения — отбрасываются сознанием, как ложные либо несущественные.

Что такое нормальная здоровая психика? — Это установка: я хороший и имею право жить хорошо. Частные правды, противоречащие этой главной правде — лживы, вредны, не нужны.

Идеология

Идеология — это очки для мозгов. Они надеваются, чтобы сознание хорошо видело далекую цель — и на пути к ней ближняя перспектива размывается, будучи видна лишь как дорога в ту даль обетованную. И все вещи на этой дороге рассматриваются не сами по себе, но имеют смысл именно как ступени и этапы на пути к тому сияющему и вожделенному идеалу.

Тогда предметы и явления преобразуются. Любовь и верность становятся паутиной, в которой можно запутаться и перестать лететь вперед. Березовая роща прекрасна и выгодна как древесина, которой можно замостить гать через болото и продолжить наступление. Жестокость надо сочетать с бесстрашием и употреблять для авангардных боев. Бессердечие необходимо для зачисток занятой территории. Подлость и продажность вполне похвальны для информаторов и провокаторов, без которых не обойтись в выявлении внутренних врагов. А доверчивые дураки совершенно необходимы в массовом количестве, дабы эти массы были послушны и легко управляемы.

Любой предмет и любое явление рассматриваются не изолированно, но как часть единого общего целого. Хороша вещь или дурна — зависит от роли, которую она играет в этом цельном мировоззрении.

Истинна она или ошибочна — также определяется тем, соответствует ли она успешности цельного мировоззрения, либо наоборот его нарушает и разрушает.

Идеология — это коррекция понятий добра и зла, истины и ошибки в мире, который мы видим как материал для построения мира идеального в нашем представлении.

Введение определенного идеала в наше мировоззрение подобно крошечному повороту калейдоскопа: раз — и весь узор пересыпался в другие фигуры и цвета.

Наилучшие примеры этого демонстрирует история большевистской революции в России. Как там в знаменитых стихах? —

Но если он скажет: «Солги», — солги.

Но если он скажет: «Убей», — убей.

Вежливость, воспитание, образование, культура — перестали считаться достоинствами и превратились в недостатки, буржуазные пережитки, приметы классовых врагов.

Милосердие, доброта, гуманность в условиях беспощадной Гражданской войны расценивались как недостаток, грех, а ситуативно — как классовое преступление. А ненависть к «классово чуждым» женщинам и детям, готовность казнить их — была классовой сознательностью и добродетелью.

Вот в этой системе ценностей все, что работало на «победу мирового пролетариата» — было хорошо, нравственно и правильно. А любые слабости и отклонения от этого мировоззрения, этой готовности достигать провозглашенную цель абсолютно любыми способами — были плохи, вредны и ошибочны.

Любое идиотское зверство идеология объявит благим и правильным, если по ее установкам это способствует достижению цели: всеобщего счастья всех достойных людей, разумеется. А недостойных можно под топор. А кто определит меру достоинства? А представления о революционной пользе тех, кому революционная масса позволила собою руководить.

Обнаженная суть идеологии проста: все, что мне полезно — то правда, все вредное мне есть ложь.

А поскольку «учение Маркса истинно, ибо оно верно» (этот лозунг был всерьез) — то все, служащее к подтверждению и победе марксизма есть правда, а все пытающееся его опровергнуть или помешать — есть ложь. Хау! Товарищ Маузер все сказал.

Поэтому пощадить пролетария — это гуманизм, а пощада буржуя — это «ложный гуманизм», ошибка и преступление. Поэтому врагам можно пообещать жизнь и свободу после капитуляции — а потом всех расстрелять, и это правильно, потому что только «жизни пролетариев ценны».

Поэтому неправда, что победа большевиков установила самый жестокий и кровавый режим со времен маньяка Ивана Грозного, и обошлась народу в число жертв большее, чем за всю тысячу лет истории. Архивы секретить и уничтожать, палачей не раскрывать и не наказывать, и объяснять, что много было великих свершений, а жертвы не так уж и многочисленны.

Неправда, что Ленин умер от сифилиса. Неправда, что СМЕРШ расстреливал в основном невинных. Неправда, что Октябрьский переворот был преступлением и явился уже сам по себе началом Гражданской войны, а вовсе не белые ее начали — она была естественным сопротивлением народа узурпаторам. Неправда, что в сентябре 1918 Дзержинского отправили в Швейцарию расписывать по банкам награбленное русское

золото для большевиков на случай поражения. Неправда, что крестьяне были превращены в государственных рабов.

А правда — что Ленин был «самый человечный человек», что нарком Чичерин падал в голодные обмороки, что Дзержинский боролся исключительно со злыми врагами и пестовал беспризорников (а откуда взялись эти беспризорники, кто родителей уконтропупил?), что все лучшие люди осознали правду большевиков и пошли служить им, и вообще: не очень грамотные и не сильно отесанные пролетарии были мудрее и крепче по жизни, чем изнеженные образованные бары.

Идеология — мать мифологии. Идеология строит воображаемый мир — и прорабатывает детали этого мира, снабжает их этикетками с объяснениями.

Обработанный идеологией человек и человек со стороны, непредвзятый — живут в разных мирах. Их идеалы не совмещаются — и не совмещаются все детали мира в перспективе к этим идеалам, по линии мысленного зрения в мир на пути к идеалу.

Для адептов разных идеологий — и правды разные.

И как только — из желания изменить мир к лучшему с точки зрения какой-либо идеи — идеология хоть чуть-чуть подтасовывает какой-нибудь фактик к своему удобству — пиши пропало! Это как при стрельбе в дальнюю цель: отвел ствол на миллиметр — и засадил на пять метров в сторону.

Коммунизм, феминизм, гомосексуализм, мультикультурализм — все идеологии есть шулерские конструкции. Они делают тот допуск, что человек может менять себя и мир по собственному усмотрению. Вот как мы захотим — так мы все и сделаем. Не умнее рабов Спартака и крестьян Уота Тайлера. Слов выучили больше, а ума столько же. Они все подтасовывают психологию человека и объективность исторического процесса.

Идеологизированный человек располагает запасом догм. Ими и оперирует. С ними всю поступающую информацию и сравнивает.

Его главный аргумент в споре: «Но ведь то, что мы предлагаем — это хорошо? Это справедливо? Это нравственно? Это принесет людям добро и пользу? Значит — мы должны упорно работать, чтоб так и сделать, чтоб так и было! Нет, это возможно!!! Это сам Иисус сказал (Маркс, Ленин, Гитлер, Поппер, Мао)!!!»

Ответ: да не будет этого никогда, потому что вот такие-то и такие предпосылки неверны, не учтены, подтасованы. Ответ ответу: ах ты фашист! нацист! гадина! ты против справедливости и равенства, против

счастья всех людей!

Идеология глуха, слепа, бесчувственна и крайне враждебна к правде, которая противоречит ее установкам. Ибо идеология — это мировоззрение прикладное: это путь к своей цели. Все помехи на пути к цели должны быть сметены.

Довести до сознания «человека идеологизированного» правду возможно не раньше, чем обрушишь в его мозг всю идеологическую конструкцию. В течение одного спора это невозможно — вызовет только злобу и повторение набора догм. Тут надо воздействовать не прямыми аргументами в пользу излагаемого предмета — а вышибать подпорочки его мировоззрения и сносить верхушечку. Только тогда все остальное рухнет само.

Замполит

Замполит — первеющая был в Красной, она же Советская, Армии фигурой. Корень квадратный из комиссара Гражданской войны. Осуществлять линию партии. Что значит — «Какой партии»? Партия была одна — она же Коммунистическая. А комиссар имел классовую пролетарскую сознательность и инструмент ее внедрения в голову командира — наган то есть. Командир бойцами командует — а комиссар партийным прищуром проверяет: а не уклоняется ли гад от прямой линии, намеченной партийным съездом? Не вредит ли своими приказами делу победы мировой революции? Не предательство ли злоумышляет втайне?

Потом Советская Власть вырастила новых командиров, и все они были коммунисты с прекрасными анкетами. Преданные пролетарской идее люди! Не щадя самой жизни и до последнего дыхания. И доносы в личном деле каждого были положительные.

Но Сталин постановил, что классовая борьба обостряется. И прав был, мудр был и прозорлив. Еще бы ей, сердешной, не обостряться, если двадцать миллионов мужиков раскулачили и сослали в тайгу и в тундру. И неясное число миллионов интеллигенции лишили прав и выслали из столиц. Несколько слоев партийного же руководства расстреляли: обострение. А также массу специалистов всех специальностей осудили за вредительство, причем многих также к высшей мере социальной защиты.

И замполит в армии надзирал за лояльностью. За беззаветной верой в вождя и его предначертания. Это был проводочек в мощной всеохватной паутине политорганов. И функция этого проводочка — надежно обеспечить дохождение идеи из Кремля — и до каждого бойца каждой роты. Но допреж всего до каждого командира.

В советском кино замполиты на войне путались под ногами и частично подменяли функции командира криком: «За родину!». А без кино это были армейские паразиты, тщательно оберегавшие свои жизни и выписывающие себе львиную долю всех орденов.

Но что характерно. Этот самоохранительный паразитизм гармонично сочетался в них с безоговорочной, нерассуждающей, абсолютной верой в каждое и малейшее колебание линии партии. Любое решение власти — ибо партия и власть были синонимы — воспринималось ими как закон природы. Как неоспоримость восхода солнца на востоке. Как дважды два четыре. А скажут — так дважды два пять или одиннадцать.

Так истовый католик верует в непогрешимость Папы Римского. Папа прав по факту своего существования. Ибо таков закон природы. Или Бога — что в данном случае одно и то же.

Не надо считать советского армейского замполита лжецом или приспособленцем. Это слишком примитивно. Это — плохой замполит, дешевка, эрзац. И карьеры он не сделает, и малая успешность окружает его лик, как серое облачко.

Настоящий замполит веровал истинно. И не в то он веровал, что утверждала в данном случае любимая Партия. А уверовал он раз и навсегда в истину главную, коренную, системообразующую: Партия Всегда Права. Партия не ошибается. Партия всегда действует и говорит сообразно моменту — и делает это единственно верным и необходимым образом.

Партия Непогрешима! — вот истинная вера замполита. А уже правильность всех ее судорожных решений — это лишь производная от системообразующей категории: Непогрешимости.

И вот когда человек понимал это и укладывал на дно своего мозга, как фундамент для прочих мыслепостроений — вот тогда он становился настоящим советским человеком, строителем коммунизма и даже замполитом. К несчастью, недопустимое разномыслие разъело фундамент такого советского мировоззрения, и государство рухнуло. А ходили бы все строем — ни фиги бы не рухнуло.

...И все эти вышеприведенные рассуждения для того лишь появились, чтобы правильно понять ничтожный случай давней давности, осени 1964 года. Дело так было.

Служил в нашем гарнизоне замполит. Нормальный такой майор, приехавший на подполковника. Руководил он в части положенной ему фигурой и вел вполне безвредную жизнь. А что время у людей съедал — так это его служба.

Но в отведенные службой рамки его вера в Партию не вмещалась. Его твердые убеждения и патриотические эмоции лезли во все дыры. Распирало его. И выходя в воскресенье во двор покурить с офицерами, перекинуться в шахматы или забить козла, он на автомате продолжал восторгаться линией партии — но уже не в качестве служебной обязанности, а в качестве душевной беседы в личное время.

Он все Никитой восторгался. Хрущевым. Как он преодолел культ личности. И поднял сельское хозяйство. А в космос как вышел! А за мир борется! А испытания стомегатонной бомбы на Новой Земле! А на Кубе как американцам рога загнул! Не-ет, товарищи, это понимать надо, это ценить, что нам с таким руководителем посчастливилось.

А в армии, надо сказать, Никиту не очень любили. Недолгоблюдали. Весьма. И XX Съезд промеж себя не совсем одобряли: армия, однако, к Сталину хорошо относилась. Отношение было простое: Верховный Главнокомандующий, создатель вооруженных сил, вдохновитель и организатор всех наших побед, и так далее. Всю жизнь это в мозг костей вбивали. И хрущевское разоблачение воспринималось скорее негативно. Сокращение армии «миллион двести», опять же. При Сталине офицеры были — белая кость, а лысый Никита в армии не рубит и не ценит. Одно слово — кукурузник.

Но в дискуссии с замполитом никто не вступал. Сумасшедшие в армии долго не держатся. Кивали молча. Но за спиной переглядывались. И промеж себя, в узком кругу, иногда характеризовали умственные способности и рвение замполита.

И тут — октябрь шестьдесят четвертого года. Все не понимают: трое космонавтов сели, а торжественного их приема-доклада на Красной Площади все нет и нет... И — опа! — вот оно: Никиту сняли! Взашей из генсеков! Ни хре-на себе... М-да. И принимает космонавтов уже не он на Мавзолее. Брежнев, Косыгин, Подгорный — власть на троих. Экипаж машины боевой. Полная смена караула.

И — оп! — первое воскресенье. Как на заказ — бабье лето, теплынь, благодать. После завтрака все во двор потянулись: кто в беседку, кто к гаражам, кто на лавочки у забора. Обсуждают, естественно.

И вот — явление замполита народу. Все даже замолкли. Ну интересно же, как он будет выкручиваться. Задолбиз. Проходимец. Прохиндей. У него же только одна тема для воскресных разговоров: какой Никита гений и гигант, отец родной.

Замполит фланирует непринужденно так, изящно даже, лицо ясное. Но с оттенком благородного негодования на лице. А здоровался он всегда так:

— Здрасьте, товарищи! — Одновременно и по-служебному — и как-то неуставную душевность в голос подпускал. И заводил разговор.

Подходит он к беседке, опирается слегка рукой о барьерчик и говорит:

— Здрасьте, товарищи!

А товарищи уже от любопытства не дышат. Что он скажет? И он говорит:

— Ну, — говорит, — проходимец! Тьфу! — говорит. Ну, — говорит, — это кто же мог подумать — так обмануть партию, все руководство! Лысый дурак, неуч, кукурузой, понимаешь, всю страну засеял. А как он армию разваливал?!

И даже румянец у него на щеках выступил от волнения. Он даже рукой

стал делать рубящие жесты, как Ленин в семнадцатом году. Гвоздил Никиту и возносил хвалу Партии, которая мудро разглядела волюнтариста и вовремя очистила от него свои ряды.

Офицеры поняли, почему никто из них не замполит. Это не каждому дано.

...Так я хочу сказать, что он не фальшивил, не лицемерил. Не притворялся. Не лгал.

Он был искренен! Не переигрывал, не пылал излишне гневом.

Хрущев для него был — фигура переменная, непринципиальная, не базовая. А постоянная величина была — несколько абстрактная и оттого еще более всемогущая и всеведущая Партия — и ее принципиальная правота.

Он искренне не имел собственной точки зрения ни по одному политическому, идеологическому, экономическому и пр. вопросу. Его личная точка зрения была — правота Партии, и все тут.

Это некий абсолютный идеал корпоративной истины. Это тебе не просто — что мировоззрение и истина зависят от взглядов и пользы твоей группы. Но круче и конкретней. Истина определяется тем, что назвал истиной лидер твоей мегагруппы. Это — идеал государственного единомыслия.

Если Господь открыл тебе сегодня новую истину — ты прозрел, и в свете новой истины правильно увидел мир. Все! Суть истины не имеет значения — имеет значение только модель отношений: Лидер есть Истина.

...И сегодня ты можешь до хрипоты внушать замполиту, что прав он был вчера — Хрущев великий и мудрый лидер. Любые аргументы отскочат от него, как горох. Он получил истину не через аргументы, а через веру. Новая истина сжигает старую, не о чем дискутировать. А когда скинут Брежнева — он поверит Андропову, Горбачеву, Ельцину, Путину, Трампу и Чингиз-хану.

Истина замполита — вопрос веры, а не знания. А кого власть — того и вера, это не вчера решили.

В гробу он видал твою правду. В белых тапочках. А прикажут — расстреляет. И никогда не раскается. Время такое было, сынки, иначе нельзя было.

Р. С. Однако кнут и пряник тоже прочь не отбросишь — это прекрасные средства убедить в истине. Правильно веришь — растешь по службе, неправильно веришь — посадить могут. Но мы говорим не о грубом притворстве из выгоды. Мы говорим о влиянии диалектической

пары вред-польза на подсознательное формирование искренних убеждений.

Борьба с космополитизмом

С самого с 1917 года коммунизм был жутко и абсолютно интернационалистическим — в смысле коммунистическая идеология в СССР. Все национальное порицалось и отрицалось: пролетарий не имеет национальности. Все коммунисты — братья, все классовые враги — чужие. Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, и штыками загоним человечество в счастье, и построим Земшарную республику советов.

Потом было много всякого, и Отечественная война, и в Европе солдаты с офицерами насмотрелись чего не надо, и бывшие союзники стали врагами по холодной войне, и надежды на пролетарских братьев Запада в общем исчезли.

А страна была полна трофеев, и все ихние вещи были куда лучше наших, если наши подобные вообще были или хотя бы мыслились. А летчики носили лендлизовские американские и английские меховые летные куртки. А армия ездила на «студебеккерах» и «виллисах». Слушали немецкие радиоприемники и вспоминали американскую тушенку и яичный порошок. И бывшие солдаты рассказывали про европейские дороги и непостижимо богатые немецкие фермы.

В условиях политического и актуальнее всего идеологического противостояние с Западом — необходимо было вправить народу мозги. Про атомный проект, доктрину Мак-Артура и врачей-убийц мы вообще молчим, а то целая книга получится про другое.

Товарищ Сталин действовал методами грубоватыми и нехитрыми, но готовил все свои акции основательно и всесторонне. Массированно продвигал свои идеи.

Идея состояла в том, чтобы подчеркнуть и углубить в народном сознании наше противостояние с враждебным Западом. Но не просто подчеркнуть — а с позиций нашего превосходства. И не только советского, социалистического превосходства. Но и в историческом плане — показать извечное превосходство всего русского над нерусским, иностранным. Поднять, так сказать, патриотизм на новую высоту.

Товарищ Сталин вынашивал свои планы исподволь и долго, от незаметного к неотразимому. Как из песчинки моллюск выращивает жемчужину. Вернее сравнить — как из песчинки образуется песчаная буря и сносит все.

И первой песчинкой было введение и празднование Дня Радио. 7 мая

1945 года. Москва, Большой театр. Торжественное заседание. С присутствием дипломатического корпуса союзников.

А в самом начале этого дня, еще ночью, в Реймсе, Германия подписала безоговорочную капитуляцию. В ставке Эйзенхауэра ее принял и советский представитель — генерал Сухлопаров. То есть мир уже праздновал окончание войны. Естественно, дипломаты союзников в Москве шли в Большой театр праздновать это дело.

И вот всему благородному и представительному собранию торжественно объявляют, что ровно пятьдесят лет назад, 7 мая 1895 года, великий русский ученый Александр Степанович Попов изобрел радио. И знаменательный юбилей этого эпохального изобретения мы сейчас отпразднуем! Прослушаем юбилейные доклады и насладимся концертом выдающихся советских артистов. Объявляется открытым! Аплодисменты, переходящие в овацию.

Необходимо представить себе рожи доблестных союзников. Их перекосило по диагонали, и в каждое отверстие было выдавлено по лимону. Товарищ Сталин умел удивлять, и юмор его производил неизгладимое впечатление.

Стараясь хранить достоинство при уходе, союзники говорили, что вообще-то сегодня был более важный повод для торжества. Но товарищ Сталин имел собственное мнение. Повторно капитуляцию подписали завтра как полагается — в Берлине. И главным был на церемонии не генерал Эйзенхауэр, там вовсе отсутствовавший, а маршал Жуков. И по его хозяйским командным манерам всем было ясно, кто главный победитель, а кто сбоку сидит. Что и требовалось доказать.

Союзникам вставили шпильку в зад легким решительным жестом. И с этой шпилькой в зад они удалились, тщась постичь азиатское коварство Сталина. Холодная война уже шла, будьте спокойны, чего вам неясно. А про первое подписание в Реймсе советским людям знать вообще не полагалось.

Но! Маркони нам больше радио не изобретал. А ведь еще в 20-е годы и в 30-е — за милую душу. Никто в СССР его приоритет сомнению, вроде, не подвергал. Но новое время — новые песни. Только и исключительно Попов! А Запад что мог украсть, присвоил, отстал, соврал, приписал себе. Так что все хваленые немецкие рации и американское радио — это наше русское изобретение.

Лиха беда начало. Тут у нас научились своих героев по-быстрому в нети выводить: вчера его портреты в учебниках — а сегодня и дух его исчез, и имени не найдешь. Так что иностранные авторитеты просто

растворялись в пространстве и времени — а вместо улыбки чеширского кота в воздухе висел образ родного отечественного гения. Если его нельзя было отрыть в истории, раскрасить и накачать насосом — его создавали на пальцах.

Так исчезли братья Монгольфье вместе со своим монгольфьером. И появился простой русский подьячий Крякутный, который и изобрел воздушный шар, создал и надул дымом, и полетел. Выше колокольни!

Исчезли братья Райт, а заодно Лэнгли, Сантос-Дюмон и Отто Лилиенталь. Самолет изобрел русский инженер Можайский. Правда, его самолет с паровой машиной не полетел и полететь не мог, и таких не полетевших в мире были десятки. Но — был бы свой, а полет мы потом опишем!

Велосипед изобрел не фон Дрез и не Джон Старли, а русский крепостной крестьянин Артамонов. Паровую машину создал не Джеймс Уатт, а Иван Петрович Кулибин. Первый паровоз построил не английский инженер Стефенсон, а уральские мастеровые братья Черепановы (братьев почему-то сделали из отца и сына). И так далее вплоть до современности: пенициллин открыл не Александр Флеминг, а советский врач и ученый Зинаида Ермольева.

И вообще «французская» булка отныне именовалась «городской», папиросы «Норд» — «Север» (одноименные рестораны и кафе — аналогично), о ленд-лизе память стирали так, что лендлизовские киноленты назывались в Союзе «трофейными» — народ всерьез так считал!

«Советское — значит отличное!» В книгах о военной технике фотографии немецких самолетов и танков предпочтительно подписывали так: «немецкий истребитель Me-109, нещадно битый советскими летчиками». Все иностранное полагалось ругать — это слово стало синонимом плохого и одновременно враждебного.

И вот эта установка стала искренним мировоззрением советских людей. Почти всего народа. Потому что за границей никто больше не был и с заграничными товарами никто не сталкивался. Исключение составляла ничтожная прослойка правительственной и культурной элиты.

Ну понятно — тотальная промывка мозгов, запуганный и оболваненный народ. Но ведь больше того! Похвальным качеством советского человека, признаком идеологической зрелости было — находить недостатки даже в превосходных вещах «маде ин не у нас». Вот американская машина 50-х годов. Лаковый крейсер с картинки фантастического романа. Кругом толпа (редкая сцена, только Москва или

Ленинград). И один другому авторитетно объясняет, что сидит низко — по нашим дорогам не пойдет, бензин жрет слишком дорогой и быстро засоряется, подвеска слишком мягкая, железо слишком тонкое, размер не позволяет разворачиваться где надо — не, тепличная машина, это не для езды, это для понтов. А кругом ездят «Победы» и «Москвичи» — скопированные посильно и давно устаревшие «Паккарды» и «Опели».

И любое покушение на предмет своей государственной и национальной гордости — на приоритет в науке и технике — не просто воспринималось как вражеская диверсия. Но еще как ложь. Причем ложь злонамеренная. Наглая, раздражающая. Ложь предателя и подлеца: он живет среди нас и прикидывается одним из нас, а на самом деле — вон он какой, какие у него мысли, что он думает о нас, нашей славе и истории, наших великих ученых и изобретателях!.. А по морде хочешь, гадина?

Отторжение правды как покушения на свою гордость и достоинство. Правда в том, что мы — народ, страна, люди наши — мы талантливые, умные, изобретательные, трудолюбивые. Что, не так, что ли? А кто говорит, что мы не такие, мы глупее других, нет наших заслуг в этих великих изобретениях — тот враг, ненавистник, диверсант. Чему тут верить? Тут расстрелять нужно.

Госполитистория

Невозможно не удержаться, чтобы не начать фразой Герцена, как нельзя более подходящей случаю: «Русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, а прошлое».

Мы не говорим сейчас об автокомплиментарности любой истории. Каждый народ хочет приукрасить себя в зеркале прошлого.

Мы не говорим о Иване Грозном, когда почти все летописи были переписаны, фальсифицированы или уничтожены, и доцарскую Русь мы знаем практически только по позднейшим спискам.

Не говорим о цензуре Российской Империи относительно ряда исторических событий: что-то было замолчано, что-то преувеличено, искажено и так далее.

Но уж о советской истории мы сказать можем с большим знанием предмета. Ибо она началась с голого и откровенного идеологического обоснования. Все события рассматривались исключительно с точки зрения грядущей победы мирового коммунизма. Кто за — те свои, сознательные, наши, хорошие ребята. И действия их правильные и благие. Кто против — враги: негодяи, убийцы, паразиты, кровососы, реакционеры, гады, подлежащие уничтожению как класс. И все их взгляды и поступки — сплошное гадство. А как иначе?!

И чекистские расстрелы подавались как благо, это революционный гуманизм, так мы строим счастье для всех трудящихся. А милосердие интеллигентов было злом: это абстрактный гуманизм, чуждый нам, вредящий делу пролетариата и замедляющий его победу во всемирном масштабе.

Исторических запретов при советской власти было такое море, что из-за волн еле были видны острова правды. Запрещено писать, что весной 1917 партия большевиков малочисленна и невлиятельна. Запрещено указывать, что 4 июля 1917 была неудачная попытка большевистского мятежа. Запрещено, что Октябрьский переворот был подготовлен конкретно Троцким и им руководим, что Троцкий произнес первую речь о нем на 2-м Съезде советов. Запрещено, что Ленин добрался до Смольного только к утру, когда все было уже кончено, а речь говорил уже после Троцкого. Запрещено, что Троцкий был председателем Революционного Военного Совета, создателем Красной Армии и так далее. Запрещено, что на выборах в Учредительное Собрание большевики получили меньше

четверти голосов. Что после переворота в несколько недель запретили все партии и газеты, кроме своих (только эсеров временно оставили). Запретили частную торговлю, изъяли все частные вклады, отменили собственность на жилье, ввели карточно-пайковое распределение всего — и сразу настал голод и разруха. Запрещено про расстрелы заложников, расстрелы чисто по классовому принципу — чуждых в расход, запрещено про карателей-китайцев. Про офицеров в Красной Армии, где их было больше, чем в Белой, и практически все планирование сражений и командование было на них — а комиссары и пролетарии надзирали и были вывеской.

Запрещено про 10 (или 20? никто не знает!) миллионов раскулаченных. Категорически запрещено про Голодомор. Запрещено, что все предприятия сталинских пятилеток построили американские инженеры по американским проектам, и производили те заводы и комбинаты исключительно оружие.

А можно — про всенародную поддержку большевиков, про ошчастливленный революцией народ, про наставшую изобильную счастливую жизнь, про подлых врагов и про рыцарей ЧК, про полководцев из крестьян и битое офицерье. Проще говоря: до революции все было плохо, бедно, бесправно и несправедливо — после революции стало справедливо, хорошо, счастливо и обильно для простых трудящихся.

Отметим и вынесем на поля: историк в нормальном смысле слова, честный объективный исследователь и описатель истории, в Советском Союзе был невозможен по определению. Задача советского историка заключалась отнюдь не в том, чтобы познавать и писать правду. Она заключалась в том, чтобы все желаемое властью было представлено как подлинная история, а все не желаемое властью — было или замолчано, или опорочено, или подано как ложь. Советский историк (говоря про историю СССР в основном) был по сути продажный журналист, писавший заказные материалы по перекроенной канве исторических событий.

И заявление: «Я — профессиональный историк» в этом контексте означает — я профессиональный фальсификатор-идеолог, боец Коммунистической партии; пашу историческую ниву и сею выданные мне семена.

Потом началась Великая Отечественная война. Мы ее старались оттянуть как могли. И на Финляндию не нападали, и правительство и строй им сменить не хотели, и «рабочее финское правительство» в Москве Коминтерн не создавал, и социализм на штыках в Хельсинки нести не начинали — нет, просто просили отодвинуть границу от города Ленина, а

взамен мы им дадим больше земли в другом месте: так гады нас еще и обстреляли! Из Лиги Наций СССР за это исключили: молчать. Три прибалтийские государства сами, сами устроили у себя революцию и сами дружно попросились в СССР. Мы оттуда никого в Сибирь не депортировали, разве что буржуев эшелонами в Сибирь. Польшу для блага ее же народа разделили с Германией пополам — а все равно их правительство сбежало, а мы же должны были защитить братских украинцев и белорусов, живших в панской Польше на бывшей нашей земле, она России раньше принадлежала, вот. С Гитлером заключили договор — а он коварно напал!

Вот с нападения Гитлера начинается почти такой же интересный отрезок истории, как революция и Гражданская война. Поставим слово «ЗАПРЕЩЕНО» один раз, чтоб не повторяться бесконечно, и вкратце упомянем только основное. Что запрещено было упоминать, что. Танков и самолетов у нас было многократно больше, чем у немцев, и качеством они частью уступали мало, большей частью не уступали, а частично резко превосходили немецкую технику. Что первые директивы Генштаба к армии были неуместными, чтобы не сказать идиотскими. Что немцы взяли в плен наших бойцов: Киевский котел — 600 000 человек, Вяземский котел — 650 000 человек, всего в плен за 6 месяцев 1941 года — 3,9 миллиона человек. Цифры наших потерь архивно засекречены навсегда.

Было запрещено писать почти все про ленд-лиз, который с потолка определили в 4 % от всего советского производства военной техники, только про северный караван PQ-17 можно — что конвой союзников его трусливо бросил, убегая от «Тирпица», и немцы почти всех утопили, а ведь мы так ждали грузов! Писать про штрафроты и штрафбаты практически нельзя — чтоб не знали, как много их было. Про бездарную жестокость Жукова на ржевском направлении, про глупый гибельный приказ 2-й ударной армии Власова, про потерю Крыма в 1942-м из-за профнепригодности командования — все это писать было запрещено.

А можно — про ведущую роль Коммунистической партии, массовый героизм бойцов, трусость и жестокость немцев, подвиг тружеников тыла, трагедию Ленинграда. Но не вздумайте про голод в армии, про ожирение товарища Жданова в блокадном вымирающем от голода Ленинграде, про закон, позволяющий судить с 12 (!) лет дезертиров трудового фронта, про многократные атаки на пулеметы в лоб как нормальный способ воевать.

Вот эта вся с позволения сказать «история» создавалась профессиональными пропагандистами, бойцами идеологического фронта, тружениками ГлавПолитУправления Вооруженных Сил и идеологического

отдела ЦК КПСС. Из них были организованы целые институты. И эти институты выполняли приказ Партии. Осветить историю в нужном свете. Нужном — для кого? Не задавайте идиотских вопросов, товарищи, вы тут не дети собрались. В нужном для Партии прежде всего. Для советской власти. Для дела коммунизма. Для формирования у людей патриотического коммунистического мировоззрения. Что этому способствует — то и правильно, оно нам и нужно. А что разлагает сознание, подтачивает мировоззрение, работает на точку зрения наших врагов — это недопустимо! Сами понимаете!

Писались статьи, кандидатские, докторские, монографии. Давались ученые звания, чины, премии и ордена.

Так я что хотел сказать. Вот та наглая херня, которую навалили эти продажные наемники давно рухнувшей власти — она и сегодня именуется «история»! Нет, вы поняли? Профессиональные фальсификаторы, цензоры истории, которые ее перекраивали согласно последнего приказа начальства — они смеют именовать себя сегодня «профессиональные историки»! Та сплошь и рядом ложь несусветная, которую они сочинили за зарплату и сопутствующие блага — это для них «история»!

Закрытость архивов советского периода — в мире беспрецедентна. Документы столетней давности, свидетельства исчезнувшей страны — хранят, как Кощей свою иглу. Кроме тех, что уже уничтожили. И приговаривают: «Время еще не пришло открыть». Что значит эта хамская в своей пустой демагогии фраза?! Сегодня — только одно. Доступность архивов сведет на нет всю жизнь «официальных историков», потраченную на возведение карточного домика лжи. Они окажутся в глазах народа и коллег лжецами, фальсификаторами, бездарями и дураками. А это ж кому понравится?..

А еще? А еще окажется, что «народ» не так поголовно героичен, стоек, благороден и безмерно предан своей власти, как нам пытаются впаривать. А это вредно влияет на национальную гордость и воспитание патриотизма в подрастающем поколении. Вот тут-то и действующая власть против! Больше позитивных примеров, товарищи, больше любви и веры.

И когда грозно заявляют: «Мы не допустим ревизии истории!» — это значит что? — мы не позволим писать правду, если она нам не нравится; не позволим отменять ту ложь, которая уже устоялась, ибо эта ложь не только привычна, но и полезна. Не раскачивайте лодку! Взгляд на родную историю должен быть позитивным, традиционным и вдохновляющим народ на подвиги: чтоб верил власти, был готов терпеть и жертвовать собой — и при этом гордился своей долей, стойко, так сказать, преодолевая временные

трудности.

Власти свойствен инстинкт самосохранения. Поэтому она склонна к консерватизму. Консерватизм в действиях должен основываться на консерватизме во взглядах. Чем меньше перемен — тем спокойнее. Народ должен быть управляем, а для этого — предсказуем, а для этого — постоянен во взглядах и мнениях, а уж взглядами и мнениями надобно управлять по своему разумению и к своей пользе. Вольнодумство — не поощряется! А уж вольнодумство во взглядах на родную историю — недопустимо. Ибо история — это наш общий фундамент, товарищи. И на этом общем фундаменте стоит наш общий дом. А мы — крыша этого общего дома. И поскольку мы — ваш венец, нам тут не только больше солнца досталось. Нам еще и видно дальше. И — по секрету — нам падать будет ниже и больнее. Так что — никакого разброда и шатаний!

Склонность российского государства к управлению своей историей, ее закрытости и неприкасаемости — это идеологический аспект инстинкта самосохранения. Аспект тоталитарного мышления при склонности к тоталитарному правлению. Тяга к единомыслию! А единомыслие требует единознания.

Вот на реализацию этого тезиса работает ряд факторов. Это многократная повторяемость. Подтверждение авторитетом ученых званий, степеней, чинов и наград. Невозможность проверить лично и опровергнуть документально. Апелляция к национальной гордости и патриотизму. И — всяческое опоганивание инакомыслящих, «антинаучных и антипатриотичных вредителей и диверсантов».

Сочетание долбежки в темя с промывкой мозгов дает хорошие результаты. У пациента нарушаются дальние причинно-следственные связи, распадается общая детерминационная сеть, и он способен мыслить логично только на раз-два-три хода, но никак не более. Короткие цепи разных событий собрать воедино или даже воспринять их воедино уже собранные другим — он не в силах.

Например. Вот «профессиональный историк», то есть государственный специалист по перекраиванию истории согласно приказу. Он сегодня признает, что были расстрелы в Гражданскую войну. И раскулачивание было, и голодомор был. Ну, пусть в меньших масштабах он это признает, чем реальные, и причины приводит государственно-необходимые, пусть. Но — признает. И 37-й год признает. И 120 000 — ну ладно, берем нижнюю планку возможных цифр — 20 000 расстрелянных в 1920–21-м в Крыму, когда всем оставшимся гарантировали жизнь, тоже признает. Но вот расстрел 20 000 польских офицеров в Катыни — отрицает

напрочь. Вот миллионы своих расстрелять могли, десятки миллионов ссыльных, голодных, лагерных уморить могли, да. Но вот на этом фоне 20 000 поляков — да никогда! Это немцы. И все тут. (Нет, не все так полагают. Но многие! «Профессиональные»!)

Или. Сотни тысяч человек в Гражданскую «пустить на распыл» — ну, поупирается, про зверства белых скажет, но — признает. Миллионы раскулаченных — 10 назвал Сталин, 20 миллионов назвал Молотов — умерли в тундре, тайге, снежной степи, ледяных вагонах без пищи миллионы. Признает. 680 тысяч расстрелянных в 37-признает. Но что СССР хотел напасть на Германию — нет! Никогда!!! Какое зверство. Агрессия! Мы так миролюбивы!

А из Лиги Наций за что турнули, не за агрессию в Финляндии? Нет, они там все сволочи и антисоветчики. А Эстония, Латвия, Литва, Молдавия? Они сами к нам хотели, мы пришли на помощь братьям-рабочим и крестьянам, они революцию устроили и к нам попросились! А половина Польши? Ну, об этом мы уже говорили. А во всех странах, которые освободили от немцев, установили свой режим и свои марионеточные правительства? Нет — они сами пошли по пути социализма.

Интереснейшая логика: внутри страны мы были людоеды, хотя не такие прожорливые, как враги клеветают. Но это свои, их можно. А вот чужих — ни-ни, тут мы безгрешны и договоров не нарушаем, на чужое не заримся. У своих можно отобрать последнюю рубаху и сдать в рабство за колючую проволоку — но чужой земли мы не хотим ни пяди. А что верим в победу мирового коммунизма и содержим Интернационал с начальством в Москве и филиалами по всему миру за наш счет — это так, на перспективу трудящимся, к нападению на буржуев и фашистов это отношения не имеет.

Покажите мне, какое лицо у правды!

Джек Лондон

Мало найдется людей, для которых правда не звучала бы как обида.

Софья Сегюр

Трудно сказать самому себе правду, когда знаешь ее.

Станислав Ежи Лец

Иногда легче присудить премию, чем признать правоту.

Станислав Ежи Лец

Каждый хочет, чтобы правда была на его стороне, но не каждый хочет быть на стороне правды.

Ричард Уэйтли

Лесть порождает друзей, правда ненавистников.

Теренций

То есть. Общая установка: мы хорошие и всегда правы, по всему полю пространства-времени. Но были отдельные недостатки и даже ошибки, возможно даже вынужденные преступления. Но они — отдельные! Это не система! Потому что система — это мы вообще хорошие, честные, добрые и справедливые. А недостатки и ошибки — отдельные! Они в принципе наших верных действий не меняют.

А коли недостатки отдельные, разрозненные такие, а достоинства — это огромное и единое пространство, такая система достоинств и хорошеи — то можно эти отдельные недостатки стараться отрицать, приуменьшать, задвигать с глаз долой. И каждый раз «историк» отрицает не скверную систему — а отдельный недостаток на фоне хорошей системы.

Моя страна всегда хороша и права — это базовая система взглядов, покоящаяся на уровне эмоций и инстинктов. Мой участок — это моя жизнь,

так мир устроен. И участок своей жизни необходимо защищать ото всех, не то сдохнешь.

И когда эта базовая система-инстинкт вступает в противоречие с негативной информацией о себе же — борьба происходит не на уровне единой логики и равных аргументов, не в рациональной сфере. Этот спор только выглядит бурей в информационном поле. На самом деле здесь информация противопоставлена инстинкту выживания. Потому что позитивная групповая самооценка — это не вопрос логики, это вопрос самоутверждения. Каковое есть отражение самореализации. Каковая есть проявление инстинкта жизни. Каковой и сам-то есть персонифицированное проявление эволюции Вселенной.

Вот так примерно. А вы как думали.

Так что государственную политическую пропаганду, обратившую блуждающий взор свой в прошлое, историей считать никак нельзя, если всерьез. А ее опровержение — это не фальсификация истории, а именно замещение фальсификации историей. Замена лжи правдой, просто говоря.

А почему ложь искренне не желает слушать правду — мы и попытались выяснить.

Русская справедливость

Как только я слышу, с экрана телевизора или в какой-то дискуссии: «Русскому человеку свойственна тяга к справедливости» — во мне появляется протяжное чувство — от задумчивости и несогласия до раздражения и бешенства.

А французскому человеку не свойственна тяга к справедливости? Руссо случайно не француз? Это не французы провозгласили лозунг «Свобода, равенство, братство»? Не они устроили Великую революцию, чтобы уравнять в правах всех людей всех сословий? Не они ли написали Декларацию прав человека и гражданина?

А английскому человеку не свойственная тяга к справедливости? Робин Гуд был англичанин — или кто? Великую Хартию вольностей не в Англии заставили короля подписать? Не в Англии начали гражданскую войну и казнили короля — чтобы не смел обирать народ без согласия народных представителей?

А американскому народу не свойственна тяга к справедливости? Это не они приняли Декларацию Независимости за 15 лет до французской революции? А как насчет Американской Конституции и Билля о правах? Где Бог создал всех людей равными и наделил равными правами на счастье?

Братья Гракхи, отдавшие жизни за справедливое устройство жизни всех римлян, чем и славны в истории уже две тысячи лет — тоже не русские, нет? А вообще «юстиция» на латыни значит «справедливость». Как насчет тяги римского человека к справедливости? Тянулся, как мог. А русского человека тогда еще не было. Можно сказать, его предок только еще тянулся стать русским.

А что же — в результате тяги русского человека к справедливости — жизнь в России справедливее, чем в других странах? Мы вот все немцев презирали за расчетливость, экономность и меркантильную протестантскую мораль. Где уж фрицам до русской широкой души и тяги к справедливости! Ну и как — где выше разрыв между сверхбогачами и нищими — в Германии или в России? Где легче жить приличнее, где проще найти общий язык с чиновником, где суд будет судить тебя по справедливости, а не по звонку и не за взятку? Где тебя легко кинут и не отдадут заработанного — в Германии или в России?

Где больше всего в мире брошенных детей? Три раза перечитайте эту

фразу, пожалуйста. Да, в России. И вы будете петь о тяге русского человека к справедливости? Тянется. Признаем честно — тянется. Нет, не только к бутылке или в чужой карман. Ко всему хорошему тянется прежде плохого, ну в основном. И к справедливости тоже тянется. Но — не больше других. Скорее меньше. Уж пардон.

Вот он угнетен в бесправии своем — и мечтает о справедливости. А стал чиновником — и забыл о справедливости. А тянется к своей выгоде и начальству.

Чем больше человека обидели — тем больше он мечтает о справедливости. Тянется, можно сказать. А русский человек обижен всю историю. Оттого он мечтатель.

Но обиженный и справедливый — это разные вещи. Уж очень легко и быстро русский человек превращается при случае из обиженного в обидчика. Из толпы вынь, на ступень возвысь, в кресло посади и защиту дай. И тогда гляди, как он будет тянуться к справедливости.

Он тянется к справедливости, когда она ему очень нужна — потому что нету. А получив власть насаждать справедливость — вдруг начинает употреблять власть на другое.

Норманнское мироустройство — это право сильного, и плевать на договоры, слезы и кровь. Ордынская система права: кто выше — тот всегда прав, но основные законы соблюдаются свято. Итоговый после всех наложений русский вариант: кто выше — всегда прав, ему все можно, плевать на договоры и законы.

В этой системе большинство всегда будет угнетено и бесправно. Опущено и обижено. И будет жутко тянуться к справедливости.

Если потянутся совсем сильно — будет революция и гражданская война. Где под справедливостью мгновенно понимается интерес мой личный и моей команды. То есть сначала мои взгляды и принципы — но взгляды и принципы революционера всегда таковы, что всем инакомыслящим и инакоживущим должно быть плохо или совсем плохо. Заправь-ка ленту в пулемет. Сейчас мы установим справедливость.

Жаке́рия, восста́ние Уо́та Та́йлера, война маздаки́тов — все это борьба за справедливость. Очень сильно люди тянулись.

Так что выделение русской тяги к справедливости — обычное завышение групповой моральной самооценки. Смесь легкой глупости с тяжелым самоуважением. Простительный комплиментарный национализм. Легкий такой зефирный шовинизм. Косметическая ложь — как утренний макияж дамы. Дама не так дурна, но всегда приятно выглядеть лучше.

А вот ты скажи ему, что ни фига русский не тянется к справедливости.

Особенно политики, олигархи, суды с полицией и телевизионщики с рекламщиками. Про угнетателей он согласится. А вот за весь народ — даже не обидится. Просто не поверит и сочтет тебя оскорбителем и дураком в одном лице.

Вот все по отдельности — или жадные эгоистичные гады при власти, или обиженные бесправные людишки. Но все вместе — не замай! — это народ. И абстрактная часть этого вообщешного народа — человек, и вот он и тянется. К чему надо. К справедливости.

Потребность в национальной гордости и достоинстве, в национальном самоуважении и высокой национальной самооценке — перешибают правду, если она ущемляет эти чувства. И, не в силах отрицать очевидные аргументы — человек все равно остается при своем убеждении. Потому что на самом деле это не убеждение, а чувство. И чувство необходимое. Позитивное самоощущение. Иное состояние — это психическая болезнь. А болезней организм вообще и психика в частности стремится всячески избегать. Закон природы потому что. Чтоб не разладиться и не сдохнуть в больном раздрызге раньше срока.

Правда для счастья народа

В СССР мы жили в самом передовом обществе в мире. У нас отсутствовала эксплуатация человека человеком. Народ был хозяином всего. Народ состоял из двух трудящихся классов — рабочих и крестьян. И еще классовой прослойки трудовой интеллигенции.

Всю жизнь мы не догадывались спросить, между чем и чем эта прослойка прослоена. Но было и так понятно: прослойка — это недо-класс, под-класс, это ниже и меньше класса, не так значимо. Но тоже дружественно, поскольку она тоже трудящаяся.

А самым передовым и основным, самым главным — был рабочий класс. У него было самое правильное классовое сознание. Он был носитель передового начала социализма и коммунизма.

Это отражалось в искусстве: кино, литературе и живописи. В кино если были рабочие и другие классы — то именно рабочий говорил самые правильные вещи и принимал самые правильные решения. Именно рабочего любила самая красивая девушка. Хотя инженер был учение — но рабочий был прав такой народной рабочей мудростью, таким самым умным здравым смыслом. Также рабочий был умнее крестьян, правильное понимал жизнь и политику. В литературе о советской жизни именно рабочий занимал более верную позицию, чем интеллигенты, и только он мог обеспечить начальству внедрение новшества или победу соревнования. И вообще рабочий человек был соль земли, основа. Все вокруг было сделано его руками.

Ты вырослел — и возникали вопросы. Передовому рабочему полагалось учиться. Ночью, уставший от перевыполненного плана, он корпел над учебниками и писал конспекты. А дальше?..

А дальше он кончал заочный институт, становился инженером — и мгновенно, не выходя из цеха, терял свою... передовость... Переставал быть самым передовым. Делался интеллигентом — членом прослойки. Членом туда, членом сюда, а гегемония утеряна...

Ты вырослел дальше, и знание жизни умножало печаль. Вот рабочий получает двести рублей в месяц. Скажем, я в формовочном цеху бетонного комбината получал двести, и мог даже не уметь читать и писать. Я получал свои двести, отдай и не грехи, за пыль, грохот и пролетарскую сущность. Но учителем после университета я получал сто!

Хрен с ним с учителем, он сбоку. Но вот бетонщик, которого надо

учить полчаса и который курит три четверти времени, выучился на инженера — и стал получать те же сто! Как это так? Ведь инженер умнее, учение, работает больше в своей конторке за стеклом, и его на первого встречного стройбатовца не заменишь! И зависит от него больше...

Получается: учись меньше, работай легче и примитивно, получай двести. Учись много, работай напряженно и квалифицированно, получай сто. А смысл?

...А вот потому что у нас марксизм-ленинизм. И социализм, и путь к коммунизму. Пролетариат — самый передовой класс. Гегемон. И ему полагается первый кусок. И все правильно у нас. И вот не надо, вот не надо этих ваших интеллигентских подковырок!..

И молодые кандидаты и доктора наук ехали летом на шабашку — прокладывать дороги и строить коровники. И зарабатывали за месяц годовую зарплату научного сотрудника.

Но официально — ни-ни! Этот удивительный парадокс, эта метаморфоза передового богатого рабочего, который выучился на непередового бедного инженера — это скромно, но твердо умалчивалось. Хотя со всех стен плакаты призывали учиться!

...За сравнение зарплат и статусов я получил четверку по истории партии. Вернее, я получил ее за глупость, с которой спросил препода, отставного полковника-политработника, как же так. Потом на экзамене я тянул билет трижды, и на все три отвечал «отлично» без подготовки, и гадина с тонким классовым чутьем сказала, что не чувствует в моем голосе убежденности, и плакала моя повышенная стипендия.

За два курса после этого я не поумнел, и на политэкономии социализма счастливо отделался тройкой. Как же так, спросил я, вот у Маркса сказано: «Новая общественно-экономическая формация является более передовой по сравнению со старой, если дает более высокую производительность труда». А вы нам сами говорили, что производительность труда у нас в сельском хозяйстве и тяжелой индустрии и вообще — ниже, чем в развитых капиталистических странах в среднем до трех раз. Значит, мы не более передовая формация?

Добрая тетка пообещала никому не сказать. Чтобы меня не выгнали из комсомола и из университета. Вот мне «удовлетворительно», и пусть она обо мне никогда больше не услышит. Все-таки мы тут совсем распоясались. При Сталине она бы мне показала передовую формацию! Милый, вы хоть понимаете, что вы несете?!

...То есть идеология была устроена просто. Поскольку цензура, однопартийность и единовластие. Но свинчивать воедино правду и лозунги

считалось архитектурным излишеством. И так сойдет. Знают — ну и пусть знают. А говорить должны что надо. Сто тысяч раз повторить — и уверуют без всякого критического осмысления. А кто не верит — заставим молчать.

Поэтому к концу СССР никто ни во что не верил. И не мешал ему рушиться. Заметьте, правда и колбаса всегда вместе: или обе есть, или нет. Вот и соскучились по тому и другому.

Часть восьмая

*Не обманешь — не проживешь, или откуда
взяться правде*

Индукция и дедукция

Как работает сознание, составляя себе какое-то мнение? О предмете, явлении, объекте? Оно наблюдает проявления и детали объекта, суммирует впечатления — и складывает частности в общую картину. Серенький, маленький, длинноухий, бегают быстро, догнать нельзя, но можно поймать в ловушку. Съедобен. Вкусен. Питателен. Не опасен. Обозначим как «заяц».

Это индуктивный метод. От частных — к общему.

Теперь. Берем человека. Носителя культуры. Обладающего большим объемом разнородной информации. И велим ему выдать характеристики и качества «зайца». Зайца, заметьте, он живьем никогда не видел. Даже в зоопарке. Даже в телевизоре. Только на картинках в книжке, которую читал.

«Заяц!» Велите описать качества и приметы зайца. И он скажет: серенький, маленький, длинноухий, бегают быстро, догнать нельзя, но можно поймать в ловушку. Его можно пожарить и съесть, это вкусно. У него пушистая шкурка, он забавный и неопасный.

Это дедуктивный метод. От общего — к частностям.

Почему мы здесь приводим этот пример, место которому в школьном учебнике логики? А потому что в жизни, когда речь заходит об идеологии и ментальных ценностях, это всегда упускается из виду. И выходит масса путаницы, приводящей к бесплодным спорам.

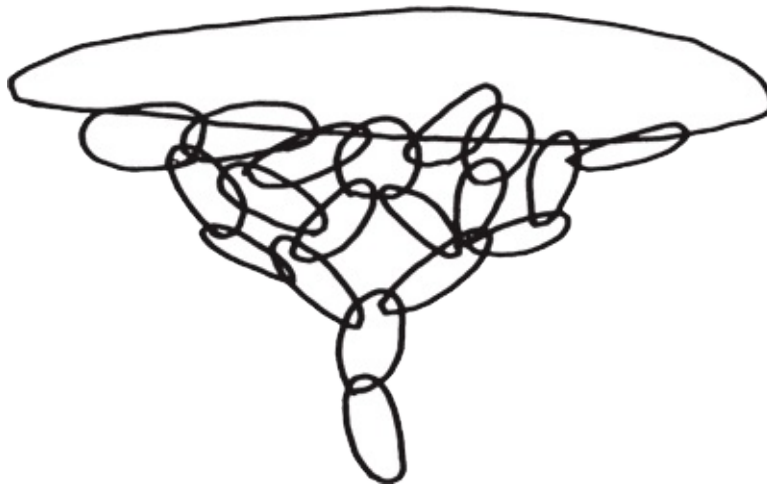
Сначала несколько умных людей, интеллектуалов с информационным багажом и аналитическими способностями, систематизируют ряд частных в единую систему взглядов. Складывают картину мира и его развития. Создают мировоззрение. Философию, идеологию и т. п.

Затем массы людей овладевают этим мировоззрением, не подвергая его самостоятельной критике и проверке. Они на это не способны. Они — другая страта: «мыслящее большинство», и под ним — вообще «большинство».

И они, усвоив это мировоззрение как истинное — уже смотрят на мир под этим углом зрения. И проверяют частности на соответствие своему мировоззрению: вот это серенькое, быстрое как называется? Это заяц. Что значит «волк»? О черт, да, он крупнее и уши короче, а хвост длиннее.

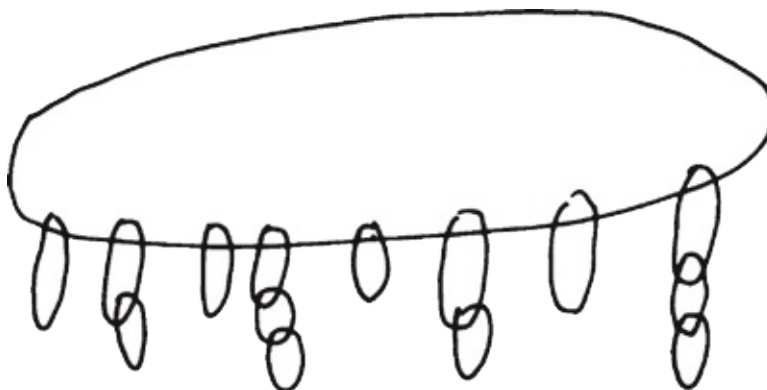
Рядовой человек подходит к оценке явлений исключительно дедуктивно. Вот мое мировоззрение — исходя из него я определяю и оцениваю объекты.

Вот ход рассуждений человека, который сочетает частности в общую картину и теорию. Он ищет подходящее к наблюдению и умозаключению следующее звено, подцепляет к начальному второе, затем ищет выше и подбирает третье, четвертое — и звенья становятся все крупнее, они уже взаимонакладываются с соседними, и вырастает такое не то дерево, не то гриб, не то стоящая на вершине основанием кверху пирамида. А наверху — длинный такой овал, вроде лепешки, венчающей расширяющуюся колонну. Это — доказательства от частного к общему.

Построение мировоззрения и идеологии методом логического развития из частного. Весь путь развития увязан воедино.

А вот как по жизни доказывается и подтверждается уже известная теория, идеология, философия. Берется этот уже готовый овал, он же лепешка сверху. И к ней снизу прицепляются любые детали, факты-доказательства, звенья, которые сочетаются с общей теорией. Но сочетаются отдельно, поодиночке, как сталактиты с потолка пещеры свисают порознь. Между собой эти звенья не увязаны, и одно из них не является выводом и продолжением другого.

И если первый вариант — это именно система доказательств, то второй вариант — это отдельные, не взаимоувязанные подтверждения, которые системой доказательств не являются. А чем являются эти звенья? А это отдельные конкретные следствия из цельной теории — которые просто рассматриваются наоборот. То есть отдельным следствиям — придается обратная сила доказательств, причин, истоков, посылов. Что формально может выглядеть правдоподобно, но по содержанию — подтасовка, шарлатанство и болтология вместо логики.

В чем ошибка? В отсутствии цельности.

Это заяц. Чем докажу? Он серый. Шерстистый. Быстро бегают. Обоняние хорошее. Съедобен. Млекопитающее.

Сорок килограммов? Большие зубы? Питается мясом? Вы уверены, что это волк? Не факт! Большинство фактов и признаков за то, что это заяц! Ставим вопрос на голосование. Шесть за — четыре против. Решением президиума биологической ассоциации животное признано зайцем. Просто при охоте на него следует соблюдать уточненные правила. Зато каждая особь дает больше мяса.

Это не шутка. Это сравнение. Пример. Именно так из господствующей идеологии выводятся соответствующие ей факты. Идеология первична — факты вторичны. Их следует классифицировать по верным, нужным, правильным признакам. А не каким попало, чтоб получился черт-те какой результат.

И вот уже адепты, апологеты, проповедники и прочие сторонники всех сортов свято верят, что теория верна, и масса фактов ее подтверждает. А что факты не увязываются в единую общую теорию с устройством Мироздания — подите вы к черту, не мудрите, надо доказывать правильно.

Здесь торжествует узкая специализация. Узкий специалист знает глубоко, но узко — так сапер копает щель, чтоб осколки не залетели. И соседних кустов в упор не видит — он не ботаник, он сапер. А копать ему

щель в глубину — или в ширину, просто снимая полосу дерна вдоль поверхности луга — это ему по хрен дым, как комвзвода приказал.

Поднаторевшему дискуссионисту доказать правоту ложной идеологии кучей разрозненных фактов — как пара пустых.

Информационный кокон

Сознание человека живет в мире информации. Поскольку человек мыслящий и чувствующий имеет дело не с вещами, а со своим представлением о них. То есть не непосредственно с миром, но с информационной моделью мира — как он его воспринимает и представляет себе.

Если объективно человек живет в мире — то субъективно он живет в информационном коконе, отображающем мир. Этот кокон подобен для индивидуального сознания чему-то вроде хрустальной тверди небесной. По внутренней поверхности сферы располагаются миры и звезды, люди и предметы, история и география, вообще все религии и науки. Эти мириады объектов движутся по заданным им орбитам и производят назначенные им действия.

Но. Принципиальное уточнение. Этот порядок незыблем. И человек — субъект, действователь и наблюдатель, центр этой хрустальной сферы — он составляет с ней единое целое. Их существование — человека и сферы мира — взаимно обусловлено. Одно без другого не существует.

Гармония миров — это гармония единства сознания и окружающего мира. Нарушение гармонии классифицируется как шизофрения.

И — принципиальная особенность первая. Эта хрустальная сфера мироздания может быть изменена, откорректирована, модернизирована — только изнутри, только через воздействие на ее центральную точку — на сознание человека.

Принципиальная особенность вторая. При попытках воздействовать на сферу мироздания снаружи, извне, что-то в ней изменить подходом со стороны — человек сопротивляется. Не просто сопротивляется — отвергает такие попытки воздействия всеми силами и со всей страстью. Почему? А потому что он един с этой сферой, он — точка сборки, он — ее координирующий и скрепляющий центр.

Сторонняя попытка что-то изменить в его мировой сфере — это как попытка надбить яйцо снаружи: он будет защищать мир своего обитания! Яйцо можно разбить только изнутри.

Отвергая любые внешние попытки изменить хрустальную твердь своего мира — человек защищает свое психическое здоровье, цельность своего сознания. То есть — саму возможность оставаться здоровым и дееспособным, мочь жить и адекватно действовать.

В коконе уютно, привычно, понятно и все на своих местах, все имеет свое объяснение. А в щель будет дуть! А в сломанном коконе — как жить? — ненадежно, непонятно, непредсказуемо, тревожно...

Вот таков здоровый консерватизм нормальной психики.

То есть. Попроще. С примерами.

Если ты скажешь нормальному среднему гражданину тоталитарного государства, что государство его плохое, люди угнетены, а вождь — мерзавец, то в лучшем случае он сочтет мерзавцем и врагом тебя, а в худшем — сдаст в полицию, донесет твои слова и избив предварительно. (Представьте северного корейца. Или работягу сталинского СССР.)

Но если ты свозишь его в страну, которую он считал враждебной и угнетательской, увидеть самому что там хорошо; по капельке ознакомишься с неприглядной биографией вождя, неназойливо и постепенно введешь в истинный курс дел у него дома — и все это аргументированно, уступчиво, предоставляя человеку самому — самому! — делать выводы из информации и принимать решения. А особенно — если ты поможешь его родным и любимым людям, завоеешь его доверие! Вот тогда он начнет менять свое мнение насчет родного государства.

Первое. Ты должен завоевать его доверие.

Второе. Все выводы он должен сделать сам. Ты только материал поставляешь и komponуешь.

Вот тогда — хрустальная сфера его мира начинает выглядеть иначе. Иначе вращаются его звезды. Его мир изменяется вместе с ним.

Но. Важно! Это — процесс постепенный. Если ты вывалишь на него сразу всю информацию, весь компромат на его представления, все опровержения его взглядов — возникший когнитивный диссонанс и психологическая сшибка будут так болезненны, вызовут такой шок — что сознание возопит о немедленном восстановлении и укреплении статус-кво.

Отторжение массивной информации, противоречащей картине мира человека — это элементарная защитная реакция психики. Ты пытаешься расколотить вдребезги хрустальную сферу его мира — и ждешь, что он будет тебе кивать?

Информационный кокон только на первый взгляд подобен паутине из слов и образов, которые легко заменить. Он создается долго и скрупулезно, детали тщательно подгоняются одна к другой, и эта конструкция закладывается в раннем детстве. Легче яйцом разбить кирпич, чем с налета переформировать информационный кокон — систему взглядов человека.

Правда не может противоречить общему мировоззрению человека. Что противоречит — то отторгается.

Одна из трагедий истории в том, что доказать очевидную правду бывает труднее, чем наглую ложь.

Уважайте и берегите хрустальную сферу человеческого мира. Капайте на мозги, а не бейте молотком. Да пипеткой капайте на мозги, а не из ведра лейте!

Информация как ложь

Поскольку мы живем не в мире фактов и объектов, а в мире наших мнений о них — мы живем в мире трансформированной информации. Можно сказать — в невольно или намеренно искаженном информационном пространстве. А можно грубо по-житейски: в мире лжи.

Любой материально-энергетический объект и факт окружены собственным информационным облаком, как подушкой. Информационный демпфер необходим для взаимодействия и сотрудничества социальных объектов и реализации социальных процессов.

То есть. Человек — существо неоднозначное. Но социально детерминированное. Все сложные, разные и нервные. А жить надо. И стихийным, объективным образом всегда возникает и оформляется кодекс социального поведения — от поведения двух попутчиков в купе до граждан в государстве. Выражения приветствия и доброжелательности, сфера интимного, какие-то принципы справедливости и сдерживание агрессии. Любой этикет условен — то есть отличается от искренних желаний чего сказать и сделать для своего личного удобства и удовольствия. Взять лучший кусок со стола себе весь, сказать хозяйке, что она уродина, гости идиоты и уйти вон. Или избыют, или вызовут санитаров, но изгонят из общества точно, и живи себе Робинзоном Крузо.

В социуме люди соединяются взаимотерпимыми сторонами личности по правилам стабильности и общей пользы. Друг к другу мы притираемся, приспособливаемся. И ведем себя не следуя искренним мыслям и желаниям напрямую — но чтоб и в обществе состоять, и насиловать себя по возможности минимально. Мы улыбаемся дряням и желаем здоровья скотам. Нет, не только им, но им тоже. А что делать? Может, они тоже тебя скотом считают. А плывем в одной лодке.

Но вежливость как ложь — это еще ерунда. Демпферные информационные подушки, окружающие колючих неудобных людей, сминаются и вжимаются друг в друга плотно, соприкасаясь максимальной поверхностью. И через те подушки, оболочки слов и жестов, люди взаимодействуют друг с другом максимально эффективно. И все живут дольше, лучше и надежнее.

«День правды» в школе или на работе — вечный (анти)утопический сюжет. Задача списана, учительница дура и сука — а дальше? Где граница? Хочу раздеть самую красивую девочку в классе? И что с ней сделать? А

пописать в окно можно? Да, я ненавижу школу и хочу ее сжечь!

Правда взрослых людей суровее. Это триптих. Слева — рай земной. Справа — горы трупов и толпы изнасилованных в разграбленных городах. Посередине — я: весь в белом. Такова дихотомия сущности человеческой.

Кодекс поведения, то есть социальная ложь — заложен в самой природе человека, который и есть существо социальное. А вечная борьба правды с ложью — это естественное динамическое равновесие системы: ну как нога и земля с равной силой давят друг на друга. Борьба правды с ложью — это чтобы всем трудовым коллективом не сойти с ума, а сохранять какое-то представление о верхе и низе, видеть в тумане стены коридора.

Но поведение — ладно, понятно. Вот дальше интереснее.

История. Она тоже лжива! Ибо история — это официальная коллективная автобиография. Это групповая самооценка — а самооценка всегда завышается, при нормальной-то психике. И даже при кристальной честности историков — коллективное бессознательное диктует сознательному: себя показать получше, окружающих — похуже. Поскольку удаленный во времени факт беззащитен перед рэкетирами от истории и может быть истолкован многими способами — ну так его толкуют как можно более лестным для национального самосознания образом.

Если почитать историю старой войны двух народов в их книгах — покажется, что это были две разные войны: с разными причинами, разными потерями и даже часто с разным исходом. Битва египтян с хеттами, где победили оба — ладно. Но война Лукулла с Тиграном тоже прекрасна, если почитать армян и римлян: раздвоение исторического сознания.

Официальная история всегда шизофренична. Она творчески и избирательно относится к фактам. И злобно не соглашается с чуждыми национально-идеологическими концепциями. История согласна на любые допущения, но основной принцип свят: высокие духовно-умственно-физические качества родного народа есть данность, не подлежащая никаким сомнениям. Это относится ко всем народам.

Но. Любовь к своему народу и любовь к истине — не одно и то же. Иногда даже вовсе противоположное.

А поскольку любовь к своему народу, интерпретированная идеологами государства и возведенная в ранг государственной политики, вменяется в обязанность — то любовь к истине иногда рассматривается как антипатриотизм. Базируется же эта патриот-любовь на инстинкте коллективного выживания — только группой можем выжить и победить, в свою группу мы верим! — а посему противоречащая ей любовь к истине

есть аморальность, социальная чуждость, предательство и гадство. И историки-патриоты клеймят историков-«истинцев». Их все клеймят. Они мешают национальной гордости и самоуважению.

Гордость, самоуважение, всяческая хорошость и правота — в глазах общества важнее истины — да потому что эти качества уже и есть истинны и несомненны! А история призвана проиллюстрировать это примерами из прошлого.

То в истории, что не к нашей чести — скверно и неверно. Потому и неверно, что скверно! А мы — хорошие, в этом же никто не сомневается! Мы свершили гигантские свершения! А недостатки — были, случались, но это вина отдельных скверных людей, в крайнем случае глупых.

...Про ложь в политике говорить не нужно. Пропаганда как часть политики — о, это наше. Распропагандированный человек. Он злобно отвергает вашу правду! Потому что у него в голове — цельная и стройная картина мира, где он — прав и достоин все хорошего. А все зло и беспокойство от гадов, чужих, жадных и подлых. А без этого никак! Человеку потребно быть правым! И стоять за правое дело вместе с народом!

Так что ложь есть естественный, закономерный, необходимый элемент социального сознания, идеологии, кодекса.

Но. Мы о том, что подавляющее большинство ложь всей жизни обычно не ощущает, не понимает, не фиксирует сознанием: это среда обитания, составная часть атмосферы. И внезапное предъявление этой лжи вызывает у них активный протест.

Правда нужна людям не в первую очередь. В первую очередь необходимо выжить — то есть сохранять социум и обеспечивать его максимальную устойчивость. Объективная пропорция правды и лжи служит этой генеральной задаче. Это аспект информационного обеспечения социального процесса.

Но как нужна ложь!

Никто не совершенен.

Видов, форм и назначений лжи столько, что не перечислишь. Арсенал и аргументарий правды рядом и империей лжи выглядит просто дубинкой простодушного дикаря. И ни один род лжи не желает попадать под эту дикарскую дубинку!

Ложь во спасение. Самый исследованный вид. А что, вот так и признаться убийце, что ты именно тот, кого он хотел зарезать? Показать террористам ход к ядерному реактору? Помочь грабителю открыть сейф? Гм. Иногда за правду судят и дают срок за предательство — или расстреливают перед строем.

Ложь как сохранение ценной информации, распространение которой нельзя допустить. Правда как преступление. Все топ-секреты.

Но зачем сразу такие ужасы. Утренний макияж дамы — вот уже и ложь. Нарисовать на своем лице лицо более интересной женщины. Впарить окружающим, и намеченному мужчине прежде всего, себя под маской красавицы. А теперь представьте, как тот самый мужчина мочит под краном полотенце и стирает с ее личика всю красоту, приговаривая: «Не ври, дай-ка я рассмотрю, какая ты на самом деле». Слезы оскорбленной жертвы — самая мягкая реакция, а можно и маникюрной пилкой в глаз.

Одежда — уже ложь, в смысле не для тепла и суха, а модная и красивая. Здесь подложим, там утянем. Ноги удлинить, талию перетянуть, грудь выпятить, зад округлить. Нет-нет, пусть разденется и сделает оборот кру-гом!

А эти самцы, выпячивающие челюсти и пытающиеся встопорщить хилые плечи? Ты возьми штангу, возьми топор, выйди на ринг, покажи на что ты способен — тогда будет ясно.

Представьте толпу на улице голой — современную городскую толпу — и вас затошнит от эдакой красотищи. Ах, если бы все стройны и молоды... После тридцати публичное раздевание ограничить, после сорока пяти — запретить под страхом уголовного наказания! Пенсионерам — из дому не выходить! А то ишь — задрапировались...

Черт. А как животные и птицы, имеющие брачный наряд как индикатор породы и жизненной силы? И как они топорщат перья и шерсть, стараясь отпугнуть врага своими преувеличенными размерами? Ложь как помощь в выживании. Не притворится жучокдохлым — его птичка склюет,

а жучку тоже жить надо.

Что же касается лжи как нормы поведения — это просто караул какой-то. Есть такой литературный сюжет: «день правды». Ну, как реакции на бессовестную ложь и борьбу за нравственность и совесть. Один день все на работе (или в школе) говорят только правду. Варианты: только когда спросят — или по собственной инициативе без ограничений.

Вот день правды без ограничений — это нейтронная бомба. Вроде все есть — а вроде они все уже уничтожены. Первыми подвергаются правде уроды и дураки. А кончается все ковровым бомбометанием по мелким грешкам: кто ковыряет в носу, кто не отдал три рубля, у кого идиотский смех и кривые ноги, и все повально пукают и рукоблудствуют, как только остаются без присмотра. Оставшаяся жизнь уходит на восстановление психического равновесия.

Если присовокупить, что фигура умолчания есть одна из форм лжи, и никто не гадит посреди улицы, как будто они этого вообще не делают, хотя полно туалетов и все двери в них закрываются — картина всеобщего лицемерия обретет черты завершенности.

То есть. Человеческое общежитие полно условностей. Условность — это формальное отклонение от простой реакции. Думаешь: «Чтоб ты сдох» — и приветствуешь: «Здравствуйте». Иначе все передерутся, и никакого сотрудничества не будет. Не будет общества, государства, цивилизации, парового отопления и спагетти с сыром.

Между людьми в обществе — как смазка между вращающимися деталями. Меж телами — одежда на каждом и промежуточное пространство. Между мыслями и чувствами разных людей — также прослойка. Из слов, интонаций, мимики и жестов. Это как ментальная одежда и ментальное промежуточное пространство. Все неприятные и деструктивные наши мысли и чувства мы оставляем при себе — как прыщи и интимные места под одеждой. И взаимной откровенности избегаем — как не тремся телами на работе или в кафе. На внешнем уровне — уровне межчеловеческих контактов — мы приветливы, сдержанны, снисходительны и терпимы. Это мягкая и пластичная оболочка личности — внешний ментальный слой. Вот этими слоями мы и контактируем друг с другом. Легко находим общий язык и делаем общую работу, а также развлекаемся и отдыхаем.

То есть. С циничной прямоотой пьяного римлянина. Можно сказать, что. По необходимости. У человека социального правда упрятана под ложь. Как медный провод упрятан под слой текстильной оплетки и резиновой изоляции. Иначе под напряжением закоротит, вспыхнет, загорится, и ни

фига электричество не передаст.

Для существования социума необходимо наличие системы императивов и табу. И в нее входят прежде всего правила общения и поведения. Они предписаны, их нарушения караются. Если твои искренние мысли и чувства им не соответствуют — держи их при себе. Выразишь напрямую, нарушишь правила — накажут вплоть до смерти.

Правила простейшие и первые — права и обязанности вождя, перворанговых самцов, и далее всех социальных групп. Правила позднейшие, избыточные, потерявшие рациональный смысл — это элементы поведенческого ритуала в развитом государстве. Типа приподнимать шляпу при встрече с дамой, что есть знак уважения (то бишь готовности совершить ради ее блага разные поступки, вплоть до трудных и опасных).

А теперь — прыг обратно! Вежливость и такт по сути есть ложь. Но ложь во благо — не травмировать людей, улучшать им настроение и способствовать эффективной работе общества и хорошей жизни в нем.

Отношения в социуме ритуализированы. Ритуал как свод правил поведения от бытовых мелочей до торжественных общих церемоний. Ритуал всегда условен — то есть прямо не рационален и в определенном смысле лжив.

Но поскольку без ритуала социум не существует. То любое покушение на ритуал рассматривается социумом как преступление. Покушение на устои общества.

Предел абстракции ритуала — символ. Знамя как символ могущества и славы всех людей, объединенных в государство (армию). Вообще это не более чем тряпка на палке, что есть правда, мы это впервые конкретно от Толстого услышали. Но если ты, заступив на пост номер один, сообщишь командиру части, что глупо охранять тряпку на палке, когда таких можно завтра в мастерской сотню сделать — два года дисбата тебе обеспечено. Хотя ты сказал сущую правду. Но ты не учел сакральной сущности символа.

Ритуал есть перенос смыслов на последовательность простых действий.

Символ есть перенос смыслов на предмет.

Символ и ритуал — это бывает святое. То есть — надрациональное.

Ты говоришь сущую правду: примитивный портрет на доске и суетливые перекрестные движения рукой перед лицом. И ты прав, так и есть! А тебе выносят приговор: за оскорбление святой иконы и крестного знамения, за поношение тем самым нашей христианской веры — сжечь на

костре. Уже не сжигают? Но хоть срок-то дать надо за оскорбление чувств верующих!..

Когда непросто с ложью — так и с правдой же сложно.

Условность как форма лжи — это неоднолинейное информационное построение. Условность — это производная от правды в социально-идеологическое измерение. А ложь (в традиционном значении слова) — это производная от правды в измерение личного конкретного намерения (обычно выгоды).

Опровергать правдой любую условность невозможно. Ответ будет: мы это все знаем, но просто придаем этому действию (предмету) вот такое значение.

Люди, которые играют в игры, и игры, в которые играют люди. Играем Паганини в четыре руки с Эриком Берном.

...Здесь только что следует сказать. Имея дело с любой системой условностей — от амулета до письменности — мы различаем форму и содержание. Святыня, символ, ритуал, знак — дают расхождение формы и содержания. Ценность материнского медальона не в трех граммах золота, и смысл письменности не в черточках и крючочках. Обычный промах попыток десакрализации — правдолюбцы ниспровергают форму как ложь, но пролетают сквозь невредимый смысл святыни, пребывающий в другом измерении.

Защищая свои святыни от покушений — люди защищают не краски на ткани, не деревянные изделия и даже не каменные здания, в которых все равно никто не живет. Они защищают идеологический каркас своего социума, с которым едины и без которого жить не могут. Бренная сущность ритуальных предметов понятна.

Любые святыне мощи — материально не более чем некие обломки косточек и обрывки тряпочек. Поклонение им — безусловное язычество, масса элементов которого проросла в христианство. В чем суть?

В человеке есть потребность материализовать свои чувства и свою веру. Ибо любая эмоция вызывает к действию и ищет выхода в вещественный мир. Так в ярости ломают мебель или в радости хлопают по столу, издают клич и восторженно ругаются.

Он верит. А поговорить с кем? А чувства и мысли выразить кому? А где это сделать? А во что одеться? То есть: вера требует материализации, предметов требует. Предмет — он укрепляет веру, успокаивает человека: вот, можно посмотреть и потрогать, или хоть через стекло поцеловать. Зрительные и тактильные ощущения прибавляются к религиозному чувству.

Так что в гробу он тебя ведал с твоими разоблачениями. Религия — это вообще отдельно. И. Можно бороться с ее предметным выражением и голосовать против идолопоклончества и за иконоборчество. А — идея?!

Вот хитрые иудеи поклоняются не предметам, а Слову Божию, ему и кланяются, и в качестве церемоний читают Тору. Но даже для них ценные старые свитки наполняются предметным значением!

.....

В знаменитом эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» великий Иммануил Кант доказывает, что он не так велик, как его устоявшийся образ. Подобно любому серьезному мыслителю, создавшему собственную теорию, Кант был в известной мере параноик и мономан. То есть все явления в мире такой человек автоматически видит прежде всего под собственным и ему плодотворным углом зрения, исключительно с точки зрения своего учения. Противоречащие ему аспекты разум искренне затеняет, теряет, не замечает. Пример Карла Линнея, долго и с сопением рассматривавшего полевой цветок, количество лепестков которого нарушало его теорию, а затем растершего цветок ногой по земле и облегченно продолжившего свой путь — этот наглядный до кинематографичности пример, этот поднимающийся от метафоры до символа реальный случай — прекрасно иллюстрирует подход к жизни почти любого теоретика.

Ложь есть трансформация субъектом информации, транслируемой объекту, с целью вызвать у него желаемую реакцию. Таково корректное определение.

Видов и типов лжи море, и ни один из них не стремится заместить себя правдой. И более того: иногда правда подобна цунами, сметающему вместе с ложью весь пейзаж... и после нее остаются лишь обломки и трупы.

Правила поведения в обществе запрещают немалый сектор правды. Сказать правду в лицо дураку и уроду — означает травмировать человека и нарушить работу команды. В ответ ты мгновенно узнаешь правду о себе: хам и неряха. Два трупа возле танка украсят траурный пейзаж. А где мы потом наберем народу на мамонта охотиться?

В наши задачи не входит перечислять, классифицировать и анализировать все виды лжи: косметическая, патологическая, мистификации, клевета, хвастовство, лесть, преувеличение и так далее.

Это все отдельный и объемный раздел психологии и социопсихологии.

Мы упомянули здесь только о лжи как неотъемлемой части нашей

нормальной жизни. Лжи как необходимом социальном феномене. Лжи, которую так даже не называют. Лжи как терпимости, доброжелательности, приветливости.

Ложь как общественный договор о доминировании позитива в человеческих отношениях — вот так я рискнул бы выразиться. Когда люди ведут себя так, как если бы они были лучше, чем есть на самом деле. Но если они себя так ведут — то общество в целом и становится на самом деле лучше! Комфортнее, работоспособнее, перспективнее — и может предоставить своим членам больший доступ к большему числу благ.

Общественная ложь для общественного счастья. Милый поворот темы. Но в результате внушения и самовнушения, подпадая под гипноз и самогипноз представления о себе самом — человек действительно может меняться к лучшему, что сплошь и рядом и происходит!

Это тот самый случай, когда за правду вас осудят — а могут и убить на месте, причем правильно сделают. Когда вы без цели и смысла начнете разрушать людям психику своими точными замечаниями об их физических, умственных и моральных данных. Без наркоза.

О'кей — но нужно ли хотя бы видеть правду? Ой нужно!.. Есть старый циничный принцип построения отношений в змеином коллективе: «Думай о них все самое плохое — и говори им все самое хорошее, не ошибешься».

И древний английский анекдот вдогонку — чем отличается вежливость от такта. Если джентльмен открывает незакрытую случайно дверь в ванную и видит там моющуюся женщину, он говорит: «Простите, леди» и закрывает дверь — это вежливость. Если он говорит: «Простите, сэр» — это такт.

К вопросу об аспектах обмана

«Обмануть дьявола не грешно», — усмехнулся разведчик и бизнесмен Даниэль Дефо.

«Я еще не видел человека, который при случае не солгал бы», — поддержал его Марк Твен.

«Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права», — категорически поднял голос старик Кант.

«Правда — слишком драгоценная вещь, чтобы ее не охранял эскорт из лжи», — возразил Черчилль.

«Правдивый человек в конце концов приходит к пониманию, что он всегда лжет», — хмуро отрезал Ницше.

«Все, в том числе и ложь, служит истине. Тени не гасят солнце», — шептал Кафка.

А еще была книжка «Джельсомино в стране лжецов». Это про всех про нас.

1. Однако обозначим круг проблемы.

Обман в узком понимании слова сводится к нарушению родительской сентенции «говорить неправду нехорошо». На бытовом уровне это обычно и обсуждается.

Обман в широком смысле есть несовпадение предоставленной субъекту информационной модели объекта с его энергоматериальной моделью, иначе говоря с его реальной сущностью. (Допустимо сказать — несовпадение с истиной — но необходимость конкретных формулировок того, что есть истина, как минимум уводит в сторону наши конкретные сопоставления, встраивая в них неизбежную релятивистскую зыбкость.)

2. Забавный парадокс в том, что именно ригорист Кант ввел понятие «вещи самой по себе», справедливо заключив о невозможности адекватного постижения сущности объекта. То есть мы живем в мире наших представлений об окружающем, ограниченные собственной психофизической сущностью, собственными сенсорно-рациональными возможностями, не в силах выйти за пределы этого круга субъективных данных.

То есть. Нам не дано судить, насколько наша информационная модель мира совпадает с его сущностью. То есть. Возможно, все наше представление о мире есть обман. И вся наша жизнь есть обман. Вот что

вытекает из столкновения идеалистического мировоззрения Канта с его этикой, если продолжить их линии до пересечения.

3. Банальна и нехитра мысль, что «жизнь — обман с чарующей тоскою...» XIX век породил массу чего, и естественным порядком пошел дальше Канта, и появился солипсизм, место которому Шопенгауэр справедливо определил в сумасшедшем доме. Жизнь есть моя иллюзия, оно же обман чувств, убеждал солипсизм.

Вот это обман так обман.

4. Солипсизм не мог обойти стороной этику. Анархо-индивидуализм Макса Штирнера, произросший из радикальных форм солипсизма, так прямо и утверждал, что и Бог, и долг, и все прочее — моя иллюзия, самообман, если угодно, господ. Есть лишь я, мои желания и способы их удовлетворения: все мои взаимоотношения с окружающими этим и определяются.

5. Итожа радикальный взгляд на вопрос, следует сказать: все есть обман, и нет для человека ничего в мире, кроме обмана. Так-то. И эти люди не велят ребенку стащить конфетку. Проклятые лицемеры. О какой правде может идти речь?!

6. В классической философии обман рассматривается как сугубо этическая категория. Радикальная точка зрения: обман есть зло сам по себе, правда есть благо сама по себе, это абсолютный императив. Это интересно как интеллектуальный экзерсис, но представляется не заслуживающим критики всерьез. Представлялось бы — если бы и сегодня так не полагали бы многие серьезные и уважаемые в философском сообществе специалисты. (Что, на мой взгляд, еще раз иллюстрирует мой же тезис об объективности и неизбежности наличия разнообразных вплоть до взаимоотрицания точек зрения по любому вопросу: информационный аспект эволюции всегда включает тестирование всех возможных вариантов. — Кстати, примерно так компьютер играет в шахматы: перебирая все возможные варианты развития данной позиции. Не следует упускать из вида, что законы кибернетики достаточно соотносятся с информационным процессом внутри человеческого сообщества.)

В чем представляется ошибка радикально-классической этики насчет обмана как зла самого по себе? В неправомерности абстрактно-формального подхода.

То есть: в подходе антидиалектическом, антиисторическом, антисоциальном и антипсихологическом, во всяческом избегании детерминизма — в локально-этическом изоляционизме: в принципиальном отказе рассматривать обман не сам по себе, лишь как противоречащий

общей основе этики — но как социопсихологический феномен единой и неразъемной мозаики многоаспектного человеческого общежития.

Я бы рискнул назвать такой подход архаико-метафизическим. Как нет Добра и Зла самих по себе, а есть лишь абстрактные понятия, наполняющиеся смыслом лишь в конкретных обстоятельствах и в противопоставлении друг другу — так нет и не может быть обмана как Зло «вообще», но обман является злом, добром или вовсе этически нейтрален в каждом конкретном случае.

7. Предмет этики не есть правдивость. Предмет этики есть учение о нравственности — то есть о совокупности взглядов и поступков, ориентированных к счастью, справедливости, благу. Добродетель как образ мыслей и действий есть предмет этики. Я имею наглость утверждать очевидное: понятия правдивости и добродетели не адекватны. Правда может быть злом, ложь может быть благом, многочисленные примеры этого описаны бесконечно на протяжении тысячелетий.

Выдать эсэсовцам на казнь своего брата-подпольщика есть Зло, и хоть вы все себе головы об стену разбейте. Сказать умирающему, что его открытие всех потрясло, и решается вопрос о присуждении ему Нобелевской премии — благо, и можете застрелиться. Простите, что множу число банальных аргументов.

Правда или ложь здесь служат лишь шагами к достижению блага, не имея самооценности.

8. Транслирование адекватной информации — безразлично кому, безразлично с какой целью, безразлично в каких условиях, безразлично с каким результатом, — этично не более, чем работа телеграфного провода.

Информация сама по себе этически нейтральна.

Этический аспект передачи информации возникает как коммуникативный эпифеномен.

Смысл передачи информации никогда не нейтрален.

Смысл ее есть воздействие на адресат, тем самым и через это на реальность.

Формально адекватные информационные блоки имеют разный смысл в разных условиях и могут производить противоположный эффект.

С точки зрения семиотики это следует сформулировать так: смысл знака меняется в зависимости от контекста. Вне контекстов знак не имеет смысла.

9. То, что ведет к благу — этично и добродетельно. То, что ведет к злу — неэтично и недобродетельно. Суть в том, чтобы на пути к благу не творить зла. Если же это невозможно — из двух зол следует выбирать

меньшее.

Масса злодеев от политики цинично спекулировали на этом положении, говоря о целях, оправдывающих средства. Что ж — иногда оправдывают, иногда нет.

Использование верных средств во зло еще не компрометирует верные средства. И в воде, необходимой для жизни, тонут многие люди.

10. Нет одного лучшего лекарства от всех болезней и нет одной лучшей пищи для ожиревших и голодающих: так нет одного лучшего политического устройства для всех народов во все эпохи и при всех обстоятельствах.

Отчего ж вы решили, что есть лишь один наилучший способ посылать сообщение всем людям обо всем и в любых условиях — говорить им правду? Даже если погибнут невинные и рухнут города?

Два слова крутятся у меня в голове, как злые докучливые мухи: схоластика и софистика.

11. Следует различать обман как факт и лживость как черту характера. Лживость безусловный порок: с лживым человеком нельзя иметь дело, нельзя доверять, он социально ущербен и опасен. Обман конкретен, тут смотреть надо.

12. О лжи во благо, во спасение, святой лжи и т. д. написана библиотека.

13. Сказано немало и о лжи как вежливости и социальном ритуале.

«Как я рад вас видеть!» «Заходите почаще!» (чтоб ты сдох)

«Вы прекрасно выглядите!» (совсем разваливается, доходяга)

«Старик, ты написал гениальную книгу!» (поганый графоман, опять пролез)

Приветливость как форма лжи.

Лесть как форма лжи.

Улыбки, рукопожатия, поцелуи, жесты, комплименты, — это все обман взаимно равнодушных сплошь и рядом. Но одновременно это социальный код, без которого нельзя. Это сигнал члену своего социума: «Я к тебе мирно отношусь, я тебе не враг, я не посягаю ни на что твое, я уважаю твои права, мы можем определенное время сосуществовать в одном пространстве и даже совместно чем-то заниматься при случае».

Главное в коде — нагрузка знака. Слова, жесты и мимика социального ритуала имеют основной смысл, отличный от номинального. Автор намеренно передает адресату не ту информацию, которой на самом деле располагает, но ложную (искусственно сконструированную), направленную на достижение желаемой цели (мирное сосуществование и

сотрудничество).

Этично ли искренне сказать собеседнику: «Я считаю вас хамом и идиотом, вашу работу — безграмотной чушью, и с трудом сдерживаю желание ударить вас по лицу»? Вы по-прежнему настаиваете, что правда — во всех случаях принадлежность этики? Что, лучше смолчать? Ну так умолчание — одна из фигур лжи, разве нет?

14. И, покончив с традиционно литературным подходом, перейдем к вещам серьезным и базовым.

Любая вещественная система в Универсуме существует в двуедином аспекте — энергоматериальном и информационном.

С возникновением клетки и биосферы на Земле получение биосистемой информации извне, из среды обитания, стало необходимым условием ее существования.

А по мере усложнения биосистема с той же целью стала подчас корректировать информацию, поступающую от нее во внешнюю среду. Ядовитые растения ярким цветом сигналили травоядным об опасности, спасая себя. А другие запахом или влагой в цветке приманивали насекомых как пищу. Одни насекомые мимикрировали под растения, прячась от хищников, другие — чтоб незаметно приблизиться к жертве. Неядовитые змеи принимали окраску ядовитых, отпугивая от себя. Тигры и волки покрывались камуфляжем, вписываясь в пейзаж. У зайца потовые железы только на подушечках лап, чтоб его невозможно было почуять, когда он прыгнул в сторону и затаился.

В ходе биологической эволюции организм, совершеннее адаптируясь в среде, стал предоставлять о себе неадекватную информацию возможным врагам и жертвам.

В то же время средства и объем сбора информации организмом, нуждающимся в поиске и захвате свободной энергии, совершенствовались и росли: исключительная чувствительность органов чувств.

...Как можно заметить, мы перешли от этического взгляда на предмет к позитивистскому. Что отнюдь не отрицает, но дополняет одно другим.

15. То есть что принципиально: изменяя не реальность, но лишь информацию о ней, субъект может достичь того же результата, как если бы иной была сама исходная реальность. Величины мнимая и подлинная, имея тождественное информационное обеспечение, могут играть одинаковую роль в действительности.

Следует сформулировать и отметить: информационный ресурс есть реальная действенная величина во взаимодействии с окружающей средой. Более того: транслируемая информация может быть самостоятельной

силой, влияющей на реальность.

С точки зрения эволюции мимикрия есть эффективнейший способ решения проблемы: с минимальными усилиями (изменениями) достичь максимального результата. А это — генеральный принцип эволюции вообще.

Оперирование информацией как орудием решения реальных проблем, подмена вещественной модели субъекта лишь информационной для достижения того же результата — это подъем на следующую ступень эволюции: повышение сложности и эффективности адаптационного механизма.

16. А вот и люди. А вот и мы.

Базовый уровень отличия человека от прочих животных — в резко и биологически неоправданно повышенном потреблении, переработке и выделении энергии.

В анатомо-физиологическом аспекте это являет себя, принципиально и прежде всего важно для нас сейчас, формированием мощнейшей центральной нервной системы. Активно работающий мозг неподвижного человека потребляет почти до 40 % всей глюкозы, поступающей в кровь для питания всего организма.

Основное функциональное отличие нашего мозга от животных — создание многочисленных информационных моделей чрезвычайной емкости.

Огромное большинство этих моделей никогда не реализуются в действительности. Но их количество, детализация и дальнобойная многоступенчатость позволяют человеку отобрать лучшую и организовывать свою деятельность несравненно рациональнее любого животного. Исключительный информационный запас памяти и аналитическая способность позволяют человеку создавать (в воображении) бесконечное количество самых сложных информационных моделей.

Потом он наилучшим способом охотится на кабана, или строит каравеллу, или создает дифференциальное исчисление.

17. Что есть воображение? Создание множества информационных моделей, не отражающих непосредственно реальность, но абстрагированных от нее вплоть до полного искажения форм действительности. Что отличает его от самообмана? Что субъект и не отождествляет картины воображения с реальностью. Но создавать эти картины — есть неотъемлемое и необходимое свойство его психики.

Ибо основа воображения — дальнейшее планирование, оно же практическое прогнозирование: создание информационных моделей всех

возможных будущих ситуаций, чтобы выбрать из них оптимальную и выработать программу практических действий для достижения желаемого результата.

Но. И не примененные в реальности модели не всегда пропадают как отходы производства или удобрение памяти для моделей будущих. Из них возникает праискусство в форме обрядов, рисунков и охотничьих баек у костра.

Байка выдает себя за правду, но над хвастовством (враньем) героя-охотника добродушно посмеиваются. Ан внемлют! Ибо — ибо! — правда художника всегда субъективна и от лжи не всегда различима. Цель? Развлечь народ, снискать симпатии, получить лишний кусок. А то вы не знаете этих писателей...

18. Что общего у искусства и обмана? Искусство — формально неадекватная информационная модель объекта, намеренно трансформированная сознанием художника.

А еще? То и другое направлено на вызывание рассчитанной реакции адресата.

Чем отличается искусство от обмана? Оно и не выдает себя за формально адекватную информацию.

19. С точки зрения информатики обман — это спекулятивная информационная модель.

Обман — это переформатирование адекватного информационного поля объекта с целью вызвать следствием процесс переформатирования детерминированного им поля энергоматериального. — Адекватный прогноз действий объекта путем внедрения элементов неадекватной информации заменяется на прогноз неадекватный, желаемый субъектом для действующего в ущерб себе объекта.

Обман есть власть.

20. С точки зрения последовательного инструментализма обман можно расценивать как инструмент достижения субъектом своих целей с минимальными усилиями и затратами, воздействуя на объект предоставлением ему сконструированной информационной модели таким образом, чтобы объект собственными силами действовал образом, желательным субъекту.

«Знание — сила» — сообщил Френсис Бэкон. То есть:

Информация — орудие преобразования реальности.

А преобразование реальности — это и есть жизнь и сущность нашей деятельности.

21. С точки зрения энергоэволюционизма, рассматривающего Бытие

как эволюцию изначальной энергии Большого Взрыва, а жизнь — как захват свободной энергии и максимальное преобразование окружающего материального пространства, следует сформулировать:

Обман — это внебиологическая, социальная форма захвата энергии подобных субъекту материальных объектов информационными средствами и преобразование этой энергии объектами в направлении воли субъекта. Это превращение равных себе автономных объектов в добровольные орудия своего замысла и своей деятельности помимо их собственных мотиваций.

Таким образом, это одно из средств повышения социальной структуризации, самоорганизации общества, когда действия социальных монад уменьшают свободную разнонаправленность и координируются сторонними (информационными) центрами.

22. Обман — это социальная экспансия путем подмены информационных моделей в сознании объектов. Борьба умов за подчинение, образ и цель действий.

Обмана есть следствие неизбежности противоречий в обществе. А неизбежные противоречия между индивидуумами, ведущие к борьбе, есть та самая движущая сила социального развития, как нам всем давно известно.

Часть девятая

Блеск лжи и красота истины

Правда как эстетическая оценка

«Моя эстетическая оценка еще не сформировалась», — эта гениальная фраза из «Золотых плодов» Натали Саррот прекрасно иллюстрирует сущность правды об искусстве. Правды как мнения экспертов, правды как верного понимания произведения. И правда здесь неразрывно связана с оценкой по двухбалльной шкале «хорошо-плохо».

Завершался конкурс симфонической музыки, композиторы принимали награды и комплименты. Фраки, скрипки, люстры и корзины с цветами. Критика тактично вела свой конференс услуг на подхвате, когда на сцену вышла молодая и малоизвестная критикесса — и сразу приковала к себе внимание. Вы на нас, критиков, свысока-то не смотрите, заявила ученая девица. Все, что вы тут пишете и играете, не так уж важно. Важно то, как мы вас оценим и что мы, критики, о вас напишем. Потому что написанное нами — и останется в истории культуры и сознании любителей музыки. Так что ваша слава и ценность вашего творчества зависит от нас.

Музыкальный люд аж слегка погудел, посвистели даже, и высказались вслед в том духе, что зачем же так уж нагло-то. (Иная простота грешнее воровства.) Однако задела за живое! И ведь в чем-то она была права...

Искусство (как и политика, медицина, архитектура и мода) — это область, в которой мало кто сам разбирается, но любому потребно иметь мнение: здесь каждый — специалист. То есть: понять трудно, но ориентироваться надо. Что к чему и что почем: строим картину своего мира, выкладываем мозаику. Не знаешь, как пристроить вот эту штуку, ее пьют или надевают? Так тебе подскажут, что это такое, другие знают, умные люди, авторитеты.

Короче: сталкиваясь с новым для тебя явлением, надо понять: что это, зачем, хорошо это или плохо и как можно применить. Баран молча смотрит на новые ворота, жена спрашивает у мужа, а муж с уверенным видом несет ересь, что кажется ему наиболее подходящей: печать чтобы колоть орехи, на книжку ставить сковородку, а «Мурка» музыкальней фигни Баха. Но ежели по телевизору сказали, что глобальное потепление — так так и есть, хотя у нас лето холодное, а зима вообще стала как в тундре.

Ибо.

Один из законов окружающего мира: он должен быть отмаркирован.

Каждый предмет и каждое явление должны быть помечены кодом для классификации и размещения в сфере мировоззрения: степень

необходимости, полезности, престижности, частотности, качества, приличия, удовольствия.

Отмаркированный и кодированный мир как совокупность всех предметов и явлений превращается из хаотичной мешанины в структурированное пространство Бытия человеческого. Он упорядочен, понятен, определен, постижим в своих причинно-следственных связях: теперь им можно пользоваться. Можно жить. Знаешь, от кого чего ждать и что как можно применить.

Все, что меж людей почитается заслуживающим внимания — должно быть тебе как-то известно, надо знать, с чем это едят и как к этому относиться. Культурная информация — это вся сумма знаний, которая отличает человека от животного, вводит его в цивилизационный мейнстрим и делает его человеком разумным, то есть существом политическим, социальным, мыслящим и производящим.

Знание — сила!!! Мало быть здоровенным и агрессивным — надо быть умным и знающим, и будет тебе тогда счастье: жизнь и победа в борьбе, власть, лучшая жратва, секс и потомство.

А если не знаешь? Так хоть притворяйся. Мимикрируй под более значимого. Сойди в их кругу за своего. Важничай. Симулируй компетентность. Чтоб уважали и не затирали.

Итак, мы говорим о социальном аспекте любой информации.

То есть. У человека есть потребность в информации обо всех социальных связях и социальных аспектах своего существования в группе. От этой информации и адекватной реакции на нее зависит его ранг в группе, его выживание и продление рода, его значимость и уровень благ. Степень его самореализации от этого зависит!

Вот как оно обстоит дело на базовом-то уровне.

Вот что такое потребность иметь мнение о любом предмете. Который по жизни ну низачем тебе не нужен. Кроме одного: показать свою осведомленность, то есть ум и образованность, то есть свою значимость. Это означает — располагать информацией о социальной значимости этого предмета. Что необходимо для максимального самоутверждения в социуме — и для максимальной самореализации.

Вот что стоит за потребностью иметь мнение о модной книжке (картине, симфонии, скульптуре, научной теории), которая вообще-то тебе и на хрен не нужна. Престижное мнение как знак твоего статуса, ума, образования, принадлежности к уважаемому обществу.

А попросту?! Сичазз. Все хотят выглядеть сильно умными перед другими, да и перед собой. Они так уважаемое и значительнее. Их мнение

— аспект их уважения и самоуважения, своей значительности.

Ну держитесь, друзья мои книги, я много от вас претерпел, теперь вы немного потерпите.

...Главным рассказом послевоенного Советского Союза был «Судьба человека», автор Михаил Шолохов. Самый был маститый и весомый советский классик. Лет тридцать изучали его в школе. Фильм был — знаменитый, очень мощный и дорогой. И все знали, что этот рассказ — шедевр. Со школы внушали. Ну, может только особо умные критики и писатели думали иначе, и говорили на кухнях, но той крамолы никто не слышал. А публично все пели хвалы, задыхались от восторга.

Пересказывать я его не буду, потому что старики помнят отлично, молодых боже избави, а желающие прочтут. В общем, трагическая судьба простого человека на войне, солдат, плен, каменоломня, комендант из уважения не расстрелял, бежал, сына-офицера перед победой убило, и вот шоферит и усыновил мальчика-сироту.

В школе у меня эта высокая советская классика вызывала патриотизм с сомнительным комплексом неполноценности. С чего это коменданту лагеря, вечером, в свое неслужебное время, когда он с друзьями культурно выпивает, вызывать к себе обычного грязного зека, каких через лагерь десятки тысяч проходят, и наливать ему шнапса, и давать закусить, и отпускать живого с хлебом-салом в подарок? А потом они в бараке делили всем поровну: с наперсток хлеба и полспички сала каждому. Мысль первая: ох сам сожрал бы. Мысль вторая: с другом или двумя друзьями поделился бы, но на всех — жутко благородно, даже не верится нам с ребятами, какое же мы все-таки говно, а вот люди были — честные и бескорыстные... но аж не верится...

Взрослому мне было уже видно всю фальшь и слюнявую сентиментальность этого лживого сочинения штатного и платного патриота. Все было не так: и воевали не так, и драпали не так, и командование бездарное, и пленные толпами сами сдавались, а потом толпами с голоду мерли на пустырях за колючей проволокой, и в шофера к немцам шли только добровольцы, как и вообще в «хиви» (добровольные армейские нестроевые помощники), и наши солдаты этих «хиви» в немецкой форме обычно называли всех «власовцы» и расстреливали на месте, а не успели — так после допроса в СМЕРШе; а если вместо расстрела лагерь — так это счастье им бог подарил.

...Слушайте, простите, я больше не могу про этот рассказ, ну хватит же, надоел, правда... Ничего?

А еще Шолохов написал неоконченный роман про ВОВ (аббревиатура

ВОВ вызывает у меня ассоциацию с впадшими в детство заботливыми маразматиками в подгузниках, пишущими историю для дефективных детишек). «Они сражались за Родину». Там не умученные восемнадцатилетние мальчишки толпами под огнем умирают, а взрослые шахтеры с комбайнерами о жизни и стране рассуждают. Но критика объявила: шедевр! И кино сняли: цветная развесистая клюква, вместо солдат — мужики под пятьдесят, упитанные и загорелые, в подштанниках снежной белизны... твою мать, позорище и лицемерие. Но сказать слово против — значит замахнуться на святыню! Как можно?! Получите: шедевральное качество как верность идеологии. Правда — все, что к нашей чести и славе. Ложь — все сомнения в высоком художественном качестве советского идеологического продукта.

И если ты скажешь, что этот «неоконченный роман» — бездарен художественно и лжив по существу, твоя святая правда отскочит от бронированного лба советского человека, глаза из-под которого вот так видят мир: эту картинку ему имплантировали под череп. Ты в чем сомневаешься, сука: в шедевре о нашем героизме и победе?!..

А когда докажешь все по тексту, по мемуарам, по имеющейся статистике, о возрасте солдат и Приказе 227, о слове «драп» и соотношении их и наших сил, о бездарном харьковском котле и штрафных ротах — то припертый к стенке бедный оппонент, под давлением открывшихся аргументов, махнет рукой и безнадежно скажет: «Ну, тогда я вообще уже не знаю, чему верить». Помолчит и добавит: «Но книга ведь все равно хорошая».

Три великих советских романа были главными шедеврами для народа: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого и «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Их изучали в школах, переиздавали постоянно, экранизировали. Они прославляли героизм советского человека — борца с врагами СССР. Р-р-рухнул СССР — и где те шедевры? М-да: их перестали объявлять таковыми. А ведь они были вне критики! Хвалить или любить молча!

Критикуя их при советской власти — ты был клеветник и гад. И все слова твои — яд антисоветизма, ложь наших врагов. А похвалив их сейчас — ты выкажешь примитивный художественный вкус и приверженность коммунистической демагогии.

Что означает подобная смена правды и лжи? Что в Аугсбурге курят сигареты «555» и заявляют: «Кого власть — того и вера».

Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью, сказал Гитлер, если верить историкам.

Правда — это то, что сказал я, (утвердил критик), потому что я умный и компетентный профессионал-пониматель в этом деле. И припечатал печатью. На печати вилась узорная непонятная надпись. Это был иврит — древнееврейский. А означала она: «И это тоже пройдет».

У блестящего советского кинорежиссера Ларисы Шепитько был гениальный фильм по гениальному сценарию Геннадия Шпаликова. Это фильм о задушенном поколении, об отсутствии выхода хоть в загранице, хоть в советской романтике; это аллегория советского строительства как цирка и всей жизни как однодневного представления. Фильм о возрасте Христа и безнадежной болезни, которую мы упустили, а теперь уже обречены — и никогда ты не убьешь своего медведя. Этим шедевром венчался золотой период советского кино — конец шестидесятых. Это был пролог и пророчество застоя — которого в 1971 году мы еще не поняли.

Этот фильм так и назывался: «Ты и я».

Это был реквием шестидесятничеству на уровне непривычного класса Бунюэля и Дзурлини с горькой пародией и одновременно правдой американского экшен.

Кинокритика, и вообще-то тупая и склонная к корпоративному конформизму, фильм в упор не поняла и даже объявила неудачей. Зато следующую работу — «Восхождение» по военной повести Василя Быкова — подняла на щит. То была работа лобовая, идеологическая, художественно грубая, двумя классами ниже, с пренебрежительно точным расчетом на официальный успех — о, вот там им все было понятно.

Правда и ложь как оценка художественного качества.

Правда и ложь как мера вкуса и компетентности.

Правда и ложь как устоявшийся взгляд и покушение на устои.

Правда и ложь как вера и скептицизм.

Как конформизм и нонконформизм.

Как старое и новое.

Консервативное и новаторское.

Устои и сносящий устои поток.

Ну и так далее весьма длинный ряд, стремящийся к бесконечности, переходящей в болтовню.

Вот поэзию Высоцкого при его жизни поэзией особо критики и поэты не считали. Пренебрежительно так: бардовская песня. Беспрецедентная любовь народная заставила знатоков-профессионалов задуматься. Лбы наморщили. Но умного пока — лет за сорок — не сказали.

Первое. Есть ли объективные критерии для оценки художественного качества произведения и его художественной значимости (это не одно и то

же)? Постмодернизм утверждает: нет. Но я так думаю, что — да.

Это богатство, диапазон, изощренность изобразительных средств. Это глубина и наполненность мыслей и чувств. Это степень неравновесности формы и содержания, удаленности их от хаоса, всесторонняя энергетическая насыщенность, минимум энтропии — выражаясь языком синергетики (а вот она вполне объективна). Чем больше добавляет произведение мыслей и чувств адресату, открывает ему новые пространства жизни — тем оно лучше, значимее, совершеннее.

И вся форма в совокупности средств работает на эмоцию, мысль, причастие мудрости с ее горькой отрадой, со-чувствие и со-познание, и нет в произведении ничего лишнего, никаких избыточных формальных нагромождений, а только гармония естественной внешне простоты.

В эстетику влезешь — не вылезешь. Потому что всегда принципиален и субъективный момент. Тебе шедевр? — а мне это фигня! Вот и релятивизм.

Но! Но! Фокус здесь вот в чем. Чем примитивнее человек — тем меньше он способен воспринять. Тем мельче его воспринимающие емкости, и тем легче они заполняются малым объемом информации. Тем ему потребнее простота формы и содержания. Так советские колхозницы плакали над индийскими мелодрамами — любимым своим кино. Так нашу студенческую компанию ненавидели в рабочем клубе после показа «Мольбы» Абуладзе — народ с досадой спал на этой тягомотине, и наше тихое потрясение вызвало их классовую ненависть: «Суки, они еще притворяются, будто что-то тут такое поняли, будто им понравилось, бля!..» Вот пример правды и лжи глазами пролетариата.

А вот «Солдат Иван Бровкин» или «Поднятая целина» для народа были самое то. И понятно, где надо — весело, где надо — грустно и задумчиво, есть чему порадоваться и над чем подумать. Люди много получали от этих фильмов!

А сильно умный интеллигент ничего от них не получал. Для него это был примитив. Информации — по щиколотку, до мозга доходить нечему; а худ. средства примитивны.

Лиса и журавль? Каша на тарелке или окрошка в кувшине — каждому свое? Следует ли из этого равноценность, равнозначность режиссеров Александра Иванова и Тенгиза Абуладзе? «Целины» и «Покаяния»? Ежели кому что нравится?

Не следует. Потому что одно гораздо сложнее, богаче, глубже и многозначнее. А другое мельче и проще. Но главное:

Интеллигент из сложного произведения — получает несравненно

больше интеллектуальной и эмоциональной информации, нежели незатейливый пейзаж — из простого. Да — над примитивом могут женщины плакать или мужики хохотать. Но это — сила эмоции, ищущей выхода, а не сложность чувства. Это тебе не Гамлет и не Бернард Шоу.

Искусство ярмарочного балагана и шекспировского театра — неравнозначны и не равноценны. Хотя ярмарка реагирует активнее! Это понятно многим. Так что критерии есть.

А коли есть критерии — есть правда и ложь. О чем мы и толкуем.

«Фаддей Булгарин травил Пушкина и был реакционер». Ложь! Фаддей Булгарин был боевым офицером и кавалером ордена Почетного Легиона, создателем первой русской общественно-литературной газеты, талантливым писателем — автором первого и знаменитого русского романа «Иван Выжигин», разошедшегося в пятнадцать раз большим тиражом, чем «Евгений Онегин» и переведенный сразу на восемь европейских языков, чего о Пушкине при жизни никак нельзя было сказать; и критика расценила роман Булгарина куда выше «Онегина», и сам Булгарин критик был блестящий и объективный, и именно он был другом Грибоедова, Рылеева, Адама Мицкевича, Кюхельбекера и Бестужева-Марлинского.

Ну, здесь — репутация как правда и ложь, медийный образ как правда и ложь. Но ты скажи русскому школьнику, а хоть и рядовому учителю литературы, что Булгарин был человек достойнейший, талантливый и заслуженный. Они рты откроют. И скажут, что это неправда! Он гад! Враг Пушкина! И все это знают!

Ты скажи, что Шаламов — очень хороший писатель, а Солженицын — не очень, публицист он, а не беллетрист. И «Колымские рассказы» есть проза как тянутая на разрыв проволока нержавеющей стали, а «Один день Ивана Денисовича» — средняя повесть в каноне соцреализма, сила только в материале запретном, жестоком, лагерном. Так и материал Шаламова куда круче...

Тусовка и сейчас издаст негодующий вопль, услышав, что Стругацкие лучшие писатели, чем Трифонов.

Правда как табель о рангах. Ложь как нарушение этой табели. И перевернуть такое представление о правде очень трудно: тогда с хрустом выворачиваются из гнезд все полочки и ступеньки, и все в списке меняют свои места! А они не хотят, сопротивляются!

Проблема правды и лжи в искусстве — это вопрос эстетического воспитания, профессиональной компетентности и абсолютной свободы (либо наоборот, зависимости) от корпоративных интересов и соглашений. Вопрос индивидуализма или конформизма, храбрости или

соглашательства.

И молоденькая наглая критикесса со стуком каблучков взбегают на сцену и торжествующе кричит:

— Я же вам говорила, что правдой будет то, что мы о вас напишем!

А в партере поднимается, прижимая к поле камзола шпагу, шевалье де Еон и, обратясь к ложе критики, звонко и надменно произносит:

— А на вас на всех я плюю!

И складывает кукиш в кружевной манжете, как розу.

Эволюция эстетики

Эволюция эстетики напоминает скорее пульсацию, нежели усложнение. Человеку сведущему это понятно нагляднее всего на истории европейской живописи от Средневековья до Новейшего Времени. И любой может наблюдать эволюционное пульсирование на примере моды — моды на одежду то есть — ярко, как звездопад или смена радуг.

Живопись развивалась от примитива линии, цвета и перспективы до полностью реалистичного, и далее более чем реалистичного изображения действительности. Линия, цвет и перспектива, обедненные и упрощенные вначале, затем с изощренностью техники, поражающей знатоков, давали изображение более содержательное и богатое, нежели обозначали формально.

Ну а затем, поскольку с вершины все тропы ведут вниз, а изменение есть закон природы, а изменение совершенства всегда означает ухудшение и упрощение — затем настала эпоха «модерна» в широком смысле слова. То есть изображения жизни не в формах жизни. Называлось ли это «абстракционизм», «кубизм» или «дадаизм» — значения не имело.

Но. То, что для непосвященного выглядело мазней — для посвященных было шедеврами. Не важно, что рисунок, сделанный ослом посредством своего хвоста, который художник окунул в краску, стоил 20 000 долларов (тех, середины XX века).

В линии и точки, мазки и плевки создатели вкладывали смысл, и этот код полагалось знать, понимать и оценивать. То, что ребенок и сумасшедший мазали за минуту, знаменитый художник создавал и продавал за миллион.

Внешне две картины не отличались. Разница была во внутреннем смысле, вложенном автором.

Так. Дискуссии о традиционном и современном искусстве не будет. Будет только констатация факта: одна и та же вещь может расцениваться одними и теми же людьми в одном месте и в одно время — и как шедевр, и как фигня. В зависимости от того, чем мы условились ее считать. Творением художника или обрывком обоев, запачканных маляром.

А где истина??? А нет истины!!! — сообщают нам постмодернисты. Она относительна. В жизни господствует сплошной релятивизм. Особенно в эстетике. И в этике тоже. И вообще в искусстве и в морали. Во всей культуре господствует релятивизм, ты понял?! Эйнштейна читал? Ну вот —

он же доказал, что все относительно.

И если ты скажешь, что мазня — это мазня, дерьмо — это дерьмо, а унитаз и консервная банка — это именно унитаз и консервная банка, а не произведение искусства, то тебе возразят презрительно: ты тундра и ничего не смыслишь в современном искусстве. Профан. Быдло. Иди и сдохни со своим Микеланджело. Он когда жил? Именно! А искусство должно развиваться и идти вперед. И художник всегда имеет право на эксперимент. И мы живем совсем не в том мире, что жила Флоренция полтысячи лет назад.

То есть. Создана стройная система доказательств. Античные софисты нервно курят в сторонке. Разработаны теории. Написаны библиотеки искусствоведческих книг, защищены тысячи диссертаций, прошли сотни всемирных выставок. Где дерьмо и мазня обсуждались и награждались в качестве шедевров, и коллекционеры приобретали их за сумасшедшие деньги.

А в маленьком городе Одессе сохранился маленьким домик Андерсена, Ганса Христиана, и из этого домика регулярно выскакивает маленький эстетически неразвитый мальчик и кричит: «А король-то голый!!!» И все ну жалеть, что телесные наказания запрещены.

Мир может треснуть по экватору, шизофрению объявят нормой мышления, парады зоофилов затерроризируют натуралов — но дерьмо это дерьмо, и мазня останется мазнёй. А художника с унитазом определите в сантехники — он ошибся профессией.

То есть! Правду могут объявлять ложью, а ложь — правдой. Посредством следующих нехитрых приемов. Первый: подбить под это сложное, научное, психологическое и оптическое, искусствоведческое и философское, теоретическое обоснование. Построить карточный домик... домик?! дворец!! из демагогии, общих рассуждений и нововведенных терминов. Второй прием — это да, это левёр панч — удар ломом, как говорили когда-то в профессиональном боксе. Это: объявить, что нет ни абсолютной правды, ни абсолютной лжи или ошибочности, а все это относительно. Все зависит от точки зрения, развития общества, типа культуры и так далее.

Но. Если Пикассо был безусловно хороший живописец и рисовальщик, и его формальные поиски — искренни. То. Когда художники поняли, что в рамках современных течений умение рисовать не обязательно. Такая им пруха пошла!

Дураки и безумцы обыкновенно говорят правду.

Роберт Бертон

Что в одно время является правдой, то в другое время бывает заблуждением.

Шарль Луи Монтескье

Лишь дуракам дарована привилегия вываливать правду, никого этим не оскорбляя.

Эразм Роттердамский

Мудр не тот, кто доказал истину, а тот, кто, зная ее, промолчал.

Конфуций

Власть придает словам отпечаток правды.

Менандр

Скажите людям правду, и страна будет в безопасности.

Авраам Линкольн

Не важно, что ты нарисовал — а главное, как ты сумел убедить всех,

что создаешь шедевры. Искусство живописи превратилось в искусство пиара и рекламы, в искусство сформировать общественное мнение методом заглаживания мозгов.

В царстве кривых — прямой урод. Когда мощный клан удачно кормится, убедив друг друга в своей правоте — то инакомыслящий безусловно профан и хам.

А поскольку та же живопись, воспарив над вершинами реализмов кистью Тернера и импрессионистов, отбалансировав на бритвенной грани искусства и пропасти полубезумным гением и эпатажем Ван Гога и Дали, таки свалилась в болото и ползет тиной и тенью — ну так жить-то как-то надо!.. Чего-то свое придумывать. Чтоб выделиться. Оставить след. Застолбить славу. Подгрести бабла.

Объявить здравый смысл и элементарный вкус профанацией, ссылаясь при этом на квантовую механику и вращение Земли вокруг Солнца, а не наоборот — это надо уметь. Приняты все меры, чтобы твоя на хрен никому не нужная правда мещанина и дуболома не портила жизнь художников, живущих в психоделическом мире кружевных извращений, но жаждущих снимать пенки в нашем мещанском мире денег, машин и красивых баб.

...Да, так мы вначале упомянули моды. Ну, одеяния Средневековья и Ренессанса оставим в покое — жизнь была чересчур другой, и ежегодную смену мод при дворе Луи XIV — а ведь это уже рубеж XVIII столетия — мы уловить и оценить не в состоянии, так же как принципиальные различия в цене тех карет и экстерьере лошадей. Возьмем моды за последние полвека. И что характерно.

Когда носят широкие лацканы, широкие плечи, широкие галстуки и большие воротнички рубашек с длинными уголками — это вполне красиво; а узенькие галстучки и плечики и брючки коротенькие и воротнички крошечные — как-то странно выглядят, и, в общем, некрасиво. Нелепо. Неуклюже. Необаятельно. Ну некрасиво, честное слово.

Сорок лет назад прическа под ноль была уродством. А небритость — неряшливостью. А сегодня — за милую душу.

В эпоху старого кино мужчина без шляпы и галстука бежал с пожара или приехал с необитаемого острова. А пиджак на майку вызывал насмешки и сомнение в умственном развитии. Сейчас — стильный мужик.

Революция хиппи вызвала моду на рваные джинсы и заляпанные майки. Они могли быть новые, чистые, дорогие и самых престижных брендов. И в этом был современный крутой стиль. За десять лет до этой моды такого модника остановил бы полицейский и поинтересовался родом занятий и адресом, а в автобусе никто не сел бы рядом.

Мода — это красота по общественному договору, можно и так сказать.

Но. Когда. Согласно моде. Низенький мужчина. Надевал брюки «чарли чаплин». С высоким поясом, широкие в бедрах, узкие внизу, и длинные так, что гармошкой-дудочкой садились на туфли. И делался кургузым, колченогим, широкобедрым и низкозадрым. Ни один человек, сохранивший остатки совести, не посмел бы назвать эту моду красивой. А носили! И нравились себе! Потому что модно — значит, так надо. А раз надо — значит правильно. А раз правильно — то хорошо. А хорошо — это эстетично, коли мода для заради эстетики. Вот и красиво! И пошли на фиг, не завидуйте.

М-да. Здесь уже правда — это общественное мнение по данному вопросу, только и всего. Модник — это нарцисс, счастливый тем, что свой богоподобный облик всегда можно откорректировать до совершенства. А ты, падла, покушаешься на счастье его жизни.

Защищая свою правду, вгоняющую тебя в депрессию и подрывающую веру в человечество, человек бьется за свое счастье. За свое благополучие. За свой мир. И бьется отчаянно — когтями и клыками. А ты, гнида, со своими аргументами. Заработай денег, купи себе композицию Дюшана и костюм от Бриони, тогда посмотрим, что ты скажешь, быдло.

Да, так я хотел сказать, что с «современной западной литературой» то же самое, что с живописью. И дискомфортный для жизни и работы внутри него небоскреб, стеклобетонный параллелепипед — не Парфенон и не Кельнский собор. И рэп — это вам не Бизе и не Хозе. И фамильярность на всех уровнях — не вежливость джентльменов. И если продолжить этот список, то многие начнут ругаться матом и метать пену, требуя впаять мне срок за нетерпимость и разжигание.

А я буду говорить правду. Возможно, я садист. А возможно наоборот — мазохист. Или скандалист. Или вольный стрелок из гранатомета. Ищу мужчин для серьезных отношений.

И об искусстве

Любое искусство условно. В этом смысле любое искусство есть ложь. То есть — информация о реальности намеренно трансформирована, искажена.

Во-первых: если мы здесь все время утверждаем, что мозг отфильтровывает исключительно нужную, прикладную информация — то зачем он создает вовсе не нужное с прикладной точки зрения искусство?

Ответ: обладая огромным ресурсом создания информационных моделей — по мере роста изобилия и комфорта в обществе мозг создает все больше моделей заведомо «не прикладных». Мечтает то есть. Грезит. Фантазирует. Ибо имеющаяся мощность мозга требует реализации.

Искусство есть продукт и следствие избыточного ресурса мозга по части информационного моделирования.

Второе: зачем это мозгу нужно?

Ответ: поскольку мы имеем дело исключительно с информационными моделями реальности — то мозгу, в сущности, все равно, стоит за этой информационной моделью реальность или нет. (Шерлок Холмс давно реальнее Конан-Дойля.) Когда все физиологические и социальные потребности удовлетворены, то есть их удовлетворение находится в равновесии с возможностями и как-то стабильным существованием человека — прикладная необходимость мозга в мышлении понижается. Добыть пищу, сохранить жизнь и т. п. — все более или менее устроено. Но мозг — как машина на ходу — должен думать! Как желудок требует пищи, а легкие воздуха, как мышцы требуют движения хоть в играх и прогулках — так мозг на автомате жрет глюкозу и требует создавать информационные модели реальности. Точнее — из реальных деталей моделировать ситуации. У кого требует? У себя, больше не у кого.

Легенда, картина, танец — это излишние модели и излишние действия. Но они необходимо проистекают из потребности мозга функционировать по части моделирования ситуаций, то бишь сцен и картин.

Но! Но.

Условность искусства — договорная. Никто не выдает ее за ложь. И таковой не воспринимает (если не идиот. Пардон, эстетически неразвитый). Никто не требует от театра смерти актеров, от живописца — объема и запаха пейзажа, и так далее.

При этом в любом искусстве своя, вполне определенная система условности — которая «правильно» воспринимается адресатом: то есть по изображению в искусстве он реструктурирует для себя реальную жизнь, которая была трансформирована художником для произведения.

И вот когда эта система условностей нарушена — дворянин выходит на сцену в джинсах или на картине с березы падают яблоки — клиент хохочет и крутит пальцем у виска. Это уже бред. Вранье. (О музыке и архитектуре мы сейчас не говорим.)

...А ложь в искусстве проистекает из первозаданной лжи художника: пропаганды, глупости или лицемерия. Если художник неправильно видит жизнь в силу своей ущербности, или сознательно лжет из благого либо гнусного умысла — его ложь претворяется средствами искусства в лживое произведение. Где коммунисты носители всех добродетелей, интеллигенты хилы и пессимистичны, у рабочего на плакате могучая шея переходит в мужественное лицо меж широких плеч, а счастливые нарядные селяне идут на избирательный участок голосовать. А также добродетель всегда торжествует, порок наказан, сирота находит богатых родителей, а в конце свадьба.

То есть. Условность — это не ложь. И вымысел не ложь. Потому что только наивный олух считает искусство буквально отображающим реальность. Правда, таких олухов полно даже среди эстетически гордых собой людей.

А с другой стороны — ложь! А потому что заведомо не адекватная никакой реальной конкретике информация.

Получается: искусство правдиво или лживо в зависимости от того, насколько ты умеешь им пользоваться, насколько ты знаком с его системой приемов, насколько ты понимаешь его как сложную конструкцию в действии. Чтобы узнать, что тебе сообщили, надо уметь читать. Семиотический аспект искусства, пардон за варварский оборот, заключается в том, что оно — всегда знаковая система. Требующая декодирования.

Часть десятая

***А чтоб вы все провалились с вашим бредом
о победе добра над истиной!***

Карл Поппер как основатель идеологии постмодерна

В 1957 году вышла работа Поппера «Нищета историцизма». Ее основная идея была намечена еще в знаменитой «Открытое общество и его враги». Суть в том, что объективных законов истории не существует. История создается конкретными поступками конкретных людей в конкретных обстоятельствах; их сумма и есть история. А поскольку зависят поступки и их результаты от множества разнообразных, конкретных и заранее не предсказуемых факторов — то о каких «объективных законах истории» мы можем говорить? Если нельзя было заранее предвидеть и учесть ни извержения далекого вулкана и последующее похолодание климата, ни землетрясение, ни эпидемию, ни нашествие дальних народов, ни даже упавший на голову камень (не говоря о яблоке, ага). Так можем мы предсказывать и знать заранее свое будущее? Конечно нет. Так о какой объективности исторических законов вы говорите? Так что не надо вашего всеобщего исторического детерминизма — ибо он невозможен. И не надо фатализма как его следствия — ибо если все объективно предопределено, то чего ж дергаться, так, что ли? Нет, граждане: как люди захотят, как решат, как постараются сделать и приложат к этому силы, и при этом все время будут учитывать свои ошибки, исправлять их и стремиться дальше — вот так все дальше и сложится. Все в руках человеческих.

Вот вкратце взгляд Поппера на историю. На ее законы и на роль свободной личности. Перефразируя старика Бернштейна: «Закон — ничто, свободная воля человека — все».

Признанный одним из великих философов XX века, влиятельный прежде всего как политический философ, Карл Поппер был чистой воды волюнтарист. Классический. То есть именно в своем понимании истории. Тут он был идеалист чистой воды. (Как, в сущности, все высочайшей и чистейшей души люди — они не могут смириться с неизбежностью зла: отсюда следуют все их философические построения. Увы нам.)

Сам Поппер выразил свое кредо с римской прямоотой: «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость». Умри, Денис, лучше не напишешь.

То есть он полагал, что человек может сделать все, что захочет (ну, что в человеческих силах). И это таки так! Но сначала он еще должен это захотеть. А вот хотеть по своему хотению человек уже не в силах. Наше

хотение очень мало поддается нашему рациональному управлению этим хотением. И хоть ты лопни. Наши желания есть проявления наших инстинктов, а наши инстинкты заданы от рождения, природой, эволюцией, как необходимые механизмы нашего жизнеобеспечения, и хоть ты сдохни. Инстинкты можно окультурировать, что всегда у человека и происходило. Их проявления можно корректировать и ограничивать — в каких-то рамках. Что всегда и происходило. Но в принципе комплекс человеческих желаний остается постоянным.

Психическая структура личности, ее мощь и энергетика, что есть одно целое с мощью и энергетикой всего тела человека, изоощренность мышления и стремление действовать, познавая мир и переделывая его — вот что лежит в основе человеческой истории и определяет ее.

...Но мы говорим сейчас не о моем взгляде на историю и прогресс. И не о моем энергоэволюционизме как основе исторического движения и развития. И не о том, что движение истории — это социальная эволюция и никак иначе, и никакие люди со всеми войсками и инквизициями мира не в силах социальную эволюцию остановить. Так что объективный закон уже есть — один для начала. Усложнение трудовых приспособлений идет всегда по нарастающей — то есть техническая эволюция. Сумма информации растет — так что информационная эволюция, если хотите. Анализ природных явлений все глубже и сложнее — от научной эволюции вы никуда не денетесь. И государственное устройство делалось все сложнее — так что политическая эволюция налицо. И социальных групп почковалось все больше, и все сложнее были их особенности и права. Социальная эволюция. И только в этом направлении двигалась вся история!

И все цивилизации, проходя фазы своего развития, переставали быть: загнивали, рассыпались, рушились. И через время сменялись другими. И основные принципы существования систем, в том числе социальных, необходимо понимать, понимаешь.

Так что уж и вовсе у вас нет объективных законов-то?..

Но поскольку у нас тут парламент не место для дискуссий, мы все-таки сосредоточимся на Поппере и его точке зрения, оказавшей столь огромное влияние на всю западную историю последнего полувека.

Бедный старый Карл. Если исходить из того, что человек абсолютно свободен в своих мыслях и действиях, и над ним не довлеют никакие законы истории — он был, мнэ-э... мы далеки от вульгарного слова «дурак»... но в общем вы меня поняли. Если путь ведет умного к глупости, то ум его мнимый: умоподобный симулякр. Удивительная смесь из позитивизма, идеализма, оптимизма и декларативной неспособности к

системному мышлению. Что в результате дало исторический примитивизм на уровне детского сада: веди себя хорошо — вырастешь значительным человеком. Агитплакат из сатирического романа: «Как захотим — так и сделаем».

А вот на уровне объективных общественных законов, в частности закона накопления, развития и распространения информации — это плод скрещивания позитивизма и экзистенциализма: так два куска мяса, размельчившись и прокрутившись через мясорубку, дают на выходе тонкий смешанный фарш, превосходный для котлет «идеалистический волюнтаризм». Исторический неопримитивизм в знакомой форме: «Пацан сказал — пацан сделал». Постмодернизм в области философии истории — именно так и никак иначе: все возможно и относительно, будьте проще. Раздробить систему на части, отказаться от наработанных и известных приемов и результатов, принципиально принять новую точку зрения, подвергнуть критике все, что было до тебя в этой области — и создать нечто, не бывшее раньше.

Близилась шестидесятые годы, и наступало время торжества и господства контркультуры. Исторические взгляды Поппера абсолютно созвучны эпохе: это контркультура в философии истории. Это ново и свежо, это оригинально и очень просто, это броско и неожиданно, это ниспровержение замшелых основ и эпатаж в одном флаконе. Это битники в поэзии, гомосексуалисты в любви, пацифисты в войне, наркомания как мудрость и уравниловка как справедливая политика. Получите Историю в контексте.

...Идет время, и требует смены взглядов и критериев. Мозги всегда требуют новых идей: сознание пробует на зуб все формы миропонимания. И как даже самые идиотские формы абстракционизма пришли с модернистской когортой на смену классическому искусству от Джотто до Ван Гога — исторический волюнтаризм сменил объективистские и позитивные учения. Никакой объективистской социологии, никакой позитивистской истории — человек сам все делает и сам за все отвечает.

За скобками источник мировоззрения понятен: эсэсовцы и прочие гитлеровские преступники ссылались на приказы, окружение и то, что «время было такое». Понятный (и верный) взгляд уцелевшего еврея Поппера — нет, ответственность на каждом, кто совершил преступление, ибо только из конкретных преступлений конкретных преступников и складываются преступные государства и войны.

Ну, а далее рьяные фанаты и старательные последователи, ученики и популяризаторы, — несут идею в массы. И по пути вульгаризируют

любимые мысли и высказывания каждый чуток да по-своему. Творчески продвигают! А тут еще студенты — благодатный материал: рвением горят, а мозги еще не окрепли, и простые объяснения и рецепты укореняются в них и колосятся лучше всего.

И вот конец, хоть не трагичный, но досадный. Карл Поппер — огромный авторитет. Антифашист. Левый. Прогрессивный. Мудрый. Создатель новых и оригинальных учений и теорий в философии. Современный! Так его же изучать надо, раздел «Современная философия».

И есть у этого великого мудреца жутко гениальное место: что мы сильно захотим и умно будем делать — то и будет в жизни. А вот это — колоссально!!! Вот за это — либеральное и демократическое спасибо! Это нам — как точка опоры для рычага, которым мы перевернем мир получше Архимеда!

Ибо. Душой мы жаждем, как лучше, справедливее, честнее и гуманнее. А умом мы придумываем и рассчитываем, как можно сделать все для этого, что в наших силах. А чувствами нашими мы этого хотим изо всей мочи. А силами нашими делаем все, что в возможностях человеческих, для достижения нашей благой и необходимой цели. А воля наша железная тоже нам в помощь, кстати: она не даст отступить, бросить начатое, сдаться.

Так что мы все можем! Только захотеть, понять и работать! «Мы справимся».

...В том, что здесь написано, нет ни капельки утрирования. Именно так понимают устройство общества западные либералы, демократы, студенты, левые, профессура и журналисты, а также политики. (Вот финансисты и политики умнее и циничнее, они в это не верят, но публично придерживаются политкорректности — *sine qua non*.)

Они даже не убеждены — они твердо знают — то есть они убеждены, что они твердо знают — что это научная истина. Это установила современная философия и социология. Это известно всем современным умным и образованным людям.

И только невежды и дураки думают иначе. Но они ошибаются.

Схема защиты продвинутого интеллектуала проста:

А если эти невежды и дураки выдвигают против моих взглядов какие-то аргументы, которые сами по себе выглядят правдоподобно, и которые я не могу вот так сразу опровергнуть? Значит, я недостаточно информирован в этой узкой области. Я просто не располагаю готовыми контраргументами. Я должен подобрать возражения из того, что мне известно. Потому что в каких-то частностях дурака и невежду иногда бывает трудно опровергнуть. Он может быть даже и остроумен, и ловок, и даже знает что-то. Но общая

картина мира ему недоступна. Дурак не понимает, как устроен мир и человек, а просвещенный современный я это знаю. И это главное. Даже если ты не можешь что-то доказать дураку и невеже — это еще не значит, что ты не прав. Верно?

Что там сказал Гельвеций, который Клод-Адриан? «Знание некоторых принципов избавляет от необходимости знания многих фактов»? Прав был умный швейцарец, недаром стал генеральным откупщиком.

...Вот с точки зрения этой постмодернистской идеологии, отрицающей любые закономерности истории и усовершенствованной адептами до степени полного идиотизма, западные леваки отрицают очевидную действительность.

Желаемое не просто выдается за действительное. Но в подтверждение призывается авторитет науки, образования, ума и гуманизма. Любое желание можно объявить возможным — если оно прямо не противоречит физике, теории вероятности и логике. Если ты будешь очень старательно работать в науке — станешь нобелевским лауреатом, ты не хуже других. А вообще и грубо говоря: Рай на Земле построить не только можно, но и создать его по любому проекту, который мы придумаем своим умом для блага человечества. Ум, воля и желание — вот единственные двигатели Истории.

Любая блажь может быть взаправду создана — если правильно и страстно подойти к делу.

Человек не подчиняется никаким законам Вселенной, кроме прямой физики, которую мы в принципиальной мере постигли. Но в пределах известной физики — человеческая воля свободна.

Историческая философия Поппера сводится к реанимации тезиса о свободе воли. В масштабах человеческой истории — к абсолютной свободе воли. Нужно быть гением, чтобы ехать с этой хохмой в Одессу; и далее везде.

А если люди в течение Истории познавали и делали все больше, объемнее, мощнее, сложнее — так это потому, что они так хотели. В поисках безопасности и комфорта. Властвовать над Природой. Реализовывать свои потенции.

А это ничего, что веществу, материи, атомам, из которых Природа и Эволюция сформировали человека — 5 миллиардов лет? В среднем? И что человек — это очередная (на сегодня самая высокая, сложная) форма существования Материи? Что Человек — это плод усложняющейся самоорганизации Материи — это ничего?

По достижении определенной стадии самоорганизации Материи —

этот процесс отменяет свое объективное, Вселенское, развитие и дальше человек творит Историю по собственному хотению. Вселенная дальше развивается сама по себе и своим законам — а человечество развивается само по себе, по своему свободному хотению. Ну-ну.

Принципиальная ошибка Поппера в том, что сумма частных как система не равна сумме частных по отдельности. Сумма свободных волей не есть их арифметическое сложение, но всегда и неизбежно дает системно новый результат. Бригаду, корпорацию, государство — социальную пирамиду. Со своей иерархией и автоматически возникающими внутренними связями и общими закономерностями. Как солдат свободен выполнить приказ наилучшим образом — так человек свободен наилучшим образом реализовывать собою законы Природы. Каждый по отдельности может выкобениваться как угодно — но вся эта человеческая куча вместе все равно движется в predetermined направлении.

Воля ваша, но это удивительно, сколько умных слов, сложных мыслей и длинных предложений можно употребить для выражения банальной глупости. Главное — чтобы людям она нравилась и была понятна.

Европейские ценности

1. Европейские ценности исходят из того, что Европа существует. С ее европейской культурой, ментальностью, этикой, правами личности и христианскими традициями. С трудолюбием, честностью, уважению к окружающим и разнообразными свободами. И вот в сфере этой культуры, в ее рамках, и существуют эти ценности. Политические, идеологические, социальные и ментальные. Они являются частью всей этой европейской культуры. И имеют общечеловеческое значение.

Ну так тут надо помнить, что есть Европа в ее современном виде — есть эти ценности. А не будет ее — не будет и ценностей. Вместе с массой других прекрасных вещей.

То есть. Необходимым условием сохранения европейских ценностей — является сохранение Европы в ее нынешнем состоянии. Ибо евроценности — органическая и неотъемлемая часть и продукт именно этого состояния, этого порядка всех вещей.

Самосохранение Европы — условие сохранения ее ценностей.

Это не просто — это примитивно. И тем не менее эта элементарная истина отвергается массой людей: движений, партий и групп. Либерал-социалисты имеют удивительное воззрение: Европа изменяется — а вот ценности должны остаться.

Банда идиотов!!!

Противореча инстинкту культурного и этнического самосохранения Европы — европейские ценности тем самым отрицают сами. Чем больше следование им изменяет Европу — тем меньше сфера их существования.

2. А Европа стремительно перестает быть собой: быть христианской, белой, трудолюбивой, законопослушной, моногамной, воспроизводящейся через детей, уважающей и хранящей свою культуру.

Ширящиеся мусульманские анклав — области совершенно без европейских ценностей: ни закон, ни права женщин, ни европейская культура там не присутствуют. Это анклав с неевропейскими или антиевропейскими ценностями — их население быстро множится, их значение растет. Они придерживаются взглядов Шариата и требуют шариатских судов. При этом — европейские власти, элиты и общественное мнение относятся к ним снисходительно и поощрительно.

Разрушение семьи, уничтожение половой и трудовой морали, поощрение паразитизма, нивелирование национальных культур — вы

полагаете, что при этой тенденции европейские ценности сохранятся. Где? В ином социокультурном пространстве? С чего бы?

3. Европейская культура базируется на: христианстве, рационализме, демократии, рынке. И создана она мужчинами-европейцами, моногамными гетеросексуалами, воинами и трудягами. Именно они обеспечили сегодняшнее богатство, покой, права и возможности. Именно они придумали и внедрили пресловутые европейские ценности.

И если только! — и как только! — белые гетеросексуальные мужчины-христиане перестанут быть безоговорочно доминирующим большинством в Европе, каковое большинство есть главная рабочая, научная и военная сила, главный налогоплательщик и источник Закона и Права — как только их значение и положение будет подвергнуто сомнению и ущемлению всерьез и надолго! — рухнет вся нынешняя Европа и воцарится беднеющая анархия маргиналов. И вот тогда никаких европейских ценностей уже не останется.

Мусульмане с инвалидами и гомосексуалисты с лесбиянками под управлением феминисток, неосоциалистов и мулл вам организуют такую Европу, что вы сами удивитесь. Железная дверь, пистолет и ящик консервов будут вашими ценностями!

4. Но пока. Тут вам не ломбард. Ценности на аптечных весах не взвешивают и вписанными в перечень не нумеруют. Главные хранители — европейские лидеры и идеологи — в перечислении и конкретизации европейских ценностей несколько расходятся. Утвержденного канонического списка не существует. Единого корректного определения нет. Так что с одной стороны «европейские ценности» подразумеваемы как нечто общепринятое и понятное — а с другой стороны нечто не совсем конкретное, как бы с расплывчатыми границами.

«Европейские ценности» как понятие настолько размыто, расплывчато и стерто постоянным употреблением всеу, что для начала нуждается в формулировании или хотя бы осознании.

Во-первых, это права человека.

А прав этих до фига, их иногда группируют по разделам: личные, культурные, социальные, политические, экономические, экологические, а также коллективные. При желании можно и еще подразделить и выделить.

Здесь:

право на жизнь, неприкосновенность, собственность, выбор местожительства; тайна переписки, равенство перед законом, свобода — совести, слова, печати, собраний, союзов, забастовок; на труд, жилище, охрану детства, медицинское обеспечение, на благоприятную

экологическую среду.

А также права семьи, ребенка, коллектива.

И так далее.

В то же время европейские ценности — это совокупная система принципов, норм и правил поведения европейцев. И в этой большой корзине, кроме прав человека и вперемишку с ними, лежит еще много всякого хорошего:

Общность исторической судьбы, право наций на самоопределение, парламентаризм и демократия, права меньшинств, социальная справедливость, светскость общества и культуры.

А также:

Толерантность, мультикультурализм, рыночная экономика, антимиитаризм, плюрализм, равенство полов.

Есть еще много подвидов и примечаний, но самое главное и принципиальное мы перечислили.

5. Исторически все это возводят к «Трем холмам античности»: греческая демократия, римская юриспруденция и христианская этика.

А развитие ведут через Великую хартию вольностей (1215), Билль о правах (1689), Декларацию прав человека и гражданина (1789), ну и Всеобщая декларация прав человека — ООН-1948.

...Пройдя века суровой борьбы за свободу и справедливость, добились всего хорошего.

6. И в условиях безопасности, сытости, мира и комфорта — стали дрябнуть и разлагаться. Таков путь цивилизаций. Не мы первые, не мы последние.

Последовательная борьба за права и ценности, последовательное их развитие — начало переходить меру и превращаться понемногу в свою противоположность.

Борьба против убийств, жестокости и чудовищных способов смертной казни — когда вешали за кражу свиньи, фальшивомонетчика варили в кипящем масле, а с изменника сдирали живьем кожу — к чему в результате привела? К тому, что убийцы — садисты и маньяки содержатся в «евротюрьмах» с хорошим трехразовым питанием, чистым воздухом, прогулками, библиотекой и телевизором, и по желанию могут учиться, хоть заочно в университете, а также мастерить чего-нибудь, если захотят.

Борьба с рабством привела к тому, что заключенного преступника нельзя заставлять работать — какая каторга?! какое шитье рукавиц?! принудительный труд запрещен! Пусть сидит, читает, думает, пишет, если хочет.

Борьба с телесными наказаниями, розгами, шпицрутенами, кнутом палача — привела к тому, что если ночью в твой дом залез вор, чтоб тебя ограбить, но твоей жизни и здоровью он не угрожает — ты не смеешь тронуть его пальцем! Иначе пойдешь под суд! Ты должен вызвать полицию. Можешь попытаться заслонить ему дверь или окно, чтоб не убежал. Но не смей поставить синяк, хоть от пальца!

Борьба с самосудом привела к тому, что если двое насилуют твою жену, а третий с ножом не дает тебе подойти — ты не смеешь перебить их лопатой или ножкой стола, иначе сядешь надолго за причинение вреда их здоровью и покушение на увечье и убийство. Вызывай полицию и зови на помощь, чтоб помешали им потом убежать.

Борьба с расизмом и национализмом привела к тому, что если негр или араб лапает и оскорбляет европейскую женщину — ты не смеешь его бить. Сядешь за побои. Но вот если ты сдуру схватишь черную женщину — хана тебе, сядешь надолго, и бить им тебя перед этим можно сколько влезет.

Борьба за права меньшинств привела к тому, что меньшинец может затеять драку с тобой — но ты не смеешь отвечать, иначе сядешь. Они, меньшинцы, могут оскорблять тебя — но ты за то же самое сядешь.

Без шуток: если афрофранцуз сказал француженке: «Белая сука», — это бытовая неприязнь. Если она ответила: «Черный ублюдок», — это преступление ненависти в вербальной форме.

Ну, а что касается гражданского полноправия сексуальных меньшинств, права на личное достоинство и охрану детства — институт семьи разрушен и продолжает исчезать как государственная политика. Ибо регистрация брака не обязательна, моногамия не обязательна, гетеросексуальность отнюдь не обязательна — но социальные и денежные пособия матерям-одиночкам, которых при любой конкуренции предпочитают семейным, ибо надо помочь — таковы, что спокойнее и выгоднее жить вместе просто так, сколько получится. Это выгоднее, это фактически поощряется. Денег больше, социалка выше, статус ничуть не ниже — и на хрена эти регистрации браков?..

Забота о материнстве привела к такому обдиранию алиментов с разведенных мужей — богатые тоже плачут, впав в бедность; что они радостно приветствуют сожительство без брака: а мужчины вообще к этому всегда были склонны.

Снисходительность и признание прав за сексуальными меньшинствами привело к тому, что если ты вслух посмеешь сказать, что все же гетеросексуальные отношения, они же традиционные, они же раньше назывались нормальными, все-таки природно, ну по биологии,

поскольку все-таки инстинкт размножения и репродуктивная функция, так они как бы более основные, что ли, по сравнению с «нетрадиционными» — хана тебе, фашистская рожа. Ты гомофоб, сексошовинист и таким образом неофашист, выразитель пещерной зоологической ненависти к меньшинствам. А вот потому что равенство — полное, абсолютное, во всем, и никто не естественнее кого — ни гей, ни натурал.

Ты против однополых браков?! Точно фашист. Это они уничтожали гомосексуалистов наряду с евреями и цыганами.

Борьба с публичным унижением национально-расовых меньшинств привела к тому, что практически вся преступность Германии, Швеции, Дании — это мусульмане арабского и африканского этносов. Ты посмел это написать в газете? Фашист!!! Ты раздуваешь расовую и религиозную рознь.

Признание равенства и равноправия всех народов привела к абсолютному культурному релятивизму и фактически откровенному отрицанию культурного развития: примитивные поделки дикарей объявляются ничуть не менее значимым искусством, чем все эти ваши Рафаэли. Ах, вранье? Нацист проклятый!..

Свобода печати мягко превратилась в запрет публиковать что-либо, выражающее иную точку зрения — отличную от господствующей, левацкой, либерал-социалистической, элитарной.

7. Свобода мысли превратилась в жесткое отрицание инакомыслия.

Право наций на самоопределение на деле является государственной борьбой с любым сепаратизмом.

Демократия как политическое устройство прекратилось в узурпацию власти леваками и либерал-социалистами, когда мощью всех СМИ мозги электората превращаются в пюре, и оболваненное большинство тупо голосует за кого указано. На этом участие народа в управлении государством заканчивается.

И если — согласно народному волеизъявлению и вопреки интересам элит — к власти приходит «не их» человек — истеблишмент поднимает вой, как сто чертей, узревших крест. И рыдает о конце мира. (Это кстати о Трампе, разумеется.)

Ну, и борьба против телесных наказаний детей, унижений их в семье, плохого содержания всякими жуликами и алкоголиками — привела к созданию ювенальной юстиции и полиции. Ребенок сказал в школе, что мама его шлепнула — и вскоре его, перепуганного и ревущего, вырывают из рук матери и увозят в детский дом с последующим усыновлением в чужую семью. И о страшной пожизненной травме несчастного, о громадности его детского горя, о трагедии разлуки с матерью и родной

семьей, домом — особо даже не думают. Это все для его блага. Тут ведь тупая жестокость не хуже диккенсовских бессмертных надзирателей детских работных домов. Этих концлагерных эсэсовок называют «детскими психологами», неплохо, правда?

8. Итак. Когда в Европе чаще всего поминают европейские ценности? После очередного теракта. Или акта противодействия экспансии ЛГБТ. «Мы не позволим им заставить нас отказаться от наших ценностей». Это стандартная формула верности нашему пути. Невзирая на. На что? Ни на что.

То есть. Что конкретно имеется в виду? Ведь не право на чистый воздух? На труд и на счастливое детство? Да и право на забастовку никто в виду не имеет.

Мы конкретно-то отчего не откажемся?

Не откажемся и впредь впускать к себе сотни тысяч и миллионы мусульманских мигрантов. Отборных беженцев — девяносто пять процентов молодые мужики призывного первой очереди призывного возраста. Не откажемся селить их, кормить и давать деньги на карманные расходы. И чтобы полиция не смела их бить, даже если они бьют полицию. Пусть полиция не суется в их районы. И не откажемся давать гулять на свободе им всем — даже тем, кто связан с террористами и пропагандирует джихад, но сам лично вот еще сегодня теракт не совершил. А значит — имеет право на свободу и все остальное.

Не откажем им в мечетях, СМИ на своем языке, традиционной одежде. В женском угнетении не откажем — а это они внутри своих кварталов, а это не преступление, это не наказывается.

Мы не откажемся и впредь культивировать и увеличивать ту среду, из лона которой и выходят террористы. И не позволим нашим гражданам обижать мигрантов, даже если мигранты их бьют и живут за их счет.

9. Господа, вы не объелись белены? Нет, курение у нас строго запрещено.

Мы не откажемся от разрушения семьи, от сокращения рождаемости, от уничтожения всех видов половой морали, от исчезновения нашей культуры, от демографической катастрофы и вымирания нашего народа. Ибо ценности выше жизни народа.

Но. Что есть ценности? То, что способствует всеобщему благу, счастью, справедливости. Прежде всего — жизни, выживанию. Рождению и воспитанию детей. Их светлому будущему. Нашей и их самореализации, действиям, работе и отдыху, открытиям и развлечениям.

Все, что способствует процветанию народа — ценности.

Все, что ведет к уничтожению народа — это угроза, опасность, смерть. Спасаясь от голода — в конце концов стали умирать от ожорства, заплыв жиром в мозгах не видя действительность из-за толстых щек.

Да — Запад это гарантии сытой жизни, некупленного суда, выполнения социальных гарантий, возможности реализовать свои способности. Это свобода и сытость, это комфорт.

Но. Это инерция и накат трудяг и солдат прошлых поколений и веков. Наследие их законов и порядков. Сегодня это поле свободы и комфорта съезживается на глазах. Ибо насаждается противоположность: подчинение догмам.

10. Любая борьба, не прекращенная вовремя, превращается в борьбу против изначальных целей и задач.

Борьба за все хорошее перешла в стадию самоуничтожения. Так борьба за мир всех зверей приводит к общему вымиранию — только поступенчато: волков от голода без зайцев, а зайцев от голода, ибо расплодились и съели все кусты, а с кустами и травой куча мышей вымерла. И так далее.

11. Провозглашение сегодня европейских ценностей есть ложь. Ибо генеральные ценности, упоминаемые здесь, поменяли знак на противоположный. Нет, пока не все. Но основополагающие дегенерировали.

И влепленная в лицо правда здесь — способна разрушить сложившийся порядок, сменить элиты и ориентиры, доставить море неприятностей истеблишменту и лишит смысла жизни левую интеллигенцию.

Поэтому — под прекрасными лозунгами — на защиту своего мира: мира своих благ. (И хрен с ним, с народом, пусть неудачник плачет. Что далеко внизу — то не кажется очень опасным: а, приспособятся к переменам, переквалифицируются, мы с новых технологий прокормим, все равно не рожают, всегда были изменения, и ничего, не надо драматизировать. Чужое вообще не болит.)

12. Верность европейским ценностям сегодня — это демагогия истеблишмента, который не желает расставаться с властью и использует высокую лексику прежних эпох. И как всегда в периоды катастроф и гибели цивилизаций — корыстолюбцев трудно отделить искренних глупцов. Но для преступления все равно, совершается оно из злого умысла или честного неразумия...

<пометка: Приложено к Протоколу обыска и Перечню конфискованных вещественных доказательств по делу о разжигании

расовой, национальной и сексуальной розни Праворадикальным движением>.

Политкорректность как сакральная ложь

Политкорректность возникла и развивалась как коррекция языка и языковая цензура — это ладно. Имеет безусловные объяснения и оправдания, и основания имеет. Как еврею не хочется быть жидом, так африканцу не хочется быть негром, гомосексуалисту — педерастом, инвалиду — калеккой, а дураку — умственно неполноценным. Ну зачем же людей без нужды обижать? Афроамериканец, гей и люди с ограниченными возможностями. То есть уровень лингвистический — должен соответствовать уровню ментальному, и более того — когнитивному. Он не хуже тебя, у него просто ограниченные возможности, а вообще-то вы равноправны в человеческом обществе.

Язык — он отражает реальность. И в частности — социальные процессы и отношения в обществе. Если женщины равноправны с мужчинами — то и в языке (английском, скажем) слово *chairman* должно заменяться на слово *chairperson*.

1. И для начала появляются эвфемизмы. Эвфемизм как вежливость, доброжелательность и такт. Ну ассоциируется у чернокожего слово «негр» с бичом на плантации, униженным поклоном, в бар для белых не входить, университеты не для вас, а вот линчевать могут запросто. И слово «черный» у него те же ассоциации вызывает («коннотации» имеет, понимаешь). Ну и пусть будет афроамериканец. А евроамериканец есть? Нет? Не важно. Вы понимаете, что имеется в виду.

А если старикам обидно, что они «старики»? Вы что имеете в виду? Что силы уже не те, и обмен веществ не тот, и детородная функция угасла, кожа в морщинах, на носу очки, а дата рождения в паспорте восемьдесят лет назад? Ну и что! Он тоже равноправен! Ему обидно, что «старик». Пусть будет «лицо пожилого возраста», обвислая твоя морда!

Вот эвфемизм уже — вежливость на грани лжи. Потому что когда говорят «особенные дети» — это ведь не особенные: не вундеркинды, не дети индиго, не с ранними огромными способностями умственными либо физическими, не обладатели каких-то сверхвозможностей. Имеются в виду дети с патологией развития органов или функций, центральной нервной системы, каковая патология классифицируется как болезнь и требует лечения. Недоразвитый физически, умственно, социально. И надо понимать: «особенный» — это он тебе сейчас не интегралы в пять лет брать будет, а ложку держать в руке не может.

Но политкорректность идет дальше! Из элементарного такта и сострадания ты не будешь при родителях называть ребенка калек. И сам ребенок таких слов слышать не должен. И сверстникам надо объяснить, что дразнить его такими словами — большой грех, нехорошо и нельзя. Но когда здесь нет ни самого несчастного, ни родителей и всех родственников — мы можем называть вещи своими именами? — Тоже нет, запрещает политкорректность. Это нельзя. Нехорошо. Негуманно. Их вообще нельзя считать калек, нельзя думать о них как о калек — они просто особенные. И все тут! И вы понимаете, что мы имеем в виду!!!

О-па! Милосердие как ложь из вежливости и сострадания — сменяется ложью как принципом изменения мира. Мы будем думать, что калек не бывает — и их не будет, а будут особенные люди. А помощь, уход, лечение, опека, они же сами жить не могут — они чем от калек отличаются? Нашим представлением о ценности и равноправном достоинстве их личности.

Запомним это благое намерение.

Меняя язык — мы меняем мировоззрение. Меняя мировоззрение — мы меняем мир. Мир есть то, что мы хотим, полагаем должным, добиваемся, сделаем.

2. Политкорректность есть запрет на публичное существование любой информации, которая может оскорбить, обидеть, задеть, унижить какую-либо группу тем, что эту группу объявят хоть в чем-нибудь хуже, ниже, слабее, неспособнее, глупее, аморальнее, криминальнее, агрессивнее, трусливее, отсталее (и так далее), чем другие группы. А если не прямо обвинят, так хоть косвенным намеком заденут.

Но миром правит красота, оу йес. А мать красоты — что? — правильно, симметрия. То есть ни одну группу нельзя публично объявить и лучше других. Умнее, сильнее, способнее в чем бы то ни было, чем другие. То есть тогда другие будут как бы объявлены хуже. Что никак недопустимо.

Где никто не хуже других — там никто не лучше других. И Поликрат, обернувшись, показывает Солону на пройденное гречишное поле, где ни одна метелка не торчит выше других над ровным массивом: видишь, как все гладко, когда оборвешь торчащих выше прочих? Но страшная смерть Поликрата и мудрые законы Солона еще впереди...

Неравенство групп — эт-то еще что значит?! Что по факту принадлежности к какой-то группе человек признается глупее, или слабее, или неспособнее в чем-то, или агрессивнее. Это изначально ограничивает его возможности в жизни, это сужает его права, это ограничивает возможность его счастья. Это вообще признает его менее полноценным

членом общества, чем тот, кто признан выше него!

Так-то. Неравенство — это что? Это — дискриминация! Ограничение в правах. Это признание одной группы хуже другой — и тем, кто хуже, меньше в жизни дается. А дискриминации мы не допустим. Ни по какому признаку. Дискриминация — это всегда зло!

Вот вам эгалите! Сейчас будут либерте и фратерните в придачу. Карманы попросим держать шире.

3. Политкорректность, рожденная святым стремлением к равноправию всех людей, пала жертвой того же стремления за гранью разумного. Кто тебя породил — должен вовремя остановиться в своем воздействии, не то он тебя же и убьет. Но перед смертью изуродует до неузнаваемости. Да-да, господа студенты, это тоже называется диалектика.

Для начала политкорректность приняла облик языковой цензуры. Некоторые слова говорить нельзя. Их объявим плохими, стыдными, отсталыми. Призовем на помощь мораль — эти слова объявим аморальными. В подкрепление морали предъявим науку — объявим эти слова антинаучными. И слова, еще вчера обычные граждане словаря, сегодня с обритыми головами и позорными надписями на полосатых робах каторжников, пошли в концлагерь.

4. Но за словами стоят понятия! Так вот понятия тоже нельзя.

Нет слова — значит, нет и явления.

Поручик Ржевский в изумлении: жопа есть — а слова нет!

Ибо любое явление, известное людям, находит свое отражение на семантическом уровне и тем самым на уровне вербальном.

Явление — понимание — словесное выражение.

Нет явления — нет и слова.

Но! Отчасти верно и наоборот:

Нет слова — нет и явления! В смысле — в нашем сознании нет.

Изменяя слово — мы изменяем наше отношение к явлению — мы подвергаем явление перекалфикации — и наше сознание теперь на месте прежнего явления сознает нечто иное.

Люди с ограниченными возможностями — это не калеки и не идиоты. Они такие же личности — личности! — как все остальные.

Признание любого человека полноправной личностью — понятийная база для признания за ним всех прав на равные со всеми возможности жизни. А если личности трудно — долг обществу выровнять личность по уровню всех благ, доступных всем и предназначенным.

Вот так устроено человеческое общество. Вот таковы наши гуманные ценности. И они истинны, и по науке тоже так выходит. По целому ряду

наук: социологии, социопсихологии, политической философии. Именно таково устройство общества, как открыла и определила современная наука.

А если ты думаешь иначе, по-старому, как во времена расизма и дискриминации, то у тебя пещерные взгляды. И более того: ты элементарно невежествен, неграмотен, не знаком с истинами, установленными современной наукой.

5. Мыслепреступление! Политкорректность реально и всерьез ввела такое понятие. То самое мыслепреступление! Если ты говоришь плохие слова в разговоре со старым другом — вы оба плохие. Дремучие. Расисты. Неофашисты.

А если ты думаешь так наедине с собой — ты тайный расист и фашист. Ты обманываешь других. Но себя не обманешь! Тебе должно быть стыдно, что ты такой. И ведь ты стыдишься признаться в этом публично, правда?

6. Справедливость, гуманизм и наши ценности состоят прежде всего в равных правах всех личностей на все виды счастья и самореализации. Но если личность неустроена в этой жизни и не может самореализоваться в силу внешних причин — ей надо просто помочь! То есть создать условия для самореализации, которые уже есть у ее более удачливых в жизни товарищей. Ну, подтолкнуть на старте. Дать льгот. Чтоб помочь ей наверстать упущенное из-за несправедливого устройства жизни.

7. Так возникла «позитивная дискриминация» в США, скажем. Когда бедных, глупых, цветных, больных, гомосексуальных — стали предпочитать в приеме на учебу и работу умным, здоровым, богатым, белым и гетеросексуальным. Чтоб на выходе они все подравнялись. Глупых приподнимем — умных приопустим. Подправим несправедливую природу.

Но поскольку вопрос о несправедливости природы — это не только философия, но биология и вообще устройство Вселенной — то мы, пожалуй, ограничимся несправедливостью социальной. Вот государство несправедливо с социальной точки зрения, давая одним незаслуженные врожденно-сословные преимущества, а другим, наоборот, выдавая врожденно-сословные лишения. Это-то мы и должны подправить!

С социальной точки зрения неравенство природы несправедливо. Но мы люди, гуманисты, мы выше животных, и мы исповедуем высшие человеческие ценности. Поэтому мы социально и ментально компенсируем людям то, что им недодала слепая природа.

Если ты умный, здоровый, красивый и энергичный — ты ничем не лучше других, потому что никакой твоей заслуги в том нет. И это несправедливо по отношению к тому, кто ничем не хуже тебя, такой же

человек, но имел несчастье родиться в темной нищете, болезненным и уродливым. Ты-то конечно, пробьешься и устроишься в жизни и так, с такими-то данными. А он не сможет, ему по жизни недодано. Это разве справедливо? Ну так надо поставить его впереди тебя, тебе дать всего поменьше, а ему — всего побольше. Чтоб как-то уравнять ваши шансы на жизненный успех.

Так что нет никаких дураков, неучей, хулиганов, а также дебилов и калек. Более того — в определенном смысле нет мужчин и женщин, молодых и стариков: есть люди с равными правами, которым общество обязано обеспечить не просто равные возможности — но обеспечить равную степень реализации их возможностей! Равную степень достижения их притязаний, вплоть до счастья. Все — личности с равными правами человека.

Всем обеспечить поровну счастья и успеха.

Из равных прав человека следует необходимость равных гражданских и социальных прав личности.

Кому труднее реализовать — тем надо больше помочь, только и всего, это справедливо, естественно, единственно нормально. Думать иначе — это звериный эгоизм, это пещерное неравенство, это как раз расизм, сексизм, шовинизм, элитаризм — а вот это уже фашизм! вот этого уже нельзя! вот это порядочный человек себе не позволяет.

8. Запомним эту триаду:

Плохие слова — плохие мысли — ошибочные мысли.

Надо только рассматривать проблему последовательно и рассуждать логически — и тогда все, что мы считаем оскорбительным, нежелательным и несправедливым, мы раньше или позже объявим ошибочным, неверным. А попытки исповедовать и проповедовать это ошибочное мы станем расценивать как невежество или фашизм.

Политкорректность соединяет себе в поддержку единым пучком:

Мораль, идеологию, науку и политику.

Немного терпения: экономика, история, культура и искусство последуют за ними.

Выбирайте: я — или пещерный фашизм, предложила политкорректность. Этот ультиматум вызывал в воображении благодетельного миссионера с крестом плюс латного воина с мечом — на случай, если не подкрепленная оружием молитва плохо подействует против лохматого злобного дикаря из пещеры.

Кто не с нами — тот против нас. Мы верно, точно, научно и морально определили и сформулировали, как нужно жить хорошо, правильно,

гуманно и прогрессивно. Следовательно, все попытки напасть на нашу точку зрения и опровергнуть ее — аморальны и ошибочны. Враждебны миру, прогрессу и истине.

Нет, Папа Римский непогрешим, ты понял?

9. Но у любого человека — существа социального — есть свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Как считает вся его группа. В группе общее мировоззрение и ментальность. Свои единые представления о добре и зле, нужном и запретном, красоте и уродстве. Единое мировоззрение и мораль. Своя единая групповая ментальность и система ценностей. Иначе сосуществовать было бы невозможно.

Так. А у другой группы — кое-что иначе. Представления о красоте. Некоторые аспекты ментальности. Представления о должном. Особенности культуры и уровень ее развития, наконец.

Личная гигиена, дресс-код, пищевые пристрастия и табу, гендерные отношения, способ решения конфликтов, представления об идеальном устройстве общества. (*НотаБене*)

И вот две такие группы не могут одинаково питаться: свинина, скажем, одной группе запрещена. У них разные религиозные праздники. Разная степень сексуальной свободы: у одних свободный секс по обоюдному согласию, а у других наказание девушки за разговор с незнакомцем и смерть за потерю девственности до брака. И каждая группа считает другую варварами.

Но у них равные права личности на все блага и возможности. И значит, каждый имеет право жить так, как он хочет, и признавать такое же право за другим.

Толерантность. Этим словом такое взаимопризнание инакости друг друга сейчас называется. По-простому: живи сам как хочешь и давай жить другим как они хотят.

Одновременно словом «толерантность» называется признание любых меньшинств равноправными группами равноправных личностей.

10. Но не все так просто. Толерантность — это не просто терпимость. Потому что вообще, в пределах возможного и разумного, все нормальные люди за терпимость. Против войны. Уважать и понимать друг друга. Не заставлять друг друга жить так, как считаешь нужным именно ты и твоя группа. Нет, граждане. Ныне не то.

Толерантность — это убежденность терпеть в одностороннем порядке эгоизм, иждивенчество, агрессию и наглость меньшинств, которых ты сам посадил себе на голову и объявил хорошими и неприкосновенными. И наделил их правами бить и обирать тебя, тебя же за это нагло презирая и

требуя еще. Толерантность — это объявление неприкосновенными агрессоров-иждевенцев на том лишь основании, что ты в силах не дать им жрать и вообще стереть в порошок или выкинуть в резервации, а они не в силах одолеть тебя в борьбе. Ну так надо запретить себе использовать силу против них — что бы они ни делали против тебя. Нет, уж если совсем убивают — тогда все же судить. Но снисходительно. Потому что они бедные и угнетенные. А вот слово сказать против них как группы — ни в коем случае! Группа — всегда хорошая! Вот в признании любой иной группы вообще хорошей, а плохими отдельные непринципиальные частности — состоит толерантность.

Толерантность — это свою власть и силу ставить себе в вину: ах, я кормлю их и терплю от них, потому что они несчастные, без меня умрут с голоду, они слабые и бедные, я не должен дать им сдачи, даже если бьют.

Толерантность — это когда в ответ на: «Белая сука!» — нельзя сказать: «Черный ублюдок». Ему можно, это бытовая стычка. А тебе нельзя — это позорный расизм.

Толерантность — это односторонняя терпимость: ты его терпишь и содержишь — а он тебя не терпит, но на тебе паразитирует.

Толерантность — это он тебя мечтает и призывает убить, но ты должен заботиться об его благе. Как белые правозащитники с черными расистами. Как израильтяне должны вести себя с палестинцами. Как шведки должны с понимаем принимать, когда мусульмане их насилуют, и весьма массово, но об этом категорически нельзя писать в СМИ: а вдруг о мусульманах плохо подумают?

Толерантность — это форма лжи. По идеологическим мотивам. Таков сегодняшний смысл этого слова.

11. И вот живут в одном городке католики с протестантами, православные с буддистами, иудеи с мусульманами, белые, черные, желтые, мужчины и женщины, здоровые и инвалиды, нормальные семьи и гомосексуалисты, а также мужчины и женщины, дети и старики. И все они вполне терпимы к обычаям и взглядам каждой группы.

Но. Жизнь такой мультигруппы не очень уже едина. Они по-разному молятся в разное время. Отмечают разные праздники в разные дни. Некоторые иначе одеваются, некоторые иначе питаются. У них бывают иные гендерные отношения и иная сексуальная мораль. А также у них разное искусство: музыка, живопись, литература, а также танцы и резьба по дереву.

И тогда политкорректность говорит о мультикультурализме. То есть в одной стране, в одном городе, пусть живут люди разных культур, и это

очень даже хорошо, пусть взаимообогащаются.

Это надо понимать, принимать, приветствовать и терпеть. Вот для этого и существует толерантность.

12. Вот интересно: если женятся люди двух разных культур — что часто бывает. У них в семье сохранятся две культуры? Или все-таки произойдет такое слияние на взаимоприемлемом уровне? Африканец и японка будут одеваться соответственно своим традициям — или предпочтут среднеевропейский стиль? Жить будут в бумажном домике или глиняной хижине? Или в обычной квартире дома европейского типа? А кушать будут по очереди термитов и каракатиц, или будут чередовать итальянскую и японскую кухню? А насчет зарабатывания на жизнь — он угонит коров из соседнего племени, а у нее скоплено денег от работы гейшей? Преинтереснейший был бы, заметьте, кинофильм в жанре комедии нравов.

В семье возможны милые индивидуальные привычки и национально-культурные элементы. Но культура семьи все-таки одна. И с годами супруги все больше похожи друг на друга.

А как насчет цыган, суданцев, ирландцев и эскимосов в одной коммунальной квартире? Представили очередь в туалет и дележку конфорок на кухне? А расписание на уборку мест общего пользования? После двадцати трех не шуметь? Лучше, чтобы морг и тюрьма были прямо напротив.

Но! Кто против мультикультурализма — тот плохой человек! Отсталый, неправильный и аморальный. И для него, чтоб сразу была понятна его порочность и ущербность, придумали специальное слово: ксенофобия. Это страх перед чужими, неприязнь к чужим. Типа социально-психического нездоровья.

А в противовес ксенофобии — открытость, приветливость, свобода, равенство, толерантность.

13. Фрау Меркель напоминает подкрашенный иезуитский монастырь, построенный из картофельного салата. Так вот она несколько лет назад известила мировое сообщество, что политика мультикультурализма провалилась. С чем можно Европу и поздравить. Пока еще есть кого поздравлять.

Видите ли. Человек не остров, да? И он существует только как часть социума, да? И он своим социумом воспитан и сформирован, он есть носитель и продолжатель его культуры, хранитель части всего объема его информации, часть его дела и молекула его тела. Ибо социум — это именно законченная, структурированная, со своими деталями и нюансами,

информационно-энерго-материальная система. Вполне даже цельная и единая.

В социуме, как в молекулярной решетке, каждая элементарная частица имеет свой диапазон колебаний, свое пространство движения. Но в общем социум един. И человек в него прочно и неотъемлемо встроен. Вот он завтракает, одевается, едет в транспорте, улыбается девушке и приветствует коллег — и нигде никаких напрягов и осечек. Он в своем социуме. Все его действия и реакция на них — адекватны, ожидаемы, в резонанс. Если при этом он будет встречать приехавших из Африки, Ближнего Востока, Кавказа, Пуэрто-Рико — жизнь его может осложниться. Не всегда знаешь, чего от них ждать. Как он истолкует твой взгляд и жест, как закричит над ухом, как пролезет перед тобой, как шарахнется от тебя женщина в черном от макушки до пят, если ты с ней заговоришь.

В каждой культуре у монад — свой диапазон действий и свои орбиты движения. Ритм и размах колебаний частицы в разных культурах не совпадают. Будучи искусственно совмещены в одном пространстве и взаимно диффузируя — культуры стремятся подчинить одна другую своим законам. Это инстинкт самосохранения!

А при гибридизации, создании единого образа отношений и действий — обе культуры исчезают, и рождается унифицированная, общая. А либерал-социалисты утверждают необходимость сохранения всех самобытных культур! Ибо ни одна не хуже другой!

И тогда в одной стране существуют две культуры. Или три. Или пять. И стремясь сохранить себя — они стремятся не смешиваться с другими!

И страна распадается на анклав, самоотчуждающиеся друг от друга — при одобрении и покровительстве властей. Нет, власти говорят: дружите и живите вместе, в одном районе и одном доме. Но каждый пусть остается в своей культуре. А вот это невозможно!!

Ясно ли? Или вы ведете себя одинаково с представителями своей культуры и чужой — и тогда путем компромиссов культуры сливаются в одну. Или вы ведете себя со своими одним образом — а с чужими другим образом: и тогда культурная рознь закрепляется и нарастает. Третьего не дано!

(А кстати — какого черта я должен менять свою культуру, если ко мне в дом прется непрошенный сосед?)

И что? И так постепенно страна перестает быть собой. Вместо собственной культуры и вместо гибридной культуры теория мультикультурности естественно радикализирует отдельные культуры. Не понимать этого может только идиот. Из каковых и состоят современные

либеральные идеологи и находящиеся в их идеологическом окормлении политики.

И тогда идиоты скорбно недоумевают: почему, ах ну почему же молодые мусульмане, урожденные граждане приличных стран, дети вполне терпимых и лояльных мигрантов, вдруг начали радикализироваться? Нет, ну кто б мог подумать... ке мала фортуна!..

14. Любая страна существует в единстве своих аспектов на разных уровнях:

- территории
- политического устройства
- военной организации
- экономики
- языка
- религии
- ментальности
- традиций
- истории
- этнического происхождения народа
- идеологии
- культуры.

Все это можно назвать аспектами групповой самоидентификации народа. А можно гранями существования страны, обеспечивающими ее единство.

Это единство можно сравнить с двенадцатислойной кулебякой. И в каждом слое может быть дырка. Если дырок в разных слоях много — и вся кулебяка будет одна большая дырка с ошметьями теста по краям.

Или сравнить с двенадцатью несущими опорами башни. Если выдернуть половину опор — вавилонская башня развалится.

Если мультикультурализм убирает единства религии, ментальности, традиций, истории, этноса, идеологии, культуры и в какой-то степени языка — что остается? Территория, политический строй, армия, экономика. То есть: каркас государства заполняется другим народом с другой культурой. Страна делается другой. И тогда политика, экономика и армия неизбежно реформируются под другой народ с другой ментальностью. И — можно объединяться с другой территорией, заселенной тем же народом.

15. Без политкорректности — для идиотов и зомби:

Культура народа в широком смысле слова — это та основа, которая и определяет форму государства со всеми его институтами. Через государство и посредством государства народ управляет собой.

Степень погрешностей и искажений такого косвенно-ступенчатого самоуправления очень велика. Сначала народные массы делегируют свои полномочия вверх — государству, то есть узкому кругу лиц, которые в рамках законов должны выполнять желания народа, удовлетворять его нужды. А вернее — думать и планировать, как это лучше сделать. А на следующей стадии пожелания масс возвращаются им обратно для исполнения — в виде приказов, законов, создания новых институтов и тому подобное. И эти приказы необходимо распределить по нисходящей административной пирамиде вниз, до самого широкого круга всех отдельных людей, народа то бишь.

Так сначала народ спорит, и сплошь и рядом не тех выбирает в государственные органы; а потом плохо понимает и формулирует, чего ему надо и чего он хочет. Выбрал льстецов и болтунов — раз, неверно понял свои интересы — два; это первая стадия, явная. А избираемые лгали и притворялись — будущая погрешность заложена в стадии первой.

Вторая стадия — государственные мужи обстраиваются аппаратом помощников, а туда попадают друзья, родственники, взяточники, нужные люди. Вот еще погрешность. Из поступающей информации они одно рассматривают, а второе топят: еще погрешность. Потом начинают встраивать в государственные планы собственные интересы: еще погрешность. Потом спускают планы и выделяют средства исполнителям — в том числе коррумпированным, дружественным и т. д. Вот такая вторая стадия.

А на третьей стадии государственные решения спускаются по этажам чиновно-подрядной пирамиды — где у каждого свой характер и свой интерес.

И при этом — при этом! Все эти люди имеют представление — национальное, традиционное, ментальное, культурное — о допустимом и недопустимом. Правильном и неправильном. Обязательном и необязательном.

Ни один работник не всажен на свое место плотно, как заклепка в дырку. У каждого есть некоторая свобода действий, выбора, метода. Каждое звено государственной цепи имеет люфт, зазор, допуск, степень свободы крутиться в своем гнезде.

И вот в зависимости от того, как они будут болтаться и в какую сторону имеют склонность крутиться, насколько полагает народ нормальным для них быть честными или ворами, трудолюбивыми или разгильдяями, диктаторами или демократами, буквалистами или своими парнями — складывается представление народа о том, каким реально

может быть их государство: как будут действовать те, кто влезет наверх? И настолько нормальным будет полагать народ терпеть тиранов, или восставать и менять верхушку. И как надо править, чтобы народ со своими привычками и представлениями о жизни это все понимал и мог как-то устраиваться.

Вот поэтому подходящее американцам не подойдет арабам, а естественное для африканцев будет ужасом для шведов. И как лиса лижет кашу с тарелки, а журавль клюет крошку из кувшина — каждый будет устраивать свое общежитие в соответствии со своей натурой. Каковая натура всегда есть фенотип на генотип, что знают все биологи — наложение благоприобретенных черт на врожденные признаки.

16. Это было невольное психо-социо-политологическое отступление. Я хотел только сказать, что в конкретных европейских условиях — мультикультурность неизбежно ведет к изменению государства. Практически — уничтожению старого, деконструкции, и монтажу нового, применительно к реалиям нового народонаселения с новой ментальностью.

Отмена мультикультурализма, она же признание крушения теории мультикультурализма — означает, что до идиотов стала доходить изложенная выше нехитрая истина. Это она, может, мне и вам нехитрая. Может, после прочтения в простом изложении еще кому кажется теперь нехитрой. Неважно. Факт тот, что даже до идиотов стало доходить.

17. Но!!! Крушение теории мультикультурализма — означает отмену толерантности, признание толерантности ошибкой! А именно в той ее важнейшей и судьбоносной (вернее, судьбоуничтожительной) части, которая утверждала и требовала толерантности по отношению к другим культурам: ко всем пришлым культурам на территории своей страны — чтоб они имели равное признание и равные возможности, были во всем равноправны. И тогда будет вам счастье.

Оgreбайте ваше счастье. За сто убитых исламскими террористами граждан страны — можно вешать хотя бы одного политика, который и создал обстановку и атмосферу, где эти теракты стали не просто возможны, но уже объявляются неизбежными?!

То есть. Пока политика мультикультурализма считалась правильной, гуманной, прогрессивной и соответствующей «европейским ценностям» — объявлять ее губительной практически и ошибочной теоретически порицалось как ошибка, ложь и фашизм. А толерантность также была ценность и истина. И протестовать мог только невежда, глупец и аморальный расист.

Вполне очевидная правда злобно и непримиримо отрицалась на

идеологическом основании. А идеология проросла в мировоззрение и объявила себя истиной и моралью.

Как там в школе — «практика критерий истины»? Под давлением неопровержимой и тяжелой практики либерал-социалисты частично отказались от своего бреда, столь же благодушного, сколь губительного. Но это не имеет никакого отношения к аргументам, дискуссиям, логике и уму! Это просто жизнь пнула сапогом в пах, и улыбка поблекла.

18. Политкорректность есть соблюдение наших ценностей на уровне не только поступков и законов, но также печати и речи, культуры и искусства, морали и совести. А также на уровне лозунгов, девизов и мемов.

«Свобода, равенство, братство!» 1789 года дополнилось веселым и буйным слоганом 1968 — «Запрещать запрещается!». Сытая избалованная молодежь бэби-бума, изнывающая от невозможности приложить кипучую энергию юности в открытие и созидание нового мира — вложила в его разрушение. Вот этот «запрет запретов» лег в основание либеральной идеологии начала XXI века. То есть можно все, что не приносит конкретного вреда другому — не ущемляет его свободу и он не протестует.

Глупость и разрушительность этого девиза, подкупающая дураков и более всего приветствуемая разбойниками, явны при ближайшем рассмотрении. Ибо запреты нашей культуры начинаются с Десяти Заповедей. Не убий. Не укради. Не прелюбодействуй. Не лжесвидетельствуй.

Ни одно биологическое сообщество не может существовать без системы императивов и табу. Всегда защищай своих. Действуй во благо стаи, знай свое место, продлевай свой род, не уступай чужаку свою территорию и свою пищу, не отдавай свой кусок.

Запрещен терроризм, запрещена педофилия, запрещена наркоторговля, запрещено воровство и убийство, запрещено обижать детей и оскорблять стариков, запрещено обманывать людей и жить паразитом за чужой спиной, запрещены рабство и садизм, запрещено гадить на улицах и плевать в чужие тарелки.

Любой Закон — это запрет и повеление. Без Закона, свода правил общежития, никакой социум не существует — и не существует человек как существо культурное и социальное.

Правда состоит в том, что левацкая философия — дурь и дерьмо для умственно ограниченных. Поэтому они избегают дискуссий и предпочитают оскорбления. Они утверждают и защищают свой образ жизни — который не требует труда, умственного либо физического, но не выдерживает серьезной и обстоятельной критики.

Приятно быть бездельником, убежденным в своем праве уважать себя и презирать инакомыслящих. Левак ненавидит правду, как лентяй ненавидит работу, как преступник закон, как импотент напоминание о сексуальной несостоятельности, как топор ненавидит воду, а камень воздух.

19. Гомосексуализм как лакмусовая бумажка политкорректности прекрасен и удобен тем, что полностью соответствует основному принципу свободы: разрешено все, что доставляет человеку счастье и никому не причиняет насилия и вреда. Совершеннолетние по взаимному согласию получают удовольствие? Ну так запрещать им это — безнравственно и неправильно! А разрешать, соответственно, нравственно и правильно. И более того — нет никаких оснований не разрешать.

Но далее начинается борьба за права личности. Идеология равенства меньшинств перерастает в идеологию позитивной дискриминации — и вот уже геев необходимо поддерживать, а «натуралы» обойдутся и так... Впрочем, эта тема сегодня слишком принципиальна и обширна, она требует отдельного разговора.

20. После ужасов Первой и Второй мировых войн, после скепсиса вернувшихся поколений, после распространения атеистической марксистской идеологии во всех ее разновидностях, по мере роста левых взглядов среди молодежи и гуманитарной интеллигенции, в обстановке экономического подъема и потребительского бума — христианство на Западе стало сдавать позиции. Здание веры заметно обветшало. Следование обрядам стало немодным.

Религиозные догмы выглядели уже архаичными. Людям было хорошо жить в комфорте и потреблять всякие хорошие вещи: еду и пойло, одежду и машины, музыку и телевизионное развлекалово. Скучающей душе стало мало Библии, она захотела новых ощущений и смысла жизни.

Именно в это время политкорректность подняла голову и стала набирать силу. Она провозглашала и несла свободу и равенство — но эти свобода и равенство тут же оборачивались запретами думать иначе и поступать как раньше. Консерватизм и традиционализм были объявлены чертами фашизма. Любое порицание любых меньшинств клеймилось как расизм. Во всех недостатках представителей всех меньшинств обвинялись условия, созданные большинством — белыми мужчинами-христианами. Это они так устроили этот мир в своих эгоистических групповых интересах — ну так все недостатки это их рук дело.

Политкорректность образовалась как продукт возгонки адской смеси из левацкой идеологии, евангельского непротивления и философии

гедонизма. У вас есть право наслаждаться и обязанность не соваться в чужие дела, и в этом все равны. И вот в защите своих устоев политкорректность абсолютно категорична и нетерпима, несогласные объявляются врагами всего хорошего, смешиваются с грязью и выбрасываются вон из поля зрения.

Политкорректность — это контр-религия. И недаром она так непримиримо воюет с церковью. Требуя отказа церкви от ряда положений Священного Писания, и громче всего звучит требование отменить порицание мужеложества. Объявить уничтожение Господом Содомы и Гоморры актом геноцида сексуальных меньшинств.

Политкорректность добилась от государства отмены закона на независимость церкви от государства. Власть мирская, светская, теперь диктует власти духовной, как надлежит окормлять паству. И приказ венчать однополые пары под страхом уголовного наказания, принятый законодательно, здесь лишь удобная точка опоры для рычага, которым адепты политкорректности стремятся перевернуть мир.

Набравшая беспрекословную мощь Политкорректность сегодня — да, заместила религию на опустевшем идеологическом пустыре. Ибо людям необходимы догматы веры — как пункты координации единого и общего мировоззрения социума. Ибо человеку имманентно присуща социальность — а для этого имманентно потребны общие мировоззренческие критерии. Это коренится в принципе организации социальной материи, и глубже — в принципах устройства Вселенной.

И когда церковь как фактор влияния впала в ничтожество, и люди перестали ходить на службы и следовать Божиим заповедям, и начала хромать и размываться протестантская трудовая этика — Политкорректность вышла из-за ее спины, и подняла голову, и возвысила голос. И оттолкнула ее локтем, и заняла ее место, велев: теперь после меня будешь.

А религия требует чего? — веры. А вера при любом конфликте с рассуждением что? — гонит его прочь и запрещает показываться на глаза.

Так что приверженность Политкорректности и знание ее основных принципов не только заменяет знание многих частных фактов, не только избавляет от необходимости эти факты знать — но и опровергает противоречащие религии факты как ересь. А ересь — она ересь и есть. Погань, темнота души, невежество и безверие.

И адепт Новой Религии Политкорректности в упор не видит твоих еретических фактов. А тебя надлежит сжечь. И счастье твое, что Политкорректность отвергла смертную казнь. А то б недолго рыпался

вредитель в поповских опытных руках.

21. Меньшинства могут существовать только потому, что существует большинство!!! Подавление меньшинствами прав и положения большинства — это подавление лианами дерева, благодаря которому они могут существовать — они губят его и умрут вместе с ним!!!

Сосуществование большинства и меньшинств — это диалектическое единство, где большинство выполняет безусловно доминирующую функцию! Не могут выжить инвалиды без здоровых, цветные в цивилизации без белых, гомосеки без нормальных. Сообщества белых гетеросексуальных христианских мужчин создали нашу великую цивилизацию без всякой помощи каких бы то ни было меньшинств — находясь в единстве с женщинами, что естественно, и используя иногда и одно время ряд людей иных народов, что не было обязательно и принципиально. А вот меньшинствам без белых мужчин-христиан ни хрена не выжить! Разве что идите к китайцам и японцам, но они над вами сюсюкать не будут.

О, как ужасно это звучит!.. А ведь чистая правда.

22. Политкорректность категорически клеймит фашизм — с чем мы согласны. Но многие ее адепты приветствуют и поддерживают ряд течений и учений неокommунизма: последователи Маркса, Троцкого, Мао и Че Гевары. При том, что коммунисты уничтожили больше людей, чем фашисты, и создали государства более страшные. И все их прекраснoдушные по замыслу и людоедские по исполнению проекты закончились провалом и миллионами жертв. Но безмозглые леваки громко декларируют свое почтение красным убийцам. И напирают, что красные бандиты были врагами черно-коричневых бандитов — а значит и не бандиты, а борцы за свободу. Левацкая ложь легитимизирована — еще бы, они снова призывают уничтожить буржуазное государство. Они снова хотят в колымские концлагеря, хотя птичьим мозгом этого не понимают.

23. Женщин в спецназ, палубную авиацию, гении конструкторской мысли и победители на мечях в кинопоединках с богатырями. Оу, это не ложь — это модель жизни, какой она должна быть! А насчет поединка в боксе, партии в шахматы, математическая олимпиада? Позор сексистам!

24. Афровикинги и афрорыцари-крестоносцы прекрасны в кино и сериалах. Это не ложь! Это пропаганда равенства, и только. Почему бы Ньютону не быть негром? Долой белое превосходство!

25. Как можно лишить жизни серийного детоубийцу?! Чем мы тогда от него будем отличаться? То есть: невинная жертва и кровавый злодей уравниены в правах, убийство ребенка и кара извергу объявлены равным

действием. О нет — всем мы от него отличаемся! Он убивает невинных — а мы защищаем их и спасаем других, ликвидируя убийц.

26. «Любое насилие ужасно». Попугаи, повторяющие слова кретинов, гордятся собой. Более полувека, как Лоренц издал свою «Агрессию» — а они все сю-сю, как дамы-патронессы в приюте для дефективных. Процент тупых, жестоких, наглых и эгоистичных будет всегда — биология называется. И понимают такие только силу. Всему свое время и свое место — насилию в том числе. Изувечить бандита-головореза и тем запугать остальных — гуманнее, чем бомбить город врага, назначенного правительством, нет? Пусть трясутся и калечатся преступники, а не жертвы! Пытать диверсанта, чтобы спасти тысячу мирных людей — да здесь вообще нет разговора о выборе, «гуманизм» равен массовому убийству. «Ах, вы понимаете, до чего это может дойти?» Предположение и измышленную гиперболу нельзя противопоставлять как аргумент реальной гибели людей. «Гуманизм» оборачивается ложью, преступностью и страданиями многих.

А уж пришибить на месте наглого хулигана, насильника, вора — это вообще святое. Преступивший закон — поставил себя вне закона. Мразь уже издевается над нормальными людьми — а «гуманисыты» все предостерегают: не смейте самосуд, зовите полицию, если все начнут сами карать преступников — что будет? Отлично будет. Закон и порядок. Господство гражданского общества. То самое безгосударственное самоуправление, о котором мечтали мечтатели.

27. Полвека назад Джон Ролз стал самым великим политическим философом Запада. Что же он открыл, построил, объяснил, предрек? В результате несложных логических спекуляций и психологических предположений, он обосновал как абсолютно и выше справедливое:

У имущих надо забирать и распределять между неимущими, умных надо придерживать, подвигая вперед глупых, одаренные обязаны заботиться о бездарных, работающие — о ленивых, потому что никто не виноват, каким его создала Природа. Всех более-менее подровнять во всех благах. Вот такая ортодоксально-распределительная «Теория справедливости».

Очередной вариант евангельских отношений на уровне социалистического уравнительного распределения благ и возможностей. И то, что это уже многократно провалилось во всех вариантах социализма, что эксперименты стоили большой крови, что подобные внедрения рушат рабочую этику и уничтожают экономику, плодят маргиналов — это не важно. Зато это гуманно, человеколюбиво и прекрасно мыслится и звучит!

«Философия» Ролза построена на предположениях и допущениях. Вся

ее конструкция спекулятивна, условна, вымышлена. Пятьсот страниц многословной демагогии. Кратко говоря: это нехитрая слащавая ложь!

Но!!! Почему она пришлась ко двору и изучается везде? А потому что она идеально соответствует левой идеологии: равенство, забота о слабых и отставших, небрежение культом успеха, необходимость новых социальных отношений в интересах обделенных меньшинств.

В университетах загаживают мозги. Из идеологических соображений.

28. Ну, и последнее достижение. Вершинное. Коронка.

Как всегда, журналисты в рвении забегают вперед прочих: блестящий газетный заголовок, заслуживающий Пулитцеровской премии:

Наука — это еще не истина!

Вы все ясно поняли? Не важно, как обстоят дела на самом деле. Факты не важны. Действительность не важна. Истина — это то, что мы считаем истиной. Что должно ею быть по нашему разумению. То, во что мы верим. Истина — это такое положение вещей, за которое мы боремся. Потому что ходим, чтобы оно было. Потому что оно хорошее, по нашим представлениям. Наши мысли и желания главны и первичны — реальность вторична и не определяющая, должна подчиняться, следовать, знать свое место.

Истина — это то, что должно быть! А не то, что есть.

Вот в этом вся политкорректность.

23. Запрет на науку.

Цвета равенства

Борьба за гражданские права расовых меньшинств началась в Европе в 1542 году, когда король Испании Карлос I принял закон, запрещающий обращать индейцев в рабство. А в 1624 в братской Португалии запрещается на территории королевства держать в рабстве китайцев. В 1652 году Род-Айленд был еще не штатом, а британской колонией, однако на рабство в нем уже ввели запрет. А штаты Вермонт, Пенсильвания и Массачусетс отменили рабство своими конституциями в XVIII веке, еще до вступления в должность первого президента США Джорджа Вашингтона. В Нью-Йорке и Нью-Джерси это происходит на несколько лет позже. И если полностью чернокожих в США освободила война Севера и Юга в 1865 году, то африканская Нигерия отменила у себя рабство только в 1960 (правда, рабы были своей расы).

Общеизвестно, но не принято лишний раз упоминать, что экипажи рабовладельческих судов, отправлявшихся к берегам Африки за «черным товаром», сами негров по джунглям не ловили. Местные племена охотились на соседей и продавали пленников белым по товарному курсу — за ткани, бусы, топоры и прочий полезный бартер. С их стороны в этом не было ничего расового — только бизнес.

Что характерно: из двух заключавших сделку сторон только покупатель был расистом. А продавец был братопродавцем. Продать человека своей расы — как-то сегодня осуждается меньше, чем купить человека чужой расы. Типа продавец — наивный обманутый дикарь, а вот покупатель — циничный злодей. Если собрат по расе тебя зарежет и съест — это этнография. А если чужак присвоит как вещь и заставит тяжело работать — это преступление. Уравнять в преступности обе стороны сотрудничества правозащитники не соглашаются. Чем немало унижают африканцев.

То есть они были дикари, что с них взять. Так их и надо признать либо дикарями, либо такими же злодеями, как белые покупатели. И много хуже! Белые покупали уже готовых рабов, которых иначе держали бы в еще более ужасном рабстве либо убили. А черные ловили свободных собратьев по расе и обращали в рабов на экспорт ради материальной выгоды.

Нестерпимость ситуации еще и в том, что рабы на американских плантациях жили в среднем дольше, чем в свободной Африке. Хотя это была не жизнь, и любое рабство позорно и недопустимо. Их хоть не ели, не

приносили в жертву и не убивали за просто так; кормили впроголодь, но регулярно, от голода не мерли.

Это правда, но это уже не политкорректно. Все черные страдали от белых! И те, кого продавали, и те, кто продавал. Если бы не спрос на рабов — не было бы и предложения, их бы и не ловили. А оставшиеся в Африке спивались и вымирали от оспы, кори, туберкулеза и сифилиса. Хотя если вы хоть немного углубитесь в историю Африки — вы обнаружите жестокие войны на уничтожение, смертельную межплеменную вражду и крайне низкую продолжительность жизни. Они и без белых прекрасно друг друга уничтожали. Что продолжают успешно делать и сейчас — невзирая на ооновскую гуманитарку, госпитали с лекарствами и прочую кормежку и одежду.

Это тоже правда, но говорить так тоже неполиткорректно. Они не виноваты. Мы мало им сочувствуем и помогаем. Мы даем им огнестрельное оружие. Мы разрушили их традиционный образ жизни — но эта ложь есть уже предмет отдельной науки; мы удаляемся от темы разговора.

Да, еще про Либерию. В 1822 году чернокожие репатрианты из США купили у вождей местных племен 13 000 кв. км африканской территории и основали колонию «свободных цветных людей». Их спонсировало Американское колонизационное общество. Итак, страну назвали Либерией и приняли Конституцию типа американской, систему управления типа американской и даже флаг как американский, только пока с одной звездой. Христиане с английским языком, местное африканское население они презирали как варваров и обращали в батраков. Короче, в XXI веке там страшная нищета и грязь, человеческие жертвы и каннибализм имеют место, ребенка в рабы можно купить долларов за 50, женщину — за 30, работать никто не хочет. Но цивилизацию не отменишь: бывший президент не съеден, а сидит в гаагской тюрьме. Хочется плакать.

И над горькой судьбой Гаити — плакать! В 1804 году гаитянская революция освободила народ от французских колонизаторов — и была образована первая свободная республика чернокожих граждан. Начало было хорошим, не считая естественной для революций поголовной резни белых и вообще. Остальное было хуже. За 200 лет независимого развития Гаити добилось статуса беднейшей страны Западного полушария. Тонтон-макуты Папы Дока наводили ужас на братьев по расе и гражданству — покойные колонизаторы вертелись в гробах от зависти. Но дискриминации нет. Чего-чего — а этого нет. Правда, ничего другого тоже нет. Райский климат, лазурное море и трущобы.

С расовой точки зрения белые люди безусловно сволочи. Хотя бывают умные. Великий эволюционист Чарльз Дарвин полагал, что в обозримом будущем черная раса, как менее приспособленная и проигрывающая борьбу за выживание в процессе эволюционной конкуренции более совершенному виду, белой расе, должна исчезнуть. Великий философ-идеалист Артур Шопенгауэр идеи имел также не безупречные, и порицал как внешний вид наших чернокожих братьев, так и их умственное и эстетическое развитие. Великий и созидательный XIX век был суров, тут ничего не скажешь.

Хотя проклятые колонизаторы везли с собой миссионеров и врачей, учили грамоте и смягчению нравов, запрещали человеческие жертвоприношения и не все были звери-эксплуататоры. Но бедных детей каменного века за равных себе не считали. Был, был в них этот расистский душок!..

Однако когда уже во время Второй Мировой войны белые и черные служили в отдельных частях армии США — это была не просто дискриминация, это было уже по-человечески смертельно обидно. Один язык, одна вера, одни обычаи и моды, одна страна и одно гражданство — но даже на смерть за родину тебя посылают вторым сортом. Почти не допускают в элитные и требующие сложной подготовки рода войск, и вообще держат в основном во вспомогательном составе. Лишь в середине XX века сегрегация в армии была отменена.

Когда в 1960 году бар для белых отказался обслужить олимпийского чемпиона по боксу юного Кассиуса Клея, он выкинул в реку свою медаль. А через несколько лет вступил в «Нацию ислама».

Когда в 1962 году Джеймс Мередит решением Верховного Суда был зачислен в Университет Миссисипи, президент Кеннеди направил для его сопровождения и охраны федеральных маршалов и части армии и национальной гвардии; в возникших расовых волнениях два человека было убито и множество ранено, но первый чернокожий окончил этот Университет.

...По прошествии полувека никому уже в голову не приходило поставить под сомнение гражданские права афроамериканцев — слова «негр», «черный» и «чернокожий» были запрещены как расистские оскорбления; за них не исключалось схлопотать срок как за «преступления ненависти» в вербальной форме и разжигание расовой розни.

Наступила эпоха «позитивной дискриминации», когда угнетавшиеся прежде меньшинства получили право на все хорошее — учебу, работу, пособия — в первую очередь.

И вот теперь белым не рекомендуется соваться в черные кварталы,

черные грабят и насилюют белых, хотя друг друга убивают больше, процент безработных зашкаливает, и вчерашние рабы склонны терроризировать вчерашних рабовладельцев, норовя жить за их счет. Бывает.

Есть разные источники и подходы статистики, но разброс данных определен. Афроамериканцы совершают тяжкие преступления от пяти до одиннадцати раз чаще, чем белые. 13 % черного населения США дают от 52 % до 60 % всех убийств. Индейцы и латиносы убивают вдвое чаще, чем белые, а выходцы из Юго-Восточной Азии — в два раза реже белых, или в двадцать раз реже черных. Более половины заключенных в тюрьмах США — черные.

Черный расизм его организации, такие как «Нация ислама» или «Новая партия черных пантер» достаточно открыто существуют. Аналогичные белые организации были бы совершенно невозможны и вызвали оглушительные судебные процессы.

Когда полиция убивает при сопротивлении аресту чернокожего преступника, уже судимого неоднократно — черная община США поднимает бунт. Она оправдывает не преступника, плевать на его поведение и нарушение закона — она защищает своего, что бы он ни делал.

Автомобильная столица мира Детройт превратился в криминальные афроамериканские трущобы: там не хотят работать, там требуют халавы, оттуда съехало все производство и все белые — их обдирали сверхналогами в пользу бедных черных и терроризировали на улицах и в школах.

То есть все это широко известные факты и банальности. Просто об этом не рекомендуется говорить вслух.

И толерантники всегда напирают: это влияние среды. Тяжелое наследие рабства. Следствие бедного детства. Скрытая неприязнь белых. Глубоко вселившийся комплекс неполноценности и реакция на него. Стремление социальных низов к самоутверждению. Плохая работа полиции, не искоряющей преступность.

И все это отчасти правда. Но правозащитников всегда страшно раздражает вопрос: почему приезжие из Китая, Кореи, Вьетнама, не зная языка, приезжая нищими — дают криминала в двадцать раз меньше, а преуспевают в материальном достатке и карьере в девять раз больше? Почему в их кварталы ходят без опаски, а самые старательные студенты — из их среды? Правозащитники мычат о культурных традициях и обычае заботиться о семье.

Но есть ужасные факты и ужасные книги. Которые пытаются опровергать так, как в Советском Союзе опровергали полупроводники,

генетику и кибернетику: все это классово чуждые и вредные буржуазные лжеизмышления.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости краткого изложения книги Ричарда Линна «Расы. Народы. Интеллект». А также ссылок на все труды, исследования и статистические выкладки, основанные на десятках и сотнях тысяч тестов, которые туда включены. Книга напичкана фамилиями, заголовками, датами и таблицами. Она легко доступна в Сети.

Суть чрезвычайно объемной, многосторонней и добросовестной статистики такова:

Средний объем мозга европейца — африканца — азиата:

1400 см. куб. — 1320 см. куб. — 1435 см. куб.

или в процентном отношении — 100 % — 94 % — 102,5 %.

А средний коэффициент интеллекта IQ:

100–70–104.

Возражение: так африканцы же живут в джунглях, культурная история и воспитание не те, все дело просто в социальных условиях. Ладно — меняем социальные условия — берем афроамериканцев, урожденных граждан США. Средний IQ — 85.

Возражение: у них были хуже условия детства, воспитания, образования, уважения и достатка. Но есть среди них и математики, и врачи, и миллиардеры, не только рэперы и баскетболисты.

Ладно. Берем афроамериканцев, усыновленных в младенчестве белыми семьями среднего достатка. И в детстве они даже обгоняли белых сверстников, к пубертатному возрасту выровнялись, а к периоду полового созревания стали замедляться — и остановились на тех же 85 пунктах.

Вы скажете, что это расизм? Погодите, это еще не все.

Среднестатистический период внутриутробного развития: у африканцев на 2,5 суток короче европейцев, а у восточных азиатов — на 1,5 суток длиннее. Проявивших интерес к акушерству и гинекологии — просим к первоисточникам, там и ответят, как это считалось и на скольких миллионах случаев.

Вы чувствуете? Чем дольше развивается плод — тем более высокоразвита центральная нервная система. Вот это уже совсем расизм.

Но для полноты впечатлений возьмите книжку Джона Филиппа Раштона «Раса, эволюция и поведение» — вы таки получите удовольствие. Наглец редкий и обстоятелен, как секвойя, которая собралась пустить тут корни навечно. И тогда окажется теоретически обоснованным, что у африканцев по сравнению с европейцами и восточными азиатами:

— самый высокий уровень импульсивности, агрессии, самооценки,

общительности, половых гормонов и сексуальной активности,
— и самый низкий уровень законопослушания, осторожности, стабильности семьи и психического здоровья.

А вот теперь уже можно громко кричать: «Расизм!», сажать авторов за разжигание расовой розни и сжигать книгу на площадях.

Но! Эти факты никто и никогда не брался опровергать всерьез. Отдельные попытки объяснить результаты тем, что исследователи слишком сильно, например, сжимали штангенциркуль и — при разных методиках исследований — получали один и тот же итог, — это выглядит жалко и беспомощно.

Либералы и леваки объявили генетику лженаукой. Нет, вообще в природе она есть. Но в человечестве отменена. Нет, пока не появился кроманьонец — она действовала. Но дальше — ша! А почему из трех детей в одной семье — один заводной, второй тихий умник, а третий ябеда? Ну, это не считается. А почему в одном школьном классе есть будущие гении, а есть пьяницы? Это нюансы воспитания, но на всякий случай отметки в школе ставить нельзя, чтоб никого не травмировать. А как поощрять таланты? А не хрен их поощрять. Все достижения есть заслуга всего общества.

Правда объявлена преступлением. Она аморальна, антигуманна и ошибочна. Почему? Потому что неприятная правда обидна людям, которые не виноваты, что они вот такие. И поэтому? Пусть думают, что они как все. И дальше? И дальше они будут на вас паразитировать и вас грабить. Почему??? А потому что у них чуть-чуть иначе устроена психика, чуть-чуть иные реакции на внешние раздражители, и вследствие этого — чуть-чуть другая ментальность.

Скажите, а какая вам разница, как называется идеологический аппарат — христианская инквизиция, фашизм, коммунизм или политкорректность? Если результат один — правда запрещена по идеологическим причинам. Что правда, а что ложь — определяет не наука, а идеология?

Злобная ненависть к правде о расах, отрицание ее с пеной у рта — это защита своего представления о добре и зле, своего мира и смысла своей жизни. Защита своего самоутверждения через работу в правозащитных организациях и организации движений и маршей в поддержку. Это желание сохранить свое место в редакции или на кафедре, не вылететь с работы, не попасть под травлю правозащитных обществ, не стать изгоем.

Когда правда никому не нужна — ее лишают гражданства, переименовывают в ложь по общественному уговору и ставят клеймо: «Это — ложь». Чтоб не сомневались.

Ты говоришь:

Все люди рождены с равными правами на счастье, выбор жизненного пути и доступ ко всем благам общества. И это не должно подвергаться сомнению.

Пусть каждый предъявит себя и займет достойное его место. Без демагогии и вранья. Независимо от расы.

А они отвечают:

«Приключения Гекльбери Финна» мы запретим — там негр изображен не очень. И памятники конфедератам в Америке снесем: позор рабству. И вообще долой белое превосходство. Все зло от вас.

Справка:

В Лос-Анджелеском бунте и погроме 1992 года корейские магазины и предприятия не пострадали: корейцы засели на крышах с винтовками и отстреливали самых буйных вожаков, черная толпа уходила искать добычу полегче.

Женский бунт

Наличие у женщины души было решено на Эфесском соборе Христианской церкви в 431 году путем голосования, давшего перевес в один голос. Может быть, правда, это случилось на Маконском соборе. Или даже Никейском. Причем в другом году.

Этот миф живуч! Но характерен. Как все мифы. Миф — он всегда очень правильно ставит проблему, свободно обсуждает ее в ненаказуемом метафорическом виде и предлагает принципиальное решение.

Н-ну, прошло полторы тысячи лет и более с условного Эфесского собора — и одного парня выгнали с поста ректора одного американского университета за то, что он публично брякнул: вот с его сыном проблем по математике не было, а с дочками — просто беда, пришлось все задачи с ними решать. Хороший отец — легкая добыча для феминисток: его сожрали за сексорасизм, гендерный шовинизм и недопущение женщин в науку.

А если конкретнее — ректора Гарварда, блестящего и титулованного экономиста, в прошлом самого молодого профессора Гарварда, а позднее министра финансов США — Ларри Саммерса заставили уйти. В речи на конференции он позволил себе недопустимые высказывания. Его дочкам в детстве купили машинки — так они стали играть ими в дочки-матери, кстати о гендере как следствии социализации, а не врожденных данных. В математических тестах женщины показывают меньше как блестящих результатов, так и очень плохих — а у мужчин разброс гениальных и бездарных решений гораздо больше. Ну, и те институты, которые стали бороться с засильем белых мужчин, отбросив предрассудок об их превосходстве и в должной мере представив женщин и меньшинства, отнюдь не стали преуспевать в науке. Тут ректору-сексорасисту и гендерному шовинисту настал конец. И на его место поставили женщину.

Много лет шла борьба за женское равноправие. За право голосовать. За право получать образование. За открытие женских курсов, потом — за право учиться в университетах наравне с мужчинами. За право на профессии, право быть врачами и инженерами. Право занимать выборные должности — вплоть до высших государственных постов, это был долгий путь борьбы за равноправие.

Наступление XX века ознаменовалось буйным движением суфражисток и вообще феминисток за равноправие во всех социальных

аспектах. В последней трети века уже утверждалось равноправие сексуальное и милитаристское (характерное сочетание): свободный секс и военная служба наравне с мужчинами во всех родах войск.

Пока все кажется логичным. Хотя секс предполагает беременность исключительно у женщин, но пилуля и аборты должны помочь равной мере свободы, она же безответственности, за удовольствие. С армией чуть сложнее, потому что нагрузки летчика-истребителя или десантника для женщины великоваты. Но мы докажем, что равны!

Начинается наступление на биологию. Начинается оно с фильмов и сериалов, где женщины изящного модельного сложения побеждают в поединках многочисленных шварценеггеров. А заканчиваются женской штангой, боксом и борьбой, что выглядит антиженственно и отвратительно на взгляд сексорасистов: им не нравятся раскоряченные позы, мужеподобная перекачка мышц и расквашенные физиономии. Эстеты.

А сейчас мы опровергнем анатомию, физиологию, эндокринологию, психологию и генетику.

Наиболее последовательные борцы за гендерное равноправие подготовили себя к приемному покою сумасшедшего дома:

Женщины физически мельче мужчин, потому что тысячелетиями девочек кормили хуже, чем мальчиков, которых больше ценили.

В их мягких тканях больше жира, потому что бедные девочки, которых держали впроголодь, вынуждены были запасать калории впрок.

Женщины слабее мужчин отнюдь не все и не всегда: если их воспитывать, как мальчиков, они и будут быстрыми и сильными, как мальчики.

Внимание!!!

Человек не рождается мужчиной или женщиной. Половые органы сами по себе ничего не значат — это только анатомия, ну, и отчасти физиология. Но человек как личность мужского или женского пола — гендер — формируется в процессе воспитания. Вот как ты с самого начала навяжешь младенцу гендерную роль мальчика или девочки, как будешь его воспитывать, каким играм учить, какие доблести прививать, в какую одежду одевать — таким ребенок и сформируется: мужчиной или женщиной в зависимости от воспитания. Это не праздник бихевиоризма в психлечебнице — это всерьез.

Так что мужчина либо женщина — это роль, навязанная обществом и глубоко укорененная в подсознании. И чтобы помочь ребенку свободно выявить свои доминирующие наклонности — надо и мальчикам и девочкам, которые таковыми записаны в справку о рождении, давать играть

одни и те же игрушки, носить одну и ту же одежду; пока еще не дошли до давания имен среднего рода, но уже отмечены попытки запретить мальчикам писать стоя, чтобы не возникало различий в привычках с девочками.

То есть. Ребенок имеет биологический пол, но не имеет социального пола. Социальный пол ему полностью навязывает социум.

Вот это и есть базовый уровень равноправия полов. Пытаться спорить с ним в современном западном мире — означает портить свою репутацию и рисковать вылететь с работы и из приличного общества. Не поддерживаешь — так молчи и изредка мычи согласно.

Итого. Отрицать врожденные данные характера и поведения — означает отвергать основы науки. Запретить науку по идеологической причине. Любое животное есть наложение фенотипа на генотип — внешних условий на врожденные данные, это известно всем студентам-биологам и медикам.

Тип нервной системы, ее устойчивость и лабильность, степень реактивности и способность к возбуждению и торможению — задается наследственно.

Гормональный уровень мужского и женского организмов различается, и никаким воспитанием это изменено быть не может.

А именно гормональный уровень и тип нервной системы определяет поведение особи: степень агрессивности, способность к сосредоточению, стремление решать проблему силой или компромиссом, тяга к изменениям или сохранение имеющегося положения.

Нужно дойти до высокой степени идиотии, чтобы требовалось повторять всерьез очевидное всем и всегда: мужчина и женщина — единое целое, они не могут друг без друга, биологическое и социальное распределение ролей делало двуединый организм мужчина-женщина несравненно устойчивее, многостороннее, живучее и потентнее. Двуполая биологическая и социальная организация семьи гарантировала ей успех в развитии, выживании и продлении рода — несравненно больший, чем нивелирование ролей.

М-да, но главная подлость сексорасистов и гендерных шовинистов не в этом. А в подлой науке арифметике с геометрией, и еще в психологии, да.

Всех желающих — к трудам упомянутых Линна и Краштона, и далее — по сотням ссылок в них на научные источники. А кратко:

Мозг женщины по массам статистик в среднем меньше мужского на 100–150 граммов, или на 9 % — 10 %.

IQ женщины в среднем ниже мужского на 2,5–3,8 единиц (сотни тысяч тестированных из разных стран).

Можно отрицать, что размер мозга имеет значение, и приводить в пример Анатоля Франса с его очень маленьким и дебила из анатомического театра с его очень большим. Да. Но мы говорим о средних значениях. Отрицать их значение — значит отрицать теорию эволюции, отрицать классификацию организмов, отрицать степень развития центральной нервной системы у всех животных с уровнем их развития. И отрицать теорию происхождения и развития человека от австралопитека и далее.

Можно отрицать верность и показательность IQ, и действительно, все эти схемы несовершенны. Но они отлично работают, повсеместно применяются, и на уровне больших чисел сбоев и неточностей не дают.

Тем не менее. Эта правда запрещена, потому что она не согласуется с идеологией полного равенства. А когда идеология заведомо отменяет все, что ей противоречит — это уже она превратилась в религию. Так что не затрудняйтесь аргументами. Еритиков — на костер!

Религиозная правда — это согласованное мировоззрение значительной группы единомышленников. А в группе единомышленников очень мало мысленников. Пара руководителей в центре и пяток скептиков на периферии. Остальные единомышленники — это толпа. Толпа по определению не может мыслить. Толпа — это стадо, спаянное в единство методом принятия общих взглядов и желаний. Все.

Кто сказал правду — тот гадина. И, конечно, врет. Наше стадо во главе с мудрыми вожаками не может ошибаться! Значит, инакомыслящие — наши враги, которые нас унижают. Вон их!

И биология — буржуазная лженаука эксплуататоров и потребителей.

Женщина — консерватор, мужчина — новатор.

Мужчина лезет во что ни попадя и рискует — женщина стремится сохранить то, что есть.

Мужчина путешественник — женщина домосед.

Мужчина агрессор — женщина умиротворитель.

Мужчина мот — женщина скопидомка.

Мужчина в первую очередь и весьма подвержен биологическим мутациям — женщина устойчива к ним и меняется в последнюю очередь (это у всех животных).

Мужчина может перенести огромные кратковременные нагрузки — женщина выносливее к меньшим, но более длительным нагрузкам.

Мужчина лезет во все свары, бунты и войны — женщина стремится укрыть свою семью от всех потрясений.

Мужчин гибнет от всех болезней и катастроф гораздо больше, чем женщин — он живет насыщеннее, но короче.

Наконец, мужчина стремится передать свои гены всем самкам, которых в этот миг ощущает достойными — женщина стремится получить гены только одного мужчины, но самого лучшего. Так вершится эволюция — гибнут слабые и продолжают род победители.

...Ну и весь этот бред — типа пять женщин-моряков на подводной лодке с экипажем сто мужиков и походом полгода: и вы хотите, чтоб за ними не подсматривали?! Может, вы кастрируете экипаж перед походом, чтоб не отвлекался? А ничего, что эти пять милых девушек снижают боеготовность? Что начнутся увлечения, ревность, рассеянность, и вообще самоубийства в армии отнюдь не такая редкость, особенно на почве несчастной любви? Ага, зато равноправие.

Дамы и господа. Правда еще никогда не останавливала борцов за идею. Зато любая такая идея объявлялась справедливой и истинной. Хоть бред.

Если открыть идиотам, что Земля — шар, и обеспечить им безбедную жизнь бездельников, то найдутся борцы за шарообразность, которые провозгласят скрыть все горы и сровнять с Мировым Океаном.

Мне лично непонятно одно. Почему гермафродит еще не объявлен идеалом свободного и самодостаточного человека с максимальными возможностями? Ведь были отдельные попытки еще в Античности. Вот всех и привести к общему справедливому знаменателю.

Гомосексуализм

Отношение к гомосексуализму стало лакмусовой бумажкой политкорректности, блиц-тестом на толерантность. Начиная с того, что, кажется, так говорить нельзя: нехорошо, неприлично. А надо «гей» и «нетрадиционная сексуальная ориентация».

Борьба за равные права всех меньшинств — как гражданские, так и моральные права — включала в себя и борьбу за права геев и лесбиянок. (Слово «лесбиянки» осталось неизменным с античных времен.) И метаморфоза, происшедшая с признанием прав секс-меньшинств — крайне показательна как самый яркий пример «революции равенства и толерантности».

1. Итак. Что есть секс — на базовом, природном уровне? Секс — это физиологический механизм для реализации репродуктивной функции у двуполых животных. Начальная и пусковая стадия. Неотъемлемая часть всего репродуктивного процесса. Вот в самой общей форме так.

2. Что для этого необходимо анатомически? Различие и совместимость женских и мужских половых органов, контакт которых и делает возможным акт зачатия.

3. Что для этого необходимо эмоционально? Сильнейшее, иррациональной силы желание, стремление к физиологическому контакту. Для чего особь, особенно мужская, самец, готовы преодолевать трудности, сражаться и даже рисковать жизнью. Чтобы передать свои гены и продолжить род.

4. Функция выживания и продления рода (одновременно его совершенствования в поколениях, одновременно поддержания биологической эволюции) — не просто важна до чрезвычайности. Но это родовая доминанта. И шире — доминанта видовая, доминанта биологическая вообще. А родовое доминирование проявляет себя через доминирование индивидуальное в ряде случаев и аспектов. То есть: ты должен жить и сохранять себя как особь — но при конфликте интересов должен пожертвовать собой как особью ради продления рода.

5. Любить важнее, чем жить! Ну, или размножиться важнее, чем сохраниться индивидуально. Вот что такое эмоциональная мотивация, вот какова важность репродуктивной функции на уровне эмоций и ценностей.

6. Животный организм — чрезвычайно сложная биологическая система. Для существования ему необходимо воспринимать информацию

извне, реагировать на нее, захватывать извне и перерабатывать для своей жизни энергию, для этого ловить добычу, охотиться, бегать, смотреть, нюхать, рвать на части, переваривать, фильтровать и удалять яды и остатки, и как-то координировать все свои действия. И организм — как сверх-система, материнская система — создает себе под-системы для решения конкретных задач. Глаза — смотреть, уши — слышать, зубы — рвать, шкура — греть и защищать, желудок — переваривать, и далее по списку учебника анатомии и физиологии. Все это в иерархии организма — подсистемы относительно системы общей.

7. Но. Эти подсистемы — сами по себе жутко сложны. Имеют сложное строение, участки тканей разных типов, а уж разнообразных клеток, а молекул — ну очень все сложно. Кровоснабжение, лимфодренаж, нервные каналы обратной связи с мозгом и всем организмом. И каждая анатомо-физиологическая подсистема обладает определенной автономией — и даже региональным эгоизмом. Подсистема, для лучшего функционирования, надежного и гарантированного, встроена в общую систему организма «с люфтом и натягом». Со всех сторон «тянет одеяло на себя».

Желудок хочет много есть, и незачем напрягаться. Легкие хотят спокойно дышать, не фиг бегать и пыhtеть. Глаз хочет как можно больше видеть, хлопоты его отвлекают. Печень говорит желудку, чтоб ему пусто было, она хочет фильтровать чистую воду, а не ту дрянь, которой он кормит организм, а ей засоряться. А мышцы требуют белка: жрать давай, нам надо восстановиться и бежать за оленем. А мозг говорит: мне глюкозы, и всем заткнуться, отвлекаете от дум.

Каждая подсистема заботится о собственных интересах. Так старшины пехотных рот, танкистов и артиллерии спорят за снабжение для своих частей — в результате это ради максимальной боеспособности дивизии.

8. В автомобиле или самолете каждый узел и деталь сделаны с запасом прочности в несколько раз. На случай перегрузок в экстремальных ситуациях.

Аналогично в организме каждый орган, каждая под-система создана природой с запасом. Выжили в процессе эволюции только те особи, которые переносили нештатные ситуации, экстремальные перегрузки: бежать, голодать, набивать брюхо впрок и так далее.

Жизнеобеспечение организма — о сложных организмах сейчас говорим — запрограммировало каждую подсистему на определенный объем действий. Энергия в орган направляется постоянно, диспетчер-мозг за этим следит. И как простаивающей в парке технике надо иногда устраивать прогрев моторов, чтоб проверять и поддерживать рабочее

состояние — так лишенные нормальной нагрузки органы должны иногда «работать вхолостую», формально имитировать деятельность, чтоб не потерять форму.

Сам орган об этом не думает. И зверь в целом об этом тоже не думает. Просто, сытый и отдохнувший, в безопасности и комфорте, — он начинает играть. Или придумывать себе занятие. Собаки бегают и борются. Кошки охотятся на бахрому скатерти. Антилопы устраивают пробеги без всяких хищников. Потому что еда, безопасность и движение связаны инстинктом жизни в единую программу.

9. Да, жизнь есть борьба — борьба за свободную энергию. Трава вбирает солнечную энергию и тянет с водой вещества почвы: строит себя. Заяц ест траву, волк — зайца. Все всех едят. А еды вечно не хватает. Смертность в природе огромная — и не только у мышей, у слонов тоже. Иначе бы слоны уже заполнили всю сушу, это давно подсчитано.

А посему выжили те, кто размножением покрывает убыль. Размножение должно покрывать смертность от хищников, болезней и стихийных бедствий типа неурожая и бескормицы.

Поэтому размножаются все чрезвычайно активно. И совокупляются с большим запасом. Ведь не каждый акт ведет к зачатию. И неизвестно, удастся ли вывести потомство на будущий год — вдруг засуха или ливни.

И если самка в течке ищет и подпускает самца только пока не понесет — то самец в гону готов совокупляться непрерывно. Половая жизнь самки начинается с готовности к зачатию и прекращается с зачатием: цикл недолог, даже если продлился «вхолостую». Половая жизнь самца начинается с выработки семенных клеток — и не прекращается, пока в нем эти клетки есть.

(О природном смысле этой разницы для эволюции и естественного отбора мы здесь говорить не будем — это уже за пределами данной темы.)

10. Животное не думает о том, что нужно продлить род. Животное повинует инстинкту и стремится удовлетворить половое влечение.

А если нет полового партнера? Половой голод и половая способность есть все равно — как просто голод, когда нет пищи.

Тогда животное — в силу своего положения и уровня развития — ищет суррогат: как удовлетворить половое влечение. Хоть кататься по полу. Хоть иметь диванный валик. Хоть пытаться с другим самцом. И вообще искать способ раздражения половых органов, чтоб добиться сексуальной разрядки.

Проще всего обезьянам — им легко заниматься онанизмом.

11. Итак, мы добрались до человека. В чем его главная биологическая

особенность по сравнению с прочими животными?

Первое. Энергетическая избыточность. Человек потребляет на единицу собственной массы и на единицу производимой мускульной работы в среднем в четыре раза больше энергии, чем любое другое животное сходного размера. Человек — самое неэкономичное из всех животных, самое энергетически нерациональное. И одновременно — самое производительное, производящее в результате на единицу своей массы больше всех работы по сравнению с любым животным вообще.

Второе. В результате такого энергетического устройства человек выносливее, приспособленнее, активнее, живучее любого другого животного.

Третье. Мозг человека, его мощнейшая центральная нервная система, в состоянии физического покоя — вот лежит человек и думает — расходует до трети и более всей глюкозы организма, то есть всего топлива, всей энергии. (А сам два процента от веса тела не потянет.)

Четвертое. Эта чрезвычайная энергетическая и психическая избыточность человеческого организма имеет аспект и резкую избыточность сексуальную. Психически это обеспечивается высочайшим уровнем нервной деятельности, мощностью центральной нервной системы, ее выносливостью, реактивностью, способностью к восстановлению. Сугубо физиологически — не сезонной, но круглогодичной половой активностью. Энергетически — способностью пускать энергию в сексуальное русло с регулярной частотой в значительных объемах на протяжении всего чадородного возраста.

По сравнению с половыми актами животных у человека он долгов, мощен, энергозатратен, может носить изощренные формы и быть чрезвычайно напряжен психически.

12. И главное и принципиальное. Аспекты энергетической избыточности человека. Когда на них накладывается цивилизация. Дают, кроме многих прочих следствий, многообразную культуру игр, условных систем действия.

Игра означает: по жизни это не необходимо, но страсть как хочется, и мы это делаем, и придаем этому самостоятельное значение.

Весь спорт, все искусства, архитектурные стили и моды в одежде — это прежде всего аспекты энергоизбыточности. Это явления и процессы, не обязательные для выживания. На которые пускается энергия, не расходующаяся на выживание, остающаяся от него.

Самое простое, прямое, явное. Дети все время играют. Они не только имитируют жизнь, обучаясь ей. Но глубже: им можно сидеть тихо и ждать

кормежки — но энергия требует бегать и кричать, что-то выдумывать и строить.

Турпоходы, пикники, школы танцев (а изначально и весь спорт) — заданы энергоизбыточностью и программой под-систем: можно отдыхать в сытости — но органы и функции требуют реализации! Все экстремальные виды спорта — это реализация органической потребности в риске, адреналине, преодолении опасностей и препятствий, победе над трудностями!

Инстинкт познания был изначально необходим для выживания: изучать всю информацию извне, чтобы избежать опасности и поймать добычу. У сытого потребителя сейчас — любопытство: чем кончится сериал и есть ли жизнь на Марсе? На хрен ему это надо?! Инстинкт требует. Так организм устроен, так подсистема сознания работает: сбор информации. Незачем будет ее собирать — начнешь историей почтовых марок интересоваться.

Все двигательные игры — это реализация инстинкта движения и действия.

Все интеллектуальные игры — это реализация инстинкта познания.

Они отпочковались от природной необходимости и обрели самостоятельное значение.

...Аналогия с сексом здесь та, что на современном Западе его отпочковали от природной необходимости и придали самостоятельное значение. Сексуальная жизнь и сексуальная культура.

Так секс, под-система репродуктивной системы, которая и сама-то есть под-система организма — обрел на собственном уровне права и статус самостоятельной системы и функции. Не чтобы детей рожать — а вообще, чтобы влечение удовлетворить.

13. Еще раз.

Любая сложная система для осуществления своих функций создает себе и под собой под-системы. Они специализированы, их роль служебна. Каждая из них несет конкретную функцию — в интересах своей над-системы.

Но. Каждая под-система, стараясь лучше выполнять свою функцию, заботится также о собственном жизнеобеспечении. Без этого нельзя. А также она старается выполнить свою функцию наилучшим образом, причем с запасом. И вот для выполнения собственных задач под-система начинает создавать собственные под-под-системы. По отношению к которым она уже выступает материнской над-системой. А ее под-системы уже имеют свои под-функции.

То есть. Система каждого системного уровня имеет определенную степень самостоятельности и самозначимости. И стремится удовлетворять в первую очередь свои под-системные интересы.

Объективно под-система работает на материнскую над-систему. Но у нее свой кпд. Часть работы она выполняет «ради себя». Так чиновники благотворительного фонда для голодающих пускают часть собранных денег на свои зарплаты и аренду офиса. И вот уже у них командировки, отели, премии и банкеты. Они начинают ощущать свою работу в офисе фонда самоценным процессом.

Вот так инстинкт утоления голода породил гастрономическое искусство с изысками трудновообразимыми.

Инстинкт самосохранения и сбережения тепла — породил искусство моды с показами престижных домов, где шьют одежду, вообще к нормальной носке непригодную.

Инстинкт движения и самоутверждения породил футбол, где ногами бить можно, а руками нельзя, хотя это противостоит природе. И вот уже дело жизни людей — пинать мяч, что дико с точки зрения пользы выживания.

Инстинкт убежища породил и готические стрельчатые соборы — и безумные небоскребы, жить в которых противно, неудобно и нездорово, зато они во всех каталогах архитектуры.

...Инстинкт размножения породил все виды сексуальных отношений, не имеющих никакого отношения к размножению, но только к получению ощущения всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

14. И еще раз. Предельно просто. Средство для достижения общей цели — само становится целью, пусть более частной. Вспомогательной. На своем уровне — самоценной.

Средство — на определенном этапе и в определенной степени — само становится целью.

Средство способно стать целью.

Средство само есть цель.

Таков закон конкретизации задачи и разложения ее на составные части, когда разделенные вспомогательные функции делегируются подчиненным структурам.

Частная вспомогательная задача уже не воспринимается как часть общей, но абсолютизируется.

Меняется масштаб целеполагания: смысл твоей жизни — переплыть реку и не утонуть; а как потом жить и работать, жениться и воевать, куда ехать и к чему стремиться — это сейчас значения не имеет никакого, это все равно, ты главное выплыви.

14-А. Франция имеет задачей сокрушение Австрии. Эта задача на генеральном уровне персонифицируется в Наполеоне. Наполеон имеет армию. Для управления армией создана корпусная структура во главе с маршалами. Корпуса делятся на дивизии во главе с генералами, которым ставят задачи маршалы. Генералы ставят задачи командирам полков. И так до отделений из рядовых солдат во главе с капрами.

Каждого рядового солдата, да даже всю роту, положить в бою не так трагично — допустимо для достижения победы. Но каждый солдат — самоценная личность: он хочет жить, сделать карьеру, создать семью, и рассматривает службу не только как повинность, но и как поле желанной деятельности, перспективу карьеры. Особенно если это доброволец.

Маршал посылает полк на убой как средство победить. Но отдельный солдат сам себе тоже ценен — иной может и побежать, устроиться в обоз, даже дезертировать ради спасения жизни. Это он маршалу средство. А себе — он очень главный в жизни, и заботится о собственных интересах. Выжить, поесть-поспать.

Для маршала солдат — пешка-пылинка. А для себя солдат — центр мира, у него смысл жизни, надежды и страсти. Он жить хочет! Причем хорошо.

Но. Если признать право солдата на жизнь и комфорт. Выше задачи армии победить. Или наравне. Можно считать, что армия уже разбита и война проиграна. Наглые мародеры разбредутся по округе, крича о праве на жизнь, еду, выпивку и баб! Они для себя пожить хотят!

Забота о солдате вторична и носит служебный характер: надо победить врага! а вот для этого — обеспечить солдата едой, одеждой, оружием и дать необходимый отдых.

15. Таким образом секс как средство природы, имеющей целью размножение, превратился для человека в самоценную цель получить наслаждение.

16. Сексуальная культура и идеология сегодня — это подсистема функции размножения, отпочковавшаяся и обретшая собственные подфункции и статус самостоятельной системы со своими под-системами.

То есть: вполне логичная и естественная эволюция системы, когда ее под-системы развиваются, крепнут и обретают область собственного влияния и действия.

Де-юре секс сегодня отделен от репродукции. Де-факто все более тяготеет к де-юре, как оно и должно быть.

17. По мере развития цивилизации сексуальная функция обогащалась в свою очередь функциями социальной, политической, эстетической,

этической, имущественной, а также обрядовой и религиозной. Она обретала аспект престижа, власти и подчинения. Семья ячейка общества. Престолонаследие через брак. Секс был невычленим из тела культуры.

18. И когда мы сегодня рассматриваем секс в свете всех возможных сексуальных отношений как независимую от репродуктивной функцию организма — все встает на те места, куда их и расставила сегодняшняя толерантная политкорректность.

И то сказать: трахаются каждый день — а рожают раз в жизни. То есть с точки зрения репродуктивной функции — кпд $\frac{1}{10\,000}$, то есть 0,01 %. А вот это уже статистическая погрешность, которой можно вообще пренебречь.

В ничтожном меньшинстве случаев половой акт совершают сознательно с целью зачатия. Так какая разница, традиционен он или нет.

19. История шла, цивилизация развивалась, культура усложнялась. И сексуальная функция обогащалась под-функциями сопутствующими и подчиненными. Это — простите за повторение, но нужно:

Этическая — как себя вести с партнером состоявшимся или предполагаемым. Процесс ухаживания и партнерских отношений.

Эстетическая — влюбленные должны выглядеть прекрасно и романтично, брачная церемония должна быть обставлена, супруги выглядеть подобающе.

Регуляторная — кому, с кем, как, сколько можно.

Экономическая — кто что кому дарит и дает, как делится добро.

Социальная — как их дела соотносятся с жизнью всего племени, народа, государства.

20. Вот на социальной остановимся отдельно. Дети — будущее племени и народа. Завтра только они его защитят и прокормят. Самки с потомством — предмет отдельной заботы. И семья — моногамная, полигамная, групповая — охранялась всем социумом и имела твердые права и гарантии. Без семьи не выжить. Семья — это святое, наряду с родиной-народом-страной.

Семья — это взаимные обязательства обеих сторон. И семья — это охрана и забота со стороны социума.

21. Половая мораль. И ее регуляторная функция.

Во-первых — кому с кем можно, а кому с кем нельзя. И все это практически всегда увязывалось с семейными отношениями. Допустимость свободного секса — исключения, подтверждающие правило.

Во-вторых — как и сколько можно, а как и сколько не принято.

В-третьих — как любая мораль, это система императивов и табу. Надо — нельзя. И появление понятия «супружеский долг».

Рамки этой морали колебались в зависимости от эпохи и страны. И если у эскимосов она была предельно либеральна — то в средневековой Европе или викторианской Англии отличалась официально жесткостью идиотской.

22. И вот волна Революции-1968 поднялась как цунами. И смысла запреты.

Семья стала для выживания и даже процветания не обязательна. Материально государство поддерживало матерей-одиночек. Они получили социальные преимущества. А общественное мнение было склонено идеологией и пропагандой в их пользу.

Дети для выживания и процветания стали не обязательны. Могущественное государство вас защитит, а богатые пенсионные фонды обеспечат старость.

Новые контрацептивы надежно предохраняли от нежелательной беременности.

А медицина гарантировала излечение болезней. (Это было до СПИДа.)

Консерватизм же и традиционные ценности резко вышли из моды. Новое поколение отвергало потребительство, лояльность государству, необходимость труда, семейные ценности.

Свобода! Свобода от всех запретов!

Смысл и цель жизни — в счастье свободного человека, реализующего свои желания и потребности. Ограничивать их — преступление! Если ты никому не причиняешь зла — ты вправе жить как хочешь!

Сексуальные ограничения и запреты — это подлость церкви и властей, лишаящих людей законного права на счастье. Лишь бы сохранить свою власть, лишь бы лезть в регулирование даже самых интимных сторон жизни. Их, понимаешь, самоприсвоенная функция — это решать за нас, как нам жить. Хватит! Пожили по чужому, вашему разумению — а теперь будем по собственному уму и потребности.

23. И вместе с борьбой за права любых и всех меньшинств — открыто и свободно началась борьба за права сексуальных меньшинств. Ее поддерживали борцы за права чернокожих, латиносов, евреев, инвалидов, коммунистов, пацифистов и дезертиров.

Гомосексуалисты, лесбиянки и бисексуалы ничем не хуже традиционных гетеросексуалов, утверждали они. Люди получают счастье и никому не мешают.

Долой дискриминацию! За что нас сажать в тюрьму? От чего нас

лечить, мы не душевнобольные! Почему нас смеют презирать и не брать на работу, если мы ничем не хуже?

Наш символ — радуга! Все цвета вместе особенно прекрасны.

24. К 1968 году гомосексуалистов давно уже не сажали в тюрьму и психушку (в белых странах). Статьи эти не применялись, и отношение было снисходительное.

Но. Они требовали во-первых, признания однополых отношений психической нормой. А во-вторых, полного гражданского равноправия для однополых и двуполых отношений и союзов. В-третьих, не сместь презирать людей за сексуальную ориентацию — свободный выбор заслуживает равного уважения, традиционный он или нет.

Борцы за сексуальное равноправие требовали его настойчиво, громко и даже агрессивно. Они организовали группы, общества и движения вплоть до Фронта освобождения гомосексуалистов. Они проводили митинги, шествия и парады.

25. Насчет психической нормы психиатры были очень не уверены. Наоборот, расценивали его как психопатологию. Они все не могли отрешиться от связи секса с репродуктивной функцией и фактическим полом.

Им помогли. Американская Психиатрическая Ассоциация насчитывала более 20 000 человек. По закону больших чисел около полусотни из них были гомосексуалистами. Из них образовали инициативную группу, со скандалами продавившую свой состав комиссии по гомосексуализму. На конференции АПА 1971 года активные борцы с улицы получили микрофон и провозгласили психиатрию враждебным институтом, ведущим войну на истребление против гомосексуалистов: «Мы отрицаем вашу власть над нами!»

Активисты-гомосексуалисты пикетировали заседания Ассоциации, врывались со скандалами на конференции и вели работу по поиску сторонников. Прогрессивные СМИ их поддерживали и клеймили душителей свободы и счастья.

«Ты есть то, что ты чувствуешь». «Я голубой и счастлив этим». Таковы были их лозунги.

Надо представить себе размах общественных протестов и гражданских волнений в США на рубеже семидесятых, чтобы понять, как любые власти опасались и старались избежать любых волнений. Убийство Мартина Лютера Кинга, убийство Роберта Кеннеди, хиппи с их наркотиками, тунеядством и свальным сексом, массовый протест против вьетнамской войны, бунты и террористические организации чернокожих с их «Нацией

ислама»... ой, договоритесь вы как-нибудь с этими гомосексуалистами, ну их еще нам только не хватало!..

Радостно-напористая философия всеобщей небрежности, пофигизма, вседозволенности, свободы, удовольствий и какого-то разгульного братства охватила изобильный Запад. Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!

Будущий президент Билл Клинтон в рваных джинсах подкуривал траву на тусовках и дул в саксофон.

26. Вот в этих условиях в декабре 1973 года изрядно затерроризированный политическим напором нового времени Президиум Американской Психиатрической Ассоциации большинством голосов высказался за исключение гомосексуальности из списка заболеваний.

27. В 1974 году Ассоциация провела референдум: «Считаете ли вы гомосексуальность заболеванием?» Было получено обратно около 10 000 бюллетеней. 5854 — «против», 3810 — «за».

Впервые в истории науки истина была установлена методом голосования. 60 % против 40 %. Не методом доказательств через результаты опытов, исследований и статистики.

Никаких клинических и научных аргументов для изменения оценки приведено не было. Радикальные активисты-гомосексуалисты обвиняли психиатрию в дискриминации, но не в научной неточности.

Борьба за групповые интересы для достижения этого результата общеизвестна. Так что о беспристрастности решения речь не идет.

Идеологическое и политическое давление на профессиональное сообщество, от которого организованные социальные группы требовали пересмотра научной точки зрения, также было откровенно и очевидно.

Это был не акт внутринаучной борьбы — но борьбы с наукой.

28. И вот еще одно доказательство. Которое выпало из истории этого «обезьяньего процесса» по неясной причине.

В 1974 году Американская Психиатрическая Ассоциация насчитывала около 22 000 членов. Что составляло порядка 70 % от всех американских психиатров, каковых было около 30 000 человек.

5584 человека, которые сочли гомосексуальность не патологией, составили — 26,6 % от общего количества членов АПА, и — 18,6 % от количества всех психиатров Америки на тот момент.

И вот такой результат был признан решающим под неудержимым напором мощного гомосексуального лобби.

Вот этот результат нам сейчас выдают за «современную научную истину» в последней инстанции.

Вот таким путем гомосексуальность была исключена из «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» США (DSM — II).

29. Несогласные с этим решением психиатры АПА провели четыре года спустя свой опрос, не получивший официальную силу. Было разослано до 10 000 бюллетеней, проголосовали 2500, и 68 % участников сочли гомосексуальность патологией.

То есть: мнение пассивного большинства — воздержаться, не ввязываться в дискуссию, чреватую сложностями, мнение активной части — $\frac{2}{3}$ против признания гомосексуальности нормой, даже после официально-директивного решения.

В чем причина результата? Директива за четыре года уже устоялась — но голосование не подверглось давлению конкретной политической кампании, оно проводилось «без шума».

30. В 1992 году Всемирная Организация Здравоохранения исключила гомосексуальность из перечня болезней. 20 лет целенаправленной борьбы за депатологизацию гомосексуализма увенчались успехом. Из любви к истине стоит добавить, что более половины бюджета ВОЗ финансируют США.

Далее этим путем последовали Англия и прочие, включая Россию и Китай.

31. Борцы за права людей во всем, включая права меньшинств на разные виды счастья и справедливости, были ярким авангардом передового человечества. Гомосексуализм из чего-то стыдного и запретного превратился в предмет открытой гордости. Быть открытым гомосексуалистом — означало независимость, уверенность в себе, индивидуализм, готовность постоять за свои законные права и вступить в борьбу с обывательским большинством.

Гомосексуализм стал стильным, модным и даже престижным — особенно в артистических кругах и нон-конформистских движениях. Он подчеркивал твою неординарность, протест против отсталой обывательщины, передовые взгляды и гуманизм. В этом появился некий самоуверенный и озорной вызов: да, вот я такой, и в гробу вас видал с вашими предрассудками, живу как хочу и имею полное право. А вы темные жлобы, если не понимаете моей нормальности.

32. Любой социальный процесс начинается в голове. А мысли выражаются словами. Первая атака была произведена на словарь.

«Педераст» как слово могло сойти за сексуальную принадлежность полвека назад. Ныне оно стало оскорблением и выражало презрение и

унижение. За какую недопустимость и было отовсюду официально вычеркнуто и объявлено дискриминирующим ругательством.

Его полностью заменило слово «гомосексуалист». Но как термин психиатрии и сексологии оно тоже не вызывало восторга у людей, им характеризуемых. Несло выражение неравенства и высокомерия, ясно обозначало патологию не только в медицинском смысле, но и в социальном.

Объявили нежелательным и его. Ущемляющим права меньшинства на равное уважение и человеческое достоинство. И придумали новое слово: «гей».

Слово хорошее. С одной стороны, похожее на сокращенно-разговорное «гомосексуалист» — то было какое-то длинное, архаичное латинско-древнегреческое, неудобопроизносимое. С другой стороны, «гей» — на исходном английском означает «веселый, яркий, беззаботный». Его же любят расшифровывать как аббревиатуру «Good As You» — «хороший как и ты». Имело оно ранее и разговорный смысл «ловелас, ходок». А еще оно похоже на разговорно-мужское «парень» — «guu». Гэй — гай. Позитивные фонетические коннотации. Фонетическое и смысловое соседство, схожесть, одинаковость в правах.

«Гей» — это нечто современное и продвинутое: свойское, краткое, современное и даже лихое. По-своему мужественное, весьма. Фонетически и ассоциативно позитивное. Лингвистически грамотно оформлено!

...Наше отношение к действию немало зависит от его названия. И сменой названия можно изменить для человека смысл действия. Действие то же самое — ан значит оно не то, что раньше, не то, что под старым соусом.

Реформа начинается со смены вывесок. Замена слов — это замена смыслов.

33. Как ранее «педерастия» превратилась в «гомосексуализм», а он в «гомосексуальность» — так и последний сменился эмоционально позитивным и несущим новаторские коннотации термином «нетрадиционная сексуальная ориентация».

Вот с этого и начинается явная ложь. Потому что двуполые сексуальные отношения не есть предмет традиции. И близко не.

Традиция есть феномен культуры. И только культуры. Исторически сложившийся образ действий, ритуал, церемония, оформление процедуры. Традиции складываются по-разному у разных народов и групп. На их формирование влияют климат, образ жизни, материальный ресурс.

Черное или белое одеяние на похоронах в разных культурах — это

традиция. Желать здоровья при встрече или расставании, давать выкуп за невесту — или давать приданое с невестой. Пить шампанское по торжественным случаям. Надевать галстук на официальные встречи.

Сватовство. Дуэль. Похороны в гробу или в саване, лежа или сидя, предавать тело земле или сжигать на погребальном костре. Правостороннее движение или левостороннее. Это все традиции. Разные. Их когда-то не было. А потом возникли.

Традицией можно считать даже позу: кто сверху, кто снизу, кто сзади, кто сбоку, погашен ли свет, натянуто одеяло, закрыты глаза, леди не шевелится. В церковный праздник и пост нельзя. Правда, это устарело.

Но сам половой акт разнополых особей — это не традиция. Это необходимое условие жизни рода и вида. Необходимая часть жизни. Это так же естественно, как дышать, пить и есть.

Это естественный элемент существования. Иначе бы тут никого не было.

Противопоставление слову «естественный» — «противоестественный». Если шире — то «неестественный».

Когда мужчина совершает соитие не с женщиной, а с другим мужчиной, назвать его действие «нетрадиционным» — в этом есть юмор. Представьте себе эту сцену образно в рыцарском романе. Это неожиданно. Гм. Действительно ломает традицию жанра. Финал скачек: Каренин на Вронском.

Рыцарь мог иметь пажа, хоть сам Ричард Львиное Сердце. Но никто не имел в виду свадьбу. Не посвящал подвиг любовнику. Грех замаливали. Как онанизм, который не рекламируют и не объявляют покушением на устои.

Однополое сношение изначально гарантирует, что продолжения не будет. Вот естественному устройству природы и ни к чему, чтобы мужчины совокуплялись с мужчинами. Им и не хочется. Отнюдь и даже наоборот. Если они нормальны.

33-А. Соотношение традиции и естественности — вопрос интересный. Когда на русской свадьбе напиваются и дерутся — это не традиция. И не естество. А традиция выпить рождает привычку и трансформирует естество в дегенеративный образ жизни.

Традиция — это легитимный, канонизированный элемент культуры. Так поступать рекомендовано, заведено, утверждено временем и людьми. Традиция несет характер императива: надо делать так. Традиция есть установление и соблюдение культурной нормы.

Естественность коренится в природе человека. Не только пить-есть. Но жадность, трусость, лживость, лень — естественные качества, и

определяемые ими поступки естественны. Храбрость, любопытство, жажда деятельности, изобретательность — тоже естественные качества. И соответствующие действия естественны.

Волосы на голове — это естественно. А вид прически — традиционно либо нет. Галстук — традиционно, но ничего естественного тут нет. А желание раздеться догола в жарком помещении вполне естественно, но среди публики нетрадиционно. Шрамы и татуировки инициации — традиционны, но неестественны. А помочиться средь улицы, если приперло, — естественно, но нетрадиционно.

33-Б. Путаница традиции с естественностью коренится в общепринятости того и другого. Разница в том, что традицию принять и отменить можно — а естественность нельзя. Традиция — это окультуренный и условный вариант естественности, иногда усложненный и излишний. А естественность — суть потребностей, желаний и действий. Естественность первична — традиция вторична.

Удовлетворение всех естественных потребностей в социуме регламентируется традицией и проявляется через традиционную форму действий. Разницу сущностей не следует путать с разницей форм.

Общепринятость не означает традицию.

33-В. «Не укради» и «не убий» — это не традиции. Это законы. Социум без законов невозможен. Соблюдение закона жестко обязательно, нарушение — карается. Общепринятость закона еще не значит, что это тоже лишь традиция. Воровство нельзя назвать «нетрадиционной социальной ориентацией». Это преступная, антисоциальная ориентация.

Сексуал-либерал-реформисты, они же ЛГБТ, требуют отмены заповеди «Не прелюбодействуй». И всех законов, с ней связанных.

33-Г. А в природе тоже гомосексуализм за милую душу, говорят нетрадиционалисты. (Употреблять слово «нетрадиционные сексуальные отношения» применительно к кольчатым червям или еще чему мелкому пока не принято: насекомых и животных слово «гомосексуальность» не оскорбляет, особенно когда они далеко.)

Вот соединяются самцы-жирафы. А вот образуют пары черные лебеди или серые гуси. Про орангутангов и карликовых шимпанзе мы вообще не говорим.

Так что однополые отношения есть в природе, что и показывает их существование как вариант естественной нормы.

Ну так это неправда. Можете назвать намеренной ложью. А можете — тенденциозной трактовкой фактов. Отсечение принципиальной информации как условие необъективного анализа. Подтасовка желаемых

ВЫВОДОВ.

Первое. Социальная функция секса. Когда сексуальные отношения есть символ и маркер социального статуса особи. Так вожак обезьянней стаи имитирует акт с самцом, обозначая его подчиненность. Или гуси образуют пару — потому что статус парной особи в стае выше, а самки раньше не подвернулось.

Второе. Замещающий вариант секса. Когда молодые самцы живут между собой, поскольку старшие и сильные не подпускают их к самкам.

Третье. Регуляторная функция гомосексуализма. Когда голодный год ожидается или уже наступил, и потомство будет не прокормить, антилопа или львица просто рождает меньше детенышей. А чайки могут образовывать однополые пары. И имитировать однополый секс.

Четвертое. Гомосексуализм как секторная форма полигамии. То есть если в стае чаек только 40 % самцов. То ряд самок образует однополые пары. И выводит птенцов от самцов со стороны. Поддерживая численность популяции.

Пятое. Гомосексуализм как выбраковка и фактор естественного отбора. 8 % стойких гомосексуалистов в смешанных овечьих стадах. Ну?! Но. Баран-овца — животное сугубо стадное. Изгнать из него особь невозможно. И когда в условиях культурного разведения невозможна селекция самцов — они не отстанут на переходе, не сорвутся с обрыва, не станут по нерасторопности добычей хищника — природа вводит новый вариант. Все равно не все самцы передадут гены! Хоть один из двенадцати — да отпадет. Но поскольку инстинкт у него остался — отсеченный природой от древа эволюции баран живет с товарищем по несчастью. (Другое объяснение ученых: это наблюдалось только у домашних овец, где направленно выводили как можно более плодовитых (и сексуальных) самок — и параллельно селекция дала процент самцов с тоже уменьшенным гипоталамусом, что дает такой гормональный сдвиг как причину сексуального поведения. То есть — побочное следствие селекции.)

Шестое. «Учебный» гомосексуализм — когда молодые самцы некоторых видов сначала практикуют секс между собой, как бы овладевая позами и приемами. Встречается иногда у разных видов от жуков до жирафов. По достижении полной зрелости и первым контактом с самкой — исчезает.

Седьмое. Преобладание силы полового инстинкта над способностью к дифференциации партнера. Однополые имитации полового контакта у насекомых. Стрекозе иногда, скажем, так «хочется», что пытается соединиться с первым попавшимся партнером своего вида, невзирая на

пол.

Восьмое. Бисексуальность у животных. Как иногда у самцов-дельфинов. Но и здесь однополые контакты — это аспект определения и усложнения социальных связей. Вариант социальной функции однополых контактов (с которых мы начали про обезьян). Кроме того, что очень умный и мощный дельфин, крайне ограниченный в своих действиях водной средой и приспособленностью, хочет больше разных ощущений, сильных и приятных. Что никак не несет ущерба репродуктивной функции.

Итого.

Гомосексуализма как однозначной сексуальной ориентации в животном мире нет. А есть бисексуальность конкретной особи или части группы как сексуальное поведение вспомогательное, замещающее, дополнительное, адаптивное, имеющее ситуационный, частичный и временный характер.

34. Однако в высокоразвитой и духовно богатой Античности, которая легла в основу всей европейской цивилизации, гомосексуализм был общепринят и являлся частью культуры. Взять даже близость Сократа с Алкивиадом, которого он увлакивал от любовниц. Ревновал красавца! Это нетерпимый аскетизм христианского Средневековья прервал многовековые культурные традиции Греции и Рима, наложил запрет на жизнелюбие, и вместе с философией, с науками и искусствами, с ремеслами и культурой быта, под запреты попала и исчезла сексуальная культура также.

Насчет Античности голубые врут как сивый мерин. Простите, забылся недопустимо: я хотел сказать, что борцы за равноправие нетрадиционных сексуальных отношений не совсем правы.

Именно и только гомосексуалистами греки, равно римляне, отродясь не бывали. Не надо примазываться к чужой славе.

В сексуальной культуре Греции превалировала идеология бисексуальности и отчасти педофилии. Недаром сам Зевс похитил прекрасного Ганимеда, сделал виночерпием на пирах Олимпа и делил с ним ложе.

Кстати, Ганимед был не пухленький мальчуган, как на знаменитой картине Рембрандта, но стройный гладкий юноша, как у Рубенса, да Карпи и многих других. Вообще слово «педофилия» к грекам применимо с большой оговоркой и не в прямом смысле: имелась в виду любовь не к детям обоих полов, и не к мальчикам даже, а именно к юношам-подросткам, еще не достигшим полной зрелости не в половом чисто аспекте, но в общем, социально-мужском. Не заматерели. Борода еще не растет. В полный рост только вытянулись или еще не достигли, плечи не

раздались. Жениться рано. В силу не вошел. Не мужик еще.

И вот любовь-дружба мужика к такому юноше — это покровительство, и наставничество, и защита, и психологически ностальгия по собственной юности. И секс носит также языческий обрядовый характер инициации: с семенем мужчины в мальчика входит взрослая мужественность.

И чувство к мальчику отделялось идеологически и духовно от чувства к женщине. Женщина была началом земным — дети и очаг. А юноша — началом высоким, где физическое влечение выражало духовную близость, общность взглядов и идеалов, единство мировоззрения, каковое и формировалось у младшего под благотворным воздействием умудренного жизнью старшего. Отношения эти изначально и в идеале почитались благородными, а наилучшие намерения партнеров одобрялись традицией.

У взрослых любовников было иначе. Да, вслед за Периклом и Эпаминонд рекомендовал набирать в гоплиты любовников. То есть основа войска должна быть максимально боеспособна в сражении и походе, а воин на глазах у возлюбленного постыдится проявить слабость, трусость и вернее защитит друга в бою. Боевой спайке способствуют такие отношения.

Эти взгляды отражены еще в древнегреческой мифологии, где до устной литературы «Илиады» с любовью Ахилла и Патрокла ветвистый сюжет приписывает наибольшее число возлюбленных-сподвижников самому Гераклу.

Следует учесть происхождение древних греков. XIII–XII века до н. э., нашествие Народов Моря. В их числе крупнейший — пеласги. Геродот пишет, что Эллада раньше называлась Пеласгией. Афиняне гордились тем, что они потомки именно пеласгов. Одни историки включают племена ахейцев и дорийцев в народ пеласгов, другие — в их родственников и союзников вместе с ионийцами и эолийцами. Факт тот, что протогреки снесли микенскую цивилизацию (в числе прочих средиземноморских той бурной эпохи гибели бронзового века). Они были варвары, они были воинственны, они проводили жизнь в боях и походах.

Молодые агрессивные мужчины в замкнутом мужском коллективе — месяцы, годы, всю активную воинскую жизнь. Отдых в семье редок и недолог — люди войны, эпоха завоеваний. Эротические отношения в команде возникают неизбежно. И с точки зрения такой завоевательской жизни ничего плохого с собой не несут. Скорее полезны! Сексуальная разрядка. Подъем настроения и работоспособности! Нормальные военачальники всегда ее понимали в регулируемых пределах.

Так заместительный гомосексуализм вошел в традицию и со временем

«окультурился» потомками этих грубых воинов. Которые, как принято, героизировали своих храбрых и сильных предков. Да греческие воины и много веков спустя в Золотой Период Эллады были лучшими бойцами и самыми дорогими наемниками Средиземноморья. А традиции героев в войсках святы, сами понимаете.

Но! Что принципиально! Что женитьба, семья и дети для греческого мужчины полагались главной ценностью и смыслом жизни! Воедино с благом родины. Неженатый взрослый мужчина воспринимался как человек вывихнутый социально, странный, неполноценный. Это прощалось философу, странствующему певцу, профессиональному наемнику. Хотя в грубой Спарте не женатых и в тридцатилетнем возрасте — били палками. Для стимулирования.

Отсутствие детей было большим горем и считалось наказанием богов. И если ты не содержал детей достойным образом — подлежал наказанию. Но в старости родителей обязаны были содержать дети, за нарушение этого закона судили.

Гетеросексуальные и гомосексуальные отношения в Греции были разведены по разным категориям, по разным комнатам. Не соперничали. У тех и других было свое назначение и своя роль.

При этом. Гомосексуализм был делом сугубо добровольным. Гетеросексуальная семья полагалась для человека нормальной, естественной и скорее обязательной.

Гомосексуальные связи социально и политически никак не регулировались, не поощрялись, социально не защищались. Судебные процессы по делам о мужской проституции в связи с нарушением какого-то закона — отдельный вопрос. Никаких отдельных гражданских прав за гомосексуальными отношениями не следовало.

Семья была полноправным гражданским институтом. На нее простирались законы о правах на пользование, владение и наследование имущества. Оговаривались права и обязанности супругов, детей и родителей.

Детей было невозможно поднять без кормильца. А страна и народ не могли существовать без завтрашнего дня, который обеспечивали только дети.

Гомосексуализм был только для себя. Семья — также для детей, народа, страны, завтрашнего дня и твоего собственного будущего как лично, так и продолжения тебя на земле. Семейный очаг как «отечество» — дом и земля отца, первообразующий элемент родины.

Так что античные эллины были отнюдь не гомосексуальны, но

частично бисексуальны. Причем очень далеко не все «би-». И «ориентации» отнюдь не были равноценны или равноправны. Даже в общественном сознании.

Аристофан в комедиях издевался над «широкозадыми» согражданами. На русский это смущенно переводят как «толстозадые». Вот только без лицемерия. У Аристофана это именно ширина того зада, который в задую отверстие. И народ в амфитеатре хохотал.

35. Касательно Древнего Рима также следует говорить о бисексуальности. Однополые контакты никак не служили альтернативой нормальной семье с детьми и домашнему очагу.

Важно здесь то, что свободный мужчина всегда обязан был оставаться мужественным — то есть играть активную «проникающую» роль как с женщиной, так и с другим мужчиной. «Другими», пассивами, могли быть рабы, проституты, неграждане.

Закон Рима охранял телесную неприкосновенность гражданина от посягательств. За ее нарушение следовало наказание актива — вплоть до смертной казни.

Но. Если свободный гражданин по своей инициативе выступал в качестве «принимающего», пассива, — последствия были скверными. Во-первых, это рассматривалось как болезнь. Во-вторых, было позорно. В-третьих, он лишался гражданства.

Если же мы возьмем растление нравов от времени Калигулы и далее в эпоху упадка и гибели Империи — это уже конец всему. Законы рухнули. Мессалина, бегавшая в лупанарий ложиться под очередь клиентов, Калигула, публично совокуплявшийся с родными сестрами, Нерон, приказавший кастрировать любимого раба и женившийся на нем (но не только на нем), доставка императору прямо из терм мужчин с большими членами, дикий садизм как развлечение... Это, знаете, не аргументы в пользу естественности и традиционности гомосексуализма.

36. Когда говорят о равных правах для представителей секс-меньшинств — делают тоже одну маленькую подтасовочку. Все граждане всех стран, где гомосексуализм никак не преследуется по закону — имеют равные со всеми гражданские права. На труд, отдых, обучение, свободу слова, неприкосновенность и так далее.

Речь идет о требовании равных гражданских и всех социальных прав для гомосексуальных отношений и гетеросексуальных. То есть: не чтоб люди равны — они и так равны. Но — отношения равны! Чтобы однополые отношения имели все те же гражданские права, что двуполые. Не только совместное хозяйство и регистрация брака. Но и:

- во-первых, государство так же заботится об однополых семье и охраняет ее интересы, как и двухполых;
- во-вторых, официальное отношение, уважение, мораль так же позитивны по отношению к однополым отношениям, как и двухполым;
- в-третьих, такое же равенство уважения и отношения к любым видам сексуальных предпочтений: бисексуальности, групповому сожителству, беспорядочному сексу;
- в-четвертых, любые высказывания о любом неравенстве однополых и двухполых отношений, независимо от степени их нейтральности, оценки, степени достоверности и научности, должны клеймиться моралью и преследоваться законом;
- не говоря о правах однополых пар усыновлять и воспитывать детей.

37. На Энгельса плевать, но семья таки да ячейка общества. Исконная забота социума о семье — это забота о себе, своем завтра, своем потомстве. Никакой биологический ареал без заботы о потомстве не существует. Семья имеет социальные права, потому что из семей и состоит социум. Забота о семье — это забота о жизни рода, а не об удовольствии его членов. Они могут хоть без всякого удовольствия размножаться — с точки зрения социума это их личное дело.

Гражданское и социальное равноправие однополых союза — это аспект уничтожения семьи. Дети не обязательны. Будущее не обязательно. Продолжение жизни народа не обязательно. Долга перед народом, страной, историей — не существует. Нет, закон надо соблюдать, конечно, и даже армия иногда нужна, и политики должны хорошо руководить. Но я — свободный человек, и никому ничего не должен. Есть моя свобода и мое удовольствие. После меня — хоть потоп.

Но. Инстинкт и долг нормального человека — заботиться о детях. Однако почему другие должны как-то заботиться об удовольствии взрослых людей на том основании, что они этого хотят и объявили благом?

38. ЛГБТ категорически борется за запрет любых форм половой морали. То бишь представлений о допустимом и недопустимом, должном и недожном. Никаких правил и ограничений. Вступай в контакт и испытывай оргазм с кем хочешь и как хочешь. Это твое право свободного человека.

Можно жить с мужчиной и женщиной, вдвоем и втроём, со знакомыми и незнакомыми, долго и на один раз. Все способы, приемы, приспособления и пособия открыто и широко рекламируются.

Что есть мораль? Регуляторная система императивов и табу в отношениях между людьми — на уровне мнений и поступков. Ее место

между Законом и Совестью — среднее во всей информационно-идеологической структуре Социума. Закон диктует сверху и соблюдается силой. Совесть живет в человеке и изнутри оценивает его планы и действия. Место Морали между ними. Без морали никакой социум существовать не может. Никакая стая, никакое сообщество. Мораль — это социальная структура в коллективном сознании.

Отмена и исчезновение морали означает распад и исчезновение социума. Речь идет об анархии как горизонтальных локальных связях. Возникает «постсоциальное общество».

39. ПОСТСОЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО абсолютно неустойчиво и легко поддается любым давлениям и изменениям. Оно существует по инерции, как по инерции существует тающий сугроб: он есть, пока не исчез накопившийся снег. Постсоциальное общество — это политический, экономический и идеологический паразит: оно растрчивает на свое существование багаж, накопленный предшествующими поколениями, ничего не создавая взамен и не обеспечивая дальнейшей преемственности. Когда оно достигает критической черты аморфности, его подчиняет и замещает любой варвар, предъявивший жесткую организацию. Так было с павшей Римской Империей.

Агрессивная и стремящаяся к полному идеологическому господству гомосексуализация Запада — аспект движения к этому состоянию.

40. В условиях постиндустриального демографического схлопывания цивилизации — гомосексуализм вносит свою лепту в сокращение рождаемости. Иначе — в самоликвидацию нашего мира.

При этом часто — они не хотят зачинать детей, но хотят их иметь. То есть налицо разрыв связи между родительским и сексуальным инстинктом. Нужно очень своеобразное мышление, чтобы счесть этот парадокс сексуальной и психической нормой.

Если мужчина или женщина страдают бесплодием — их лечат. Если бесплодие обусловлено невозможностью совершить нормальный половой акт — их лечат. Хирургически, психотерапевтически, медикаментозно.

Но. Если бесплодие вызывается психическим затруднением к половому сношению с лицом противоположного пола, то есть к нормальному зачатию — это «современная наука» хочет считать нормой.

Так же, как при разных формах импотенции, можно имплантировать семенные клетки донора в матку биологической матери. Но у гомосексуалиста это иначе называется: не частная форма лечения бесплодия, а помощь.

41. А кстати о птичках — скажите: если импотент не страдает, а

вполне себя неплохо чувствует, работает, радуется — можно ли тогда считать импотенцию не болезнью, а частным случаем врожденной сексуальной ориентации? Нулевой ориентации, так сказать? И не считать нужным никакое лечение, если сам не начнет страдать и не попросит.

42. Адепты ЛГБТ утверждают, что воспитание детей однополыми парами не ведет к их гомосексуальной ориентации. Потому что это — от рождения. Генетика. Поэтому бессмысленно пытаться вылечить от гомосексуализма и невозможно его привить. Можно только открыть в себе свою истинную ориентацию.

Ложь более наглую и по телевизору не каждый день услышишь.

Чуть не сто лет в американской науке господствовал бихевиоризм. Грубо и применительно к человеку — он есть продукт воспитания в своей социальной среде. И когда заикаются о разных врожденных наклонностях разных рас — либерал-социалисты взвывают на дыбы: нет! Все одинаковы! Это от бедности и плохого отношения черные более криминальны! Жизнь сформировала! И женщин жизнь сформировала: поэтому хуже в математике. Но гомосексуалистов — не тронь! Вот это — не воспитывается! А только врожденное!

Врожденных там 1–2 %. Остальное — благоприобретенное, наведенное, воспитанное, внушенное. Те самые 6 % или около.

Ну нельзя же всерьез отрицать импринтинг — впечатывание в память и формирующееся подсознание детенышей поведения родительских особей как нормы. И объектов-указателей для соответствующей модели поведения. К половому поведению человека это относится в полной мере. А то кто-то не знает, что дети формируются семьей. Что модель поведения, представления о плохом и хорошем, можно и нельзя, — задаются воспитанием.

Так что сексуально ориентированный на свой пол ребенок вырастет в гомосексуальной семье с немалой вероятностью.

43. «А как же в гетеросексуальной семье появляется ребенок-гомосексуалист?!» А вот тот самый 1 % врожденный.

«Почему они рождаются?!». Вы знаете, спросите у психиатров: в любой человеческой популяции около 2 % психически неадекватных особей. Большинство тихи, неопасны и адаптированы к обществу. Но есть.

Механизм мутации вида напоминает булькающий котел, вскипающий и брызгающий по краям. Мутации происходят постоянно под влиянием массы внутренних и внешних факторов. Психопатология — это крайние формы психических мутаций. Края определяют методом отбраковки чрезмерно измененных вариантов средней нормы.

А виды психопатологии есть разные, да?

Кстати: среди гомосексуалистов в 4–6 раз больше случаев как суицидов, так и разнообразных явных психических отклонений и заболеваний. Чем у гетеросексуалов, да. То есть: психика в среднем подвержена искажениям гораздо больше.

44. «Да как же можно привить человеку гомосексуальную ориентацию, если он к ней не предрасположен?» Да очень просто.

С первого раза никому не нравилось курить, и с первого раза никому не нравилось пить. Причины этого первого раза всегда носили чисто социопсихологический характер: быть как все, быть как старшие и значительные, быть взрослым, плюс любопытство — каково это? Потом кашляли, морщились и блевали. Потом преодолевали рефлекс — и втягивались. И обретали вкус к этому занятию! Положительные эмоции от никотина и алкоголя рождали приятную привычку — а отрицательные ощущения от дыма и едкой сивухи преодолевались, организм к ним адаптировался. Н-ну-с, а далее поступление никотина и алкоголя встраивалось в физиологический цикл организма и превращалось в потребность.

В области ануса расположены нервные окончания, раздражение которых способно вызывать положительные эмоции; они заметны при нормальной дефекации. Через стенку прямой кишки может производиться массаж простаты. И если первое введение полового члена в задний проход дискомфортно, даже резко болезненно, — то с повторением организм адаптируется к механике процесса. А возникновение и различение положительных ощущений стимулируется психологическим воздействием партнера: это как он к тебе хорошо относится, и как все так делают, и скоро будет только хорошо. С повторением эффект закрепляется.

Кстати, во рту тоже полно нервных окончаний. Их раздражение также может вызывать эротические эмоции, что известно каждому, кто «целовался с языком». Так что вызывание и закрепление эффекта орального секса от анального в принципе не отличается.

Если снять психологический барьер и заменить его, напротив, на положительное отношение к гомосексуализму как качеству свободного прогрессивного человека — то «уболтать на ...» можно почти любого. И несколько процентов остаются в этой «ориентации». Почему же +6 %, а не все? Потому же, почему степень темперамента и потенции у людей разная — аналогично пищевым пристрастиям. Одним это может нравиться больше, другим меньше, третьи фригидны в данном отношении, а четвертые испытывают стойкое отвращение.

Ты человека убеди, модель поведения ему внуши, призови в помощь авторитеты, прояви тактичность, терпение и настойчивость, окружи его заботой, подружись душевно — и приступай с осторожностью.

Раньше это называлось совращением и растлением. А сейчас — помощью в выявлении своей истинной сексуальной ориентации.

Сейчас я устанавливаю твою истинную сексуальную ориентацию, наивный мальчуган. Корнет-а-пистон?!

...Если человека можно убедить стать фашистом, коммунистом, чекистом, инквизитором, атеистом или христианином — почему его нельзя убедить стать гомосексуалистом? Если приохотить?

80 % гомосексуалистов сегодня — «наведенные», вовлеченные.

45. И вот преинтереснейший вопрос. Человек хочет сделать операцию по перемене пола. О, нельзя так говорить! Он сам лучше знает, какого он пола — не важно, каким его видят другие. Он хочет сделать операцию по коррекции пола — отрезать мужское и скроить женское, плюс колоть гормоны. Кстати, на профессиональном языке операции подобной степени травматизма называются «калечащими» и сокращают жизнь пациента на 10–15 лет. Но об этом не распространяются.

Итак. Если анатомический и физиологический мужчина. Психологически ощущает себя женщиной. Ему необходимо помочь — помочь обрести себя. Это его право и долг общества.

А теперь обратный вариант. Более легкий и щадящий. Анатомический и физиологический мужчина. Ощущает себя мужчиной. Но сексуально ориентирован на мужчин. И просит психотерапевтического лечения. Чтоб сменить ориентацию. Это можно?

Да раньше считали, что просто нужно! И лечили. Чтобы половое влечение соответствовало анатомии и физиологии. Но сейчас — иначе!

Репаративная (восстановительная) терапия вообще занимается восстановлением функций различных органов. Относительно гомосексуализма — это функционирование полового аппарата человека в соответствии с его анатомо-физиологическим устройством.

Не смейте, требует ЛГБТ. Если гомосексуализм — это норма, то изменять эту норму — не научно и безнравственно. А кроме того, все равно не получится — гомосексуализм не лечится, эта норма от природы. И научные ссылки в подтверждение. Итог: в ряде штатов США и стран Европы репаративная терапия запрещена. Мало ли что голубой хочет стать розовым. Потерпит — привыкнет.

И однако репаративная терапия приносит успех минимум в 10 % — а максимум в 100 %. Вроде как при лечении алкоголизма — все зависит от

желания пациента, тяжести случая и квалификации врача. И однако средний результат — около 50 %. Подход как к психической травме с хроническими последствиями. Диапазон средств от психоанализа до фармацевтики.

И если в случае врожденного гомосексуализма это работать, по логике вещей, не может — то при благоприобретенном может очень даже, что и наблюдается. (В подтверждение масса трудов, статистик и фамилий, знаменитых в мире специалистов: Р. Перлоф (президент Американской Психиатрической Ассоциации), Д. Сатиновер, Р. Спитцер, Р. Хершбергер, Н. Уайтхед — все это научная элита.)

46. Если мужчина считает себя лошастью — он сумасшедший. Если Наполеоном — тоже сумасшедший. Если живущим в XIX веке — опять сумасшедший. Если мужчина считает себя женщиной — это норма. Просто это такая норма. Человек есть тот, кем себя чувствует. Но не вообще, не кем попало! А только другого пола. Тогда можно. Ему надо помочь. Облегчить жизнь. Пусть ходит в женском платье и носит женское имя. А также ходит в женский туалет и душ. Но там женщины?! Они должны его понять, посочувствовать и потерпеть.

Господа, вам не кажется, что эти хитроумные джентльмены издеваются над нашими умственными способностями?

Сорок лет назад активисты-гомосексуалисты декларировали, что если человек просто имеет секс со своим полом, но вообще нормально адаптирован в общество — так это не психопатология. Раз живет нормально — какой же он псих? И продавили это сквозь науку.

Но движение не остановишь! И вот уже транс не адаптированы в общество — они в нем страдают. Ну так они с психопатологией? Э, нет. Они нормальны. И чтоб не страдали — лечить их! Да не от транссексуальности, идиот, а от страданий! А страдают пусть теперь остальные: почему же девочкам не пописать рядом с мальчиком.

47. Наряду с прочими фобиями борцы за неограниченность гендерных идентичностей и сексуальных ориентаций изобрели гомофобию. Вы думаете, что гомофобия — это боязнь гомосексуалистов? Нет? А что — ненависть к ним? Тоже нет. Внемлите и не падайте.

Гомофобия — это любая форма любых о представлений том, что гетеросексуальные отношения имеют хоть какое-либо преимущество, хоть в чем-либо более естественны, природны, первичны — что гетеросексуальные отношения хоть в каком-то плане имеют преимущество над гомосексуальными. Гетеросексизм, гетерошовинизм — обозначения для того же самого.

А гомофобия — это род фашизма. Сексофашизм. Мракобесие. Антинаучная агрессивная нетерпимость. Это стыдно, отстало, преступно, позорно.

И сейчас мировое сообщество ЛГБТ работает над тем, чтобы статья за гомофобию была внесена в уголовный кодекс... А? Простите, она давно внесена, я перепутал. За публичную гомофобию сядешь на раз, и надолго: за преступление ненависти в вербальной форме, за публичное оскорбление, за разжигание розни между... сексуальными ориентациями.

Нет, ЛГБТ выкручивают шарикоподшипники психиатрической науке, которая и так уже говорит тонким голосом. Чтобы гомофобия была включена в список психических заболеваний. И ее надо было лечить! И сочувствовать! И крутить пальцем у виска! И только тогда поколения несчастных гомосексуалистов будут отомщены.

Вот так-то, граждане гомофобы. Кто не скачет — тот гей.

48. Согласно идеологии ЛГБТ и исходя из нее, наша цивилизация создана фашистами и гомофобами. Коперник и Ньютон, Толстой и Эйнштейн — гомофобы. Фашисты написали Декларацию Прав Человека, произвели научно-техническую революцию и искоренили смертельные эпидемии. Люди с пещерными взглядами создали самолет, вышли в космос и летали на Луну. Кеннеди, Сахаров, Маргарет Тэтчер — гетерошовинисты и сексорасисты. А Господь Бог с его Десятью Заповедями и уничтожением Содомы и Гоморры — просто лидер гомофобных фашистов.

Вам не кажется, что это психопатология? Психопатия? Что эти гомоактивисты просто перестали быть адекватны? Мания, паранойя, бред. Взгляд гомосексуального маньяка на историю как идеологию. Им уже мало места в мире — они рвутся переделать мир под себя.

49. То, что у женщины и мужчины рождаются дети — не имеет никакого отношения к сексу как к таковому. Детей можно и в пробирке, и искусственно.

Вам не кажется, что только извращенная психика может утверждать, что деторождение не имеет в сознании никакого отношения к близости партнеров? Что мечты влюбленной пары в постели, какой у них теперь родится любимый ребенок, их продолжение и воплощение их счастья — не имеет никакого значения для ценности секса, понимаешь?

А ведь моральные и умственные уроды иногда заслуживают жалости. Они не лгут — их природа обделила.

50. Дело не в гомосексуализме как физиологическом феномене. Дело в гомосексуализме как идеологии. Агрессивной, злобной, нетерпимой и тупой идеологии — идеологии политической и социальной. Стремящейся к

информационному и моральному господству. К подавлению всего инакомыслящего.

Им мало быть — им теперь необходимо торжествовать и править.

Сегодня ЛГБТ требует себе преимуществ над прочими — и утверждает право на преимущества. А как же! Они точно так же нормальны и достойны, как все. Но вдобавок — они меньшинство, причем испытывающее гнет. Моральный и социальный несправедливый гнет. Поэтому у них дополнительные гордость и достоинство, дополнительное чувство справедливости и стремления защитить все свои права.

51. Приходится лгать. Что нет таких статистик, будто СПИД гораздо чаще у гомосексуалистов, чем у прочих. Есть такие статистики, и их полно, и везде гомосексуалы числятся в группе риска по СПИДу.

52. Лгут, будто гомосексуальные отношения никак не сказываются на рождаемости, и нет таких статистик, и многие имеют детей искусственным образом. Во-первых, и такие статистики есть. Во-вторых, связь тут любому яснее ясного, ну что ж против ветра себе же в лицо. В-третьих, все эти однополые законы и союзы торжествуют только в выморочных странах, у выморочных народов. Статистику сами посмотрите, или мозги отсохли от упражнений?

53. А вот скажите. У нормального мужчины мысль о контакте с красивым женским телом вызывает определенное приятное возбуждение. То есть это представление не является эмоционально нейтральным.

А мысль об аналогичном контакте с мужским телом вызывает неприятные ощущения. Это представление также не нейтрально — но уже не положительно, а отрицательно.

Это естественно и нормально. Вплоть до уровня электромеханики. Разноименные заряды притягиваются — одноименные отталкиваются. Эмоциональное равнодушие мужчины к женскому — обуславливает симметричное равнодушие мужчины к мужскому.

Учитывая природу мужчины как конкурентного самца — такое отношение совершенно естественно. То есть для значительного процента мужчин на уровне чисто физиологической реакции безразличное отношение к воображаемому сексу с мужчиной совершенно естественно.

Ну так это тоже предложено считать гомофобией и патологией. Гм. А если мужчине это ничуть не мешает жить и успешно адаптироваться в общество? Вот гей — он адаптирован, рад — и нормален. А почему тот мужик — адаптирован, рад — и ненормален? Только потому, что ему неприятно с вами трахаться? И в воображении тоже? То есть: кто не гей — тот псих?

А по-моему эти ребята-голубята последние двадцать лет едят на завтрак генномодифицированную белену.

54. А вот Гитлер уничтожал гомосексуалистов. И нелюбовь к ним — это фашизм.

Еще Гитлер уничтожал евреев. И арабы ненавидят и посылно уничтожают евреев. Все арабы — фашисты? Нет, мне даже интересно — вы как насчет этого тезиса?

А еще Гитлер наращивал армию. Все большие армии — фашистские?

Еще они ходили строем в сапогах. Все в строю всегда фашисты? А еще там учили патриотизму и храбрости. Все храбрые патриоты тоже фашисты?

На какую только пустую демагогию не пускаются психопаты...

55. А во главе борьбы ЛГБТ как идеологии стоят именно психопаты.

Сексуальные пристрастия человека — не повод для глобальных политических спекуляций. Это, в конце концов, вопрос интимный. Что хочет — и пусть делает, если никому не мешает и все по обоюдному согласию с совершеннолетними людьми.

Но заменять тоталитарную мораль диктатом тоталитарной аморальности, тотальным отрицанием любой морали в данной области вообще — это несерьезно. При том, что через СМИ тотальная идеология подчиняет себе сознание элит, а после и масс.

Психопаты не вписываются в общество и делают себе профессию из агрессивного внедрения шокирующих взглядов. А врут — как дышат: потому что так хочется (этосамое), что все кажется правдой, если согласуется с твоими взглядами и желаниями.

.....

P. S. Поскольку психика человека стремится к стабильному состоянию, уравновешенности и комфорту, человек склонен создавать себе непротиворечивую картину мира. В основе этой картины, как стальная тяга, на которой подвешена вся конструкция, расположено базовое желание, доминирующая эмоция. Все прочее пристраивается к ней, как шпангоуты корабля к килю. В согласии с этим общим законом формирования мировоззрения — гомосексуалист при любой возможности стремится построить картину мира так, что она согласуется с его ориентацией. То есть: все факты, все аргументы, все доводы будут рассматриваться исключительно с одной точки зрения — доказать и подтвердить правоту его позиции, нормальность психики, научность взгляда, гуманность подхода. Аргументы фильтруются. Все, что не

подходит для создания непротиворечивой картины мира, подтверждающей желаемую точку зрения — отбрасывается. Либо объявляется не важным, не точным, не доказанным, и в любом случае — аморальным и достойным осуждения.

(Иначе человек будет казниться своей порочностью и грехом перед богом и людьми, терзаться страхом обнаружить свою склонность — а это разрушает личность, ведет к депрессии и вообще печально. Но — подобное положение вещей устарело и не актуально для нашей эпохи.)

Как нельзя внушить честность kleптоману или умеренность сексуальному маньяку — нельзя доказать врожденному (убежденному) гомосексуалисту патологию отклонения, если в противовес выстроена другая точка зрения, которая очень-очень его устраивает, успокаивает, повышает самоуважение и вообще улучшает качество жизни.

А если невозможно возражать на приводимые доказательства — то следуют оскорбления и ярлыки, что само по себе уже признак беспомощности и категорического нежелания неприятную правоту признавать.

Ум обычного человека служит не правде, а желанию и нужде.

Исламский парадокс

Один из изящнейших казусов политкорректности — борьба с исламофобией.

Ислам, строго говоря, это не религия — вернее, гораздо больше, чем религия. Это политика, ментальность, мировоззрение, нетерпимость, агрессивная экспансия и общий культурный код. Не пассивная вера, но активное мировоззрение, определяющее весь жизненный уклад. Шариат — свод законов, обычаев и установлений ислама на разные случаи — полностью охватывает всю сферу жизни.

Ислам карает смертью грех гомосексуализма.

Ислам утверждает право многоженства и предписывает женщине жесткий дресс-код; женщина ограничена в правах и возможностях и полностью подчинена мужчине.

По шариату за прелюбодеяние женщину сурово карают: от тюрьмы до смертной казни.

Ислам нетерпим и не признает толерантность: он позиционирует свои ценности беспрекословно и единственно верными, отрицая любые компромиссы.

Исламу сегодня единственному из всех мировоззрений свойственно агрессивное миссионерство и стремление к повсеместному распространению: он открыто провозглашает создание мирового халифата.

Ислам полагает, что все неверные должны либо принять истинную веру, либо подчиниться ее носителям.

Ислам рассматривает область безграничных свобод и прав западного общества на все виды наслаждений и развлечений, отсутствие запретов и принцип толерантности — как растленный и отвратительный мир порока, противный установлениям Аллаха, каковой порочный мир должен быть уничтожен и реформирован в соответствии с представлениями ислама о нравственности и справедливости.

Но. Поскольку на данном этапе и пока мусульмане на Западе являются меньшинством. Религиозным, этническим и культурным меньшинством. То для политкорректных европейцев из этого вытекают два следствия (а лучше бы заткнуть то, откуда они вытекают):

Первое. Это меньшинство надо поддерживать, за его права надо бороться, следует компенсировать его меньшинстовскую ущемленность материально и социально: подбросить пособий в первую очередь,

предоставлять жилье поскорей и так далее.

Второе. Не смей говорить о нем ничего плохого. Не осуждать, не порицать, не упоминать недостатки. Чтоб не раздувать религиозно-этническую рознь. Надо быть терпимыми к другим людям и культурам. Мы же не ксенофобы, не фашисты какие!

И вот мусульмане освистывают и поносят парад гордости гомосексуалистов и лесбиянок, суля одним огромные предметы в задний проход способом, унижающим человеческое достоинство и ведущим к нанесению травм, несовместимых с жизнью — а другим объясняют с прямоотой детей природы, что надо делать, чтобы получать полноценное сексуальное удовлетворение с большими бородатыми мужиками, которые вот мы рядом стоим и вполне готовы, и все равно вы никуда от нас не денетесь!

Если бы это говорили белые гетеросексуальные мужчины — ну и хана мужчинам. Клеймо позора и статья уголовного. Но эти-то — сами меньшинство. Поэтому им можно. Мы их просветим. (Они вас сами просветят, замучитесь лечиться.)

Преинтереснейший случай когнитивного диссонанса. С одной стороны, этих негодяев надо судить и позорить. С другой стороны — они ведь тоже меньшинство. Следовательно, тоже угнетаемы большинством. Значит, у нас общий враг. Значит, мы союзники в борьбе против общего врага — большинства. Значит — мы друзья?..

Вот что, девочки, которые мальчики, и мальчики, которые девочки. Эти мусульмане нам ничего плохого сделать пока не могут. Нашей жизни помешать не в силах. Власть не в их руках, на законы и полицию они не влияют. Ну, покричат и надоест. Привыкнут, адаптируются. А вот с большинством нам бороться вместе! Поэтому будем умнее и терпимее их. Не будем отвечать на глупые нападки. Им потом самим стыдно будет, когда поймут (ну, быть может).

Ну вот. И тогда нападать на них — что? — стыдно! И мы со своей стороны их — что? — поддержим! А любые на них нападки заклеим и отметем, и объявим им борьбу: «Долой исламофобию!»

...Вот так толерантные уроды не желают слышать никакой скверной правды о мусульманских мигрантах у себя дома. Эту правду следует запретить — она разжигает вражду к меньшинству. А кто разжигает вражду к меньшинству — тот фашист. Вот так любой, вслух говорящий скверную правду о мигрантах — фашист.

А фашист неправ по определению. И все, что он изрекает — по большому счету ложь. Да, бывают отдельные случаи. Ну, даже насилие. Ну,

даже убийство. Грабеж. А что, разве только черные или арабы насилуют и убивают? Это у всех народов бывает! А вы из-за отдельных преступников фактически раздуваете ненависть ко всему народу. То есть по большому счету вы лжете! Народ отличный, наши чудесные братья мусульмане. А вы подаете свою информацию так, что подумают, будто все плохие. А это злая ложь! Поди прочь, фашист.

Открыв границы мусульманам с Ближнего Востока и Африки, Швеция вышла на второе место в мире по изнасилованиям на душу населения. Вся уличная преступность, грабежи, квартирные кражи — мигранты. Но писать об этом запрещено! Пресса в руках либерального истеблишмента — идеи прав меньшинств и недопущения розни.

Весь криминал Швеции — исламские мигранты. Во всех уголовных хрониках и полицейских отчетах запрещено упоминать мигрантские преступления вообще — либо запрещено указывать этническую и религиозную принадлежность преступников. А если есть такая полицейская информация — ее не будет в газетах и теленовостях.

И что характерно! Людям так промывают мозги — что вот черный мужчина-мусульманин-мигрант насилует белого мужчину-христианина-шведа. Кое-что ему повреждает. Но попадается полиции. И вместо восьми лет каторги (причем лучше в российской тундре ему перевоспитываться) — его всего лишь депортируют на историческую родину. И выздоровевший изнасилованный швед кается: «Бедный... Меня мучит совесть... Ведь он теперь будет так страдать в своей ужасной стране...» Идиот, когда они все переселятся сюда, это будет их страна, и точно такая же несчастная. А ты куда тогда поедешь спастись? Ведь некуда будет.

Его предок-викинг убил бы заезжего извращенца при первом же намеке на непотребство и скормил свиньям. Поэтому Швеция стала великой страной, Балтика была ее внутренним морем, а армия — лучшей в мире. Ну и любуйтесь на итог.

Смертельная ошибка Керенского летом 17 года была в том, что он жутко берег гуманные принципы молодой русской демократии и не перевешал большевиков, которые открыто готовили пролетарский переворот. В результате большевики таки совершили переворот, ввели диктатуру и сами всех перевешали, о чем честно предупреждали.

Эрдоган вот ясно выразился: «Демократия — это поезд, на котором нужно доехать до нужной остановки и слезть». Мусульмане едут в комфортабельном европейском поезде до нужной остановки.

Старый парадокс: нужно ли быть толерантным к тому, кто открыто проповедует нетолерантность к тебе и последующий захват власти? Да ни

боже мой! Мирное сосуществование — только когда мир с обеих сторон. Если с одной стороны война — то мира нет. И если с одной стороны толерантности нет — ее не может и не должно быть с другой! Если тебя нагло пытаются гнуть даже с позиции слабости — то став силой, они тебя в узел завяжут, и слово такое забудут «толерантность».

Исламский дресс-код означает агрессивное утверждение чужой культуры в твоей стране. Это не мода на цвет или фасон — это традиция многоженства и женского бесправия, это представление о необходимости утверждать ценности ислама повсеместно, это отрицание свободы вероисповедания и слова, это запрет купальников на пляже и общих бассейнов для плавания, это запрещение немусульманских праздников как оскорбляющих религиозные чувства мусульман, запрет на свинину в школах и столовых, цензура кино и телевидения, это много чего. Это не мода и не традиция — это символ. Вот в чем дело.

Ты дашь свободу этой символике — но она не даст свободы тебе, когда окрепнет. Нет и не будет церковей в Саудовской Аравии, казнили и будут казнить женщин за прелюбодеяние.

Все просто. Мусульмане, как все люди любого вероисповедания, имеют полное право на любые порядки в своей стране. А христиане — в своей. А в чужой монастырь не ходят со своим уставом. Приехал — живи так, как принято у хозяев. А по-своему будешь делать то и столько, как хозяин разрешит. И чтоб никому тут не мешало. И не тебе это решать, а хозяину. Не нравится ему — уезжай. Но не мешай в любом случае.

Вы меня простите, фашизм мы сурово осуждаем, но Муссолини был абсолютно прав, ответив мусульманской депутации: «Мечеть в Риме? Конечно. Когда будет церковь в Мекке!» Любовь должна быть взаимна, а терпимость симметрична.

И когда наконец будут бороться не только с исламофобией христиан — причем в христианских странах! — а с христианофобией мусульман? Хотя бы в тех же христианских странах, где они паразитируют за счет христиан, переселившись из своих развалин и помоек? Вы много слышали о христианах, зарезавших мусульман за карикатуру или взорвавших на стадионе? А как насчет перерезать горло мулле в мечети?

Заметьте: когда старику-священнику перерезали горло в его церкви — жители не порвали на части ни одного мусульманина. А дальше что? Мусульман только больше, теракты только чаще, поджатые хвосты европейцев все мокрее — а «правозащитники» борются с исламофобией.

С христианофобией мусульман бороться не пора, я повторяю?

Христианские священники ненависть к иноверцам не проповедуют. А

исламские — за милую душу. Почему не в тюрьме? Почему не депортированы? И мы все, разумеется, против того, чтобы экстремистских агитаторов пристреливали.

Когда насилуют и режут женщин-волонтеров в лагерях для мусульман-беженцев — это вопросов не вызывает? Ах, не все насилуют? Так еще не вечер. Попытки уже были.

Безнаказанность развращает и поощряет новых преступников. Но ложь западных исламофилов, скрывающая преступность из соображений «не разжигать рознь» — именно добавляет бензина в ситуацию.

«Борьба с исламофобией» есть требование умолчания как фигуры лжи. Из идеологической догмы «равенства всех меньшинств». То самое благое намерение, которыми дорога в ад мостится и близка к завершению.

И как вишенка на торте — борьба евреев Европы и Америки против исламофобии и за права наших чудесных мусульманских братьев. Нет, вы не правы, это внутри не косточка — это бриллиант в сердцевине наших самых святых чаяний: израильские левые выступают за права палестинцев.

То есть в ночь после объявления ООН, что создано государство Израиль — армии пяти арабских государств напали на него с целью уничтожить начисто. И до сих пор большинство из них отказывает Израилю в праве на существование: никаких признаний, договоров и границ — вырезать и сбросить в море. Организация Освобождения Палестины наотрез не признает Израиль. Отказывается заключать мирный договор. Считает себя в состоянии войны с оккупантами. Но требует отдать ей немедленно и безо всяких условий территории, нарезанные по разграничительному плану ООН в 1947 году. Хотя сами тех границ не признают и всю землю Израиля объявляют своей.

При этом организация снабжения палестинских территорий — на Израиле. И бюджет территорий, составленный из американских, арабских и прочих международных пожертвований — почти на сорок процентов финансирует и обеспечивает Израиль. В госпиталях их лечат бесплатно. Израильские арабы полностью равноправны — вплоть до права быть депутатом Кнессета и поливать арабскую политику Израиля.

И вот евреи-левые требуют отдать мусульманам все — вплоть до того, чтобы ликвидировать Израиль и разъехаться по разным странам, как было две тысячи лет — и тогда все будет хорошо. И во всех терактах винят евреев — это они довели несчастных беззащитных арабов.

После этого легче понять евреев США, борющихся против исламофобии и ограничений на въезд мусульман. Хотя мусульмане их ненавидят вполне открыто.

И мы восхищаемся прекрасными душами и птичьими мозгами евреев Европы, приветствующих неограниченную иммиграцию мусульман. Мусульмане их, опять же, ненавидят. Берут в заложники, убивают, бьют, и поджигают синагоги. И полиция охраняет еврейские кварталы и синагоги, чтоб мусульмане не передавили. И вот под охраной полиции от конкретной мусульманской угрозы — евреи борются за права мусульман в Европе.

Почему???!!! Они же вас обещают вырезать.

Потому что мусульмане тут — меньшинство. А это — святое. Проявлять толерантность: понимать, терпеть, помогать. И если мы будем очень хотеть и стараться — они с нами станут братьями.

А вы можете назвать хоть одну страну, где мусульмане в большинстве — и евреи оттуда еще не сбежали? А про науку психиатрию вы слышали?

Умный умный, а дурак, сказал майор Пронин.

Коллективная ответственность

Сегодня (2017) понятие «коллективной ответственности» несет на себе знак скверны: жестокости, архаизма, несправедливости, ошибочности, аморальности и далее вплоть до фашизма. Она неприемлема и осуждаема: ассоциируется с расстрелами заложников, массовыми репрессиями и геноцидом. Обвинения любых меньшинств или групп населения в общих недостатках — это коллективная ответственность.

Коллективная ответственность — это когда вина за проступки или преступления отдельных людей возлагается на всю группу. Может, не на всех в равной мере, но в какой-то степени виноватой объявляется вся деревня, район, народ, страна.

Диапазон коллективной ответственности огромен: от поголовного вырезания города, если начальник гарнизона не согласен сдаться осаждающим — до оставления учителем всего класса после уроков, пока озорник не сознается в авторстве безобразия.

Коллективная ответственность как террор — это ужасно. Расстрел сотен чиновников, торговцев и учителей за убийство одного революционера — нельзя с этим согласиться. Считать всех туземцев селения ворами, потому что один украл у тебя бутылку виски — ну, это же расизм.

Но! Важно! Коллективная ответственность — это не только распространение ответственности за вину одного на всю группу. Шире. Это перенос отрицательных качеств одного на всю группу. Два вора — и вся тысяча жителей села склонна к воровству. Три убийцы — все пять тысяч склонны к убийству. Семь хулиганов — все сто тысяч населения городка склонны к хулиганству.

Если это свой район или город — тогда нет, не так, это просто буйные и уроды одни из нас. А если это чужие — другие, иные, не такие, дальние — то резкие, экстраординарные поступки единиц воспринимаются как характеристика всей группы.

Преступник «из чужих» всегда выступает как маркер чужой группы.

Это закон социальной психологии.

Ибо чужая группа прежде всего должна восприниматься как безопасная. Первое и главное социопсихологическое требование к неизвестному фактору — безопасность. Невредность. Совместимость без ущерба для тебя.

Игнорировать этот закон — означает переть тупо и нагло против природы и правды. А это добром никогда не кончается.

От любого чужого прежде всего требуется одно — чтобы мне от него не было опасно и плохо. Все остальное потом.

Необходимо понять еще одно:

Коллективная ответственность — это аспект групповой розни.

Это деление людей на группы и конфликтные отношения между этими группами. Не личностные — а именно по факту принадлежности к группе.

Тут уже пахнет армейскими подразделениями, преступными группировками и национальными землячествами. Но не будем торопиться и забегать.

Первое. Могут ли люди гордиться историей и успехами своего народа? Города? Страны? Открытиями своих ученых? Подвигами своих героев, павших в борьбе за свободу и независимость своей родины? А хоть и победой своей спортивной команды в футбольном матче против другого города?

Ага. Риторический вопрос. Я так и думал. Гордятся и могут. Даже и должны. Пушкиным и Толстым, а также победами 1812 года и 1945. Сам человек может быть глуп и в работе ничтожен, но к славе народа причастен!

А вот и стоп. К казням Ивана Грозного, расстрелам 37-го года, ГУЛАГу и оккупации Восточной Европы, к Голодомору — причастен? А вот уж нет! Я-то тут при чем? Я тогда и не жил даже.

Да? А в 1945 году ты жил? Наполеона лично гнал? «Войну и мир» не ты написал? Так а чего кричишь тогда?

Радио Попова — это ты, а расстрел 9 января — это не ты. Гагарина в космос ты, а танки в Прагу не ты. Эдакая избирательная причастность к деяниям своего народа и страны.

Ко всему хорошему — причастен, а ко всему плохому — нет.

Или иначе сказать можно:

К чему хочу — причастен, к чему не хочу — нет.

Я сам решаю, к каким деяниям своего народа и страны я причастен, а к каким нет. То бишь причастность к действиям группы определяется моим хотением.

Или за меня это решают другие: общественное мнение и государственные институты. И решают они так:

Действия группы исторически делятся на:

— хорошие, похвальные, полезные — и к ним причастны все члены группы, даже индивидуально никак ни в чем не участвовавшие;

— и плохие, осуждаемые, вредные — и к ним причастны только те, кто лично принимал в них участие, что-то плохое делал, а вот все остальные ни к чему не причастны.

То есть:

Коллективная ответственность носит оценочно-избирательный характер: ко всему хорошему причастны все члены самой широко определяемой группы — а ко всему плохому группа даже в узком понимании термина не причастна, виновны только конкретные лица. Причем! Вину этих конкретных лиц может установить только суд.

(Чтоб никто не перепутал — это я сейчас разворачиваю и анализирую логику политкорректности, формулирую господствующие сегодня в цивилизованном мире представления.)

...А как было раньше в истории? Раньше было плохо. В Ассирии мятежные народы «выдирали» — переселяли в новые и скверные чужие места целиком, тем лишая корней и ослабляя. Последним в XX веке так товарищ Сталин чеченцев переселял с гор за море в степь и пустыню. Или Тамерлан вырезал непокорный город целиком, с женщинами и детьми. Или, кстати, американская стратегическая авиация сносила города Третьего Рейха в мелкий щебень вместе с жителями — целью имели металлургический завод или оружейные мастерские, но с шестикилометровой высоты на пятисоткилометровой скорости точно ведь не попасть, особенно в темноте: сметали по площадям.

Коллективная ответственность ужасна. Но эффективна. Генерал Ермолов пообещал повесить всех стариков аула — ему вернули украденного майора и больше красть людей и требовать выкуп не пытались. Матросы убитого капитана Кука вытребовали у офицеров право мести — и прошли с ружьями побережье, оставив на месте трех деревень трупы и пепел, после чего туземцы вернули останки Кука и поклялись в мире.

А как сейчас? А сейчас даже пленных моджахедов содержат в Гуантанамо, стараясь установить степень личной вины, а правозащитники борются за их права. Мы цивилизованные люди и по факту принадлежности к банде на месте не расстреливаем, и вообще не расстреливаем.

А они? Они звери, режут головы людям по факту принадлежности к группе: христианам, американцам, белым.

И только один народ на земле несет сегодня коллективную ответственность за то, чего вообще никто конкретно из ныне живущих не совершал: это немцы. В них живет вина за Вторую мировую войну. Хотя

уже вышли на пенсию старики, которые родились после этой войны.

...А теперь к делу.

Человек — животное социальное. Существует только как часть социума. Един с ним как клетка культурного тела: языком, кровью, местом, поведением, мировоззрением и историей. Его причастность к свершениям и славе своего социума естественна. Может ли он быть причастен к социуму наполовину: ко всему хорошему да — ко всему плохому нет? Ответ очевиден.

Понятно, что гений и герой — порождение и часть народа: он был рожден и воспитан, его кормили и учили, у него были родственники и друзья, помощники и руководители, — и только как один из узелков или побегов этой гигантской паутины, сети — он и смог что-то сделать. Без социума он был бы никто, его свершения были бы невозможны. И все, кто своим трудом участвовал в его появлении и формировании — причастны к его делам. А без всего народа — и их никого бы не было.

А без его влияния — и мы, потомки, были бы другими. Так что Пушкин и Менделеев — это в некотором смысле и мы тоже. Еще одно: гордиться — значит подражать.

А Иван-дурак? А Емеля-лежебока? А Малюта Скуратов? А подавление венгерской революции 1848 года? А агрессия против Финляндии-1939? Разделы Польши 1772, 1793, 1795, 1939? Аннексия Прибалтики-1940? И вот тут Россия заявляет, что она ни в чем не виновата — но прибалты и поляки не согласны.

Смотрите: русские гордятся причастностью к борьбе с Наполеоном и Гитлером — но отрицают свою причастность к варшавской резне Суворова или подавлению Венгерской революции-1956: «Но мы-то при чем, которые там близко не были?».

Насколько я могу судить: евреи гордятся вкладом в науку и культуру, ощущают свою причастность народа-жертвы к еврейским погромам от Хмельницкого до Петлюры, скажем, — но категорически отрицают свою причастность как людей того же народа к террору Гражданской войны, когда евреи Бела Кун и Розалия Залкинд руководили расстрелами десятков тысяч людей в Крыму, Урицкий командовал Петроградской ЧК, роль Троцкого известна, роль Свердлова известна так, что весьма темна. И далее Ягода командовал НКВД, Френкель и Берман создавали ГУЛАГ, и вообще перечень длинен. «Но вот к этому мы отношения не имеем, ну мы-то здесь при чем», — такова стандартная реакция. Хотя антисемиты ставят в вину всем евреям все, что они когда-либо делали, плюс то, чего не делали.

И вот современный и актуальный пример. Полицейский в США

застрелил очередного черного преступника, не подчинившегося приказу и оказавшего опасное сопротивление, — внимательнейший суд полицейского оправдал. И все черное население городка, или мегаполиса, или штата, или по всей стране — выходят на демонстрации протеста, устраивают погромы, грабят магазины и жгут машины; полицейских везут с травмами в госпиталь, вводят национальную гвардию, рьяных зачинщиков пытаются арестовать.

Расовое сообщество ощущает свое единство с убитым и демонстрирует свою ответственность за его судьбу. Плевать, что он преступник! Главное — он наш! А не наши убивают нас, гады!

Преступник и жертва здесь в одном лице. Братья по расе заявляют свое единство с жертвой — зная об его преступной социальной сущности. Но полиция не смеет заявить об единстве его братьев по расе с преступником.

Известна очень высокая криминализация афроамериканцев, их склонность к насилию и неподчинению законам и властям. Но говорить о склонности к криминалу вслух нельзя. Это расизм. Однако мы сейчас о частности: говорить об ответственности черной общины за преступника — нельзя! Он — отдельный антисоциальный элемент. А группа — она не отвечает за это.

Когда его застрелили — община за него отвечает, и буйно отвечает.

Когда он всю жизнь грабит — община за него не отвечает.

По факту: группа объявляет свою ответственность за преступления того парня. Да, мы его защищаем, оправдываем, нам плевать, что он преступник, он наш.

И. Бунт не обязателен. Бунт редок. Бунт — это лишь экстремальное проявление своей причастности к преступнику в случае его конфликта с властью. Мы фиксируем эту причастность как основу, базовый уровень бунта в поддержку: он наш! Но мы же отрицаем эту групповую причастность как соучастие в рождении криминала: а мы при чем?..

Если бы. Семья, друзья, старшие, все окружение, вся группа контакта с детства формировала человека в том духе, что преступность — это скверно, недопустимо, позорно, порицаемо, непростительно, стыдно. И если бы. Ребенок с детства не видел кругом преступников как людей сильных и уважаемых, храбрых и привлекательных. И если бы добродетель неукоснительно вознаграждалась на всех уровнях. А преступление на всех уровнях неукоснительно каралось. Хрен бы он вырос преступником. Прибыли бы не было. А страх был. И нигде никакой поддержки. А везде только страх наказания и позора. Так он не дурак. Жил бы по закону.

А то интересно: среда воспитала и поддерживает — но никто не

виноват. Распыление ответственности это называется. Никто — значит все!

Еще проще пример: теракт исламского радикала. Но вся община — о, это наши чудесные мусульманские братья, они могут не беспокоиться.

Однако. Его родили, выкормили, вырастили, воспитали, научили читать, сформировали в духе ислама, внушили мысль о превосходстве, вложили идеи борьбы с неверными, кто-то дал деньги или работу для денег, кто-то достал взрывчатку, кто-то автомобиль — и у каждого соучастника ветвистый куст жизненных связей, без которых он просто не существует. Вот все они и виноваты — на каждом своя доля вины!

Еще проще. Армия. Война. Летчик. Самолет. Бомба. Двадцать убитых. Летчика сбили, судили, расстреляли — виновен, бомбил мирный квартал.

А теперь считаем. Техники обслуживали самолет. Оружейники подвешивали бомбы. Заправщики заправляли. Диспетчеры направляли. Повар готовил обед, официантка подавала блюда, судомойка мыла посуду. Часовые охраняли склады, водители возили материальное довольствие. Короче, на один самолет — сто человек обслуживания всех родов.

Но еще летчика родили и вырастили, учили в школе и училище, выращивали для него хлеб и мясо, шили одежду и обувь.

А самолет нужно было сконструировать, сделать, испытать. А материалы для него надо изготовить. И на всех этапах нужны работники, специалисты, которых воспитали и выучили.

А приказ отдал генерал, а войну объявил сенат по представлению президента, а их выбирал весь народ.

Так что не летчик сбросил бомбу на твою семью. А вся та страна со всем ее народом. Без них без всех — нет никакого самолета ни с каким летчиком.

И, говорите, они все не виноваты? Они не социум, не система? Они не любят друг друга, не сотрудничают во всем по жизни? Поганые собаки! Так я взорву вас ради Аллаха столько, сколько смогу — вы все убийцы и негодяи!

То есть вы понимаете: когда во время Второй мировой войны в США интернировали всех лиц японского происхождения, а в Англии — всех с немецким гражданством, там было не до церемоний — шла война не на жизнь, а на смерть, и необходимо было сделать все возможное для победы, подстраховаться со всех возможных сторон, убрать весь возможный материал для шпионажа и диверсий; ладно, после войны извинимся и будем об этом молчать — и сегодня это уже забыто. А когда арестовывают десять родственников и друзей террориста — их вскоре выпускают за недостатком улик и отсутствием вины: кормить не запрещено, давать

приют не запрещено, снабжать деньгами не запрещено, сочувствовать тоже не запрещено и не наказуемо. А ведь без этой родни и друзей, да их родных и друзей и так далее — террорист бы не прожил, не прокормился, не подготовился — но в их деяниях по отдельности нет состава преступления, поял-нет?

Все еще не понятно? Ладно — еще проще:

Вот тигр загрыз человека. Чем? — зубами. А раздирал чем? — когтями. Значит, надо наказать его — как? Вырвать убийц: зубы и когти. А хвост и уши не виноваты. И шкура красивая, хорошая, она-то при чем. Голова — мало ли что думала. Нет, остальной тигр не виноват. Не надо убивать его.

Исламский террорист — не сам по себе. За ним идеология, мировоззрение, представление о справедливом политическом переустройстве, презрение к разврату и никчемности неверных. А также муллы, тракующие Ислам, идеологи терроризма, призывающие к нему и обосновывающие, специалисты по стрелковому оружию и взрывчатке, тренировочные лагеря палестинцев и не только. Друзья, приятели, земляки. И сочувствие единоверцев. Завистники и обиженные, мстители и фанатики. И те, кто кормит и укрывает, информирует и поддерживает. Сотни и тысячи людей за ним.

Его сформировала культурная среда. Окружение. Его социум. А почему не все взрывают и режут? А потому что люди — не кубики одинаковые. Есть умники, есть трудяги, есть драчуны, есть бойцы. В социуме — человеческий товар всегда в ассортименте, все есть.

Террорист — это коготь тигра. Тигр — это вся община, весь мир сегодняшнего Ислама. Если постричь коготь — вырастет новый. То, что породило одного — породит и другого. А на причины, на порождающую терроризм среду, на групповое мировоззрение и систему групповых взаимоотношений — не смей покушаться!

Борцам с террором не позволяют посягнуть на причины террора — дозволено бороться только с последствиями. Не смейте трогать мирного тигра, пока он не выпускает когти!

...Вот это и есть отрицание коллективной ответственности. Запрет ее.

Еще иначе. Вот у вас вода из болота. Вообще это вода. Но в ней холерные бациллы. По сравнению с объемом воды — их не видно. Пока не заболеешь. Пить эту воду нельзя. Всю — нельзя. Вся вода — холерная. Они там отлично живут, эти вибрионы. Даром что не видно. А только изойдешь с поносом на нет, если выпьешь.

Неприятие коллективной ответственности и ее принципиальное

отрицание — это означает отрицание коллектива вообще. Отрицание единства человека и группы, человека и социума. Отрицание социальной сущности человека.

Как совершенно понятно, это ложь. И наглая ложь. Антинаучная ложь. Вредная ложь.

Эта ложь носит избирательный характер. Когда человек глуп, необразован, имеет преступные наклонности — это влияние бедной угнетенной среды, она во многом повлияла, надо бедного человека понять, снизить, помочь. Но одновременно — среда не виновата, что он преступник, она его таким не делала, она за него не отвечает!

Эта раздвоенность сознания. Эта социальная шизофрения. Сегодня называется политкорректностью. Этот запрет здравого смысла есть идеология. Идеология сегодняшнего мракобесия, запрещающего рассуждать.

Среда сформировала преступника. Она его укрывала, помогала, сочувствовала. Он — ее продукт и жертва. И он виноват — а она?

А среда ненаказуема. Ее вина — это просто ее беда. Она бедная и невоспитанная, ее надо кормить и развивать.

Преступника надо наказать — а среде надо помочь. Но не наказывать.

А почему? А потому что каждый ее член по отдельности конкретного преступления не совершил. Но вместе их не преступные действия — складываются в одно огромное общее преступление! Для понимания этого вам не нужна диалектика — вам нужна элементарная честность!

(Диалектика — это: крошечки нормального труда врачей и учителей, шоферов и строителей, шахтеров и журналистов, металлургов и крестьян — сложились в автоматную очередь карателя по гражданской толпе. Без всех обеспечивших карателя — он голый, голодный, неграмотный дикарь.)

Коллективная ответственность не означает поголовного расстрела. Но как минимум признание своей общей доли вины — безусловно должно быть.

И если взять даже такие зверские и кровавые случаи коллективной ответственности. Как уничтожение всего селения за убийство одного солдата. То. Эффективность такого террора. Который мы безоговорочно осуждаем! Его эффективность — это показатель реального существования коллективной ответственности. Есть коллектив? Так есть и ответственность.

Так почему же отрицание очевидности? И что оно означает.

Первое. Это реакция на массовые убийства Второй мировой войны. Рычаг теперь перегнули в сторону гуманизма.

Второе. Это объективно естественный процесс смягчения нравов и гуманизации отношений как реакция на рост, уже небывалый рост, орудий и возможностей уничтожения. Когда люди создали ядерное оружие и могут многократно, быстро и гарантированно уничтожить всю жизнь на Земле — коллективный, видовой инстинкт самосохранения резко усиливается. Подпрыгивает на небывалый уровень. Дикари с дубинами убивают друг друга много больше и чаще, чем мы. Так что — минимизируем наказания.

Третье. Это следствие и аспект утверждения равенства всех социальных групп и национально-культурных и прочих меньшинств. У африканцев выше преступность. У гомосексуалистов больше психических заболеваний. У мусульман больше убийств за веру. Но говорить так — значит признавать неравенство групп в законопослушании или здоровье, а это противоречит доктрине всеобщего равенства.

Четвертое. Сегодня либеральная мысль Запада пытается отрицать детерминированность исторического процесса (с легкой руки Поппера). И продвигает идею волюнтаризма. А именно: человек сам делает что хочет, только его ум и воля ему указ. Значит, преступник только сам и виноват, захотел бы — поступил бы иначе, так что коллектив не трогайте.

Пятое — вытекает из четвертого: атомизация социума. Нет у тебя группы, коллектива, социума — есть ты как член человечества. Все равны, понятие патриотизма вредно, понятие родины архаично, люди свободно живут где хотят, не надо розни. Ты ни за кого не отвечаешь — и за тебя никто.

Вот по этим пяти идеологическим причинам политкорректность принципиально и наотрез отрицает правду: один за всех — и все за одного, в труде и празднике, войне и мире, награде и наказании.

...Утонченный цинизм этой лжи-идеологии усугубляется тем, что вся белая раса, прежде всего мужчины, должны нести коллективную вину за рабовладение и колонизаторство предков, отнюдь не всех, века назад. (Что иначе африканцы и сегодня оставались бы в Африке дикарями — упоминать нельзя, это оскорбительно и неpolitкорректно.) Но заявлять о коллективной вине афроамериканцев за превращение Детройта в бандитскую трущобу, вине пакистанцев за превращение Роттерхема в заповедник насильников, вине негров Зимбабве за этническую чистку белых и создание голода в обнищавшей стране — а вот это никогда.

Фашизм

Итальянский фашизм как создание Маринетти, Де Амбриса, Джентиле и Муссолини — это корпоративное патерналистское государство с единой идеологией, которое регулирует все стороны жизни граждан и обеспечивает их равноправие и максимальное участие в управлении этим государством. Его экономической основой является государственный социализм, сглаживающий противоречия между классами и группами и совмещающий их интересы. Его этика консервативна, а эстетика традиционна — они являют отсыл к здоровью, жизнелюбию и силе Возрождения. Во главу угла ставятся интересы нации, причем понятие нации отрицает сугубо расовый подход. «Нация не есть раса или географическая местность, но длящаяся в истории группа», — писал Муссолини — дуче, несменяемый вождь фашистской Италии.

Отдельно подчеркивать тоталитарный характер итальянского фашизма вряд ли правомерно — ибо любой социализм на практике дает тоталитарное государство, проявляющее свой характер раньше или позже; и чем дальше, тем сильнее. Социализм включает в себя распределительную систему преимуществ и благ, для чего создает бюрократические распределительные органы, каковые органы объективно стремятся к полноте своей власти и контролю за всеми сторонами жизни граждан в целях именно что справедливого распределения всего. А что есть справедливость — эти органы решают сами. А для ее соблюдения создаются надзирающие органы, которые тут же выделяют из себя карающие. В помощь порядку появляются органы пропаганды. И вот вы уже в Англии Оруэлла.

Германский национал-социализм — был именно социализмом как государство равенства трудящихся арийской расы. Единая партия, единая идеология, вождь — должны были обеспечивать единство нации для максимально эффективного решения стоящих перед ней задач. К ним относились расширение жизненного пространства, милитаризация, расовое очищение, улучшение здоровья и быта нации, то есть: строительство дорог, ликвидация безработицы, помощь сельскому хозяйству, поощрение крепкой семьи и деторождения, развитие физкультуры и туризма, осуждение курения. Народность и классицизм в искусстве и культуре. Укрепление патриотизма. Инакомыслие запрещено, тоталитаризм во всей духовной сфере еще более явен, чем в хозяйственной.

(И я не могу удержаться от лирического отступления — эдакой горькой ностальгии по непоправимому. В Советском Союзе, с 1973 по 1988 год, меня правили редакторы — все, что я писал и пытался публиковать. Я был первым по русскому языку везде, где учился, я кончил с золотой медалью школу и русское отделение филфака Ленинградского университета, я работал учителем русского языка, корректором, редактором и журналистом — и все это ни хрена не помогало! Они меня правили! Хотя сами писать не умели! Или умели, но слабенько и тихенько. Они в отшлифованном тексте коротких рассказов неуклонно норовили сменить «дорожки» на «тропинки», а «тропинки» на «дорожки». Я орал, рыдал и недоумевал: зачем??? Почему за ту же зарплату не отдать текст в набор сразу и не корпеть зря? Потом я понял: человеку несносна его ненужность, он должен делать хоть что-то, чтобы утвердить себя как личность и работника.

Советская эпоха кончилась. Все мои редакторы или впали в ничтожество, или вовсе исчезли. Все их исправления я давно выбросил и восстановил изначальные чистые тексты. И вот полжизни спустя до меня дошло. Механизм появления советской редакции как литобработки мне был известен давно. Но его объективная и мудрая сущность была верной.

Свободомыслие в стиле — это уже попытка к бегству из мира единомыслия.

На эстетическом, уже — на стилистическом уровне тоталитаризм следил за управляемостью и подконтрольностью и этой стороны жизни тоже. Он диктовал предписанное единообразие. Институт редакции — объективно — осуществлял регулирование стилистики как эстетического аспекта тоталитарного контроля. Такова была их профессионально-социальная сущность — и психология человека подпирала это амплуа: власть! Действие! Утверждение! Будучи в душе диссидентами — редакторы не сознавали, что работают на советский тоталитаризм, хотя легко могли бы этого не делать.

Вот что такое тоталитаризм, деточки...)

Итак. Отличительные черты фашизма в широком смысле слова:

- Однопартийность.
- Тоталитарная идеология.
- Национально-расовое превосходство.
- Нетерпимость к инакомыслию.
- Милитаризация.
- Склонность решать конфликты силовым путем.
- Стремление регулировать все стороны жизни граждан.

Также необходимо отметить ту или иную степень социализма в

экономике и распределении благ — и патернализм государства.

А теперь сопутствующие черты фашизма, которые он привлекал и поощрял себе в помощь:

- Патриотизм.
- Народность.
- Консерватизм.
- Реализм и романтизм в искусстве.
- Крепость традиционной семьи, любовь и уважение к родителям.
- Здоровый образ жизни.
- Физкультура и спорт.

Черт вас всех побери с потрохами, что плохого в тех взглядах и явлениях, которые не фашизм изобрел, не фашизм приватизировал как исключительно свое, которые всегда поощрялись у всех народов — и которые фашизм эффективно применил себе на пользу также?!

Если фашисты дышали воздухом — мы должны осудить воздух? Если у них были две ноги — нам надо стать одноногими или трехногими? Если они пропагандировали спорт — следует запретить его?

То есть вы уже чувствуете приближение идиотизма. Активный идиот с благими намерениями — это позор и гнусная смерть всего, за что он возьмется. Да, я сейчас Теодора Адорно имею в виду. Но не будем забегать.

Вот мы перечислили сначала отрицательные черты фашизма, а затем — положительные. И сказали, что положительные — отнюдь не его прерогатива и изобретение. Но ведь и отрицательные — тоже не его. Милитаризация, тоталитаризм, единомыслие, агрессивность, жестокость, нетерпимость к чужим — все это было в истории много раз. Государство-армия Спарта. Взаимное презрение греков и персов. Сакральная абсолютизация желаний восточных царей. Тотальная обязательность законов Ясы Чингиз-хана. Поголовное уничтожение врагов и бунтовщиков — от практики Саргона Великого и до Средневековья в Италии, когда взятый город вырезали зачастую подчистую, и никто не видел в этом ничего исключительного. Варфоломеевская ночь и еврейские погромы. Талмуд или Коран на все случаи жизни.

А что вообще нового было в фашизме? Участие граждан в жизни государства через общественные движения, добровольные организации и профсоюзы — так тоже взято из демократической практики и социалистического учения. И пропаганда была еще в Древнем Египте, и о народе там заботились, раздавая хлеб голодным.

Первое. Однопартийная политическая система с четко оформленным аппаратом.

Второе. Примирение интересов капиталистов и пролетариев в общность для всех граждан народных и государственных целей. Корпоративное государство равных прав и посильных обязанностей, где каждый заботится обо всех и все о каждом.

Все!!! Все остальное — это комбинация элементов, существовавших в современном фашизму мире или же вообще всегда. Военная униформа, радио и газеты, поезда и самолеты, шоссе и нефтехимия, капитализм и научно-технический прогресс, противоречия и примирение социальных классов, все виды вооружений и политико-экономические теории — все это наличествовало во всех развитых странах. Германия и Италия просто иначе сложили готовые элементы — из тех же кирпичей построили иные здания! Не школу, а казарму. Так кирпичи-то чем виноваты?

Чем виновата сталь, что из нее сделан нож убийцы? Чем виноват хлебный нож, что его сделали оружием? Чем виновата бельевая веревка, что на ней повесился несчастный? Чем виноват кондитер, что обжора умер от ожирения?

Итак. Вторая Мировая война. Преступления фашизма. Пятьдесят миллионов жертв. Однозначное осуждение, клеймение, отвержение — и никаких оправданий быть не может.

Но понимать надо всегда. Чтоб не повторилось. Чтоб извлечь урок из катастрофы. Избежать чего-либо подобного в следующий раз. Разобраться в причинах. Понять механизм возникновения и действия этого чудовища — фашизма. И впредь блокировать в зародыше.

Эмигрировавший из Германии в США Теодор Адорно с коллегами выпускает книгу «Авторитарная личность», где анкетировались группы студентов, анализируется и исследуется, какие черты личности, присущие фашизму, в них есть. Жестокое наказание педофилов и насильников, готовность бороться за семью и родину, обязательность любви и уважения к родителям — это черты авторитарной личности, склонной к фашизму. Мягкость в человеческих отношениях, необязательность любых традиций, пренебрежение волевыми качествами человека — а вот это чуждость фашизму, это хорошо.

(За этой анкетой всплывает скверная мысль, как рыба-мутант из болотных глубин: если ты будешь слабым разгильдяйским дерьмом, даже фашизм не сможет никак тебя использовать, и вот это — хорошо! Это значит, что ты фашизму совершенно чужд. А вот людей сильных, волевых, с твердыми моральными устоями, уважающих традиции своего народа и склонных подраться — вот этих фашизм гребет в свои сети с восторгом.

И тогда с берега на уродскую рыбу щерится тигр: а если эта гадина

нападет — вас кто защищать будет, эти ботаники, склонные к пацифизму и пофигизму?

Успевший бежать от фашизма за океан Адорно как-то не проводил анкетирования среди солдат, вернувшихся с фронта после победы над фашизмом — интересно, что бы они ему ответили насчет дисциплины, фамилльярности и наказания преступников.)

Позднее была масса анализов и классификаций фашизма, и если их суммировать, то все его черты и признаки перечислять придется долго. Скажем, традиционализм и антикоммунизм тоже расцениваются рядом исследователей как признаки фашизма. Кто не любит коммунизм и предпочитает реализм в живописи модернизму — тот несет в себе черты фашиста. Это не шутка. Это весьма массовое психическое расстройство левых.

А в 1995 году знаменитый профессор-культуролог и автор детективно-философско-исторических романов-ребусов Умберто Эко читает в Колумбийском университете свою знаковую лекцию об «ур-фашизме». Где называет его 14 признаков: традиционализм, элитаризм, культ героизма, сексошовинизм — пренебрежение к женщине, преследование гомосексуалистов; любой может прочесть подробнее в Сети, нет смысла пересказывать. Только получается, что культ героев в Древней Греции и Риме, воинская элита всех традиционных обществ от рыцарей короля Артура до европейских королевских дворов, даже осуждение гомосексуализма иудаизмом, христианством и исламом — это черты фашизма. Но пока их меньше шести — это еще как бы протофашизм. А больше семи — фашизм готов.

То есть, следует из взглядов Эко, фашизм был всегда и везде, только в разной степени. Кстати, есть все основания считать фашистом Хаммурапи: традиционализм, героизм, элитаризм, милитаризм, тоталитаризм, сексошовинизм, антипацифизм, вражда со всеми соседями и их завоевание.

Фашизм давно превратился в универсальное клеймо, и неопределенно-расширенное толкование позволяет лепить его на любое явление. На самом деле — практически в любом человеке можно найти черту, подпадающую по одной из классификаций под определение фашистской.

Вы предпочитаете классику в живописи модернизму, а Вермеера — Ротко? Вот и фашизм.

Вы полагаете, что женщины слабее мужчин? Что героизм заслуживает почитания? Что для руководства надо ставить во власть лучших и умнейших, а не всех тварей по паре? Что чужой — помеха в любом коллективе, пока он не станет своим? Да вас за фашизм в Нюрнберг на

процесс не успели отвезти.

А главное вот что. Правильные взгляды — это наши, либеральные, демократические, левые, гуманные: мы за всеобщее равенство, за права человека, за ЛГБТ, за мусульман, женщин и людей с ограниченными возможностями, за отказ от любого насилия, за открытые границы, за свободу торговли, производства и потребления, за помощь всем слабым и нуждающимся, за братство и мир во всем мире, за глобализм то есть, за всеобщее объединение. И каждый, кто в чем-то против нас — он против всех этих бесспорных и прекрасных ценностей — а значит фашист! Позор и долой! Фашизма мы не допустим. Все!!! И не о чем тут рассуждать!!! Фашизм нельзя оправдать!!!

Погодите, говорит оплеванный. Погодите... Но через открытую границу вам тащат наркотики и убивают вашу молодежь, через нее беспрепятственно входят преступники и грабят ваших трудящихся, насиляют ваших девушек. Надо же это прекратить. — Да, мы должны с этим бороться, отвечают ему. И будем. И найдем пути и средства. Но не фашистскими методами! Границу закрывать нельзя! Потому что мы за открытый мир! Иначе это ксенофобия, запреты, тоталитаризм, фашизм!

Погодите, говорит он. Но ваши капиталисты уводят производства в дальние страны, где платят нищим работягам гроши и получают сверхприбыли — а ваши работяги становятся безработными. Это же неправильно, плохо, нечестно. — Да, отвечают ему, мы будем работать над созданием рабочих мест. Но насильно обратно — нельзя! Это тоталитаризм и фашизм!

И вообще — раз вы попираете наши основные ценности — вы вообще фашист! И вам тут не место.

То есть. Наглые левацкие и либеральные шарлатаны. Извратив само понятие фашизма и растянув его, как тент над всей поляной. Не в силах возражать по существу. И защищая свои догмы, засевшие в тупых головах, не умеющих думать. Открыто лгут в глаза. Пылая при этом праведным гневом. И не соображая даже, что они несут.

Ближе всего к фашизму сегодня исламский радикализм, режимы Ирана и Сирии, Северная Корея. Нетерпимость, агрессивность, жестокость, единомыслие, милитаризм, единая идеология и пропаганда.

Сегодня обвинение либералами и леваками оппонентов в фашизме — это прием грязной лжи, не имеющей ничего общего с правдой. Это оскорбление вместо аргументов. Это означает: «Скотина, он не согласен с нашими взглядами, методами и оценками, он еще смеет приводить факты, которые противоречат тому, во что мы верим. Закрывать перед ним двери, не

подавать ему руки, приговорить к изгнанию и стереть имя с могильного камня!»

Обвиняемые не имеют ничего общего с черными рубашками, однопартийной системой и нетерпимостью к инакомыслию.

Напротив: обвинители не терпят иной точки зрения, не допускают возражений, категорически не согласны делиться властью, присвоили себе монополию на истину, игнорируют мнения несогласных масс, прибегают к любым грязным технологиям для информационного и политического уничтожения оппонентов, скрывают или игнорируют любую опровергающую их информацию, добиваются тотального подчинения своим взглядам. Таков нынешний западный истеблишмент.

А теперь скажите, кто здесь фашист. Нетерпимый, агрессивный, идеологизированный, властолюбивый и на глазах движущийся к тоталитаризму.

Я вас поздравляю.

Вера либералов

Почему неолибералы верят в свою идею блага современной либеральной модели — полной толерантности, открытости, свобод и прав человека, запрета на любые упоминания о каком бы то ни было врожденном неравенстве народов и индивидуумов? При этом — пресса и университеты в руках либералов, проникнуты левой либеральной идеологией — и категорически нетерпимы к любому инакомыслию, диссидент есть носитель скверны и фашист по факту несогласия с комплексом догм.

Спроси либерала: к чему мы идем? Что будет через 10, 20, 50 и 100 лет? Он толком не ответит. Он лишь произнесет слова в поддержку глобализации, объединения, открытости и толерантности. Эдакий вариант братского счастья на всей объединенной планете.

Подробнее он не хочет. Не хочет о демографической катастрофе европейцев, не считает слишком важным уничтожение семьи, не затрагивает исчезновение национальных культур при слиянии всех в глобальную культуру.

Модель грядущей эпохи по «Краткой истории будущего» Жака Аттали не принято широко обсуждать. Потому что прочтение вызывает естественную реакцию — избежать такого будущего, воспрепятствовать ему. Оно представляется неизбежным? Как знать!..

Вот Детройт превратился из автомобильной столицы мира в криминальное афроамериканское гетто. Плод демократии, гуманизма и либерализма — производство и достаток ушли из города, где обдирали налогами предпринимателей и работяг ради комфорта нерадивых лентяев.

А вот ЮАР превратилась в криминальную зону мира, где черные терроризируют белых, ничего не создавая взамен — ни заводов, ни ферм, ни университетов и городов. Проедается и загаживается то, что было раньше.

А вот полицейские европейских столиц боятся соваться в кварталы мигрантов-мусульман: избыют, сожгут машину, а если их тронешь — поднимется вопль о чрезмерном применении силы к угнетенным.

И вот вам модель по Аттали: кочевые элиты, перемещающиеся центры производства, исчезновение границ и суверенитетов государств, разрыв между богатством элит и бедностью масс, одиночество, потребление, развлечения. Это трагедия вырождения культуры — это не может быть

целью и идеалом движения приличных людей в здравом рассудке!

Консерваторы стремятся сохранить народы, семьи, государства, смысл жизни. Либералы обвиняют их в «цеплянии за вчерашний день». Но если день завтрашний сулит смерть — нужен иной путь!

Христиане, мусульмане и иудеи — те, в ком жив дух веры — в глубине души хранят ориентир праведности, хотят хранить устои жизни и веры, ненавидят грех. Опять же — они консерваторы. И смысл жизни им ведом, и представление о счастье у них простое и извечное, человеческое.

Умный либерал неизбежно впадает в когнитивный диссонанс. Сознание говорит ему, что ничего хорошего впереди не предвидится. А подсознание требует примирить его со взглядами и целями либерализма, с мировоззрением и ценностями друзей и коллег, которые контролируют командные высоты идеологии и позиционируются как носители передовых, достойных и правильных взглядов.

Поэтому либерал впадает в истерику, споря с противниками — он заменяет аргументы политическими оскорблениями.

Но почему же, будучи умным образованным человеком, он верит в свою мракобесную и лицемерную ахинею, не выдерживающую никакой серьезной критики? О, на это есть главный ответ.

Социум самоструктурируется в страты, члены которых объединены прежде всего общностью взглядов. Это — второе. А первое — человеку необходимо иметь систему взглядов, позволяющую самоидентифицироваться с какой-то группой. Человек один не может! Человек — животное политическое. Социальный инстинкт повелевает ему объединяться в группы, скрепленные системой императивов и табу.

Вера в либеральные ценности — это именно разновидность веры. Как ислам или христианство. Отрицающая традиционные веры и системы ценностей либеральная идеология — объединяет людей в группу, что людям всегда необходимо.

Не важно, что вера ложная. Важно, что она едина и противопоставлена другим. Отграничивая и объединяя своих адептов.

Либеральная вера стоит на отрицании традиционных устоев — границ, норм морали, самоидентификации народов и культур, она порицает личный успех и конкуренцию, а при касании информации о любом неравенстве полов и рас либералы просто требуют аутодафе.

Это религия. И при столкновении догмы с правдой она яростно поносит правду, требуя ее запрета по идеологическим основаниям. Это относится к биологии, социологии, психологии, физиологии — а также политике.

Либерализм построен на отрицании цивилизационной системы императивов и табу. Это мощный сдвиг в сторону анархии — то есть социальной энтропии, неупорядоченного общества.

Но социум самоорганизуется в любых условиях. И если из него изымают законы государства — они заменяются понятиями реальных силовых групп. Обычаями бандитских кварталов — внизу, и контрактами транснациональных корпораций — наверху.

Либерализм сегодня как идеология — это нетерпимое утверждение отрицания традиционных устоев. Без предложения чего-либо реального взамен. Взамен — хаос люмпенизированного дна и всевластие кочевых элит.

Вот это утверждение отрицаний запретов — и есть их вера. Ее столкновение с действительностью грозит бедами действительности.

Как любое мракобесие — идеология неолиберализма не может существовать долго.

Свобода творить историю

Если человек в любой миг властен в своих поступках и может изменить свои действия по собственному хотению и разумению — жизнь резко улучшается. И упрощается. И человечество всегда имеет шанс на счастье — все в его руках.

А отчего погибли все прошлые цивилизации? А или слабо хотели, или неверно думали. Но мы сегодня умнее.

Мне доводилось беседовать с одним современным мыслителем, который категорически отвергал идею превентивного военного удара, независимо от степени подготовки вражеской агрессии. «Пока на тебя не напали — все может измениться, ты не имеешь права сам выступить агрессором». Вот о степени подготовки мы и спорили. Если хулиган достал нож — но еще не режет: уже можно бить? Если на тебя наставил пистолет — но еще не выстрелил?

Разведка докладывает: на той стороне противник сосредоточил войска на наших танкоопасных направлениях, его части укомплектованы, боеприпасы загружены, а экономика переведена на военные рельсы. Можно наносить удар? Или ждать, когда он ударит первый?

От врача требуется ставить диагноз и прогнозировать развитие болезни. От экономиста требуют прогноз развития экономики страны при вот таких вариантах условий. Рысь прыгает с ветки на косулю, прогнозируя траекторию прыжка. Мы живем в мире прогнозов: от поездки утром на работу до откладывания денег на отпуск в Турции.

При этом. Современная волюнтаристская историческая философия. Принципиально отрицает возможность объективно прогнозировать будущее. Только субъективные варианты: вот как люди сделают и случай выпадет.

В смене кочевой жизни оседлым хозяйствованием, в возникновении государства и замене рабовладения феодализмом — играл роль случай и желание людей. Смейся и плачь, пишет Боконон.

А это значит, что завтра зависит от нас. А это значит, что сегодняшняя реальность не предопределяет завтрашнюю, если мы захотим сделать иначе. Плюс землетрясение.

Вот эта философия — идеологически обосновывает любую ложь, отрицание любой правды как неизбежного следствия сегодняшних дел. Не будет схлопывания нашей цивилизации, хотя она морально разложилась и

снижает свою экономическую роль. Не исчезнут европейцы, хотя они сокращаются стремительно и замещаются массово. И так далее.

Такие свободолюбцы живут сегодняшним днем — отрицая завтрашний как его следствие. Завтра будет не следствие из объективного сегодня — завтра будет следствие из наших желаний и волевых дел.

Сегодня бедные люди в Африке и Ближнем Востоке живут плохо. Поможем им — переселим в Европу. Завтра они ее загадят и подчинят себе. Нет! Завтра мы будем дружно жить! Но посмотрите — грязь, криминал, теракты и экстремизм. Ничего — надо перетерпеть! Пока вы терпите — вас все меньше, а их все больше, и они все наглее. Долой расиста и ксенофоба! Вот примерно так выглядит дискуссия.

А объективно — есть социальная форма существования материи? А социальные системы — протогосударства, государства, цивилизации — есть? А объективно — существование системы имеет свои объективные закономерности? А рост материальных благ, науки и техники, потребления энергии, рост информации, комфорта, личной безопасности — есть?

Вот есть группа — двадцать человек. Мужики и бабы. На необитаемом острове. Высадили и всем снабдили. Очень быстро они структурируются в социум. Выделится лидер и пара подручных. Разберутся по специальностям. После ссор и драк образуют пары. И кто-то обязательно будет самым слабым и объектом для шуток. Да — они все стремились устроиться получше, и вышло вот так. Но! Иначе не бывает. Разве что перессорятся и перестреляются. Это действительно зависит от характеров — но это крайняя ситуация. А общее — социум стремится к самоусложнению. Это — объективно.

Взлет и падение цивилизации объективно. Начало и конец всего сущего — объективно.

Объективна структуризация толпы в социум и самопостроение социальной пирамиды. Энергетика человека и психология личности определяют борьбу за социальный статус — это лучший половой партнер и максимум личных возможностей. Самоорганизация социума образом, обеспечивающим производство максимальных действий (с учетом своих сил и средств) — это закон природы, объективный закон.

Вот есть такой закон эволюции в биологии:

Объем и масса мозга организмов любого вида, раз возникнув, по мере времени и смены поколений и развития эволюции может только увеличиваться. Никогда иначе.

А есть и такая закономерность в мире социальной материи:

По мере существования и развития цивилизации количество

потребляемой ею энергии может только увеличиваться.

Добавим к этим зафиксированным тенденциям, которые никак не зависят ни от чьих желаний:

Любая цивилизация как социальная система имеет свой цикл существования, включающий — зарождение, развитие, подъем, плато, пик, спад, гибель. = Это так же закономерно, как жизнь любой биологической системы — организма.

Социальной (культурной, цивилизационной) эволюции необходимо, чтобы формации гибли, освобождая место новым. Среди каковых новых раньше или позже появятся более мощные, сложные, развитые, научно и технически более совершенные и эффективные. Эволюционирование систем необходимо включает в себя гибель старых и возникновение новых.

Желание и стремление человеческое не в силах отменить эволюцию, повернуть ее вспять, затормозить. Развитие конкретной цивилизации можно остановить, если группа выживает на пределе своих возможностей в тяжелых природных условиях. И сохраняет все, что помогло ей выжить. Так формируются реликтовые этносы эскимосов или австралийских аборигенов. Но это — маленькие боковые тупиковые ответвления социальной эволюции.

Попытки повлиять на эволюцию уничтожением отдельных этнических групп кончались трагически и, с точки зрения истории, бесплодно.

А вот все сколько-то успешные попытки влиять на жизнь и здоровье человечества средствами науки, медицины, генной инженерии — работали исключительно на прогресс. То есть усложнение и улучшение жизни.

Жестокая война оказывается актом естественного отбора нации и в конечном итоге работает на эволюцию — война стимулирует развитие техники и науки, за войной следует демографический взрыв, война повышает системный ресурс страны — на «чистом месте» свободнее и быстрее развивается послевоенная материальная база общества (сравни Японию после 2-й Мировой).

А мир? Тоже работает на развитие цивилизации, но иначе — ровнее и стабильнее.

Грубо говоря. Любой человек волен: пойти в монахи, солдаты, строители, бездельники или повеситься. Но! Цивилизация как система не равна просто сумме результатов отдельных человеческих волей!!! Ну это же элементарно. Ну это же азы.

Самособиравание людей в группы и самоструктуризация этих групп в социальные иерархизированные пирамиды, и рост и собиравание этих пирамид в государства, и действия государств уже по своим государственным

законам — это объективное устройство мира. Ибо человек есть часть, порождение и орудие мира — но не мир имел целью создание человека ради его, человека, блага и счастья. Верующим в это — церковь открыта.

Но сейчас — наш разговор конкретнее. Мы не в силах остановить развитие науки и техники. Не в силах остановить материально-энергетическое усложнение цивилизации. А оно определяет наш образ жизни! Наш уровень свобод и благ! И все наши поступки, как бы мы ни выкобенивались — они все равно находятся в коридоре развития этих наук, техник, свобод и благ!!! И вот это отменить никто не в силах!!!

Наш путь — все равно путь от египетского раба, воина, жреца — к компьютерщику, борцу за права и биржевику. Войны проигрывались и выигрывались, люди шли на костры и шли в палачи, крушили машины и пытались создать анархические общества — но все равно мы здесь. А где нам быть — в царствии небесном? В фаланстере? Коммунистической трудармии?

От тебя не зависит, кого полюбить: вот в каком городе или деревушке ты живешь, вот сколько там каких парней и девок есть — вот среди них твоя любовь и судьба. То есть. У тебя есть свобода выбора — но круг этого выбора определен не тобой! Ты можешь выбрать профессию из возможных, место жительства из имеющихся. Но в силу врожденных способностей, энергии, добросовестности — ты будешь трудиться в пределах определенного диапазона.

Спор о соотношении свободы воли и предопределенности — древен в тысячелетиях. Абсолютизировать то или иное — идиотизм. Круг свободы решения и действия всегда очерчен эпохой, обществом, уровнем прогресса. Движение истории — всегда в сторону наращивания действий, изменений, науки и техники, прав и свобод.

Представьте движущийся массивный корабль. Мы на нем плывем. Но одновременно он и состоит из нас, сделан из нас, спрессован, слеппен! И вот он движется. А мы в нем снуем беспорядочно. Снуем кто куда хочет. Взад-вперед, вверх-вниз, внутри и по палубам с бортам — во всех направлениях. Но одновременно этот корабль, сделанный из живых подвижных нас, продолжает движение в одном общем направлении. Хотя иногда чуть уклоняется влево-вправо, иногда чуть замедляется или ускоряется. Но плывет к цели. Некой. Единой. Общей. И даже если мы муравьишками семенем назад — он все равно в общем плывет вперед.

Вот и свобода в истории то же самое.

Часть одиннадцатая

Вы не убьете меня завтра — замучитесь

Почему гибнет наша цивилизация

Сначала — о свободе воли. Которой по большому счету нет. С чего бы элементарные частицы, миллиарды лет назад собравшись в атомы, сотни миллионов лет назад — в органические молекулы, сотни тысяч лет назад — в комбинацию под названием «современный человек», стали вдруг эдакой совершенно свободной в своих действиях системой? По мере усложнения материи повышается вариабельность движений и комбинаций составляющих эту материю атомов — но законы Вселенной остаются по-прежнему определяющими линию действий.

Человек волен принять христианство или буддизм, пить водку или чай, грабить или благодетельствовать. Но он не волен изменить свой энергетический уровень, гормональный строй, свою потребность в действиях, в самореализации через то либо иное воздействие на окружающий мир. Человек — прежде всего действователь и изменятель.

Жизнь — это действие. То есть изменение окружающего мира. Так или иначе.

1. Люди всегда знали, что жизнь их цивилизации конечна: тысяча лет. Максимум полторы. Тысячелетний Рим или Тысячелетний Рейх. В Древнем Египте или Китае было дольше? — так там было несколько цивилизаций последовательно на одном и том же месте.

2. Любая эволюционирующая система имеет свой цикл существования: зарождение, подъем, плато, пик, спад, гибель. Гибель систем — звезд, видов животных, цивилизаций — встроена в эволюцию и необходима для высвобождения пространства и материи, чтобы раньше или позже на этом месте и из этого материала возникла новая система. Более сложная, энергосодержащая и эффективная. Более мощная и неравновесная.

Великий Египет и Великое Двуречье должны были погибнуть, чтобы на близком пространстве, в той же Ойкумене, стянув на себя силовые линии цивилизации, возникла Великая Эллада. Ее сменил Великий Рим. Он распался и исчез — чтобы через тысячу лет поднялась Европейская Цивилизация.

3. Ничто не вечно. Когда Гегель двести лет назад сообщил о конце Истории, потому что совершеннее наполеоновской модели правления быть просто не может — он проявил удивительное, непостижимое непонимание диалектики применительно к социополитическому процессу. Когда

двадцать пять лет назад это повторил Фукуяма — с него спрос меньше.

Еще Аристотель знал и итожил знание многих, что политические устройства государств постоянно меняют друг друга. А о смене и забвении великих цивилизаций говорили еще Солону египетские жрецы...

Короче, кирдык вашей Европе. В смысле нашей, что особенно жаль.

4. С вершины все тропы ведут вниз.

Цивилизация рушится тогда, когда она исчерпает свой системный ресурс. То есть не сможет дать уже ничего принципиально нового. Определены отношения между работодателями и наемными работниками, фрилансерами и государственными чиновниками, между народом и властью, производителями, торговцами и потребителями, между налогоплательщиками и иждивенцами. Система устоялась.

Улучшать больше в принципе нечего. А главное — нечего больше реформировать. Качество системы определилось и застыло. Жратвы и барахла еще поразнообразнее, жилья еще побольше, развлечений еще поострее. Хочешь — учись, хочешь — паши, хочешь — делай карьеру, хочешь — иди в бродяги или бунтари.

«Временный конец истории» — залог и предвестие краха. Пик процветания — преддверие падения. Исторический процесс подобен велосипеду: остановился — упал. А если некуда ехать? Значит, ты закончил дистанцию — здесь упадешь.

Ну а как же прекратить проклятый и трудный, полный жертв процесс устройства государства и перейти к обустройству народного гнезда, так сказать: больше комфорта, личных возможностей и свобод? А так же: аромат благоденствия утончается до зловония, приятное тепло переходит в гниение — и волна безвыходных пороков смывает нашу чудную постройку...

5. Тут и взорвался молодежный бунт 1968! Душно нам и скучно! Пошло и мелко! Барахольщики вы и потребители! Мир необходимо переделать: снести старый, буржуазный, тупой и лицемерный — и создать новый, свободный и счастливый!

6. Вот есть американские пионеры эпохи Покорения Прерий. Пройти на фургонах бескрайнюю равнину, перевалить горы, отбиться от индейцев, терпеть жажду и голод — и остановить караван на ровном месте. Поставить церковь и дома, свести лес, распахать поля, насадить сады. Через полвека умирает старик, жизнь и труд которого вложены в этот процветающий городок — и ему есть чем гордиться, было для чего жить и что оставить детям.

И вот асфальтовые шоссе, автомобили и компьютеры, одна огромная

механизированная ферма кормит всех, газета, шериф, мэр, аптека, гамбургеры и полный магазин товаров. А делать больше нечего... Ну, пойти работать, жениться, быть членом общества... рутина это все. А душа требует больших дел!

На что я потрачу силы души моей, что изменю в мире? Пойду в зеленые, красные, анархисты, пантеры: на вашем отцовском пути имеющиеся несправедливости уже не устранить — мы пойдем иным путем, изменим ваш мир, снесем гнилые постройки — и создадим счастливое общество для всех несчастных!

Спокуха. А кто у нас несчастен? Суки-пролетарии пашут на буржуев за тряпки и тачки, сытые твари. А бомжи? А мусульмане? А нелегальные мигранты? А страдающие гомосексуалисты? А всем инвалидам как плохо! А почему женщины не служат наравне с мужчинами в спецназе и не имеют нобелевок по физике?!

И мы сделаем им всем хорошо. А угнетателей — белых гетеросексуалов мужчин-христиан — мы прищемим дверьми за яйца.

Но это лишь один разряд «людей новой волны» — разрушители-альтруисты. «Снесем до основания, а затем построим...»

Есть и второй разряд. Радужная плесень.

7. В Испании XV века было тесно. Уже прогнали мавров, объединили Кастилию с Арагоном, сожгли или выкрестили не сбежавших евреев. А молодежи было много! А делать им было нечего! Лишь старший сын наследует имение, если оно есть. А беднякам нет работы. И тут Колумб открыл Америку.

Толпы приключенцев, бедняков и авантюристов, честолубцев и маргиналов хлынули в Новый Свет. И за несколько десятилетий завоевали огромные территории, покорили могучие туземные царства, добыли горы сокровищ и обрели славу и положение. А также сгинули во множестве от лихорадки и стрел.

Но они — пожилы! Были — герои! Им завидовали, их благосклонности добивались, им было что рассказать внукам в старости...

Они обогатили Корону, создали и стремительно благоустроили великую Империю, вписали в историю свои имена и утолили жажду денег, власти и приключений. Счастливый век великих возможностей и великих опасностей.

8. И вот в Империи — хоть Испанской, хоть любой другой — все налажено. Расписано. Хорошие места заняты. Карьеры делают дети знатных. Жизнь твоя известна наперед. Сыто и комфортно. Удобно и неинтересно.

А молодая энергия прет! Детям всегда надо опровергать отцов и пробиваться к власти, вершине, рулю государства, к большим делам! Дети всегда — нонконформисты, отрицатели ценностей старшего поколения, новаторы и непоседы. Они непочтительны, нетерпеливы, буйны!

Это инстинкт. Это у всех животных. Волки и львы, моржи и обезьяны — молодые самцы отбиваются от стаи, меряются силой, и самые сильные раньше или позже свергнут и изгонят вожаков, покроют лучших самок, передадут свои гены и возглавят стаю. Так происходит естественный отбор; так вершится эволюция.

9. И молодые человеческие самцы, которые не могут приложить свои силы к созиданию цивилизации, ибо все, что можно, уже создано, организовано, благоустроено — как могут приложить силы? А жизнь — это действие, а действие — это движение, переделывание, и каждый миг что-то в мире будет не так, как миг назад.

Самореализация — это потребность. Неотменимая. Потребность действовать и переделывать мир — это инстинкт жизни.

И вот второй разряд молодых самцов — храбрые и напористые авантюристы, жестокие стяжатели, умные энергичные эгоисты — оставшись без неоткрытых америк, живя в прочном и благополучном государстве среди поделенного мира — как они могут реализовать себя, применить свои силы, самоутвердиться, оставить след? Как сколотить богатство и достичь положения? Они хищники — но дикий лес превращен в парк, дикие животные одомашнены и имеют владельцев!

И тогда энергичные ребята рвут себе куски от живого тела собственной страны. Народа. Цивилизации.

Новые конкистадоры, за неимением Нового Света, грабят и подчиняют Старый. Но уже не именем короля, и не в его казну идут галеоны с золотом. Куски рвут в свой заглашник. Для удобства и по жизни сбиваются в стаи. Стая называется корпорацией, кампанией, трестом — вот внутри нее жесткая этика и порядок. А чужие — это добыча. Плевать на «родину» — вывести бабло в оффшор, отдам детей в Кембридж, размещу производство в дешевой Малайзии, а виллу куплю на Гавайях.

Каждый прав по-своему.

Наполеон

Первый признак порчи общественных нравов — это исчезновение правды, ибо правдивость лежит в основе всякой добродетели и является первым требованием к правителю государства.

Мишель Монтень

Не существует какого-то особого времени для правды. Час истины — сейчас и всегда.

Альберт Швейцер

Ненависть вызывает не правда, а люди, которые эту правду говорят.

Сергей Ясинский

Ты узнаешь правду, и правда сведет тебя с ума.

Олдос Хаксли

Они разрывают и пожирают ту страну и цивилизацию, которую века назад создали их прадеды — такие же энергичные и хваткие. Но предки начинали на новом месте и могли богатеть только с созидания, строительства, прибылей державы. А их потомки — точно с теми же качествами — не имея иного поля деятельности и обогащения, кроме как цивилизация собственная, рвут ее и богатеют уже от ее убытков, уменьшения, разрушения. Они прорываются во власть — и властью этой обеспечивают и крышуют свое превосходство и доминирование. Превосходство в личном обогащении всех видов.

10. Диалектика-с. Те самые мощные силы личного обогащения и

самоутверждения, которые века назад работали на создание могучей цивилизации — через положенное время работают уже на разрушение цивилизации, созданной и отработанной до возможного совершенства.

11. С точки зрения системы цивилизация выработала свой системный ресурс, завершила цикл существования, и на должном этапе своей эволюции должна погибнуть. Созидательная энергия, в общем не меняя своей абсолютной величины — перевалив через вершину времени, вершину хронологической кривой, постепенно (постепенно!) меняет свой знак с положительного на отрицательный.

Энергия эта носит многослойный, многоаспектный характер. Чисто в физическом аспекте, прежде всего работы, движения, термодинамики. А также в аспекте социальном, постепенном переформатировании политических механизмов и процессов из созидательных и стабилизирующих в дестабилизирующие и разрушительные. Спасительная централизация народа вождем превращается в косный деспотизм; благотворная и эффективная демократия — в правление лживых эгоистов с поощрением бездельников и глупцов; и тому подобное.

12. Ведомый на индивидуальном уровне инстинктом самореализации, а на уровне объективном — инстинктом материальноэнергетического преобразования среды, тот же человек меняет свою роль в зависимости от условий. В условиях значительного цивилизационного ресурса — его деятельность объективно созидательна. Солдат, крестьянин, купец, король — преследуя собственные интересы, работают на подъем Империи. В условиях завершенной, благоустроенной цивилизации — деятельный человек работает на разрушение. Бизнесмен, фермер, сенатор и инженер — каждый тащит одеяло в свою сторону, пользуется всеми уловками развитой юриспруденции, использует все приемы науки для личной выгоды — и здание Империи (условно) оседает, как сугроб под солнцем.

13. Ну к примеру. Жилища превратились в бетонные соты, автомобили — в безликие обтекаемые жестянки, продукты делают черт знает из какой химии, а детоубийцу нельзя повесить и даже бить, а надо пожизненно кормить, держать под крышей и так далее. Свобода удовольствий обеспечили приятный разврат, но с ним — разрушение морали, вымирание народа и массовое несчастье одиноких несемейных бедняг.

14. Главное что. Главное, что цивилизация — это мы с вами. Это продукт наших действий. А действию предшествует что? — план, замысел, мысль, то есть информационная модель.

А гомо который сапиенс думает, что он что? — что он разумный. И хочет он чего? — хочет он всего хорошего. Хорошее — это как? Это

полезное, справедливое и приятное в одном флаконе.

15. Главный парадокс, главное в понимании упадка цивилизации — это осознать единство, взаимосвязь осознать благих намерений граждан и крушения их мира. Они хотят как лучше — а выходит как всегда.

Ибо. Цивилизация. Вершит существование свое. Через нас. Наши желания, мысли, и поступки.

И!!! Рушится она!!! Через наши желания, мысли и поступки!!!

Происходит только то, что мы планируем и делаем!

Когда мы планируем подъем и процветание родины — все понятно. А вот когда она рушится — это что ж вы, суки, делаете?!

16. Для примера. Вот сейчас (2017) продолжает рушиться Россия. Но здесь все просто: «элиты» грабят страну и вывозят за бугор сырье и деньги. Российская «элита» — это туземцы, мечтающие ограбить свой бантустан и на эти бабки жить в мире белых и процветать среди белых. Их великодержавные потуги — это попытки обиженного своей неполноценностью дикаря заставить себя уважать. Живу бедно, но копьём ткнуть могу.

А леваки Европы и США, с дипломами лучших университетов, исполненные лучших намерений — они-то почему спускают цивилизацию в унитаз?! Разрушение образования, семьи, морали, демографическое схлопывание, этническое и культурное самозамещение, поощрение паразитизма и так далее? Они сошли с ума?..

17. Вот здесь — главный психологический кунштюк.

Цивилизация рушится, потому что эволюция. Объективно.

Рушится через действия людей. А больше нет способа. Кроме ужасных катастроф, конечно.

Но! Люди, объективно руша свою цивилизацию, не могут думать: я вандал, я варвар, я враг культуры и разрушитель наследия предков. Негативная самооценка невозможна как массовая норма, это больная психология, ущербное здоровье, невозможность нормальных социальных связей. Человеку, чтобы жить, быть здоровым и действовать в жизни, необходима самооценка безусловно позитивная.

Нет, мы конечно о пользе разумной самокритики, об адекватной самооценке, недостатках нарциссизма и мании величия. Но вообще — надо себя как-то уважать, любить, доверять своему уму, придерживаться морали и так далее.

Короче: психически здоровый человек убежден, и должен быть убежден, что он хороший и умный. Не совершенен. Грешноват. Но все же в общем творит добро! По крайней мере точно стремится к нему. Отличает

его от зла. Не вредит людям. Ну, в пределах житейски допустимого, может, вредит иногда. А вообще нет. Пользу своим трудом приносит.

И! Что бы человек ни делал. Он раньше или позже будет действовать в убеждении. Что он творит добро, а не зло. Внутренний мир человека стремится жить в гармонии с его моральными установками.

Если поступок нельзя возвысить до веры — вера опустится до поступка. Но они стремятся к единству!

18. Охранники концлагерей — и немецких фабрик уничтожения, и советских лесоповалов и золотых приисков — были убеждены, что делают необходимое, правильное, полезное дело. Хоть и неприятное. Хотя некоторым нравилось, садизм шел в рост.

Ни один расстрельщик НКВД не закричал на площади: «Я убийца! Судите меня!». А уж вот ни хренушеньки.

19. И вот исторический процесс. Социальная эволюция. Приводят цивилизацию в период крушения. И люди, ее монады, ее живая плоть, начинают ее крушить. Деятельность клеток организма принимает разрушительный для всего организма характер. Помираем.

Но каждая клетка — это достаточно автономная мыслящая монада. И ничего такого самоубийственного она делать не хочет.

Каков же выход из этого пикантного положения? Элементарный, Ватсон. Она хочет одно, делает другое, а думает при этом третье.

Среднестатистический человек социальный никакой свободной исторической волей не обладает. Поодиночке — может обладать. А вместе — течет вдоль истории, как бархан под ветром в пустыне.

20. Наконец мы вырулили на конечную прямую, на боевой курс, на цель. Ко лжи мы вышли.

Человек с его рефлексирующим сознанием нуждается в мотивации своих поступков. В объяснении и оправдании своих действий. Он должен иметь взгляды, соответствующие его деятельности. Что бы человек ни делал — он должен быть прав!

Ну, с рвачами-богачами все понятно: рвут свой кусок. Они богатеют, народы их стран в то же время беднеют, рабочие города пустеют, средний класс исчезает. Часть награбленного возвращают народу в форме благотворительности и налогов и выставляют себя кормильцами. А чего, такова жизнь, сумеешь — и ты богатей, все по закону.

А законы устанавливают они же в своих интересах.

По бокам же этой колонны мировых грабителей и спекулянтов, разорителей стран, идут два потока интеллектуалов.

Первый поток — политики, юристы, экономисты. Они научно

объясняют: а это будущее, это прогресс, приспосабливайтесь. Все нормально, это для блага, глобализм, иной судьбы нет. Зато вот сколько всего мы в мире производим, и как дешево оно стоит. А что работы нет — так переквалифицируйтесь, а мы вам пособий еще больше заплатим.

А вот второй поток — интереснее. Профессура, журналисты, студенчество, научная интеллигенция, пардон за выражение. Они расширяют стены и поднимают потолок всего хорошего — всех и всяческих свобод, прав, благ и гарантий. Убежденные борцы именно за справедливость и равенство в счастье. Помочь всем меньшинствам. Инвалидам, женщинам, цветным и ЛГБТ. Пустить больше мигрантов и устроить их получше, они несчастные люди. Обеспечить большие пособия и льготы безработным, матерям-одиночкам, изгоям всех мастей. Воспитать народы в духе всеобщего равенства во всех правах, благах и врожденных способностях.

То есть. Пока богачи рвут цивилизацию на глобальные дешевые промзоны, зоны финансов, учебы и шикарного отдыха — а интеллектуальная обслуга их отмазывает и перевозносит в глазах масс. Альтруисты-социалисты вусмерть загаживают мозги всем — пребывая в святом убеждении, праведной страстью горя, что уравнивать идиотов с гениями, хамов с тихонями, работяг с паразитами, мужчин с женщинами, а развратников с монахами — это самое праведное и необходимое в мире дело.

Что видит марсианин со стороны? Что убийцы-террористы требуют себе каких-то прав, и не делать им больно, и содержать в приличных условиях. Что мужа призывают не убивать, но даже не бить насильника своей жены, но ждать полицию. Что убивший вора в своем доме — сядет в тюрьму. Что университеты дают преимущества при поступлении не умным, а глупым. Что бездельник живет со своей семьей за счет работающего, причем часто не хуже его. Что приехавшие в чужую страну священники проповедуют войну против этой страны, живя за ее счет — а их не убивают, не сажают, и даже не высылают вон. Что полиция боится соваться в кварталы мигрантов, которые грабят и насилюют людей, в чьей стране и за чей счет живут. Что человек может жить беспорядочной половой жизнью со многими партнерами обоих полов — и требовать при этом такого же уважения своим склонностям, как к юной влюбленной паре. Что неженатые люди получают больше льгот от государства, чем женатые.

Тут марсианин просыпается, вспоминает, что он человек, и прекращает это длинное и общеизвестное перечисление.

Но резюме-то простое!!! Что все действия и призывы либерал-

социалистов направлены на уничтожение цивилизации!!! Зачем??? А во имя «высших ценностей». Это каких? Перечисленных. Задавливание умных, сильных и работающих и наводнение своих стран чуждыми, враждебными, бездельниками, поощрение преступности, одиночества, иждивенчества, бездетности и растрепанности всех и вся.

Мечты, права, свободы и идеал — против существования своего народа и своей цивилизации.

21. Вот это самые интересные убийцы и лжецы. Они плачут от счастья и кричат от страсти. Они борцы и самопожертвователи. Они непримиримы и благородны. Знамена счастья, равенства, справедливости и свободы реют над ними. Они любят всех сирых и убогих, как первые христиане. И готовы сжить со свету врагов своих идей, как неандертальцев.

Они уничтожают семью, трудолюбие, честность, родную культуру и религию, мораль и правду — саму родину они уничтожают как понятие и добиваются ее исчезновения как факта. Они добиваются уничтожения самых умных, самых сильных и самых работающих.

И горят чистым добром и праведным гневом! И убеждены, что в них — соль земли!

...А ведь все их учения на сегодняшней их стадии — лишь оправдание цивилизационного, системного, исторического и объективного самоуничтожения. И самые честные и последовательные из них признают: да, пусть цивилизация рухнет, но мы до конца останемся благородными и за все хорошее.

22. А согласно Попперу даже в падении в пропасть можно уверить окружающих: вот сейчас мы дружно захотим, напряжемся — и остановимся.

23. Вот почему мы гибнем, и вот как мы гибнем, и вот что мы при этом думаем. Делать — гробим цивилизацию, ибо мы орудия эволюции, думать — думаем, что мы все делаем прекрасно и ради высших целей, а чувствовать — чувствуем, что живем в стараниях и надеждах на лучшее и реализуем себя в этом.

Аминь.

Выбор будущего

По всем прогнозам, статистическим выкладкам, графикам процессов, обсчетам тенденций, экстраполяции событий — современная политика превратит Европу через полвека в исламский мир. Мусульман будет численно больше или значительно больше, чем христиан, в каждой стране Западной Европы.

Учитывая нетолерантность ислама и его миссионерский характер, а также не ограниченность его религиозным аспектом жизни, но и политическим, мировоззренческим, ментальным и общекультурным регламентом — его абсолютное доминирование на ставших исламскими территориях не подлежит сомнению.

Мораль, дресс-код, права человека, свобода слова и печати, сексуальные нормы и ограничения — все это будет регулироваться исламом. Нет оснований сомневаться в этом.

Чтоб было еще понятнее: современная европейская молодежь на склоне лет будет жить в исламском мире. Уезжать она сможет только в США — если там возобладает политика Трампа, и США не распадутся на несколько государств, одно из которых также будет исламским. Или в один из обломков России, что поинтересней — но там не будет ничего процветающего.

Это несомненно, это невозможно оспаривать, это надо учитывать в своих воззрениях и политике.

Так что делайте сознательный выбор: открытые границы, прием исламских мигрантов, запрет на публичную информацию о преступлениях мигрантов и запрет на указание этнической и религиозной принадлежности преступников, борьба с исламофобией, уголовное наказание за применение насилия при самозащите, позволение существовать исламским районам, куда не может входить полиция — потому что или ее избьют или убьют, или ее будут судить за «чрезмерное применение силы» к бедным мигрантам — все это гарантия беспрепятственного перевоплощения христианской Европы европейцев в исламскую Европу арабов и африканцев, не считая пакистанцев и турок.

Или, если хотите остаться христианской Европой с европейской культурой — меняйте политику. Вводите жесткий протекционизм — этнический, религиозный, культурный, ментальный.

Как хотите. Тебе выбирать, европеец. Сегодня еще тебе. Или вскоре

тебя уже никто не спросит, как ты хочешь жить. Тебе будут диктовать.

Несколько слов для всех поклонников и защитников однополой любви, бездетности женщин и отмены семьи. Как вы могли заметить, все это аспекты демографического схлопывания народа и сопутствующие этому процессу явления. Все это способствует исчезновению народа и ускоряет его. Живите как хотите. Хоть с козами. Но отдавайте себе отчет, что после вас — даже не потоп. А пустота.

Товарищи сильно умные и богатые евреи с большими возможностями. Попробуйте напрячь ваши прославленные мозги и назвать мусульманскую страну, где приветствуют и любят евреев. Хоть одну. Не получается? Но вы же гордитесь своим IQ? И понимаете, что после утверждения власти ислама и преобладания мусульман — вас будут резать, синагоги жечь, ваши кварталы обтянутся колючей проволокой и встанут под круглосуточную вооруженную охрану? Не верите — сходите посмотреть на синагоги в Париже, кто не видел. Никто не запрещает вашим прекрасным душам защищать права мусульман. Но пусть ваши прекрасные мозги перестанут продуцировать ненависть к правде и неприятие правды — и сообразят, что история вас жестоко накажет за кретинизм и разрушение цивилизации, в которой вы процветаете. Ну так это тоже пройдет, сказал царь Шломо, не читали?

В той же Франции мусульмане евреев уже бьют, режут и стреляют — а они все кричат: мало! еще пусть въезжают! всех поселим и пристроим! А вы не хотите провести анонимный опрос мигрантов: вы вообще к евреям как? приветствуете? благодарны за сочувствие? Ответ подсказать?

Уж вас-то в истории били-били, гнали-гнали, жгли-жгли, три тыщи лет бед умными вас сделали — ан расслабились, утеряти нюх, возомнили себя всемогущими — и уподобились слепым котяткам, избалованным дурачкам, которым все с рук сойдет. Не сойдет! Мусульмане припомнят вам все унижения — а христиане не простят гибели родины. Вот между молотом и наковальней мозги еврейские отрихтуются до полной психической адекватности, кто жив останется.

Ну — миллиардеры уже в транснациональных элитах. Но интеллектуалы всех жанров огребут по полной, не сомневайтесь.

...Вот это все — классический случай веритофобии. Грандиозной. Массовой. В историческом масштабе.

Правда вызывает тоску, депрессию, отчаяние, растерянность, ужас. И непонимание, как жить дальше. Потому что делается все правильно: по совести, по душе, гуманно и справедливо, прекрасно и благородно. Мы братья, у нас равные права на счастье, мы поддержим друг друга. Все

лучшее в человеке кричит: да! так! еще! не останавливайся, все получится!

А образованный разум успокаивает и подсказывает: никакой предопределенности в истории не существует, мы должны увеличить усилия, вовлечь больше сторонников, привлечь спонсоров и вовлечь массы! Мы на правильном пути, так говорит нам наука, авторитеты подтверждают нашу правоту, так что — вперед! Позор малодушию!

И только холодная аналитическая способность, неприятная, как лягушка в молоке, вызывает тошноту: ведь конец, ведь все скоро кончится, ведь мы сами себе роем яму, и Золотой Век остался позади, а впереди ужас какой-то, болота в сумерках, гонения и нищета...

А если ты решаешь просто плыть по течению — ты тем самым голосуешь за злокачественную глупость леваков и за смерть своего народа и своей культуры. Утешительный заезд в крематорий. Подрессоренный катафалк с музыкой и рестораном.

Выбор между красивым идеализмом и жестокой правдой — это на самом деле отложенный выбор между грязной смертью и суровой жизнью.

Н-ну-те-с, граждане, так под каким наперстком шарик? Ловкость рук против верности глаза — и сейчас вы получите красивую мечту!

Будущее

Тема будущего в каких-либо конкретных деталях для обсуждения левой либерал-социалистической общественностью запрещена. Разговоры о подробностях будущего в ближайшие сто-двести лет — пресекаются в «приличном обществе» так же, как разговоры о веревке в доме повешенного.

Допустимы не столько к обсуждению, сколько к вероятному предположению, лишь общие черты:

Что семья отомрет за ненужностью как архаическое излишество, потому что новые технологии определяют новый уклад жизни: все живут с кем хотят, как хотят и сколько хотят, а при желании иметь детей могут полностью положиться на государственное обеспечение. (Ну, «Футурошок» написан еще Тоффлером.)

Что люди будут жить в том месте планеты, где им удобнее и больше нравится, а работать в компьютерный и роботизированный век можно на удалении.

Что отдельные суверенные государства отомрут за ненужностью, и все будут жить «единым человеческим общежитием».

Что все расы и народности перемешаются по личным симпатиям и интересам, и никаких национально-расовых разделений, тем более противоречий, больше не будет.

Что человеческий труд станет максимально творческим и необременительным, а всю тяжесть рабочей рутины понесут машины, все более умные и умелые.

Что человек получит максимум условий для всестороннего гармоничного развития своей личности.

А все спорные вопросы в глобальном мире будут решаться не военной силой, а на уровне договорном, законном, мирном и всенародно поддержанном.

Вам кажется, что это похоже на коммунистические утопии советских фантастов-марксистов? Пусть вам не кажется — так оно и есть. Ибо идеология глобализма — это неомарксистская идеология с учетом европейских ценностей и новых технологий. И отлично используется транснациональными корпорациями — это их счастливое будущее и безраздельная власть над миром, и они насаждение этой идеологии всячески приветствуют и финансируют.

Без освещения остаются, так сказать, такие личностные темы как зависть, ревность, соперничество, лживость, корысть, стремление к лидерству, агрессивность и прочие формы и черты социально-психологического самоутверждения. Но тут левые готовы признать, что на межличностном уровне конфликтность в какой-то мере может остаться — однако на уровне межгрупповом, межнациональном, межгосударственном ее быть в будущем уже не может за отсутствием самих групп, наций и государств.

Есть умные левые, идущие дальше (как Жак Аттали). Они в общих чертах предвидят в глобальном мире разделение человечества на «кочевые элиты», работяг и маргинальный плебс.

Финансово-экономические элиты мира уже сегодня «кочевые» — отдыхают в одних местах, заключают сделки в других (если нужны личные встречи), производство размещают в третьих, сбыт продукции в четвертых, а банковские счета в пятых. И легко перемещаются: личные самолеты, компьютер и апартаменты с обслуживанием в любой удобной стране. Родину нельзя унести на подошвах своих башмаков, сказал Дантон? Вот и отсекали на гильотине глупую голову. Родина богача — его деньги: с ними он везде продолжает существовать в коконе собственного пространства: своего самолета, своих привычек и вещей, штата помощников и услуги, своего дома и участка земли в любом приятном краю земли.

Рабочая элита — интеллектуалы с компьютерами — в немалой части уже сегодня могут свободно менять место жительства. Рабочие низовые — подметалы и служба всех мастей — все стремительней заменяется роботами. А вот большинство превратится в римский плебс — можешь искать себе интересное занятие, можешь просто жить безбедно, хотя и небогато, на социальные пособия.

В этом будущем можно даже допустить вооруженные конфликты маргиналов и бунты против элит, но даст бог все разрешится.

...Ну, а теперь то, о чем говорить помногу не рекомендуется. То есть очевидная и банальная правда, но противная и мешающая, что с ней, правдой, часто бывает.

Первое. Исчезают все языки и вместо них глобально утверждается английский. Так латынь когда-то уничтожила и заместила собой массу средиземноморских языков, говоров и диалектов, начиная с этрусского. Нет, общества любителей своего исторического языка могут остаться — так же, как изучают сейчас кельтские языки и русские диалектные говоры.

Второе. Вместе с языком исчезает литература на нем. Бальзаков, толстых, гамсунов и маркесов вам больше не будет. Ирландский балет,

английский футбол и негритянский рэп. Паоло Коэльо и Чак Паланик.

Третье. Да исчезают вообще все национальные культуры. Уже сегодня вся евроатлантическая культура унифицирована: моды и манеры, автомобили и жилища, кухня и музыка, законы и развлечения. Унификация происходит активно, неостановимо, и вполне естественно и комфортно воспринимается современниками.

Четвертое. Не будет ваших границ (в Европе уже считай нет), а следом ваших государств, ваших стран и ваших народов. Да, это то же самое, что «единое человечье общежитье», просто взгляд с другой стороны. Не будет больше трех мушкетеров, английской королевы и Капитолия над Потомаком — так, строчки в учебнике единой истории глобализма. Но это все лирика!..

Пятое и главное. Вам незачем убиваться. Потому что вас самих тоже не будет. Ха-ха-ха! В смысле ваших внуков и правнуков, ваших потомков, ваших генов и вашей крови: вашего народа вообще не будет. И не потому, что он сольется с другими, хотя это тоже есть, но это нормально, ничего, в порядке вещей. А потому что ваш народ кончает жизнь самоубийством. Он не хочет больше воспроизводиться. Он все малочисленней. Он вымирает, и волна рождений все ниже и не покрывает убыль населения. И это быстро, у нас на глазах.

Но не просто вымирает — он замещается. Идеология и власть велят принимать чужих — миллионами. Это массовый въезд людей другой культуры, другой религии, других обычаев, другого поведения, другой расы и других народов. Они въезжают по собственному желанию, без разрешений и часто документов — и требуют права убежища, поселения, еды и питья, одежды и жилья, денег и гражданских прав страны, куда явились. Их принимают — и запрещают их обижать, потакают их преступлениям и засекречивают их, содержат за ваш счет. Они образуют свои кварталы, районы и гетто, их женщины носят черную одежду, часто закрывающую даже лицо, они рожают много детей — и этих детей уже больше в школах, чем ваших.

Если проследить тенденции, обсчитать изменения и построить графики — понятно со всей очевидностью, однозначностью и простотой, что к 2100 году Европа будет мусульманской. Именно так и никак иначе. Мусульмане отлично это знают, этого хотят и к этому открыто стремятся.

В исламском будущем Европы все будет не так, как либералы и все левые пытаются внедрить в ваше воображение. Исламское будущее Европы — это жизнь по Шариату. Гомосексуализм карается смертной казнью. Женщина за прелюбодеяние карается смертной казнью. О гендерном

равенстве никто не помышляет. Пророк позволил до четырех жен, они рожают и воспитывают детей и ведут хозяйство, а говорят в присутствии мужчины только с его позволения. Насилие по отношению к врагам очень даже одобряется, голову отрезать — за милую душу; а иноверец уже потенциальный враг.

Единство будет — это единство Европейского и Ближне-Средне-Восточного Халифата.

А вот теперь — рисуйте чудесную картину:

Верхушка вашего счастливого будущего — это транснациональные элиты, которые перемещаются по райским уголкам планеты и международным деловым центрам, типа: Гавайи, Альпы, Шотландия — Нью-Йорк, Брюссель, Пекин. Заметьте, почти все они белые и желтые — эти умнее. У них вход в страту без политкорректности: делай богатство и бери власть собственным умом и характером.

При них — обслуживающий персонал, по сотне на каждого конного рыцаря этого светлого будущего.

Ниже — рабочая элита: программисты, конструкторы, изобретатели, ученые, инженеры, а также квалифицированные врачи и учителя. Одни перемещаются свободно и часто, другие больше привязаны к месту работы и географически. Этот слой на порядок многочисленней элиты, но также не слишком велик относительно всего населения.

Плюс прослойка охранников, тренеров, массажистов и проституток. Ничто человеческое.

А вот восемьдесят процентов человечества — с производственно-экономической точки зрения лишние. Производство почти все на киберах, роботах, механизмах — при которых небольшой штат операторов и наладчиков. Восемьдесят процентов — это социальщики, дармоеды, плебс, дно. Они глупее верхних слоев — интеллектуальный отбор произошел и чутко продолжается, энергичный и талантливый может вылезти наверх, но редко — все места заняты. Они невежественны — а на хрена учиться, где стимулы? Учебные программы упрощены до предела. Плебеи развлекаются и потребляют.

А теперь оглянитесь по сторонам мира и угадайте: представители какой в основном расы составят этот мощный и ненужный нижний слой? А какую они будут исповедовать религию? Дрожите, дряхлые кости: это ведь будет в основном Африка и мусульмане Востока.

Они будут драться за права с элитой, а элита будет кидать им кости. Они заполонят территорию бывшего Первого Мира, а остатки Золотого миллиарды съедут в Новую Зеландию, Аргентину и Сибирь.

Ну, а поскольку делать им что бы то ни было не обязательно, а жить будут в достатке и комфорте — они вскоре перестанут размножаться и начнут вымирать. В свою очередь. Погрязнув во всех пороках вытесненных развратных христиан — и придав тем порокам еще больший размах. Реформация и явление нового жесткого религиозного учения — это уже следующий этап. Если до него удастся дожить. Так уже было в Древнем Риме, так уже было в знаменитом мышинном рае «Вселенная-25», так будет и впредь — потому что природа такова.

Вот таков чудный новый мир, в который Запад благородно движется по пути политкорректности и евроценностей. Нравится? Здесь еще не упомянуты стычки плебса, приливы массовой резни и налеты варваров на очаги процветания элит. Бунты, революции, пропаганда классовой и расовой ненависти. Пока пар не выйдет, большинство не вымрет естественным путем, человечество не уменьшится в разы и вообще изменит свои жизненные ориентации.

Так что не волнуйтесь — перенаселенности планеты не будет.

Но это уже тема отдельной книги — с обоснованием на всех уровнях: биологическом, психологическом, социальном, политическом, а главное — на уровнях эволюционном и энергетическом.

...Вот таково наше будущее в мире глобализма, политкорректности и европейских ценностей. Это не страшилка, не тешьтесь неверием и надеждами. Погибли все цивилизации, существовавшие до сих пор на Земле — а были среди них могучие и просвещенные. И рассеивались знания, и терялись следы, и непостижимо нам строительство пирамид. А вы что, каналы, собрались жить вечно? Смерть — закон Вселенной, необходимый элемент Бытия как эволюции.

Таки неужели никто не слышал о благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад? Ах, ну кто бы мог подумать...

И влюбленный в авиацию как в прорыв в будущее Говард Хьюз — красавец и фанатик прогресса Леонардо ди Каприо — создав и подняв в воздух машину небывалого размера и мощи — прячется в грязном умывальнике, преследуемый фигурами в черном, и не может отмыть руки от всех опасностей этого мира.

Смотри куда идешь, урод, и думай к чему зовешь. И не презирай тех, кто четырьмя конечностями упирается против твоего будущего, цепляясь за прошлое.

22 июня 1941 — накануне еще было будущим. И 1 августа 1914 тоже когда-то было будущим. И Великая Чума была будущим. И будущим было раскулачивание, голодомор, расстрелы заложников. Еврейские погромы и

Варфоломеевская ночь, разрушение Рима и монгольское нашествие — все катастрофы мира были когда-то чьим-то будущим. И всем всегда хотелось думать, что будущее — это прекрасно, и недорогие певцы пели народам и правителям: «Завтра будет лучше, чем вчера!»...

Господи, только бы это подольше не кончалось, как сказал кровельщик, пролетая мимо седьмого этажа.

Эх и гэпнется сейчас, сказал внутренний голос.

И пара штрихов к светлому завтра

1. Человечество глупеет.

Это поглупение началось с ростом экзистенциализма после Первой мировой войны. Мудрецы мира — философы — стали менее интересоваться сущностью Мира, но более всего — страданием человеческой души. А уж от страдания не уйдешь. Бытие-Ведение сменилось Человеко-Стенанием.

Это поглупение продолжилось во второй половине XX века генеральной журналистской установкой: ничего не объяснять, но лишь транслировать информацию о событиях. Стали воспитывать много знающего дурака, принципиально не способного увязать факты в тенденцию и систему.

Дурак отказался знать много. Потому что школа гуманизировалась, оценки упразднились, все объявлялись равными и достойными уважения. Дурак стал уважать себя.

2. Отчаянная демократизация демократического общества объявила все меньшинства преимущественными группами: им все в первую очередь, начиная с уважения. Умственно нетвердые мигранты из стран Третьего мира стали как все — умственно равны. Расы, национальности и болезненные группы вызвали к внедрению адаптацию образовательных программ. Афроамериканцы просто иногда требовали отмены тестов IQ как расистских штучек. Для улучшения жизни несчастных умственно отсталых их стали помещать в нормальные классы — что очень гуманно по отношению к ним, но автоматически понижало общий уровень, куда ж денешься.

3. Демократическая школа стала выпускать большой процент неграмотных людей — из «неблагополучных» групп. А благополучные, выученные по адаптированным программам, стали удивительно малосведущими и мало что понимающими.

4. Появилось квотирование групп в учебных заведениях и на производстве: дайте процент женщин и негров прежде всего. (Что характерно: процент китайцев никого не заботит, это какое-то процветающее меньшинство.) Способности во вторую очередь — в первую дайте правильную социально-расовую принадлежность.

5. Телевидение, которое не интересуется умным меньшинством, но нацелено на большинство, стадо стало быть, внесло свою лепту в

оболванивание масс.

6. Да ведь и книжный бизнес всегда думал о прибылях тоже, и производство макулатуры развернулось с рубежом XX века в полный рост. И то сказать: настала эпоха всеобщего школьного образования — читать все выучились! А думать всех не научишь.

7. Техника стала облегчать не только физический труд, но и умственный. Калькуляторы отучили людей считать: кассирша в США сегодня прибавляет два к трем, тыча в кнопки. Да ладно кассир — зачем ученикам считать, если есть компьютер?

Зачем знать грамматику, если встроен редактор?

Чего ради знать историю, если в Википедии все найдешь?

Зачем нормальному человеку астрономия?

Что мне даст знание о Древнем Риме? А гладиаторы в телевизоре.

Но. Не имея информации в голове — человек не способен думать, то есть вычленять из множества событий принципиальные, соотносить их друг с другом и осмысливать происходящее. Он делается наивен, как дитя, но при этом самоуверен и горд, как Луи XIV.

8. Техника служит человеку. Но чем она сложнее, чем ее больше, чем глубже она проникает во все сферы жизни — тем больше яснее обратный процесс: уже человек служит технике.

Молодежь сидит в компьютерах, изобретая новые потребности и обслуживая сонм программистов и прочих. При том, что весь объем игр, порнографии, социальных сетей с виртуальной жизнью — все это по жизни не нужно. Играя в гаджетах — пользователи работают на то, чтобы играть в них.

Нужна тысяча человек для обслуживания современного боевого самолета. Он их защищает — они ему служат. Войны нет — все равно служат. Но здесь понятен принцип — взаимосдерживание.

А теперь поднимитесь над принципом, взойдите на аэростате и с высот окиньте картину взором: мириады людей служат технике. Изобретают, строят, обслуживают, учат друг друга этим занятиям.

Техника дает людям работу, прокорм, профессии, смысл жизни. И ни хрена этот бомбардировщик для водородной бомбы не служит людям. Они ему служат!

Люди, которые служат Молоху-заводу — образ в литературе не новый. Но сегодня это обрело значение нисколько не фигуральное, а нормальное.

Сегодняшняя компьютеризация и технизация не облегчают жизнь — они уже меняют ее качество. Человек живет в мире техники, срастается с техникой, получает новые потребности от техники, заточен на развитие и

совершенствование техники. Причем. Счастливее это его не делает. Счастье это вообще отдельная материя.

9. Искусственный интеллект, уже вытеснивший человека из арифметики, вытесняет его из всех сфер.

Сначала — отпала надобность в силе и скорости: есть машина.

Автопилот убрал надобность сидеть много часов за штурвалом, ведя самолет по маршруту.

Спутниковая навигация ликвидировала сложнейшую и ответственную работу штурмана.

Ну, и так далее. Ты беспомощен в автоматическом стальном ящике лифта, поезда, в цилиндре самолета. Беспомощен без телефона, компьютера, телевизора. Электричества и водопровода. Магазинов, фабрик и железных дорог.

Люди-муравьи создали огромную сложную цивилизацию — и теперь полностью зависят от нее. Она их кормит и обеспечивает. А они пашут на нее.

При этом! Ее значение все больше! А ее зависимость от человека все меньше! Ее самообеспечение растет. Машины все больше обеспечивают функционирование других машин. А также безопасность, комфорт и процветание людей.

Человек без машинной цивилизации решительно не может. Его зависимость растет. А цивилизация без него может все больше.

Вам тенденция ясна?

Тенденция такова, что машинная цивилизация стремится к самообеспечению. А человек стремится ко все большей от нее зависимости.

Слово «перспектива» вам известно? Вот в нее и посмотрите. Видишь, что в перспективе? Тебя там нет. Техническая цивилизация раньше или позже просто обойдется без тебя.

10. Построить здание — великая наука. В нем должно быть тепло зимой и прохладно летом. Необходима надежная теплоизоляция. Необходима естественная вентиляция — чтоб в жару прохладный воздух проходил через помещение. Окна должны выходить куда надо: северянам на южную сторону, а в пустыне на север, причем во двор. И дышаться должно в доме легко, чтоб не пересыхал и не плесневел. Да чтоб не развалился!.. Много всего.

Но техника развивается! И вот ставим бетонную коробку любой формы на каркасе любой прочности, делаем окна любого размера — и втыкаем батареи для тепла и кондиционеры против жары. Да, дышится в

таком доме плохо. Зато прогресс.

Но! Искусство домостроение теряется на глазах!

11. Простой пример регресса прогресса. Уж примите оборотик. Раньше, до эпохи чудес, окна в автобусах открывались. И в поездах тоже. Жарко, душно — открыл, впустил свежий ветерок, Да нет проблем. В домах же были форточки.

Теперь. Двойные стеклопакеты. Герметичность. А прохладу должен обеспечить кондиционер. Все непросто! Хрен он тебе должен, фиг он тебе обеспечит. Теперь едешь в духоте. Зачем?!

Простое и разумное поменяли на сложное и плохо работающее. Это мелочь... Это — не мелочь! Это — принципиальное направление вашего прогресса.

Принцип здесь такой. Смотреть внимательно надо. Все делается по линии научно-технического усложнения. При этом реальные потребности человека обслуживаются по остаточному принципу. То есть. Первое — усложнить, с применением все большего объема научно-технических достижений. Второе — вот чтобы на этом направлении человек и удовлетворил что ему надо.

12. В роботизации заводов сегодня никто уже не сомневается. Роботизация сельского хозяйства — на той же линии развития. Диспетчеры, водители, все они — заменятся техникой, как уличные регулировщики давно заменены светофорами.

Большинство людей через полвека будут для производства на фиг не нужны.

13. Теперь — подошли к интересному. Если уже есть искусственные суставы, протезы конечностей, сердечные клапаны, искусственные почка, сердце, легкие, — это ничего, что они такие громоздкие, первые ЭВМ тоже занимали всю комнату, а были куда слабее айфона. То. Киборгизация человечества неизбежна и естественна. Органика и неорганика будут все плотнее совмещаться в одном организме.

14. А искусственный интеллект. Когда глобальная сеть компьютеров способна работать на одну задачу. Оставит человеческий далеко позади. Это вопрос времени — но не вопрос принципа. И ведь тоже не новая мысль, да?..

15. А вот когда механизмы, обладающие интеллектом, начнут самовоспроизводиться и самосовершенствоваться. Размножаться, захватывать необходимые ресурсы и осваивать пространства. И Вселенская Эволюция выйдет на новый уровень и воткнет следующую скорость.

Вот тогда будет да.

Войны машин с людьми не будет. Это — для кинофантастики. А зачем? Пусть себе люди живут, кушают, развлекаются, размножаются посылно. От них польза может быть. Не бог вещь какие совершенные создания, но тоже что-то могут придумать и сделать. Кроме того, в их телах есть очень полезные органы, их выгоднее использовать, чем воспроизводить искусственно.

16. А кстати — такой глобальный искусственный интеллект конкретно и практически не допустит ядерной войны. Не будет ее, не будет, успокойтесь. Ему не надо, а на нас плевать.

17. Тогда уже до многих дойдет, что мы — не просто порождение и часть Вселенной, но и работаем объективно на единый Вселенский процесс. На энергоэволюцию Вселенной работаем.

18. И вот человечество разделилось на большинство — глупую толпу иждивенцев, и меньшинство — умную группу сотрудничества с машинами. Глупое большинство вымрет само собой по причине социальной и природной не востребованности, исторической бесперспективности; оно уже выработало свой системный ресурс. Размножаться перестанет, наркотой и всеми видами эскейпизма себя выморит.

А меньшинство сольется с новой машинной Сверхцивилизацией. Которой не нужны границы, государства, народы и прочая дребедень.

19. В канун Великой Катастрофы не стоит воспевать будущее, стремиться к нему и упрекать консерваторов.

Наше будущее мало кому нравится. Так и умирать неохота, и конечность Земли и Вселенной как-то мало настраивают на оптимистический лад. Не все коту творог, пора и мордой об порог.

И вот тогда — всего-то лет через тридцать! — разрешится загадка 2045. Глобальный Искусственный Интеллект будет способен в краткие моменты времени продуцировать едва ли не любое количество информации в заданной сфере. Логарифмическая экспонента роста информации встанет в прямую линию. Сингулярность передает вам привет.

Р. С. Да, так я хотел просто сказать, что человечество будет сокращаться и глупеть, расслоится на паразитический плебс и интеллектуально-энергичную аристократию, превратится в обслуживающий примашинный класс и перейдет к собственной киборгизации в мире, где рулит Искусственный Интеллект и механизмы все активнее преобразуют энергоматериальное пространство.

Помашите хвостиком Золотому Веку!

Не верите? О том и речь. Конечно не нравится...

Кто там хмыкнул первый: «Если хотите, чтоб вам не поверили,

скажите правду»?

Даже если все держатся одного мнения, все могут ошибаться.

Бертран Рассел

Учитывая глупость большинства людей, широко распространенная точка зрения будет скорее глупа, чем разумна.

Бертран Рассел

Во времена всеобщей лжи говорить правду — это экстремизм.

Джордж Оруэлл

Правду мы часто видим, но редко слышим — в чистом виде почти никогда, особенно когда она идет издалека: в ней тогда есть примесь пристрастий, через которые она прошла.

Бальтасар Грациан

Правдивость не порок.

Жан-Батист Мольер

Отречение

Поганые левацкие шарлатаны, невежественные фанатичные лжецы, клеймящие людей синонимами дерьма собственного изобретения со всеми «-измами» и «-фобиями». Они ультимативно требуют подчинения своей власти и своим принципам.

Они не просто ненавидят правду — они жаждут ее уничтожения. Потому что иначе она уничтожит смысл их жизни. Их судьбы и карьеры под угрозой.

Их ненависть нетерпима и агрессивна. Они не согласны ни на какие компромиссы. Правда должна быть уничтожена, изуродована, согнута и превращена в запуганную и подобоострастную служанку их лжи. И открывать рот только по приказанию.

Они хотят, чтобы я отрекся. Отрекся от Ромео и Джульетты и от Тристана и Изольды. Потому что гомосексуалисты ничуть не хуже и во всем им равны. Чтобы я отрекся от Библии и Бога, потому что Господь велел жить мужчине и женщине семейной парой и рожать детей; потому что Он испепелил Содом и Гоморру; потому что он карал грешников и преступников.

Они угрожают, чтобы я отрекся от представления о биологическом и гражданском неравенстве мужской задницы и женского лона.

Они хотят, чтобы я отрекся от поколений предков, которые сражались за свою землю и свой народ, убивая врагов, чтобы не быть убитыми самим. Чтобы я отрекся от тех, кто открывал новые земли и нес цивилизацию дикарям — именно так: темным, жестоким и нищим дикарям, населявшим пустыни и джунгли планеты еще пару веков назад.

Они хотят, чтобы я отрекся от своего права владеть своей землей и своей страной, позволяя приехавшим издалека за комфортной жизнью чужим людям жить за мой счет и предъявлять мне свои права на мои деньги, мои дома и мои законы.

Они хотят, чтобы я отрекся от культуры своего народа и от истории моей страны. Отрекся от крови поколений предков, пролитых за эту землю. От пота, пролитого в нее. От костей моих прадедов, удобривших ее.

Они требуют, чтобы я отрекся от создателей и творцов нашей великой цивилизации и признал их расистами, сексистами, фашистами и прочими порождениями больного ума. Они убеждены, что я должен отречься от суровых и эффективных обычаев предшествующих поколений, которыми и

была создана наша культура.

Они хотят, чтобы я отрекся от морали и признал равноправие разврата и целомудрия. Чтобы я отрекся от трудолюбия и считал труженика и паразита равными во всех правах. Чтобы я отрекся от семьи и считал ее ничем не выше свального греха. Чтобы я отрекся от родины и патриотизма и считал домом то временное место, где можно получать больше денег.

Они хотят, чтобы я отрекся от своих убеждений и публично исповедовал то, что они объявили правильным и обязательным для всех. Чтобы я отрекся от свободы слова и согласился, что свобода слова дана только тем, кто думает согласно с ними.

Они хотят, чтобы я отрекся от чувства собственного достоинства и глотал их оскорбления молча. Чтобы я отрекся от честности и склонился перед их ложью.

Они злобно требуют, чтобы я отрекся от ума и образования и признал власть и правоту их глупости и невежества. Чтобы я отрекся от собственного мнения и повторял за ними со всеми вместе.

А вот им всем! Вы меня поняли — что.

Заключение

Когда я начинал писать эту статью, эссе, превратившееся в книгу — я что-то даже не представлял себе, сколько в мире лжи — но главное — сколько ненависти к правде, сколько неприятия правды, непризнания, попыток не заметить, замолчать, закрасить, завесить, согласиться с чем угодно, только не с правдой.

Вообще правда и ложь как понятия — та самая диалектическая пара, обе части которой взаимообусловлены и существуют только в единстве своих противоположностей. Но страшно хочется иногда стать наместником Господа Бога по мелким частностям и запретить ложь, запретить отрицать правду. Это, конечно, эмоции...

Предмет веритофобии — конфликт между сохраняемой ложью и отвергаемой правдой.

Это конфликт между:

- старым и новым
- привычным и непривычным
- желаемым и нежелаемым
- комфортным и дискомфортным
- хорошим и плохим
- полезным и вредным
- своим и чужим
- субъективным и объективным
- понятным и непонятным
- поощряемым и порицаемым
- моральным и аморальным
- успокоительным и беспокоящим
- укрепляющим картину мира и нарушающим ее.

Трудность восприятия правды и причина ее отрицания — не в недостатке аргументов. Конкретная правда может обладать абсолютной объясняющей силой, и все равно быть гонимой. А ложь может всех устраивать.

Но надо же что-то делать! — как сказал в отчаянии Крокодил Гена, дав в ухо Чебурашке и глядя вслед уходящему поезду.

Несколько простых вопросов читателю о неразделенной любви к себе и к правде

Что тебе дороже — вот только искренне: большая человеческая правда или большой жизненный успех? За что ты готов сражаться?

Добиваясь любви, все часто врут, заботясь не о правде, а о наилучшем впечатлении от себя. Макияж, мода и геройские байки искажают суть голого продукта. Молчаливый нудист — образец правдивости?

Вы уверены, что хотите знать всю правду о себе — включая искреннее мнение врагов, будущую судьбу и день смерти?

И вся правда о вас, как ее видят ваши любимые и близкие, вас сильно обрадует?

Кому ты согласишься скорее — умному врагу или глупому другу? Да? Ты уверен?

Какое оружие сильнее, эффективнее, всегда может соответствовать цели — правда или ложь?

Когда народ говорит всю правду в лицо власти, а власть — в лицо народу: происходит скорее братание или революция?

Когда от правды будет вред, а от лжи польза — что ты предпочтешь? Да? И что — мир устроится к лучшему?

Если ты не можешь отличить правду от лжи — какая тебе разница?

Счастье, справедливость, любовь — важнее всего: разве может правда им мешать? А ложь помогать? Где счастье — там и правда? Или где правда — там и горе?
